

ISSN 2223-2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№6 2021 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

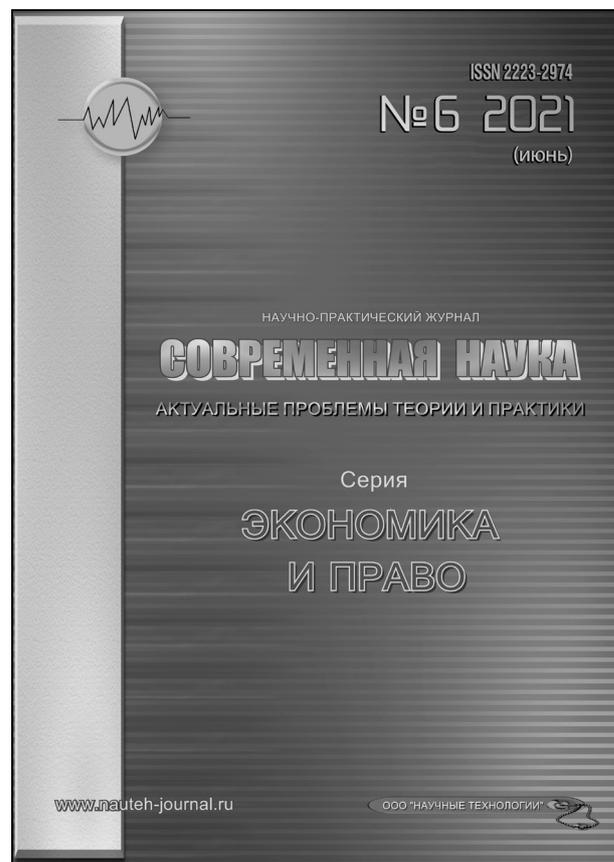
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

**ЭКОНОМИКА,
ПРАВО**

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 20.06.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Внуковский Н.И., Колышев А.С. — Цифровая трансформация организаций в современных российских условиях
Vnukovsky N., Kolyshev A. — Digital transformation of organizations in modern Russian conditions. 6

Высоков Д.А. — Регулирование потребительского микрофинансирования в России и опыт развивающихся стран
Vysokov D. — Regulation of consumer microfinance in Russia and the experience of developing countries . . . 9

Догучаева С.М. — Интеллектуальные компоненты автоматизации в цифровом сегменте современной экономики
Doguchayeva S. — Intelligent automation components in the digital segment of the modern economy 16

Догучаева С.М. — Экспертные исследования экономической деятельности компаний в условиях применения современных технологий
Doguchayeva S. — Expert studies of the economic activity of companies in the context of the use of modern technologies 20

Кулиев Р.А. — Новые направления развития местного самоуправления: интегрирование региональной, федеральной и местной власти
Kuliyev R. — New directions of local self-government development: integration of regional, federal and local authorities. 24

Лебедев Н.А. — Инновационное развитие как фактор стимулирования экономического роста: государственное регулирование в условиях турбулентности внешних воздействий
Lebedev N. — Innovative development as an incentive factor economic growth: state regulation in the conditions of turbulence of external influences 28

Лебедев Н.А., Зубкова С.В. — Приоритетные направления инновационной модернизации как основа устойчивости российской экономики
Lebedev N., Zubkova S. — Priority directions of innovative modernization as a basis for the sustainability of the Russian economy 33

Рябова И.С. — Применение методов и инструментов финансового регулирования на современном этапе экономического развития Российской Федерации и зарубежных стран
Ryabova I. — Methods and instruments of financial regulation in Russian Federation and foreign countries. 38

Соколов Д.В., Александров М.В. — Специфичность отношений частной собственности в России
Sokolov D., Alexandrov M. — Specificity of private property relations in Russia 44

Соколова Е.Ю. — Анализ перспектив влияния кредитования населения на конечный спрос
Sokolova E. — About some aspects of digital currencies issue 47

Хашукаев С.Ф. — Вертикально интегрированные нефтяные компании России: сущность, история, современность, перспективы
Khashukaev S. — Vertically integrated oil companies of Russia: essence, history, modernity, prospects 53

Щербаков В.Н., Дубровский А.В. — Социально-экономическое положение субъектов Центрального федерального округа в контексте конкурентных позиций
Scherbakov V., Dubrovsky A. — Socio-economic situation of the subjects of the Central Federal District in the context of competitive positions. 58

Право

Алфимова А.С. — Тождество иска о привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве и гражданского иска о возмещении вреда в уголовном деле
Alfimova A. — Identity of a claim for subsidiary liability in a bankruptcy case and a civil claim for damages in a criminal case. 65

- Баринов А.В., Кузнецова Н.В., Рябова О.А.** — Особенности наследования обязанностей по кредитному договору
Barinov A., Kuznetsova N., Ryabova O. — Features of inheritance of obligations under the loan agreement71
- Бокова Н.В.** — Социально-психологический тренинг как метод психопрофилактической работы с несовершеннолетними осужденными, совершившими преступление группового характера и состоящими на учете в УИИ
Vokova N. — Socio-psychological training as a method of psychoprophylactic work with juvenile convicts who have committed a group crime and are registered in the Criminal Investigation Department 76
- Волк-Леонович С.О.** — О становлении Российского государства в трудах Б.Н. Чичерина
Volk-Leonovich S. — On the Formation of the Russian State in the Works of B.N. Chicherin.....83
- Воронов А.М.** — Конституализация предмета административного права современной России
Voronov A. — Constitutionalization of the subject of administrative law of modern Russia88
- Гасанов Т.К.** — Дифференциация уголовной ответственности за доведение до самоубийства по Уголовному кодексу Российской Федерации
Gasanov T. — Differentiation of criminal liability for incitement to suicide under the Criminal code of the Russian Federation.....94
- Гудков А.И., Красильщиков А.В., Мищенко В.И.** — Правовые проблемы и особенности возмещения морального вреда по законодательству РФ
Gudkov A., Krasilschikov A., Mishchenko V. — Legal problems and features of recovery of moral harm under the law of the Russian Federation97
- Добровольская Ю.С., Агапов П.В.** — Актуальные проблемы предупреждения террористических преступлений, совершаемых на транспорте
Dobrovolskaya Yu., Agapov P. — Actual problems of prevention of terrorist crimes committed on transport.....101
- Дятлова А.В.** — Противодействие патентному троллингу (на примере опыта США и Китая)
Dyatlova A. — Countering patent trolling (based on the experience of the United States and China)106
- Золотовский В.А.** — Сущность и функции реестровой деятельности в туризме в условиях цифровой экономики: экономико-правовой аспект
Zolotovskiy V. — The essence and functions of tourism register activity in the digital economy: economic and legal aspect.....111
- Карягина Е.Н.** — Основания наступления гражданско-правовой ответственности за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий
Karyagina E. — Grounds for offensive of civil legal liability for violations of patient's rights in relationship on providing medical care using telemedical technologies.....121
- Козловский М.С.** — Требования, обеспеченные ипотекой объекта недвижимости, строительство которого не завершено, как часть ипотечного покрытия ипотечных облигаций
Kozlovskiy M. — Claims secured by a mortgage on an uncompleted property as part of the mortgage coverage of mortgage bonds128
- Конотопова Е.А., Кирилин А.В.** — Анализ и проблематика сделок «слияния и поглощения» в Российской практике и их правового обоснования, в частности, в секторе производства нематериальных активов
Konotopova E., Kirilin A. — Analysis and problems of mergers and acquisitions in Russian practice and their legal justification, in particular, in the sector of production of intangible assets134
- Кудрявцев И.В.** — Принудительное изъятие имущества: теоретико-правовой аспект
Kudrjavec I. — Forced seizure of property: theoretical and legal aspect.....139
- Линейцев Е.А.** — Программы для ЭВМ как результат интеллектуальной деятельности, их специфика и проблематика
Lineitsev E. — Computer programs as a result of intellectual activity, their specifics and problems ...143

Лучинин И.И. — Доктрина «чистых рук» в инвестиционном арбитраже: проблемы и перспективы <i>Luchinin I.</i> — The “clean hands” doctrine in investment arbitration: problems and prospects146	Чувахин П.И. — Теоретико-правовая характеристика международной охраны авторских и смежных прав <i>Chuvakhin P.</i> — Theoretical and legal characteristics of the international protection of copyrights and related rights166
Матвеева Т.П., Кузнецова Н.А., Романова Л.А. — Трудовая занятость населения в период пандемии <i>Matveeva T., Kuznetsova N., Romanova L.</i> — Employment of the population during the pandemic .. 149	Шайдуллина В.К. — Мировой опыт стран кредитования малого и среднего бизнеса <i>Shaydullina V.</i> — World experience of countries lending to small and medium-sized businesses177
Машин А.А. — Проблемы правового статуса участников строительства как лиц участвующих в деле о банкротстве застройщика <i>Mashin A.</i> — Problems of the legal status of construction participants as persons participating in the bankruptcy case of the developer152	Шайдуллина В.К. — Заранее выраженное согласие на исполнение обязательства в электронной торговле <i>Shaydullina V.</i> — Consent in advance to fulfill an obligation in electronic commerce184
Соколова С.М. — Инструменты корпоративного управления, позволяющие осуществлять контроль участия корпорации в юридических лицах <i>Sokolova S.</i> — Corporate governance tools that allow you to control the corporation’s participation in legal entities.156	Ямбаев А.А. — О некоторых вопросах, связанных с рассмотрением экономических споров Международным коммерческим судом при Верховном народном суде китайской народной республики <i>Iambaev A.</i> — On some issues, related to the economic disputes Considering by the China International Commercial Court189
Черенкова М.Г. — Развитие отечественного уголовного законодательства о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи в дореволюционный период <i>Cherenkova M.</i> — Development of domestic criminal legislation on crimes related to the improper provision of medical care in the pre-revolutionary period161	Информация Наши авторы. Our Authors195
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале197

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

DIGITAL TRANSFORMATION OF ORGANIZATIONS IN MODERN RUSSIAN CONDITIONS

*N. Vnukovsky
A. Kolyshv*

Summary. The article deals with the popular issues of digitalization that underlie the business processes of enterprises and corporations. The most significant problems of digital transformation of companies in Russian conditions are emphasized.

Keywords: digitalization, digital transformation, personnel policy, digital competencies, digital economy, innovative business modeling, startup studios, educational environment.

Внуковский Николай Иванович

*Д.э.н., профессор, Уральский государственный
Университет путей сообщений, г. Екатеринбург
vnukovsk@ya.ru*

Колышев Андрей Сергеевич

*К.э.н., старший преподаватель, Уральский
государственный Университет путей сообщений,
г. Екатеринбург
ASKolyishev@bk.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены востребованные вопросы цифровизации, которые лежат в основе бизнес-процессов деятельности предприятий и корпораций. Акцентированы наиболее существенные проблемы цифровой трансформации компаний в российских условиях.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, кадровая политика, цифровые компетенции, цифровая экономика, инновационное бизнес-моделирование, стартап-студии, образовательная среда.

В современных условиях, связанных с пандемией, с понижением уровня жизни народа и снижением темпов роста экономики страны, произошли существенные изменения в развитии человеческих отношений. Например, резкий скачок развития и распространения информационных технологий привело к интенсивному развитию и внедрению цифровых технологий во всех сферах человеческой деятельности. На предприятиях и в отношениях между людьми возникают новые отношения на базе совершенствования бизнес-процессов и операций на основе цифровой трансформации путем применения современных технологий для повышения конкурентоспособности предприятий, как гибкое реагирование предприятий на внешнее изменение.

Таковыми изменениями на платформе цифровизации являются резкое увеличение социальных сетей, широкий доступ к интернету, всеобщая компьютеризация и развитие искусственного интеллекта. Путем цифровизации создаются новые продукты, но уже в цифровом виде, такими продуктами могут быть интерактивные информационные системы для создания какого-либо документа, проекта или в образовательной деятельности — разработка презентационного динамического специального курса обучения и проведения актуальных, востребованных вебинаров для слушателей, персонала. Цифровая трансформация позволяет масштабировать цифровые продукты, в частности, тиражировать разработанные учебные интерактивные курсы

до любого масштаба, при этом затраты сокращаются значительно за счет снижения цены и доступности дружественного цифрового интерфейса. Цифровая трансформация позволяет автоматизировать отдельные бизнес-операции, например, проведение тестирования слушателей для учебного курса [1, 2].

Цифровая трансформация позволяет собирать необходимые данные для принятия управленческих решений в on-line режиме. Цифровая трансформация широко используется с использованием интернет вещей, когда многие бытовые приборы позволяют вести удаленное управление за объектами. Также цифровизация позволяет добавлять к объектам реального мира виртуальные объекты. На базе смартфонов и интернета развивается инструментарий геопозиционирования для нахождения и определения необходимых объектов.

На рынке создаются экосистемы, в которых работают сервисы на основе искусственного интеллекта, в них заложены элементы систем знаний, алгоритмы поиска оптимальных и правильных решений в неопределенных ситуациях, например, в постановке врачебных диагнозов сложных заболеваний. В этом случае разрабатываются сложные интеллектуальные системы на базе искусственного интеллекта. За счет искусственного интеллекта многие специальности могут быть замещены, робототехника придет в реальную жизнь, что уменьшит количество ошибок и время их исполнения [3, 5].

Следует отметить, что в цифровой трансформации важен совокупный синергетический эффект за счет взаимодействия различных цифровых технологий на существующие бизнес-процессы, и как результат, в компании происходят постоянные изменения различных операций, процессов, и даже сама социальная система также находится в постоянном качественном изменении, задавая для предприятий и всего персонала траекторию дальнейшего развития [4].

Цифровая трансформация приведет к изменениям во всех отраслях, появятся много новых предприятий и компаний. При этих изменениях возникает проблема о трансформировании больших организаций и корпораций, которые являются консервативными, бюрократическими, и стратегический уровень управления оказывает наибольшее сопротивление цифровой трансформации. Так, например, железнодорожные компании находятся на начальном этапе цифровой трансформации [3–4].

Рекомендуется таким организациям для старта цифровой трансформации создавать инновационные стартап-студии, которые будут проектировать новые бизнес-модели в профессиональной деятельности на основе цифровых технологий. Такого рода инновационные подразделения обычно создаются на базе IT-подразделений, либо рядом с ними.

Проанализируем особенности цифровой трансформации компаний в российских условиях. Существует множество кейсов из практики цифровой трансформации, но все они разработаны на опыте зарубежных предприятий, которые не всегда подходят для российского менталитета. В государственных компаниях в России внедрение цифровых технологий происходит медленными темпами и креативность цифровой трансформации проявляется в коммерческих российских компаниях среднего размера. Это предприятия в телекоммуникациях и банковском секторе. Однако они работают с определенной степенью риска, не имея возможности конкурировать с иностранными компаниями.

В то время как в компаниях и на предприятиях за рубежом существует целая экосистема стартапов, где возникают новые идеи, которые после лабораторных исследований могут стать инновационными коммерческими решениями для возникающих проблемных вопросов и в дальнейшем находят спрос на рынке. На российском рынке в основном занимаются реинжинирингом бизнес-процессов, понимая, что иначе при создавшейся конкуренции не выжить. Российские предприятия и крупные компании, корпорации еще не поняли значимости цифровой трансформации и не-

обходимости ее применения с целью повышения конкурентоспособности и ценности своего предприятия.

Уже сегодня, всем понятно, что зарождается новая цифровая экономика: цифровизация — это реальность, создаются цифровые экосистемы во многих сферах деятельности — в торговле, в банках, в авиации и т.д. Цифровизация имеет глобальные масштабы, постепенно вся наша деятельность и дома и на работе будет связана с цифровыми экосистемами, появятся технологии персонифицирования — оказание нужных предложений для своих клиентов в нужное время и в нужном месте, компании с помощью персональных настроек будут таргетировать предложения с точностью до конкретного потребителя.

Естественно, при цифровой трансформации сократится время на коммуникации, ускорятся все процессы экономической и производственной деятельности, но что будет с экономикой России, которая за последние 20 лет оказалась «замороженной» в силу многих объективных и субъективных факторов. Цифровая трансформация экономики приведет к существенным изменениям на предприятиях, в бизнесе, в отношениях между людьми, а также в управлении персоналом [5].

По этой причине именно дефицит компетентных кадров следует снизить путем обучения, переквалификации и адаптации на местах с активным использованием цифровой трансформации на предприятиях.

На современном этапе меняется понятие и смысл профессионального образования, встает вопрос о переходе к новой терминологии, отражающей существенные изменения в самом его содержании. Необходимо не просто «знать», а главное «уметь» и приобрести необходимые компетенции, чтобы уметь их применять на практике, тогда и наступают кардинальные изменения в образовательной сфере [14, 16].

В период коммерциализации образования качество образования стало резко падать по многим причинам (отношения, престиж, мотивация и т.д.). Сегодня в связи с развитием цифровой трансформации требуется реструктуризация и изменение системы образования, поскольку в бизнесе в основе лежат человеческие отношения и наибольшие успехи у персонала происходят за счет компетенций «уметь» и «владеть». В современных бизнес-моделях постоянно меняются навыки в компетенциях, что определяется требованиями к новым специальностям и профессиям.

Таким образом, важным аспектом в развитии цифровой трансформации является вопрос формирования образовательной среды цифровой экономики. В настоящий

момент, в эпоху переходного периода цифровизации, перед университетами будут стоять следующие задачи [11]:

1. Расширить нишу учебных программ, сделав упор на программы, где студенты будут осваивать знания и умения, требуемые цифровой экономикой.
2. Формировать образовательную среду, способную гибко реагировать на изменения окружающей среды и на требования цифровой трансформации в различных сферах деятельности.
3. Создать Центр подготовки кадров по кибербезопасности, Центр блокчейна и креативных индустрий на базе цифровой трансформации.

Цифровая трансформация существенно изменит способы предоставления и получения образовательных процессов, но здесь много проблем: неравенство доступа к цифровым технологиям, снижение качества образования из-за различных причин, связанных с его коммерциализацией. Тем более необходимо отметить, что современные информационно-коммуникативные технологии на основе цифровой трансформации могут применяться для повышения эффективности образовательного процесса, а также улучшения качества обучения, поскольку образование имеет ведущую роль в развитии современного общества [13, 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова К.М. Цифровая интеллектуальная экономика: понятие и особенности правового регулирования (теоретический аспект) / К.М. Беликова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2018. — № 8 (99). С. — 82–85. — <https://elibrary.ru/item.asp?id=35330055>.
2. Введение в «Цифровую» экономику/ А.В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелава, <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/07/vvedenie-v-cifrovuyu-ekonomiku-na-poroge-cifrovogo-budushhego.pdf>.
3. Внуковский Н.И. Тенденции трансформации корпораций с целью повышения их конкурентоспособности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право» № 12/2. — 2017. — С. 4–8.
4. Внуковский Н.И. Интеллектуально-организационные проблемы в развитии интеллектуальной транспортной системы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2020 — № 1. — С. 16–20.
5. Куприянов Ю. Цифровая трансформация и экспоненциальные технологии как основа для новых моделей бизнеса. Презентация. [Электронный источник] URL: <https://bi.hse.ru/data/2017/03/31/1168546830/KC28.03%20.pdf> (Дата обращения: 01.06.2020 г.).
6. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. 18.12.17. [Электронный источник] URL: <http://economy.gov.ru/tinets/press/news/2017181201> (Дата обращения: 02.06. 2020 г.).
7. Минасян Л. А., Казьмина Л.Н., Бадальянц С.В., Бородай В.А., Дудкина О.В. Монография «Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения». 2019 г.
8. Росляков А.В., Ваняшин С.В., Гребешков А.Ю., Самсонов М.Ю. Интернет вещей. Под ред. А.В. Рослякова. — Самара: ИУНЛ ПГУТИ, 2014. — 340 с.
9. Давыденко Е.А. Эволюция концепции сбалансированной системы показателей: от истоков к цифровому предприятию / Е.А. Давыденко // Российское предпринимательство. — 2018. — Том 19, № 2. — С. 457–472. — doi: 10.18334/rp.19.2.38773 <https://creativeconomy.ru/lib/38773>.
10. Дятлов, С.А. Технология блокчейн как цифровая платформа для развития институтов электронного правительства [Текст] / С.А. Дятлов, О.С. Лобанов // Инновации. — 2018. — № 9. — С. 20–28.
11. Киреев В.С. Исследование особенностей применения беспроводных технологий в электронной коммерции [Электронный ресурс] / В.С. Киреев, В.Ю. Крышкова // Теория. Практика. Инновации. — 2018. — № 4. — <http://www.tpinauka.ru/2018/04/Kireev2.pdf>.
12. Краснушкина М. Цифровое образование выводит в массы. Растить новые кадры будут технологично / М. Краснушкина // Коммерсантъ. — 2018. — 20 дек. — <https://www.kommersant.ru/doc/3835904>.
13. Осипов В.С. Политика цифровизации: необходимость защиты живого труда / В.С. Осипов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2018. — № 6. — С. 42–46. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36295484>.
14. Панкратов И.Ю. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации / И.Ю. Панкратов, Н.В. Свертилова, Е.Н. Лидэ // Государственная служба. — 2018. — № 1. — С. 38–43.
15. Развитие цифровой экономики в России. Программа до 2035 года. <http://innclub.info/wpcontent/uploads/strategy.pdf> [Электронный ресурс].
16. Тебекин А.Б. Проблемы развития высшего образования и науки в условиях формирования цифровой экономики // Журнал педагогических исследований. — 2018. — № 4 — Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/1003689>.

© Внуковский Николай Иванович (vnukovsk@ya.ru), Колышев Андрей Сергеевич (ASKolyishev@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО МИКРОФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ И ОПЫТ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

REGULATION OF CONSUMER MICROFINANCE IN RUSSIA AND THE EXPERIENCE OF DEVELOPING COUNTRIES

D. Vysokov

Summary. The article considers the issue of improving the regulation of microfinance and bank lending in Russia in order to reduce the cost of borrowed funds for consumers of financial services in the retail segment. The article analyzes the world experience in the development of microfinance in the regional context. The study found that the original social concept of microfinance is now largely replaced in the world by the commercial model, and the boundaries between microfinance and banking are blurred. At the same time, artificial barriers to competition between microfinance organizations and banks remain in Russia, which leads to an increase in the cost of loans and contributes to the development of unfair lending practices.

Keywords: microfinance, credit organizations, consumer lending.

Высоков Денис Александрович

Аспирант, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, Москва
denisvysokov@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос совершенствования регулирования микрофинансирования и банковского кредитования в России с целью снижения стоимости заемных средств для потребителей финансовых услуг в розничном сегменте. Анализируется мировой опыт развития микрофинансирования в региональном разрезе. В ходе исследования было установлено, что первоначальная социальная концепция микрофинансирования в настоящее время во многом замещена в мире коммерческой моделью, а границы между микрофинансированием и банковской деятельностью являются размытыми. При этом в России сохраняются искусственные барьеры для конкуренции между микрофинансовыми организациями и банками, что ведет к удорожанию стоимости займов и способствует развитию недобросовестных практик кредитования.

Ключевые слова: микрофинансирование, кредитные организации, потребительское кредитование.

Введение

Микрофинансирование возникло в 70-х годах XX века как инструмент борьбы с бедностью и изначально заключалось в предоставлении небольших сумм денежных средств лицам, лишённым доступа к банковским услугам. Первая микрофинансовая организация, Греммин Банк, созданный Мухаммадом Юнусом в 1976 году в Бангладеш выдавал займы деревенским общинам в сельской местности, преимущественно женщинам, с целью развития деревень и улучшения их экономического положения через создание микропредприятий. По мере развития микрофинансирования произошел отход от данных основополагающих принципов — социальной составляющей и направленности на поддержку наиболее бедных слоев населения, а также коммунальной основы — т.н. «смена миссии» [5, с. 13] микрофинансирования и его коммерциализация [6, с. 125], что ведет к стиранию границ между потребительским микрофинансированием и розничной банковской деятельностью. В России наблюдается аналогичная ситуация, однако действующий механизм предельных значений полной стоимости кредита/займа (далее — ПСК), ежеквартально устанавливаемых Банком России на основе средних значений

процентных ставок для каждой категории кредитов/займов, создает искусственные барьеры для конкуренции кредитных и микрофинансовых организаций.

Литературный обзор

Весомый вклад в развитие теоретических основ микрофинансирования в России, а также формирования его методологической базы, внесли такие авторы, как: Мамута М.В., С.В. Криворучко, М.А. Абрамова, О.С. Тенетник, И.Е. Шакер, и др.

Среди зарубежных авторов, работы которых посвящены вопросам совершенствования кредитной системы, практике микрофинансирования и обоснованию его роли в мировом масштабе, следует выделить работы таких авторов, как: Yunus M., Hulme D., Mosley P., Ghatak M., Guinnane, T. Armendariz B., Morduch J., Mossman, M., Conning, J., Bateman M., Chang H. и др.

Вместе с тем, в большинстве отечественных научных посвященных исследованию микрофинансирования в России, преобладает теоретический подход, что обуславливает необходимость дополнительных исследований в данном направлении.

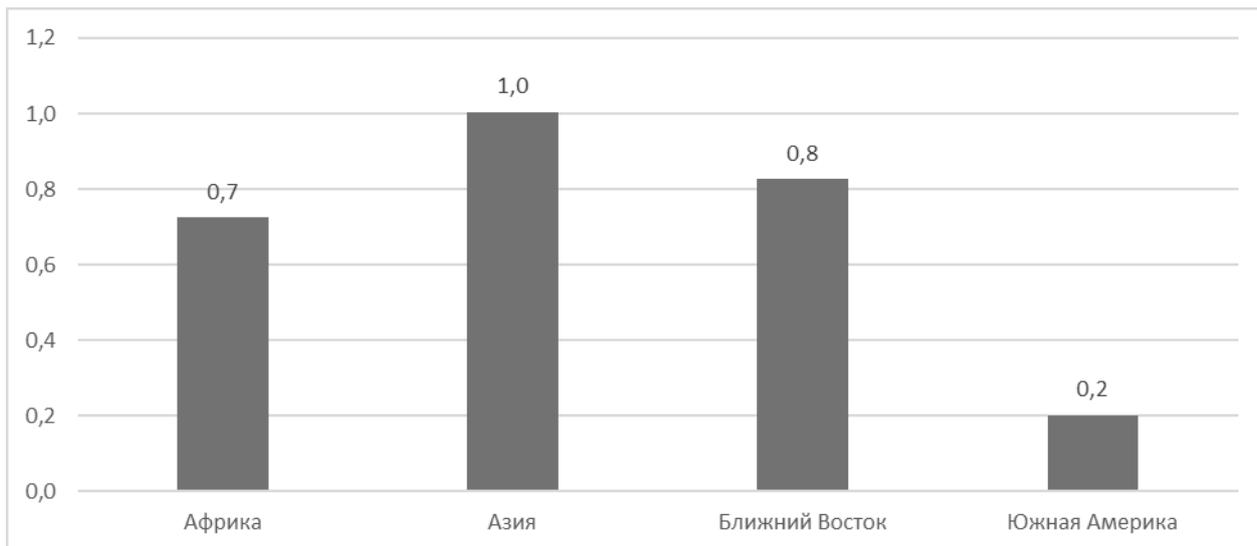

Рис. 1. Количество филиалов МФО на миллион долл. выданных микрозаймов (составлено автором по источнику [10])

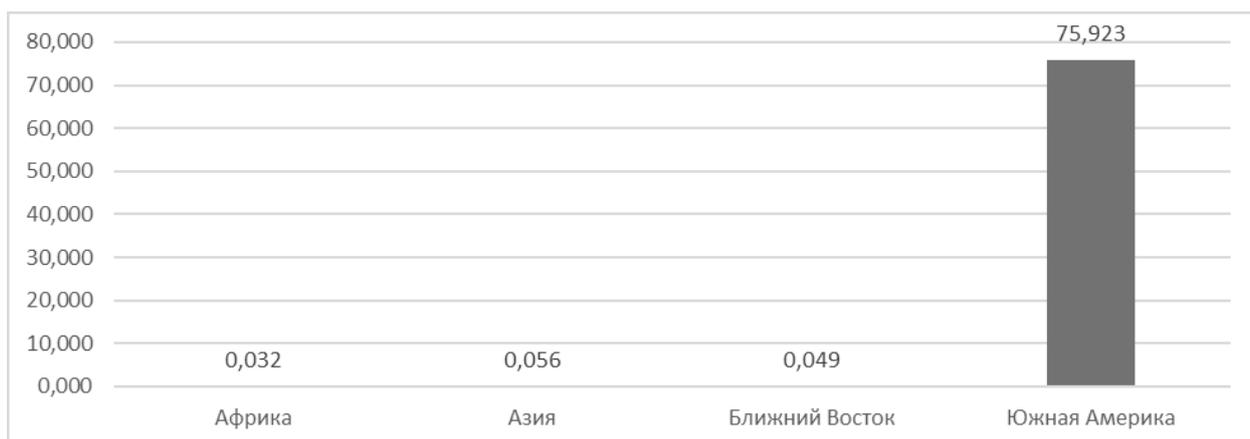

Рис. 2. Количество дополнительных офисов МФО на миллион долл. выданных микрозаймов (составлено автором по источнику [10])

Анализ развития микрофинансирования в мире: региональный разрез

Микрофинансирование в мире неоднородно и характеризуется региональными особенностями, однако единым является тренд на отход от социальных целей деятельности, что характеризуется коммерциализацией микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций (далее — МФО), изначально создававшихся как некоммерческие организации НКО, вовлечением банков в микрофинансовую деятельность [7, с. 7–8], а также укрупнением МФО и их превращением в банки [8, с. 5]. Как видно на рисунках 1 и 2, данный

процесс наиболее выражен в Южной Америке: в данном регионе микрофинансовые услуги оказываются через обширные сети малых дополнительных отделений, что схоже с деятельностью розничных банков. При этом в иных регионах микрофинансовые услуги предоставляются в незначительном числе филиалов, а МФО практически не открывают дополнительные отделения.

Помимо этого, в Южной Америке имеется наибольшее число устройств приема и выдачи денег в собственности МФО, что свидетельствует о высокой степени формализации и организованности их деятельности. (Рис. 3).

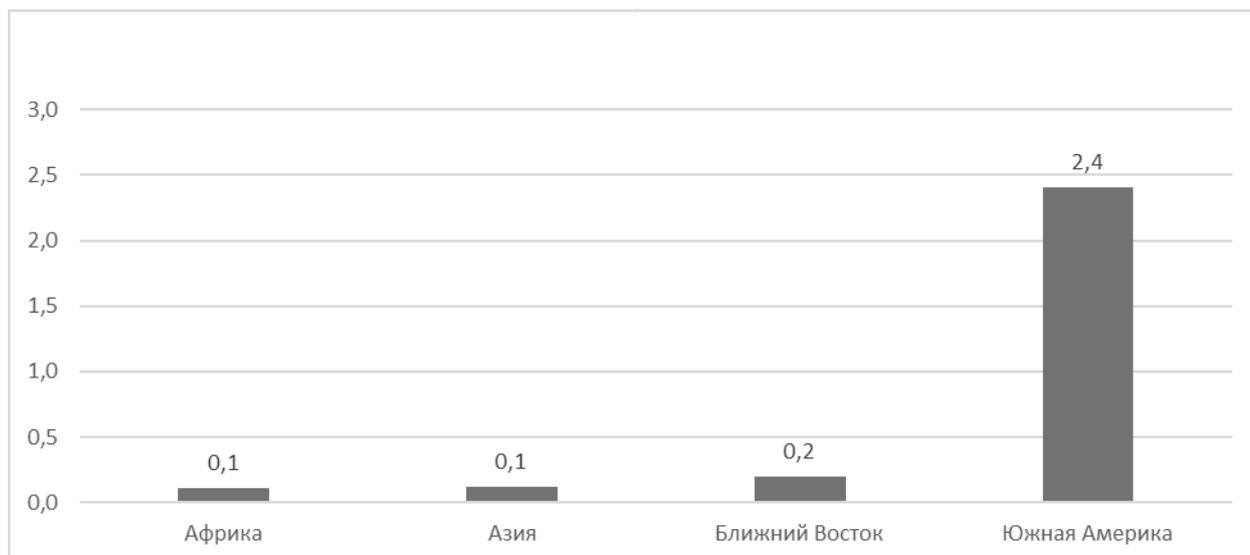

Рис. 3. Количество банкоматов МФО на миллион долл. США выданных микрозаймов (составлено автором по источнику [10])

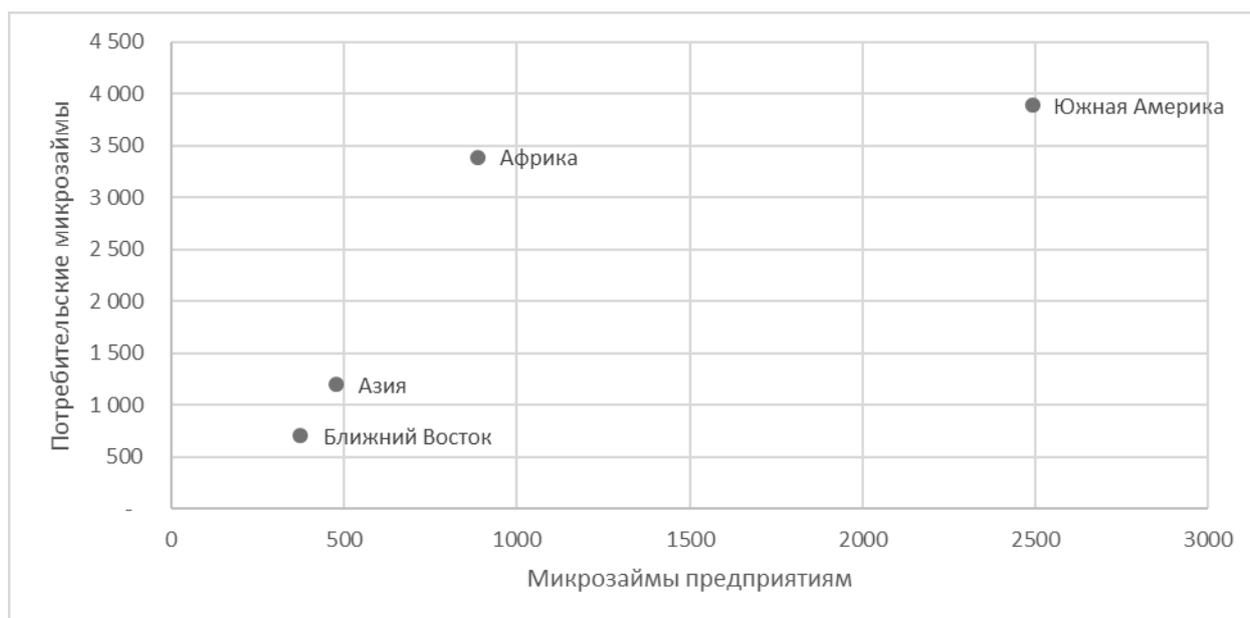

Рис. 4. Средний размер микрозайма, долл. США (составлено автором по источнику [10])

Размеры микрозаймов в Южной Америке с большим отрывом опережают иные регионы, что противоречит концепции малого размера микрозайма и также указывает на сдвиг микрофинансирования в сторону банковской деятельности, при этом не только в сфере розничного кредитования (Рис. 4).

Несмотря на то, что социальная сущность микрофинансирования при этом теряется, увеличение среднего размера займов свидетельствует о том, что процесс

сближения МФО и банков, как и коммерциализации микрофинансирования, способствует повышению объемов заемных ресурсов, доступных клиентам МФО, и является естественным следствием развития микрофинансовой деятельности. Вместе с тем теряется еще одна присущая микрофинансированию черта — воспроизводственная направленность. На рисунке 5 видно, что доля микрозаймов, выданных в Латинской Америке предприятиям, ниже, чем в Азии или на ближнем востоке, при этом финансируются уже существующие

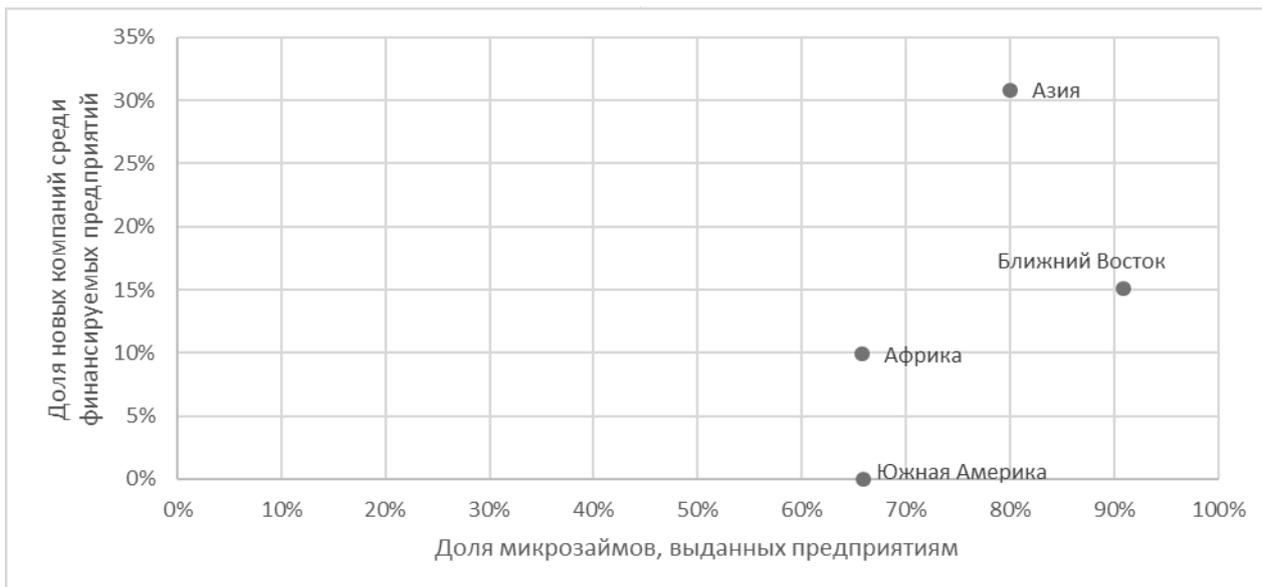

Рис. 5. Доля микрозаймов, выданных предприятиям, и доля новых компаний среди финансируемых предприятий (составлено автором по источнику [10])

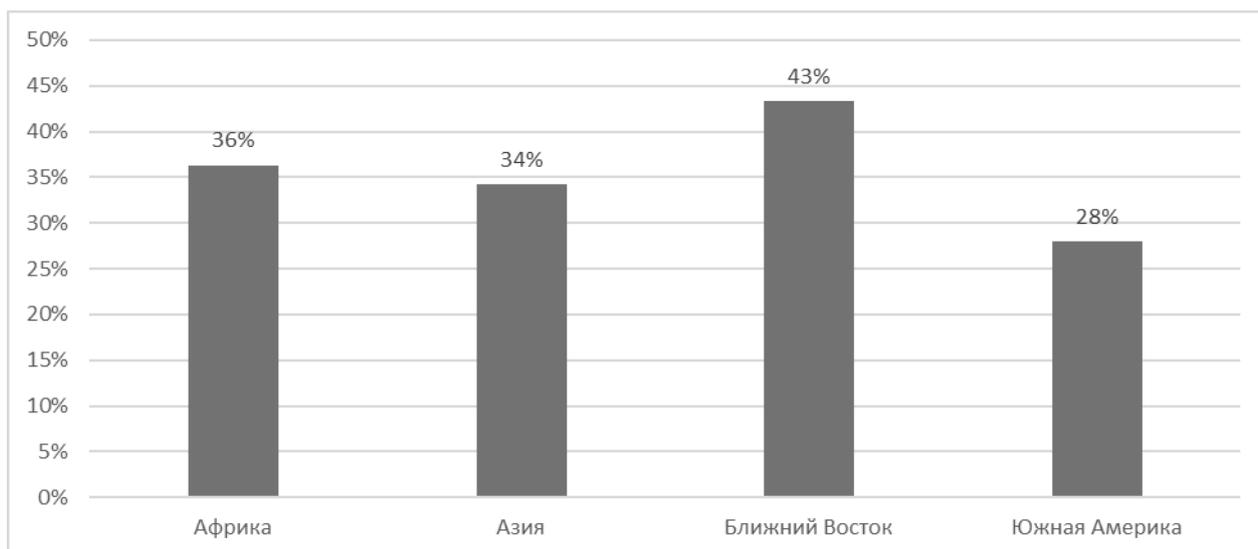

Рис. 6. Доля заемщиков МФО ниже уровня бедности (составлено автором по источнику [10])

предприятия, а не более рискованные — еще одна черта, сближающая микрофинансовую и банковскую деятельность в Южной Америке.

Высокая доля воспроизводственного микрофинансирования сохраняется на родине микрофинансирования, в Азии, а также на ближнем Востоке (в связи с религиозными запретами на потребительское кредитование). По данным показателям Африка занимает промежуточное положение между Азией и Южной Америке.

Меньший интерес латиноамериканские МФО проявляют и к слоям населения, которые исключены из банковской системы — как видно на рисунке 6, в Южной Америке наблюдается наименьшая доля бедных среди клиентов МФО.

Здесь также проявляется отход от концепции предоставления работ тем субъектам экономической деятельности, которые исключены из финансовой системы, включая по причине высокого риска невозврата займов. При этом высокий уровень бедности клиентов,

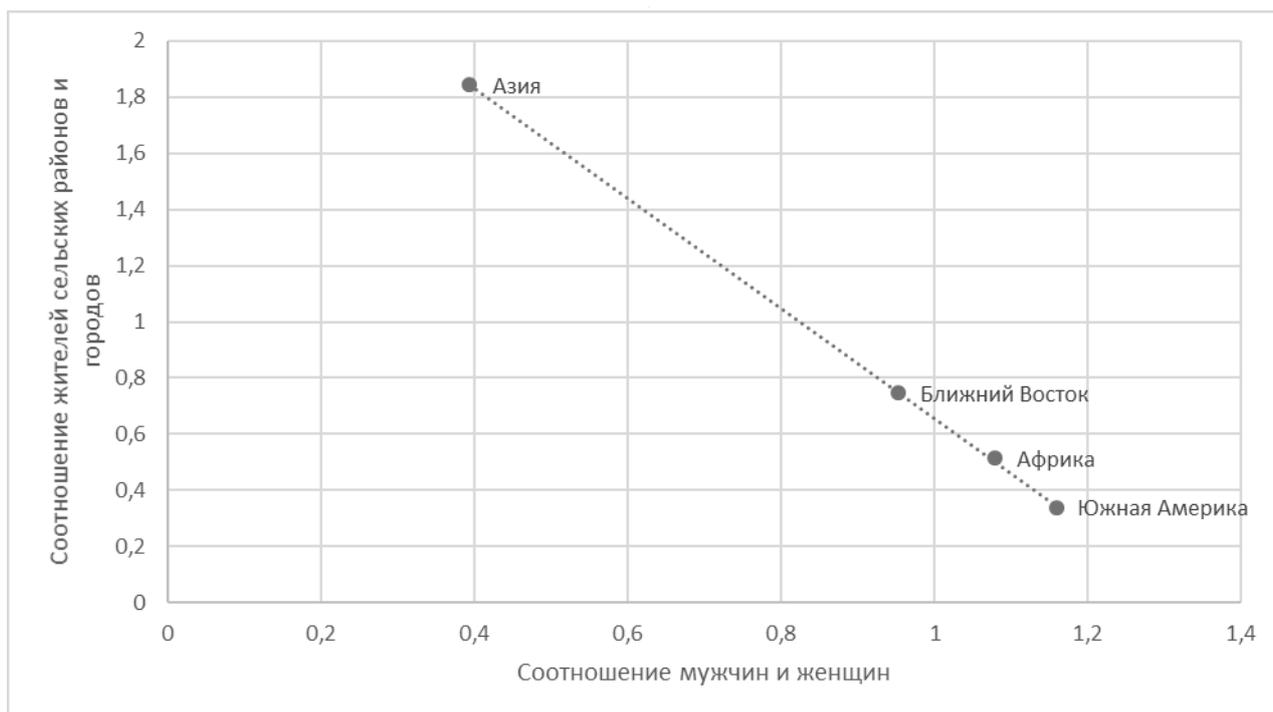

Рис. 7. Соотношение мужчин и женщин и соотношение жителей сельских районов и городов среди клиентов МФО (составлено автором по источнику [10])

как наблюдается в Африке, совместно с низким уровнем развития финансовой инфраструктуры (в Африке свыше 90% клиентов МФО обслуживаются через агентские сети, выступающие посредниками при переводе денежных средств, что значительно превышает показатели иных регионов [9]), на текущем этапе сдерживает процесс сближения МФО и банков и их переориентации на более платежеспособных клиентов.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в отношении половой и территориальной структуры заемщиков (Рис. 7).

МФО по мере расширения и укрупнения предпочитают выдавать микрозаймы более обеспеченным и платежеспособным слоям населения — городским жителям и мужчинам. При этом общим для всех рассматриваемых регионов является то, что доли сельских жителей и женщин среди заемщиков взаимосвязаны и отражают переход МФО в более массовый сегмент рынка кредитования. Это свидетельствует о закономерности данного процесса. В целом, такая трансформация микрофинансирования из социально-направленного в деятельность, по своей сути приближенную к банкам, связано как с увеличением финансовой доступности, так и со совершенствованием каналов обслуживания, что позволяет банкам предоставлять микрофинансовые услуги, а МФО побуждает расширять свою деятель-

ность в поиске более выгодных клиентских сегментов. При этом естественной границей между микрофинансированием и банками становится уровень риска заемщиков, о чем свидетельствует относительно большая доля заемщиков МФО за чертой бедности, наблюдаемая во всех рассмотренных регионах.

Микрофинансирование и банковское кредитование в России: конкурентные барьеры

В России разделение микрозаймов и банковских кредитов основано на отдельных предельных значениях ПСК, которые не могут превышать рассчитанные Банком России средние значения более, чем на треть [1]. С одной стороны, это позволяет защищать заемщиков от чрезмерно высоких процентных ставок, однако они искусственно ограничивают конкуренцию банков и МФО. В России микрофинансирование в большей степени, чем в рассмотренных регионах, ориентировано на потребительский сегмент — более 80% микрозаймов выдается розничным клиентам [3]. Помимо обеспечения финансовой доступности, МФО способствуют стабильности банковской системы за счет того, что обслуживают наиболее рискованных клиентов. Однако часть находится на стыке зон риска, соответствующих бизнес-моделям банков, однако выдача им займов при их уровне риска становится нерентабельной при дей-

ствующих ограничениях ПСК. Об этом свидетельствует то, что банки используют иные способы увеличения вознаграждения за риск, навязывая клиентам дополнительные услуги: СМС-уведомления, консультативные услуги и юридическую помощь, страхование жизни, в том числе родственников и т.д. В случае отказа заемщика от заключения договора страхования банк вправе не выдавать кредит, так как договор страхования компенсирует часть его рисков. Иные услуги заключаются на формально добровольной основе, однако низкий уровень финансовой грамотности и недобросовестное поведение банков ведут к тому, что практика их навязывания становится весьма распространенной на рынке розничного кредитования — в 2019 году жалобы граждан на подобные нарушения составляли 17,4% среди обращений, поступивших в Банк России и были на третьем месте по частоте [4]. У клиентов МФО при этом аналогичные проблемы возникали значительно реже: доля жалоб на навязывание дополнительных услуг со стороны МФО составила 2% в обращениях граждан [4], что объясняется более высокими значениями ПСК — МФО при выдаче займов имеют возможность устанавливать плату за риск, соответствующую риск-профилю заемщиков.

Результатом действующего регулирования потребительского кредитования становится не предполагаемая защита заемщиков от чрезмерно высоких процентных ставок, а принуждение к обращению в МФО либо согласию на менее прозрачные схемы оплаты кредитов с приобретением дополнительных услуг тех заемщиков, которые по своему риск-профилю подходят как банкам, так и МФО.

Отмена предельных значений ПСК могла бы позволить банкам выдавать кредиты более широкому спектру заемщиков. Так как предельные значения ПСК рассчитываются исходя из средних ставок на рынке, процентные ставки даже без учета такого ограничения сдерживаются конкуренцией между кредитными организациями. Вместе с тем, действующий механизм ПСК выполняют менее явную роль по ограничению принимаемых банками рисков при розничном кредитовании населения, поэтому при отмене ограничений ПСК данную функцию могут выполнять надбавки к риск-ко-

эффициентам банков, используемым при расчете капитала, основанные на долговой нагрузке заемщиков, которая напрямую связана с кредитным риском заемщика. Также в отличие от процентных ставок, такие ограничения невозможно обойти за счет дополнительных услуг. Это позволит естественным образом распределить заемщиков исходя из их уровня кредитного риска между МФО и банками. МФО при этом будут ориентироваться исключительно на клиентов, которые банки не готовы обслуживать даже с учетом более высоких процентных ставок, что снизит стоимость заемных средств.

Данные регуляторные изменения не потребуют значительного изменения действующей нормативно-правовой базы. Их реализация возможна на основе показателя долговой нагрузки (далее — ПДН), которой был введен в 2019 году [2]. ПДН представляет собой соотношение доходов и долговой нагрузки заемщика, и при превышении уровня в 50% увеличивает надбавки к риск-коэффициентам для банков и МФО. Добавление прогрессивной шкалы ПДН позволит количественно ограничить банки при осуществлении высокорискованного кредитования, не исключая саму возможность работать в данном сегменте.

ВЫВОДЫ

Так как сближение банков и МФО является общемировой тенденцией, искусственное разделение заемщиков на клиентов банков и МФО через предельные значения ПСК препятствует естественному процессу развития и эволюции МФО как дополняющего элемента системы кредитования, вызывая дисбаланс между спросом и предложением заемных средств. Такое разделение неэффективно, так как стоимость кредита может быть повышена за счет иных дополнительных услуг, что делает процесс кредитования менее прозрачным для заемщика. Отмена данных ограничений и совершенствование действующего механизма ограничения предельной долговой нагрузки заемщиков позволит снизить стоимость заемных средств при сохранении механизма ограничения рисков, принимаемых банковским сектором при потребительском кредитовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «О потребительском кредите (займе)» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — Версия Проф, сетевая. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986/ (дата обращения: 05.05.2021)
2. Указание Банка России от 2 апреля 2019 г. № 5115-У «Об установлении экономических нормативов для микрофинансовой компании, привлекающей денежные средства физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, и (или) юридических лиц в виде займов, и микрофинансовой компании, осуществляющей выпуск и размещение облигаций» для МФО и Указание Банка России от 31.08.2018 № 4892-У «О видах активов, харак-

- теристиках видов активов, к которым устанавливаются надбавки к коэффициентам риска, и методике применения к указанным видам активов надбавок в целях расчета кредитными организациями нормативов достаточности капитала» для кредитных организаций.
3. Статистические данные к обзору ключевых показателей микрофинансовых институтов Банка России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.cbr.ru/microfinance/statistics/> (дата обращения: 04.05.2021)
 4. Отчет о работе с обращениями январь-декабрь 2020 года / Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31975/2020_4.pdf (дата обращения: 04.05.2021)
 5. Christen P., Tamara R. Commercialization and mission drift: the transformation of microfinance in Latin America (English). CGAP Occasional paper no. 5 Washington, D.C.: World Bank Group. 2001 [Online] URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/122331468265801032/commercialization-and-mission-drift-the-transformation-of-microfinance-in-latin-america> (Date of Access: 04.05.2021)
 6. Abrar A., Javid A.Y. Commercialization and Mission Drift — A Cross Country Evidence on Transformation of Microfinance Industry // International Journal of Trade, Economics and Finance, 2014 vol.5, no.1, pp. 122–125. [Online] URL: https://www.researchgate.net/publication/271519680_Commercialization_And_Mission_Drift_In_Micro_Finance_Industry (Date of Access: 04.05.2021)
 7. Hage C., G.V. Álvaro. Microfinance in Latin America — The process of Downscaling and Upgrading, 2016. [Online] URL: https://www.researchgate.net/publication/303314227_Microfinance_in_Latin_America_-_The_process_of_Downscaling_and_Upgrading (Date of Access: 04.05.2021)
 8. International Finance Corporation. Experiences of Microfinance Institutions Serving Very Small to Small Enterprises in Latin America: Based on Case Studies in LAC. Washington, DC. 2014 [Online] URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/21715> (Date of Access: 04.05.2021)
 9. World Bank: Microfinance data [Online] URL: <https://databank.worldbank.org/source/mix-market> (Date of Access: 04.05.2021)
 10. Всероссийский банк [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/source/mix-market>. — Дата доступа: 10.05.2021.

© Высоков Денис Александрович (denisvysokov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ АВТОМАТИЗАЦИИ В ЦИФРОВОМ СЕКТОРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

INTELLIGENT AUTOMATION COMPONENTS IN THE DIGITAL SEGMENT OF THE MODERN ECONOMY

S. Doguchaeva

Summary. Today, the world is rapidly entering a new technological mode, a mode associated with the digitalization of all spheres of activity, the introduction of completely new technologies, including, first of all, the digital segment of the economy. The market is constantly changing, new trends are emerging, and new products are being developed with this in mind.

Integration between the digital economy and traditional on-demand manufacturing creates new models for managing and improving networks and manufacturing, large-scale custom manufacturing, and remote intelligent service. Dictated by the new reality, new opportunities have emerged in business and the economy as a whole.

Keywords: digital economy, artificial intelligence, business systems, innovative technologies, software, information security, data analysis.

Догучаева Светлана Магомедовна

*К.ф.-м.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
sv-doguchaeva@yandex.ru*

Аннотация. Сегодня мир стремительно входит в новый технологический уклад, связанный с цифровизацией всех сфер деятельности, внедрением совершенно новых технологий, включая в первую очередь, цифровой сегмент экономики. Рынок постоянно меняется, появляются новые тенденции, и с учётом этого разрабатываются новые продукты.

Интеграция между цифровой экономикой и традиционным производством по требованию рынка создает новые модели управления и совершенствования сетей и производства, крупномасштабном производстве по индивидуальному заказу, в удаленном интеллектуальном обслуживании. Продиктованные новой реальностью, новые возможности сформировались в бизнесе и экономике в целом.

Ключевые слова: цифровая экономика, искусственный интеллект, бизнес-системы, инновационные технологии, программное обеспечение, информационная безопасность, анализ данных.

Сегодня интеллектуальные компоненты автоматизации являются основной темой в цифровизации российской экономики. Данная тема имеет потенциал для управления радикальными преобразованиями в области научных исследований, инноваций и маркетинга в целом. Интеллектуальные компоненты, которые будут рассмотрены ниже, нужны в основных сферах бизнеса, с их помощью можно оптимизировать и облегчить множество процессов и, как следствие, в развитии современного общества они играют большую роль.

Если основой монетизации и достижения положительного экономического эффекта сетей связи предыдущих поколений является население (сегмент массового конечного потребления (B2C)), то для сетей распределенных вычислений конечный массовый потребитель рассматривается в парадигме B2B2C, то есть как конечное звено B2B цепочки создания добавленной стоимости.[1]

Основным видом сервиса сетей связи нового поколения отраслевого применения, выступает сквозной сетевой слой с гибко настраиваемыми управляемыми

метриками, простирающийся через все инфраструктурные домены, необходимые для обеспечения работы индустриальных цифровых приложений, включая вычислительные.

В отличие от участников традиционной экономики, формирующих стоимость на основе расчета своих затрат плюс желаемая прибыль (cost-based pricing), участники цифровой экономики имеют возможность выстраивать свои отношения по модели outcome-based, то есть распределять конечный экономический эффект по всем, кто участвует в его создании. При этом вместо преобладающей в традиционной экономике продажи продуктов и услуг в вечную собственность потребителю, участники цифровой экономики могут применять модель «продукт-сервис». [2,4] То есть предоставлять конечным потребителям не сам продукт, а его функции как сервис с измеримым и управляемым качеством и с оплатой по результатам использования этих функций (например, не автомобиль в собственность, а автомобиль в аренду (как каршеринг), а следовательно, влиять на экономический эффект, возникающий у потребителей, использующих покупаемые продукты и услуги. Это относится как к провайдерам сетевых и вы-

числительных сервисов, так и к предприятиям не-ИКТ секторов экономики (где ИКТ-инфраструктура не является необходимым средством производства).

По мнению ведущих специалистов, сегодня в цифровом развитии экономики, искусственный интеллект помогает российским компаниям повышать прибыль быстрее, чем раньше. Компании, которые используют искусственный интеллект и другие перспективные технологии в финансовой и операционной деятельности, увеличивают ежегодную прибыль на 80% быстрее.[3]

Еще одна заметная тенденция — активное развитие сегмента SaaS (резервное копирование как услуга) на западе. На глобальном уровне эта технология показывает рост более 20% в год, причем в основном за счет заказчиков из малого и среднего бизнеса, которые хотят сэкономить на физической инфраструктуре для резервного копирования. Все больше компаний пользуются практикой резервного копирования 3–2–1, когда одна из копий обязательно дублируется в облако в асинхронном режиме.[6]

В России сегмент облачного резервного копирования растет медленнее, так как малый и средний бизнес — основной заказчик подобных сервисов — продолжает экономить на кибербезопасности, а практики финансовой оценки рисков потери данных пока не слишком распространены. Но при этом облачные провайдеры уже предлагают свои сервисы резервного копирования, и тенденция к росту уже наблюдается, но еще пока развитие сегмента идет меньшими темпами, чем в среднем по миру.

Участившиеся атаки вредоносного программного обеспечения (ПО) именно на промышленные компании подвергают угрозе сами производственные процессы, наносят огромный ущерб бизнесу — как экономический, так и репутационный. При этом в прошлом году хакеры выбрали в качестве приоритета блокировку систем — 51% атак на промышленные объекты в III квартале 2020 года составили именно шифровальщики.[5]

По оценке самих же заказчиков, час простоя может достигать сотен тысяч рублей прямых убытков. Сегодня, к примеру, российский автоконцерн, оценил час простоя в 28 автомобилей, не сошедших с конвейера. Поэтому многие компании соглашаются на выкуп, однако не все после этого действительно могут разблокировать данные. Например, промышленным компаниям необходимо учитывать особенности их инфраструктуры, характеристики бизнес-процессов и стоимость простоя различных систем. Другими словами, внедрение системы резервного копирования и аварийного восстановления выливается в отдельный проект, кото-

рый не реализовать на штатном ПО без расширенных функций.[9]

Эксперты прогнозируют, что растет интерес к подходу SASE (Secure access service edge) — организации удобного и безопасного рабочего места, помогающий создавать и обновлять рекламу, средства аналитики, способные объединить данные из любых источников, а также инструменты визуализации отчетов. Кроме того, решение позволяет обрабатывать и определять источники звонков и совершать обратные звонки.[8]

Как отметили руководители многих ведущих департаментов региональных продаж, объемы доставки на внутрисекторном рынке растут быстрее, чем на трансграничном. При этом доставка «до двери» растет в 5 раз быстрее, чем до пунктов самовывоза. Также заметным сегментом бизнеса становится розничный экспорт — он увеличивается в среднем на 20% в год. Конкуренция на рынке ритейла и логистики растет, и это накладывает дополнительные требования на всех его участников, а значит и растет спрос на услуги доставки товаров потребителям.[7]

Сегодня в России, по оценке Data Insight, в первой половине 2020 г. через пункты выдачи заказов (ПВЗ) и постаматы было получено 68% всех посылок. С мая 2019 г. по сентябрь 2020 г. суммарное количество пунктов выдачи выросло на 108%. При этом постаматов — на 134%, а ПВЗ — на 22%.

Справиться с растущим объемом доставок помогает автоматизация, 70% получателей самостоятельно управляют доставкой через личный кабинет, 13% обращаются в компанию через чат-боты, при этом за последний год число таких обращений выросло в 4 раза, 83% обращений чат-боты обрабатывают самостоятельно.[11]

Сегодня уже недостаточно сделать хорошую платформу работы с данными — надо, чтобы она отвечала постоянно меняющимся требованиям и современным тенденциям развития технологий для цифровизации экономики. И, как результат, бизнес хочет видеть все данные в целом и непосредственно работать с ними. Однако в реальности получает лишь фрагменты (либо вынужден работать только через аналитиков или программистов). Но существуют платформы, которые позволяют бизнес-руководителям непосредственно работать со всеми имеющимися данными, подключаться к их источникам независимо от «чистоты», структурированности и формы представления информации. При этом интерфейс и инструменты доступны и понятны всем.

Признаки систем для инноваций, следующие:

- ◆ Создаются «по случаю» для быстрой реализации возникшей инновационной идеи или рыночной потребности;
- ◆ Финансируются и разрабатываются бизнес-пользователями;
- ◆ Часто проектируются таким образом, чтобы под-держивать бизнес-процесс, в рамках которого работают несколько компаний;
- ◆ Имеют короткий жизненный цикл и относительно легкую модель управления;
- ◆ Поддерживают коллективную работу, активно используют неструктурированные данные;
- ◆ Обычно имеют возможность работы в облаке, а также с новыми гаджетами (iOS, Android и другие)[10]

Большинство компаний сталкиваются с непростым выбором в отношении того, что именно делать с собранными данными. Инвестировать во все направления сразу не получается: существуют и ожидания относительно коммерческих результатов, и ограниченность ресурсов. Сегодня, к примеру, многие ведущие компании определили для себя два основных направления: улучшение основного бизнеса и создание принципиально новых бизнесов, основанных на работе с данными. Второе направление более интересное и перспективное, это непростой путь, но, по мнению экономистов-экспертов, очевидно, что будущее именно за ним.

Этим же маршрутом следует и остальной рынок, не ограничиваясь предоставлением голосовых и интернет-услуг. Помимо сервисов по оценке эффективности цифровой и наружной рекламы, а также таргетирования клиентов, многие компании инвестируют в создание платформы видеоаналитики, которую уже с этого года начали предлагать на внешнем рынке. Кроме того, компании создают решения на базе геоаналитики и Интернета вещей, по которым уже накоплена история взаимодействия и с государством, и с бизнесом. [11,12]

Сегодня следует отметить продукты, которые направлены в первую очередь на крупные и средние компании, которые за время карантина пострадали меньше, чем малый бизнес. Как известно, живых встреч между руководителями компаний и клиентами ста-

ло меньше, но компании, ранее выбиравшие исключительно очное общение, изменили своё отношение к этому формату, они спокойно идут на онлайн-взаимодействие и на удалённое внедрение.

Пандемия и перевод сотрудников на удалёнку спровоцировали бизнес начать внедрение ИТ-продуктов и, как следствие, появился интерес к электронному документообороту, многие компании отказались от бумажного обмена договорами и первичными учётными документами в работе с контрагентами. Цифровизация затронула и организационно-распорядительный документооборот, так как появилась необходимость заменить на приказах собственноручную подпись электронной, что тоже положительно влияет на экономику в целом.

По мнению некоторых участников рынка, такая технология позволит банкам экономить около \$20 млрд. за счет упразднения посредников в транзакциях. Сегодня без тщательного планирования есть риск, что компании могут потерять преимущества новых методов организации работы, когда экономика восстановится полностью.

Компании, внедряющие новые технологии для управления финансами, получают гораздо большие преимущества, чем изначально рассчитывали. Число ошибок в работе финансовых отделов снизилось в среднем на 37%. 72% компаний, использующих технологии искусственный интеллект, сообщили, что у этих компаний появилось более четкое представление об общей эффективности бизнеса.[12]

Анализируя и изучая большие данные как стратегический актив бизнеса и государства, ведущие бизнес-аналитики отметили, что это очень своевременно: большие данные уже стали активом для многих компаний и стали актуальными для государства. Одно из условий успешной работы в этом направлении — продуктивный диалог государства с бизнесом в рамках формирования рынка данных. Одна из ключевых задач на данном этапе — снятие правовых барьеров, мешающих внедрению современных технологий и, как результат — в развитии цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономический эффект от цифровизации отраслей реального сектора экономики в России. // (Электронный ресурс). Режим доступа: https://json.tv/ict_telecom_analytics_view/ekonomicheskiy-effekt-ot-tsifrovizatsii свободный (дата обращения 25.04.2021).
2. Цифровая экономика России // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php/8/> свободный (дата обращения 19.05.2021).
3. ИТ-рынок в России // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.idc.com/cis/> свободный (дата обращения 30.04.2021).
4. Инновационное развитие и защита интеллектуальной собственности в цифровой экономике (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.bit-samag.ru/uart/more/67_tass.ru/pmef-017/articl/ свободный (дата обращения 27.04.2021).

5. Цифровизация экономики// (Электронный ресурс). Режим доступа: // <https://www.bit.samag.ru/uart/more/67> // свободный (дата обращения 30.03.2021).
6. Электронный документооборот и «Цифровая экономика» //(Электронный ресурс). <https://rb.ru/story/cifrovye-tendencii-v-2021/> Режим доступа: свободный (дата обращения 30.03.2021).
7. Цифровая грамотность россиян//(Электронный ресурс). Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> свободный (дата обращения 05.05.2021).
8. Современный клиент ИТ-компаний// (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://ict-online.ru/analytics/a193932/> свободный (дата обращения 22.04.2021).
9. Национальная цифровизация// (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.idc.com/cis/> свободный (дата обращения 02.04.2021).
10. Система управления бизнес-проектами // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://ria.ru/20191107/1560642841.html/> свободный (дата обращения 12.03.2021).
11. Робототехника и искусственный интеллект России в мировых рейтингах цифровизации // (Электронный ресурс). Режим доступа: https://www.cnews.ru/articles/2020-052_kak_robototekhnika_i_iskusstvennyj2020/ свободный (дата обращения 11.05.2021).
12. Аналитика больших данных // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://filearchive.cnews.ru/img/files/2019/05/27/20190424idchitachiwpbdafin.pdf> свободный (дата обращения 12.05.2021).

© Догучаева Светлана Магомедовна (sv-doguchaeva@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ЭКСПЕРТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

EXPERT STUDIES OF THE ECONOMIC ACTIVITY OF COMPANIES IN THE CONTEXT OF THE USE OF MODERN TECHNOLOGIES

S. Doguchaeva

Summary. Over the past decade, digital transformation has changed the way businesses operate. In essence, it is the use of digital technologies to create new or change existing customer experiences, as well as business culture and processes to meet the changing needs of consumers and the market as a whole.

But today, as the situation with the pandemic develops, leading specialists in almost all sectors of the economy are trying to adapt to the new conditions, to establish fast and reliable access to vital applications and services for working with big data, while maintaining the stability of operational activities and avoiding unnecessary costs.

Keywords: business processes, digital economy, business forecasts, cloud technologies, pandemic, information and digital technologies, software.

Догучаева Светлана Магомедовна

*К.ф.-м.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
sv-doguchaeva@yandex.ru*

Аннотация. За последнее десятилетие цифровая трансформация изменила ведения бизнеса. По сути, это использование цифровых технологий для создания нового или изменения существующего клиентского опыта, а также бизнес-культуры и процессов для удовлетворения меняющихся потребностей потребителей и рынка в целом.

Но сегодня по мере развития ситуации с пандемией, практически во всех сферах экономики ведущие специалисты пытаются адаптироваться к новым условиям, наладить быстрый и надежный доступ к жизненно важным приложениям и сервисам работы с большими данными, сохраняя при этом стабильность операционной деятельности и избегая излишних затрат.

Ключевые слова: бизнес-процессы, цифровая экономика, бизнес-прогнозы, облачные технологии, пандемия, информационные и цифровые технологии, программное обеспечение.

За годы исследований ученые добились больших успехов в применении глубокого обучения для распознавания закономерностей и прогнозирования в цифровой трансформации экономики. Цифровая трансформация экономики — это фундаментальное изменение того, как компания может принести пользу своим клиентам. Создание принципиально новых бизнесов, основанных на работе с данным, — очень непростой путь, но очевидно, что будущее именно за ним, утверждают ведущие экономисты-аналитики.[1]

Как убедительно показал нынешний кризис, развивая инструменты бизнеса, важно уметь справляться с неопределенностью, а для этого следует, по мнению ведущих экономистов — экспертов, предлагать и проверять новые бизнес-модели, различные сервисы и прототипы новых решений. Однако поддержку такой стратегии не сможет обеспечить ни одна универсальная инфраструктура, вынужденная наряду с традиционными работать с новыми инструментами анализа данных.

Следует отметить, что в 2020 году российский ИТ-рынок рос быстрее, чем до пандемии. Динамика расходов на информационные технологии в РФ оказалась близкой к нулю. По данному прогнозу ведущей аналитической компании IDC, по итогам 2020 года, объем российского ИТ-рынка (включая поставки телеком-оборудования, а также софта и ИТ-услуг) сократился лишь на 8,2%. Российский рынок информационных технологий в 2020 году вырос на 14%, до 1,833 трлн. рублей. Исходя из приведенных оценок, рост российского ИТ-рынка оказался выше, чем в 2019 году: тогда он составил 8,8%. [2,4]

По мере развития ситуации с пандемией в течение 2020 года ведущие аналитики исследовательской компании IDC уже корректировали изначальный прогноз в сторону улучшения. А сегодня на 2021–2022 гг. аналитики смотрят с умеренным оптимизмом, хотя годом ранее, ожидая падения рынка, предрекали ему небывстрое восстановление.

По состоянию на середину апреля 2021 года оценку мирового ИТ-рынка IDC еще не представила, эту оценку сделала другая исследовательская компания — «Gartner». По их данным, мировые расходы на информационные технологии в 2020 году сократились на 3,2% преимущественно из-за того, что ИТ-директора поставили в приоритет бизнес-критические технологии и сервисы на начальных стадиях пандемии, но в России ситуация на цифровом рынке оказалась лучше, чем в среднем по миру.

В исследовании обозначено два фактора, которые повлияли на общую картину на отечественном рынке в 2020 году. Во-первых, расходы российского правительства на цифровые технологии были высокими в течение всего года. Это обеспечило прочную основу для корпоративного рынка и в целом, для дальнейшей цифровизации экономики. Особенно важным влияние этого фактора было во втором квартале, на который пришелся сокрушительный удар от пандемии.

И не менее значимым, по мнению исследователей, было решение разрешить большинству отраслей работать более или менее без ограничений в течение большей части года, что оказало благотворное влияние на российскую экономику, а значит, и российский рынок в целом. Это сильно контрастирует с другими странами Европы, считают экономисты-аналитики. В этих странах, по состоянию на начало 2021 года сохранялось больше ограничений для бизнеса.

Рост во всех сегментах ИТ-рынка в России анализировали аналитики IDC в 2020 году. Особенно отличился рынок персональных компьютеров (ПК) — он показал скачок на 35%. Немного отстал и рынок корпоративной инфраструктуры (серверы, системы хранения и корпоративные сетевые продукты), подросший на 28%, что положительно повлияло на экономическую составляющую компаний в целом.

Сегодня можно с ответственностью сказать о триумфальном возвращении в России рынка по ПК и планшетами, так как до этого их продажи не были высокими. Пандемийный год показал, насколько эти устройства важны для продуктивной работы, отметили ведущие аналитики. Второй квартал 2021 года удивит еще больше: по предварительным подсчетам IDC, рост в сегменте ПК выйдет более чем 50%.

Руководители программы исследований в сегменте корпоративной инфраструктуры ведущих российских компаний считают, что здесь локомотивом роста традиционно являются финансовый и телеком секторы, а также велика доля госсектора и госкомпаний.[7] При этом в области инфраструктуры они отметили рост важности

и доли сегмента поставщиков облаков. Еще большее внимание, чем раньше, многие компании в 2020 году стали уделять информационной безопасности (ИБ) в экономике, изменилась архитектура и периметр ИБ у большого числа компаний из-за перехода на удаленку. Способствовала пандемия росту спроса на облачные решения ИБ, услуги VPN (Virtual Private Network), средства защиты пользовательских устройств, консалтинг в области ИБ.[6]

По прогнозам на 2021 год эксперты предварительно ожидают сопоставимую с 2020 годом динамику рынка по информационным технологиям в России в рублях, предвещая рост во всех ключевых сегментах, но наименьшую динамику эксперты ожидают увидеть в сегменте ИТ-инфраструктуры. Следует учесть, что за последние три года были сделаны опережающие инвестиции в инфраструктуру, поясняют эксперты. Сегодня на ней необходимо развернуть бизнес-функционал, произойдет приоритизация ИТ-программ в сторону бизнес-приложений, а не инфраструктуры.

Российский ИТ-рынок в 2020 году не упал вопреки ожиданиям, динамика расходов на информационные технологии по итогам 2020 года оказалась очень низкой. Эксперты отметили, что вывод сделан на основе данных интеграторов и крупных поставщиков программного обеспечения, которые существенно влияют на цифровую экономику в целом. [8]

В России в сравнении с другими странами, положение в сфере информационных технологий оказалось лучше и локдаун нанес меньше вреда. В европейских странах заказчики уменьшили расходы на информационные технологии, сосредоточившись на цифровых проектах с краткосрочной отдачей инвестиций, сообщают эксперты по экономике и по проектам в целом.

Согласно оценкам PwC и ABBYY, 94% российских компаний в 2020 году не сокращали свои расходы на информационные технологии, но многие изменили приоритеты. [3] В 2020 году замедлился рост расходов на проекты с длинным циклом внедрения, но вырос спрос на готовые решения, например в части информационной безопасности. При этом по оценкам экономистов-аналитиков, облачные услуги — одно из самых динамичных направлений развития российского рынка. А переход на цифровые форматы и ужесточение требований к эффективности труда вынуждают организации и предприятия активнее автоматизировать бизнес-процессы. Также эксперты отметили, что в современном мире бизнес-процессы быстро устаревают, отсюда вытекает необходимость ускорения разработки корпоративных приложений. Среди прочего, данные IDC показывают, что 2019 и 2020 годы послужили уско-

рителем для таких сегментов рынка облачных услуг, как IaaS и PaaS. [4,7]

Как пишет «Коммерсантъ» со ссылкой на доклад BCG Tech Challengers, эксперты включили в сотню ведущих технологических компаний развивающихся стран:

1. «Яндекс»;
2. Mail.ru Group;
3. Wildberries;
4. Playrix;
5. 1С;
6. Тинькофф-банк.

В исследовании сказано, что средний размер выручки этих компаний — \$1,8 млрд. в год. По темпам роста они обгоняют даже технологические компании из индекса S&P 500. При этом средняя капитализация российской компании из этого списка составляет \$5,2 млрд., что незначительно ниже, чем у других претендентов на лидерство в технологическом секторе на других развивающихся рынках. Кроме того, российские компании больше обращают внимание на развивающиеся рынки и собственный внутренний рынок, что может эффективно повлиять на цифровую экономику страны.

Сейчас география лидерства стала более разнообразной: успешные компании нового поколения происходят из России и Азии, отмечают эксперты.

Если отталкиваться от того, что доля российского венчурного рынка составила 0,3% от мирового, то трехпроцентный вклад российских компаний в числе новых за последние шесть лет — «хорошая цифра», считают ведущие эксперты. [9]

Также аналитики принимали во внимание ожидаемые факторы, что ограничения, принятые в связи с пандемией, начнут выборочно ослабляться, но у российских компаний останутся ресурсы для поддержания нормального функционирования экономики в условиях кризиса. При расчетах, эксперты учитывают и два экономических индикатора — индексы деловой активности (PMI) в секторах промышленного производства и услуг, а также данные Росстата по грузоперевозкам.

Касательно прогнозов по разным сегментам ИТ-рынка ведущие специалисты уточнили, что в сегменте услуг, в частности, ожидается небольшой рост в 2021–2022 годах. Аналитики полагают, что в 1 и 2 кварталах компании все еще находились в более-менее нормальной форме, реализуя проекты, начало которым было положено в 2019 году.

При этом, по мнению экономистов-экспертов, особый акцент будет сделан на ИТ-расходы в госсекторе,

в связи с этим, те, кто предоставляет услуги госзаказчикам, будут развиваться быстрее и лучше, чем те, которые делают ставку на коммерческий сектор. В сегменте программного обеспечения в [] ожидают падение порядка 15–18%, может быть, немного меньше, сообщают ведущие аналитики. В сегменте аппаратного обеспечения меньше определенности, эксперты полагают, что в крупном корпоративном сегменте инфраструктурные проекты, продолжатся, а в среднем и малом бизнесе (СМБ) будет зависеть от того, сколько таких бизнесов останется к концу года, так как ожидается, что их число может измениться.

По итогам 1 квартала 2020 года аналитики заметили падение в ряде продуктовых сегментов в России, так, продажи мобильных телефонов сократились на 8% в долларах, серверов — на 12%, в то время как в конце осени 2019-го компания прогнозировала на 1 квартал рост продаж мобильных телефонов на 5,3%, а снижение в сегменте серверов — всего на 0,2%. Аналитики отметили, что прошлые кризисы дали достаточно информации, чтобы сделать определенные выводы и прогнозы на сегодня. [6,8]

Одно из отличий нынешнего кризиса от предыдущих в том, что разные отрасли экономики будут чувствовать себя на его фоне по-разному, отметили ведущие аналитики. Аналитики прогнозируют, что наиболее высокие темпы роста или восстановления до 2023 года будут в здравоохранении, в образовании, профессиональных услугах, медиа, банковском секторе и телеком-индустрии. Обороты организаций из этих отраслей к 2023 году будут выше, чем в 2019 году. [10]

ИТ-рынку, транспорту, розничной торговле, производству, эксперты прогнозируют восстановление на 90% к 2023 году. Аналитики полагают, что вырастет число государственных проектов, при этом доля независимых системных интеграторов уменьшится. По мнению ведущих экономистов-экспертов, ряд отраслей такие как строительный и страховой бизнес, оптовая торговля, ресурсодобывающие и перерабатывающие отрасли, инвестиционная сфера, услуги в области безопасности, персональные и потребительские сервисы, будут восстанавливаться медленнее, но стабильно, без никаких перепадов. [12]

Большинство опрошенных аналитической компанией «Коммерсантъ», после кризиса 2015 года рынок практически сохранил объем в рублях, перестроился и вернулся к росту, но сейчас ситуация кардинально меняется, рынок не просто должен принять новую систему координат, но и решить в каких условиях придется работать дальше, это означает, что не стоит ждать быстрого возвращения к траектории роста, резюмируют веду-

щие аналитики. Особенно это сказывается на отрасли, которая работает по сервисной модели, предоставляя услуги для компаний различных секторов экономики.

Аналитики ожидают, что в 2021 году рынок ждет целенаправленное, восстановление, при этом многие сотрудники удалено, считают специалисты. В 2020 году, по данным статистических и экономических исследований, был сделан вывод, что тенденция к снижению темпов роста ИТ-отрасли в России продолжилась кризисными явлениями, связанными с пандемией. [11] По оперативным данным Росстата динамика объема реализованной продукции отрасли за январь-март 2020 г. ниже, чем годом ранее, что конечно, же влияет

на цифровую трансформацию экономики. В отсутствие налогового стимулирования и при существенном падении спроса на товары и услуги со стороны пострадавших от кризиса секторов экономики в 2020 г. отрасль сможет вернуться к уровню 2019 г. по численности занятых уже к 2024 г.

Экономия на инвестициях в отрасль во время кризиса скажется на конкурентоспособности российских товаров и услуг на внутреннем и внешнем рынках. Однако меры налогового стимулирования могут способствовать восстановлению ИТ-отрасли, обеспечить ее дальнейший рост и продолжение цифровизации секторов российской экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корпоративный сектор в экономике РФ // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.super-trening.com/post-2020> свободный (дата обращения 11.05.2021).
2. Новые задачи бизнеса требуют бесшовной интеграции программных систем // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/602a77a87a8aa90a725be038/> свободный (дата обращения 25.04.2021).
3. Будущее потребительских рынков // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.pwc.com//> (PwC) // свободный (дата обращения 26.04.2021).
4. ИТ-рынок в России // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.idc.com/cis/> свободный (дата обращения 30.04.2021).
5. Исследование: как крупный российский бизнес будет развивать технологии удаленной работы (Электронный ресурс). Режим доступа: https://www.snews.ru/articles/20210126_cnews_analytics_itogi_udalarki_2020_budushchie // свободный (дата обращения 27.04.2021).
6. Информационная безопасность высоко ценится в цифровизации экономики // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/602a77a87a8aa90a725be038/> свободный (дата обращения 11.05.2021).
7. Практика корпоративного управления компанией // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.kpmg/ru/ru/home/media/press-releases/2011/06/corporate-governance/> свободный (дата обращения 30.04.2021).
8. Система управления бизнес-проектами // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://ria.ru/20191107/1560642841.html/> свободный (дата обращения 12.03.2021).
9. Цифровая грамотность россиян // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> свободный (дата обращения 11.05.2021).
10. Современный клиент ИТ-компаний // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://ict-online.ru/analytics/a193932/> свободный (дата обращения 22.04.2021).
11. Лучшие тренды и технологии в программировании // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://itproger.com/news/luchshie-trendi-i-tehnologii-v-programirovanii/> свободный (дата обращения 02.04.2021).
12. Исследование корпоративной культуры компаний // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://vc.ru/hr/162214-issledovanie-korporativnoy-kultury-kompaniy-aviasales-skyeng-sber-i-drugie/> свободный (дата обращения 12.04.2021).

© Догучаева Светлана Магомедовна (sv-doguchaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ИНТЕГРИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ, ФЕДЕРАЛЬНОЙ И МЕСТНОЙ ВЛАСТИ

NEW DIRECTIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT DEVELOPMENT: INTEGRATION OF REGIONAL, FEDERAL AND LOCAL AUTHORITIES

Kuliyev Rauf Alim oglu

Summary. New directions of development of local self-government are investigated.

In particular, the issues of optimization and sustainability of municipal budgets as the basis for the financial self-sufficiency of local self-government bodies, the state of local self-government budgets, which becomes a priority task in the context of the sovereignty of local self-government, are briefly considered.

It is shown that at the level of local self-government, a vital problem is the creation of the necessary conditions for the population to independently solve local issues, which will expand the economic base of municipalities that focus on the horizons of their development, including through the implementation of national projects such as "Education", "Culture", "Health", "Demography", "Ecology", "Housing and Urban Environment", "Digital Economy", etc.

The article analyzes the practical possibility of forming the institution of a digital municipality, the implementation of the powers of local self-government bodies to activate the practice of using digital technologies.

It is noted that the public authorities will continue to ensure the vital activity of the population of municipalities, directing their efforts to the socio-economic development of the territories under their jurisdiction.

It is concluded that the municipal economy as the economic quintessence of local self-government will take an adequate position in the overall structure of the national economy, and municipal relations will form a stable municipal process that promotes high-quality structural development, while the creation of a digital municipality will improve the quality, for example, of systematized subject-specific accounting of property on the balance sheet of municipalities, municipal transport infrastructure, which will fill local budgets.

Keywords: municipal farms, management theory, municipal process, local self-government, civil society, municipalities, national projects.

Кулиев Рауф Алим оглы

*Преподаватель, АНО «Институт деловой карьеры»,
Москва
kr_gabi@mail.ru*

Аннотация. Исследованы новые направления развития местного самоуправления.

В частности, кратко рассмотрены вопросы оптимизации и устойчивости муниципальных бюджетов в качестве основы финансовой самостоятельности органов местного самоуправления, состояния бюджетов местного самоуправления, что становится задачей первостепенной важности в контексте суверенности местного самоуправления.

Показано, что на уровне местного самоуправления жизненно важной проблемой выступает создание необходимых условий для самостоятельного решения населением вопросов местного значения, что расширит экономическую базу муниципалитетов, ориентирующихся на горизонты своего развития, в том числе через реализацию национальных проектов, таких как «Образование», «Культура», «Здравоохранение», «Демография», «Экология», «Жильё и городская среда», «Цифровая экономика» и др.

Анализируется практическая возможность формирования института цифрового муниципалитета, реализации полномочий органов местного самоуправления по активизации практики использования цифровых технологий.

Сделан вывод, что муниципальное хозяйство как экономическая квинт-эссенция местного самоуправления займёт адекватную ему позицию в общей структуре народного хозяйства, а муниципальные отношения сформируют устойчивый муниципальный процесс, содействующий качественному структурному развитию, при том, что создание цифрового муниципалитета повысит качество, к примеру, систематизированного попредметного учёта собственности, находящейся на балансе муниципалитетов, муниципальной транспортной инфраструктуры, что наполнит местные бюджеты.

Ключевые слова: муниципальные хозяйства, теория управления, муниципальный процесс, местное самоуправление, гражданское общество, муниципалитеты, национальные проекты.

Поправки к Конституции Российской Федерации, предложенные Президентом РФ в январе 2020 года, были приняты Законом в марте 2020 года [1]. Поправками, относящимися к организации местного самоуправления, декларируется единство государственной и местной власти, чем создаётся новая система единой публичной власти.

Вместе с тем, ретроспективный обзор показывает, что конституционная муниципальная концепция опирается на ранее действующее законодательство. В этой связи следует отметить, что в истории местного самоуправления начало советского периода ознаменовалось, прежде всего, национализацией земских средств и ресурсов [2] и вплоть до смены руководства в стране в 1953 г., роль советов как органа местного самоуправления постоянно ослабевала, при том, что государственная власть стала пронизывать всю территориально — хозяйственную организацию.

С принятием постановления «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами» от 22 января 1957 года [3] ставились задачи по децентрализации и демократизации государственного управления, усилению роли Советов [4].

Анализ показывает, что предпринятые попытки усилить роль органов местного самоуправления не смогли по понятным причинам расширить, ни демократизацию, ни хозяйственные возможности самоуправления, хотя, неоспоримо — деятельность местных советов оживилась, внедрялись новые формы в их практическую работу.

В семидесятые годы прошлого века усилилась централизация, что привело к некоторому забвению местного самоуправления, и вновь интерес к нему проявился в период подготовки проекта Конституции страны (1977 г.), с принятием которой советы стали именоваться «Советами народных депутатов» [5].

Следующая трансформация — поиск путей преодоления номинального проявления местной власти, сужения её подчиненного, а точнее, что было злободневно — декоративного содержания, развивалась на этапе новейшей истории: с августа 1991 г. муниципальное развитие прошло довольно извилистый и неоднозначный путь, анализ которого необходим для понимания состояния муниципальной среды в более отдалённой перспективе.

Исторический опыт показывает, что с одной стороны, Конституция РФ 1993 г. завершила историю советов народных депутатов [6], а с другой, после принятия за-

кона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] функции государственной власти на местах были переданы избираемым органам местного самоуправления как новому демократическому институту управления.

Безусловно, узкие места, которые важно было преодолеть, к примеру, слабый уровень компетенций муниципальных образований, низкое взаимодействие госвласти и органов местного самоуправления, скудная ресурсная база для выполнения ими своих обязанностей и пр. привели к принятию в 2003 г. нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8].

Уже в тот период видны были противоречия, заложенные в законе: так, экономические и правовые механизмы, которые регулируют развитие муниципальных отношений, а кроме того, управленческие функции органов местного самоуправления разрабатывались в центре, тогда как осуществление задач и функций муниципального уровня, то эти управленческие задачи реализовывались на местах, где исходя из местных условий и особенностей складываются специфические отношения, которые не всегда понятны и видны сверху.

Унифицирование организации местного самоуправления согласно ст. 131-ФЗ не дала преимуществ в принятии эффективных управленческих решений по вопросам социально-экономического развития, поскольку муниципальные отношения, их содержание, структура и функции зависели от полномочий, спускаемых сверху, что сжимало многие муниципальные полномочия, вероятность реализации необходимых населению услуг.

То, в законодательство, регулирующее деятельность органов местного самоуправления, периодически вносились изменения. Внесены они были и в январе 2020 года в рамках современного экономического формата как принципиальные возможности государства влиять на муниципальный процесс на Совете, обсудившем «ключевые задачи и перспективы развития местного самоуправления» [9], что, по существу, положило начало муниципальной реформе, уже стоящей на повестке дня.

Новые публичные полномочия и функции, предложенные в деятельности органов местного самоуправления, базируются на следующих практических задачах: задачах по наделению местной (муниципальной) власти новыми публичными полномочиями и функциями, что даст возможность без сомнения определять сферу взаимодействия муниципалитетов и государства в их соприкосновении, и такой сферой является вы-

полнение ими важных государственных полномочий и функций, что обусловлено, с одной стороны, их социальным предназначением, а, с другой — публично властной природой. При том, поле взаимодействия местного самоуправления и государственной власти весьма обширно и включает работу по реализации государственных задач, охватывающих комплекс вопросов, сочлѐнных с участием наряду с муниципальными органами государственных органов власти по проведению государственной политики в социальной сфере, в области образования, здравоохранения, культуры, экологии и пр. И идеологи реформы это взаимодействие местного самоуправления и государственной власти определили необходимостью решения задач с наибольшей отдачей в интересах населения, проживающего на соответствующих территориях, необходимостью эффективной реализации полномочий.

Становится важным, что взаимодействие органов местного самоуправления и государственной власти до внесения в Конституцию РФ части 3 ст. 132 дополнилось следующим содержанием: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации» строится на исполнении муниципалитетами отдельных полномочий, которые реализуются для решения местных вопросов органами местного самоуправления городских округов, муниципальных районов и округов, внутригородских районов поселений [10].

Говоря о единой системе публичной власти, новая редакция Конституции Российской Федерации закрепляет новую категорию — «публичная власть», определены её признаки и понятие. Как мы видим, органы публичной власти, став важнейшей составляющей политической системы, зададут новые направления во взаимодействии органов власти на федеральном, региональном и местном уровнях, продолжают обеспечивать жизнедеятельность населения муниципальных образований, направляя свои усилия на социально-экономическое развитие подведомственных им территорий.

Важным вопросом комплексной деятельности отдельных составляющих муниципальных хозяйств выступает оптимизирование и устойчивость муниципальных бюджетов как основа финансовой самодостаточности органов местного самоуправления. Это, безусловно, определено тем, что состояние бюджетов местного самоуправления, соответствие функций и в целом потенциалу муниципального уровня — «самого близкого к людям с огромной сферой ответственности» [11], становится задачей первостепенной важности в контексте суверенности местного самоуправления. Что, вне всякого сомнения, с одной стороны, сведѐт к миниму-

му многочисленные источники, затрудняющие работу муниципальных хозяйств, и, возможно, будет преодолена «финансовая несостоятельность муниципалитетов», которая сегодня заложена в самой системе налогообложения [12], муниципалитеты получат, наконец, возможность, во-первых, полностью оплачивать собственную зону ответственности, расходы муниципалитетов, капитальные расходы, во-вторых, осуществлять инновационно-инвестиционные проекты в целях поступательного развития, и, в-третьих, обладая самодостаточностью и автономностью, смогут на деле использовать производственный, кадровый, социальный и территориальный потенциал, что могло бы послужить критерием закрепления муниципальных владений.

С другой стороны, что немаловажно, муниципальное хозяйство как экономическая квинтэссенция местного самоуправления займѐт адекватную ему позицию в общей структуре народного хозяйства, а муниципальные отношения сформируют устойчивый муниципальный процесс, содействующий качественному структурному развитию.

На уровне местного самоуправления жизненно важной проблемой выступает создание необходимых условий для самостоятельного решения населением вопросов местного значения [13].

Создавать необходимые условия для самостоятельного решения населением вопросов местного значения, что расширит экономическую базу муниципалитетов, возможно через реализацию национальных проектов «Образование», «Культура», «Здравоохранение», «Демография», «Экология», «Жильѐ и городская среда», «Цифровая экономика» и др.

Но муниципалитеты должны ориентироваться на горизонты своего развития. Однако, налицо сокращение соотношения полномочий и возможностей, в частности, у управ районов Москвы, где количество полномочий районных Управ сокращено со 142 до 106 в период с 2010 по 2018 гг., т.е. более чем на четверть [14]. В силу чего столь злободневно озвучена необходимость обновить основы государственной политики, что активизирует стратегию по части местного самоуправления.

Ещё одной практической возможностью реализовать полномочия органов местного самоуправления может стать активизация практики использования цифровых технологий.

Формирование цифровой экономики входит в состав преимущественных целей развития местного самоуправления. В этой совокупности стоит задача сформировать институт цифрового муниципалитета.

Поэтому в аспекте выстраивания постоянных муниципальных проблем создание цифрового муниципалитета усилит вероятность, к примеру, определения величины интегрирования отдельных разновидностей учёта, проводимого органами местного самоуправления, в общую информационную систему для проведения, например, систематизированного попредметного учёта собственности, находящейся на балансе муниципалитетов, населения, реестров юридических лиц и пр. К тому же использование цифровых технологий ревальвирует муниципальную транспортную инфраструктуру, транспортное и градостроительное планирование, что наполнит местные бюджеты.

Достичь новых условий развития местного самоуправления возможно, предопределив задачи по его развитию, которые, к примеру сказать, могут быть направлены:

- ◆ во-первых, на разработку методических рекомендаций по участию органов местного самоуправления в нацпроектах;
- ◆ во-вторых, на доработку пространственной стратегии развития России с учётом объективных возможностей интегрирования региональной, федеральной и муниципальной власти;
- ◆ в-третьих, на пошаговую передачу на муниципальный уровень отдельных налогов, поступления которых напрямую обусловлено главным образом работой муниципальных образований.

Обобщённо говоря, смогут ли в соответствии с Законом «Об общих принципах организации местного самоуправления» его звенья — муниципальное хозяйство, муниципальная территория, и местное самоуправление реализовать социально-экономический потенциал муниципального уровня — покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти (ст. 67, ч. 1; п. «г» ст. 71; ч. 2 ст. 80; ст. 132, ч. 3) // Российская газета — Федеральный выпуск № 55 (8109).
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1942. — С. 538.
3. Постановление ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами» от 22 января 1957 года // Исполком. Сталинского обл. Совета депутатов трудящихся. Организационно-инструкторский отд. — Сталино: [б.и.], 1957.
4. Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., Госполитиздат, 1961. С. 102.
5. Конституция СССР. М., 1977. // Закон СССР от 7 октября 1977 г. № 6367-IX «О порядке введения в действие Конституции (Основного закона) СССР», статьи 146–150.
6. Конституция Российской Федерации. — М., 1993. — Ст. 131.
7. Федеральный закон № 154 — ФЗ от 15. 08. 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // — Российская газета. — 1995. — № 12.
8. Федеральный закон № 131 — ФЗ от 06. 10. 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // — Российская газета. — 2003. — № 17.
9. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62701>
10. Ст. 17 Федерального закона от 06. 10. 2003 г. № 131 — ФЗ (в ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021) // consultant.ru
11. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedanie-soveta-po-razvitiyu-mestnogo-samoupravlenija-30-01-2020.html>
12. Зотиков Н.З. Ганцгорн Е.Д. Муниципальные финансы, порядок их формирования // Совершенствование финансово-кредитного механизма регионов. Сб. материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции. — 2017. — С. 41–45.
13. Ст. 16 Федерального закона от 06. 10. 2003 г. № 131 — ФЗ (в ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021) // consultant.ru
14. Мусинова Н.Н. Тенденции развития местного самоуправления в городе Москве // Вестник университета. — № 4. — 2018. — С. 20.

© Кулиев Рауф Алим оглы (kr_gabi@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ВНЕШНИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

INNOVATIVE DEVELOPMENT AS AN INCENTIVE FACTOR ECONOMIC GROWTH: STATE REGULATION IN THE CONDITIONS OF TURBULENCE OF EXTERNAL INFLUENCES

N. Lebedev

Summary. The article presents an analysis of the specifics of innovative development under the pressure of external turbulence. The interaction of economic growth and innovative development is reflected.

The methodology of consistent implementation of a set of tasks for the development of human capital, the formation of a comfortable living environment and a comprehensive plan for the development of the main infrastructure of the country, etc. is considered.

It is concluded that it is necessary to develop another large and strategically important national project for the revival of the village.

Keywords: economic growth, innovation potential, external influences, national development projects, innovation index, rural development, main infrastructure, demographic situation.

Лебедев Никита Андреевич

*Д.э.н., профессор, в.н.с., ФГБУН «Институт
экономики Российской академии наук»
ieras@inecon.org*

Аннотация. Представлен анализ специфики инновационного развития в условиях давления внешней турбулентности. Отражено взаимодействие экономического роста и инновационного развития.

Рассмотрена методология последовательной реализации комплекса задач по развитию человеческого капитала, формированию комфортной среды обитания и комплексного плана развития магистральной инфраструктуры страны и пр.

Сделан вывод о необходимости разработки ещё одного крупного и стратегически важного национального проекта по возрождению села.

Ключевые слова: экономический рост, инновационный потенциал, внешние воздействия, национальные проекты развития, инновационный индекс, развитие сельских территорий, магистральная инфраструктура, демографическая ситуация.

Устойчивость российской экономики понятие многоаспектное, показывает её способность как адаптироваться к внешним влияниям, так и восстанавливаться в условиях турбулентности внешних воздействий, которые в краткосрочном периоде в основном свелись к следующему: во-первых, что серьёзно влияет на экономику — это резкое падение цен на нефть из-за снижения спроса на углеводороды, когда на торгах 21 апреля 2020 г. фьючерсы на июнь упали ниже 20 долл. за баррель; в итоге во второй половине 2020 г. добыча снизилась на 373,5 млн. барр. нефти. Так, в июле 2020 г. экспорт нефти составил 17,22 млн. тонн, что меньше на 25% по сравнению с предыдущим периодом. Экспорт в страны дальнего зарубежья с января по сентябрь 2020 г. снизился на 27%; за тот же период имело место сокращение поставок нефти и в СНГ на 37% [1], чему также способствовали не только нашумевшая пандемия, но и продолжающееся развитие возобновляемой энергетики.

Во-вторых, сокращение объёма поставок товаров отечественного экспорта, который в 2020 г., согласно данным Федеральной таможенной службы, сократился на 20,7%, (из них в страны дальнего зарубежья — на 85,6% и 14,4% — в страны ближнего зарубежья), составив 338,2 млрд. долл. В частности, импорт продовольственных товаров в ценовом выражении в 2020 г. сократился на 1 млрд. долл. (до 29,7 млрд. долл.). В свою очередь, например, экспорт электроэнергии по сравнению с предыдущим годом сократился на 39,6%, также как и экспорт чёрных металлов (40, 11 млн. тонн, минус 1,7%) [2].

И, в-третьих, ограничил экономическую активность глобальный коронакризис, когда среднегодовой экспорт сократился по отраслевым показателям: реализация товаров машиностроения — на 14%, химической промышленности — на 13% и т.п. Пессимистический

Таблица 1. Состав и параметры национальных проектов развития России на период до 2024 года

Направление развития	Национальные проекты	Количество федеральных проектов	Бюджет нац. проекта (млрд. руб.)
Человеческий капитал	Здравоохранение	8	1725,8
	Образование	10	784,5
	Демография	5	3105,2
	Культура	3	113,5
Комфортная среда обитания	Безопасные и качественные автомобильные дороги	4	4779,7
	Жилье и городская среда	4	1066,2
	Экология	11	4041,0
Экономический рост	Наука	3	636,0
	Малое и среднее предпринимательство	5	481,5
	Цифровая экономика	6	1634,9
	Производительность труда и поддержка занятости	3	52,1
	Международная кооперация и экспорт	5	956,8
	Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	11	6348,1

Источник: Колин К.К. Национальные проекты в новой стратегии инновационного развития России // sec.chgik.ru/1953-2/

сценарий прогнозирует падение российского ВВП в среднем до 9% [3].

Несомненно, принимаются меры к смягчению кризисных последствий и для населения, и для малых и средних бизнес-структур, и для денежно-кредитной системы, чему, как нам представляется, несомненно, будет способствовать стимулирование экономического роста посредством использования инновационного потенциала как фактора стимулирования экономического роста в условиях турбулентности внешних воздействий.

Вместе с тем понятно, что Россию ожидает долгий период трудных отношений с коллективным Западом, ей предстоит новая роль ведущей «балансирующей» державы. Но уже сегодня в очередной стратегический прогноз до 2040 года закладываются контуры четырёх сценариев нового мирового порядка [4]. С другой стороны, имеются внутренние ограничения развития, прежде всего, рост демографической нагрузки, технологическая отсталость, возможное снижение мирового спроса на углеводороды [5].

Безусловно, в тентативе выбора оптимальных путей стимулирования экономического роста, преобладающую роль приобретает инновационный потенциал, что рельефно показывают практические результаты

осуществления технологичности и инновационности. В данном контексте в докладе «Глобальный инновационный индекс 2020» даётся оценка инновационной деятельности 131 страны; лидерами стали: Свaziленд, Швеция, США, Великобритания. Россия в рейтинге находится на 47-м месте [6].

Преодолеть подобную ситуацию, обеспечив оптимальные пути стимулирования экономического роста, призвано, в том числе и законодательство [7], которое на перспективу фиксирует направления государственного регулирования инновационного развития в рамках национальных проектов развития страны.

С этой точки зрения, курс на последовательную реализацию комплекса задач по развитию человеческого капитала, формированию комфортной среды обитания и комплексного плана развития магистральной инфраструктуры страны и пр. подтверждает необходимость анализа исходя из направлений развития национальных проектов.

Следует отметить, что стратегия инновационного развития страны предусматривает весомые вложения для реализации проектов, развивающих человеческий капитал. Так, на практическое воплощение Нацпроекта «Демография», выделено более 3 трлн. руб. Однако, вызовом становится сокращение населения: в 1992–

2012 г. убыль населения составила более 13 млн. чел. [8], в 2020 г. — 352 тыс. чел., а в 2021 г. скорее всего достигнет 290 тыс. чел. За последние пять лет в мирное время население сократилось на 1,2 млн. чел. Растёт сиротство, сокращается продолжительность жизни. Демография, таким образом, стала проблемой комплексного решения [9].

Но, если цель Нацпроекта «Демография», с одной стороны, заключена в необходимости качественного улучшения сложившейся демографической ситуации, то т.н. «устойчивое развитие» навязывает стране сдерживание роста численности населения в пределах 1,6–1,7 ребёнка на одну женщину, когда для воспроизводства необходимо хотя бы 2,5 [10]. К тому же не решив эту серьёзнейшую социальную проблему, страна не сможет рассчитывать на экономическое развитие.

Решению демографической проблемы в перспективе может способствовать реализация Нацпроекта «Здравоохранение», с запланированным бюджетом в объёме около 1,7 трлн. руб. Направленность проекта — формирование современных медицинских центров, оказывающих высокотехнологичную медицинскую помощь.

Как показывает анализ, кризис в демографической сфере угрожает развитию человеческого капитала и выход из этого кризиса возможен при комплексном государственном регулировании с целью стимулирования экономического развития.

При этом, впрочем, немаловажным направлением экономического развития выступает существенное улучшение среды общественного обитания.

На решение этой одной из основных социальных задач нацелены три национальных проекта — «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Жильё и городская среда» и «Экология» с суммарным финансированием в 9,9 трлн. руб. (см. табл. 1). Причём, на безопасные и качественные автомобильные дороги и экологию направлено 8820,7 трлн. руб.; на строительство и ремонт жилья, на улучшение городской среды общественного обитания направлена примерно десятая часть этих средств.

В свою очередь, исключительно остро стоит проблема развития сельских территорий, которая включает, в частности, непосредственное водоснабжение жилых комплексов [11], обеспечение сельского населения централизованной канализацией и газоснабжением. Так, в 2019 г. у 66,5% сельского населения отсутствовала централизованная канализация [12], практически отсутствует горячее водоснабжение.

Учитывая, что программа газификации частных домовладений на 2016–2020 гг. выполнена не была, в текущем году планируется принятие закона о газификации. Если, согласно ныне действующему законодательству [13], подключение к газовым сетям затруднительно и весьма затратно, то ситуацию, возможно, частично изменит новый подход к решению этой проблемы. В июне месяце 2021 г. Государственной Думой ФС РФ будет принят новый закон о газоснабжении, которым предусмотрена газификация домохозяйств до границы их участков без привлечения средств граждан [14].

Тем не менее, следует отметить, что имеются предпосылки социального и экономического развития сельских территорий — утверждена очередная госпрограмма развития сельских территорий [15].

При всём том, по мнению ряда экспертов, «госполитика по отношению к сельскому хозяйству формируется в безальтернативной связке «сельское хозяйство — земли сельхозназначения — сельские жители» и приоритетно направлена на развитие только сельхоздеятельности, без учёта всех возможных форм освоения сельских территорий». Вследствие чего иные формы занятости населения практически не поддерживаются, не субсидируются и условий для их развития не создаются». Как и в городе, имеет место кризис в демографической сфере, который носит комплексный характер, имеет признаки деградации и как считает Б.А. Скупов, угрожает самому существованию деревни [16].

Шаг в правильном направлении — учитывая зарубежный опыт повышать инновационную составляющую не крупных агломераций, а, наоборот, малых хозяйствующих субъектов, расположенных в отдалённых и малонаселённых районах как, например, в Израиле. В агросферу Голландии выделяется 50% бюджетных средств. В США рост объёмов жилья на селе повышает экономическую активность, улучшает демографические показатели. Инновационные проекты при этом, должны не только учитывать российскую специфику, но и быть экологичными, ресурсообеспеченными.

Далеко не снята с повестки дня и востребованность развития социальной инфраструктуры села (строительство школ, клубов, медицинских пунктов, библиотек, а по аналогии с направлением развития, предусмотренным нацпроектами, безопасных и качественных автомобильных дорог, жилья, формирования сельской среды обитания и т.п.), что привлечёт из городов свежую рабочую силу и поможет преодолеть кризис.

Как мы видим, обобщённый анализ показывает, что усугубившаяся экономическая ситуация, обу-

словленная в т.ч. западной коллективной санкционной политикой, показывает острую необходимость в ускоренном возрождении села, обновлении сельских территорий, что должно стать дополнительным к имеющимся крупным и стратегически важным национальным проектом, который будет иметь глубокое как социально-экономическое, так и духовно-нравственное содержание.

Ещё одним немаловажным направлением последовательной реализации государственного регулирования инновационного развития в рамках национальных проектов выступает комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры страны. План направлен на развитие транспортных коридоров «Север-Юг» и «Запад-Восток» для пассажироперевозок и транспортировки грузов, что повысит уровень экономической сопряжённости и коммуникаций центров экономического роста посредством расширения и модернизации автодорожной, речной, морской, железнодорожной и авиационной инфраструктуры, к объектам которой причислены автодороги и мосты, железнодорожные вокзалы и морские и речные порты, аэродромы и транспортно-пересадочные узлы, инженерные объекты, линии связи, обеспечивающие строительные работы, реконструкцию и эксплуатацию перечисленных объектов и т.п. [17].

В частности, пассажирский коридор «Центр-Юг» обеспечит сокращение времени движения поездов Москва-Сочи с 32 до 18 часов. Повысится транспортно-железнодорожная доступность к портам Азово-Черноморского бассейна; модернизируются подходы к морским портам Северо-Западного бассейна, Центральный транспортный узел, где будет дополнительно возведено 19 объектов. Транспортная стратегия включает аспект развития внутреннего водного транспорта, и, прежде всего, перенаправление части грузопотоков с автомобильного транспорта на водный, что позволит сбалансировать развитие транспортной системы, повысит конкурентоспособность транспортных услуг, их

доступность и качество, для грузоотправителей возрастут социальные функции водного транспорта и т.п. [18].

В рамках строительства транспортного международного коридора «Западный Китай — Европа» инвестируется 705 млрд. руб. в сооружение современной скоростной магистрали Москва-Казань. Нарастивать перевозки, поставлять продукцию в страны Азии предполагается по Северному морскому пути (к 2024 году до 80 млн. тонн), использование которого сокращает время перевозок на 10–30%. На протяжении 5600 км запланировано обустроить и расширить имеющиеся порты. Полным ходом модернизируется инфраструктура РЖД на БАМе и Транссибе — основных артериях, связывающих Россию и страны Азиатско-Тихоокеанского региона, куда будет поставляться, в основном, уголь [19]. Ведётся работа по применению информационных технологий в Арктике, где развивается цифровая логистика и цифровая экономика, что оптимизирует работу морских судов и снижает себестоимость логистики грузоперевозок [20].

Наряду с этим будет продолжено развитие энергетической магистральной инфраструктуры прежде всего в изолированных энергорайонах, проведена модернизация 25%-ов тепловых электростанций и других генерирующих мощностей всех тепловых структур ЕЭС страны, на что будет направлено только частных инвестиций в объёме около 2,0 трлн. руб. Со своей стороны, естественные монополии инвестируют средства в модернизацию шести магистральных газопроводов, пяти нефтепроводов, в строительство некоторых новых объектов [21].

Представленный анализ отражает специфику инновационного развития в условиях давления внешней турбулентности; сочетание параметров, определённых национальными проектами развития России, должно создать условия для максимального стимулирования экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зазуля О. Бюджет теряет доходы из-за падения спроса на углеводороды // Российская газета — Спецвыпуск № 198 (8252).
2. <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/товар-na-prodazhu-cto-proisxodit-s-rossiyskim-eksportom-20210317-10300/>
3. Рогов К. (ред.). Коронакризис — 2020: что будет и что делать? Сценарии развития и меры экономической политики. — Москва: Либеральная миссия. — Вып.9. — М., 2020. — С. 5,11.
4. Дынкин А.А. Международная турбулентность и Россия // Вестник Российской академии наук. — 2020. -Т.90. -№ 3. — С 217–219.
5. Порфирьев Б.Н., Широв А.А., Узяков М.Н., Гусев М.С., Шокин И.Н. Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. — 2020. -№ 3. — С. 6.
6. Global innovation index 2020. — P.33 // [nonews.co/wp-content/uploads/2020/10/gii2020/pdf](https://www.nonews.co/wp-content/uploads/2020/10/gii2020/pdf)
7. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года» (с изм. и доп. от 21 июля 2020 г.) // base.garant.ru/71937200/

8. Ионцев В.А., Магомедова А.Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и её регионах // Экономика региона. — 2015. — № 3. — С. 93.
9. <https://polit.ru/article/2020/10/22/people/>
10. Чернышев Е. Никакими новыми выплатами вымирание России уже не остановить: о чём молчат власти? // www.nakanune.ru/articles/116900/
11. Малышева А.В., Козина Л.Н. О проблемах сельского водоснабжения и путях их решения // Вестник НГИЭИ. — 2015. — № 6 (49). — С. 60–67.
12. Старостина Ю. Росстат назвал долю россиян без доступа к канализации // <https://www.rbc.ru/economics/02/04/2019/5ca1d7949a79475d1c2f6e4a>
13. Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 26 июля 2019 г.) // base.garant.ru/180285/; Постановление Правительства РФ от 21.07.2008 № 549 (ред. от 19.03.2020) «О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан» // www.consultant.ru/; Постановление Правительства РФ от 30.12.2013 № 1314 (ред. от 19.03.2020) «Об утверждении Правил подключения объектов к сетям газораспределения» // www.consultant.ru/
14. duma.gov.ru/news/51609/
15. Постановление от 31 марта 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» // www.consultant.plus.ru/
16. Скупов Б.А. Без села город не проживёт! Какое будущее у Госпрограммы развития сельских территорий?//ardexpert.ru/article/16506
17. Распоряжение от 30 сентября 2018 года № 2101-р
18. Знатнов С.С. Перспективы инновационного развития речных портов России // Современные научные исследования и инновации. — 2016. -№ 3.
19. Гайва Е. На четыре стороны. Россия создаст сеть международных транспортных коридоров с севера на юг и с запада на восток // Российская газета -Неделя. — № 278 (8332).
20. Кириллова А.Г. Актуальные аспекты развития международных транспортных коридоров на территории России // Транспорт Российской Федерации. -№ 2 (75). —2018. — С. 54.
21. Постановление № 139-СФ «Об актуальных вопросах развития энергетической инфраструктуры в рамках реализации комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» // www.consultant.ru/

© Лебедев Никита Андреевич (ieras@inecon.org).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт экономики Российской академии наук

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

PRIORITY DIRECTIONS OF INNOVATIVE MODERNIZATION AS A BASIS FOR THE SUSTAINABILITY OF THE RUSSIAN ECONOMY

**N. Lebedev
S. Zubkova**

Summary. The analysis of ways of predestination of innovative industrial modernization as a format of increasing the competitiveness of the domestic economy in the future is presented.

It is concluded that the economic stability of the domestic economy, achieved mainly due to the orientation of exports to the raw materials of the country, the export of goods of manufacturing industries can not be promising. It is necessary to overcome the fixation of exports to the country's raw materials without taking into account the export of goods from manufacturing industries, and to solve the problem of transition to the path of innovative modernization at an epoch-making level.

Keywords: innovative technologies, innovative modernization, industrial infrastructure, economic crises, competitiveness, financial support, innovations.

Лебедев Никита Андреевич

*Д.э.н., профессор, в.н.с., ФГБУН «Институт
экономики Российской академии наук»
ieras@inecon.org*

Зубкова Светлана Валерьевна

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
Szubkova@fa.ru*

Аннотация. Представлен анализ путей предопределения инновационной производственной модернизации как формат наращивания на перспективу конкурентоспособности отечественной экономики.

Сделан вывод, что экономическая устойчивость отечественной экономики, достигаемая в основном за счёт ориентации экспорта на сырьевые ресурсы страны учёта экспорта товаров обрабатывающих отраслей не может быть перспективной. Необходимо преодолеть фиксацию экспорта на сырьевые ресурсы страны без учёта экспорта товаров обрабатывающих отраслей, на epochальном уровне решить проблему перехода на путь инновационной модернизации.

Ключевые слова: инновационные технологии, инновационная модернизация, промышленная инфраструктура, экономические кризисы, конкурентоспособность, финансовое обеспечение, инновации.

С началом глобальных рыночных преобразований с 1992 г. модернизационные усилия в нашей стране не прекращались. В то же время, следует учесть, что модернизация не может не определяться действительным состоянием совокупной экономической конъюнктуры, оценка которой обнаруживает, что начало текущего века в развитии мировой экономики отмечено не устойчивостью, а, наоборот, периодами спадов и бурных финансовых кризисов [1]. Это, по преимуществу, финансовый кризис 2000–2001 гг. в Турции, который был вызван несбалансированностью госфинансов, аддукцией иностранных краткосрочных инвестиций для финансирования дефицита, привязанностью к внешним источникам финансирования [2]. Экономический кризис в Аргентине 2000–2004 гг., когда интересы частных иностранных инвесторов были проигнорированы в пользу правительства, что и стало причиной крупнейшего современного дефолта [3]. Представляет определённый интерес и характеристика экономического кризиса в Исландии, которая ока-

залась незащищённой перед мировым кризисом в силу либерального подхода к госрегулированию и высоких показателей развития финансового сектора, когда формат банковских активов в десять раз превысил ВВП, а учётная ставка была наиболее высокой в мире, достигнув 15%. Исландия фактически превратилась в офшор, куда потянулись инвестиции. В подобных условиях к осени 2008 г. резко упал курс исландской кроны, кредиторская задолженность населения страны и иностранных инвесторов обвалили банковскую систему, которую национализировало правительство [4].

Ретроспективный обзор современных финансовых кризисов включает также рецессию начала века, которая затронула экономически развитые страны и характеризовалась общим экономическим спадом; предпосылки глобального кризиса 2007–2008 гг., который начался в Соединённых Штатах Америки, были связаны с невыплатами по ипотеке в сегменте нестандартного кредитования, что тогда вызвало падение стоимости

ценных бумаг (закладных) и мировой экономической кризис [5].

К европейскому долговому кризису в 2010 г. привело обострение кризогенного фактора роста объёма задолженности в глобальном масштабе в государственном и частном секторе, а кроме того, антикризисные меры, предпринятые правительствами ряда европейских стран в наиболее уязвимых звеньях [6]. А 2014 год был уже отмечен финансовым кризисом в России. Его причины, лежащие на поверхности, выявлены рядом исследователей [7], однако, основная, скорее всего, выступает в фиксации экспорта на сырьевые ресурсы страны без учёта экспорта товаров обрабатывающих отраслей; снижение стоимости нефти на мировых рынках с июня 2014 г. почти на 40% и спровоцировало двукратное падение курса рубля [8]. Эта ситуация усугубилась к тому же «украинскими» санкциями коллективного Запада, что со своей стороны подстегнуло инфляцию и предопределило системный кризис и гибридную войну в совокупности.

Но можно считать, что самым серьёзным мировым кризисом в этом веке стал всемирный коронакризис. Правительство РФ опубликовало список отраслей, наиболее пострадавших от последствий пандемии [9], которые легли на экономику. По оценке ИНП РАН в 2020 г. депрессия отечественной экономики составит около 6% [10].

В этих условиях возникает приоритетная задача зафиксировать наиболее приемлемую траекторию будущего модернизационного развития, а ключевую денотацию приобретает инновационная модернизация как основа устойчивости российской экономики, показатели которой постоянно нарастают, что достаточно выразительно иллюстрируют инновационно развитые страны.

К тому же выбор приоритетного направления инновационной модернизации, как правило, знаменует прерогативы траектории, формулируемые целью *производственной* модернизации в соотношении с научно-техническим развитием и научными показателями.

Имеется мнение, что один из приемлемых путей предопределения инновационной производственной модернизации — это интеркаляция в промышленные отрасли сочетания инновационных технологий как формат наращивания на перспективу конкурентоспособности отечественной экономики [11]. Вместе с тем, согласно данным Счётной палаты РФ, расходы на НИОКР в 2019 г. составили 422,0 млрд. руб., в 2020 г. планировалось выделить 519 млрд. руб., в 2021 г. эта сумма должна составить 486 млрд. руб. — соответственно 6–7

млрд. долл. [12]. В США на сайте Белого дома размещены данные относительно выделенных из бюджета сумм на научные исследования: в 2019 г. — 118 млрд. долл., в 2020 г. — 134 млрд. долл., в 2021 г. планируется ассигновать 142 млрд. долл., что соответствует 3% ВВП (его величина в 2019 г. составила 21,4 триллиона долл.). По данным СМН Китая, частные и государственные инвестиции на науку в 2019 г. равнялись 322 млрд. долл., в 2020 г. — около 400,0 млрд. долл. По данным статистической службы ЕС, страны Евросоюза в 2019 г. направили на НИОКР 396 млрд. евро бюджетных инвестиций.

Проблема заключается в том, что в России на epochальном уровне не решен переход на путь инновационной модернизации; решение заключено в необходимости инвестирования в фундаментальные научно-технические исследования как минимум трёх процентов ВВП. Тем не менее, анализ Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ показывает, что отечественные расходы на гражданские научно-технические и научно-исследовательские разработки в экономике составили в 2019 г. 1,03% ВВП (1,13 трлн. руб.), причём, в постоянных ценах показатель снизился (в 2010 г. — 1,13% ВВП).

Ключевым ресурсом инвестирования гражданских научно-технических и научно-исследовательских разработок по-прежнему остаётся бюджет (в 2019 г. 66,3%; 70,3% — в 2010 г.). Хотя статистика затрат несколько колеблется: так, если НИУ ВШЭ приводит цифру бюджетных затрат на гражданскую науку в 2019 году в сумме 489 млрд. руб. (0,44% ВВП в 2019 г. и 0,53% в 2010 г.), то по данным Счётной палаты РФ, как отмечалось выше, расходы на НИОКР в 2019 г. составили 422,0 млрд. руб.

Что касается выделения средств в 2021 г., то в пояснительной записке на проект федерального бюджета 2021–2023 гг. отмечается, что бюджетные расходы, касающиеся гражданских научно-технических и научно-исследовательских исследований и разработок будут сокращены на 6,3% (до 486,1 млрд. руб.); относительно прошлогоднего закона о бюджете экономия в 2021 г. составит 1,6% и в 2022 г. — 2,5% [13].

Как мы видим, статистика подтверждает, что внедренческая среда как база, связывающая науку с производством в России складывается весьма слабо, а состояние научно-инновационной сферы показывает её деградацию. В чём же первоначальные предпосылки деградации, почему инновационная политика не упрочивает ситуацию, не служит преодолению сырьевой направленности, не превращает страну в одного из лидеров научных исследований и разработок?

Таблица 1. Отдельные показатели инновационной деятельности

	2016	2017	2018	2019
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (млн. руб.)	51 316 283,5	57 611 057,8	68 982 626,6	92 253 929,6
В т.ч. инновационные товары, работы, услуги (млн. руб.)	4 364 321,7	4 166 998,7	4 516 276,4	4 863 381,9
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (%)	8,5	7,2	6,5	5,3
Затраты на инновационную деятельность (млн. руб.)	1 284 590,3	1 494 985,3	1 472 822,3	1 954 133,3
Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (%)	2,5	2,4	2,1	2,1
Удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций (%)	-	1,1	-	0,6

Источник: rosinfostat.ru/inovatsii/#i-4

Как один из негативных факторов следует выделить состояние действующего законодательства. Так, обзор изменений Налогового кодекса РФ показывает, что в 2016 году НК РФ был изменён и дополнен пять раз, в 2017 году — четыре раза, в 2018 году — пять раз, в 2019 году — трижды, в 2020 году — 9 и 23 декабря. В 2021 году изменения вносились в феврале и трижды — в апреле [14]. В Таможенный кодекс Евразийского экономического союза добавлено одиннадцать новых статей; последняя его редакция действует с 23 марта 2021 г. [15].

Анализ показывает, что общая продуктивная организационная концепция инновационной деятельности ещё не сформирована; вместе с тем, комиссия Госсовета по инвестициям уже разрабатывает единые правила инвестирования на уровне регионов как прообраз информационного портала содействия инвестиционным проектам. Первый блок правил будет включать инвестиционную декларацию, в которую будут включены планы инвестиционного развития того или иного региона, ориентиры и промоушн инвесторов. Второй блок вберёт в себя свод инвестиционных правил с пошаговыми алгоритмами ключевых действий (например, получение различной разрешительной документации). На первом этапе новые правила будут внедряться в пяти областях страны [16]. Это в определённой степени, возможно, переориентирует экономику из состояния усиливающего хаоса на изменчивость динамики спроса, сформирует набор требований, необходимый для инновационного развития, репродуцирует праксис промышленных отраслей регулировать интегративные задачи. Но надо понимать, что для форсирования инновационной депрессии потребуется прирост инновационной продукции

к 2030 г. до 35% (5,3% — в 2019 г.), что улучшит экономическую ситуацию и повысит конкурентоспособность.

Важно отметить, что кроме преодоления инновационной депрессии для усиления инновационной модернизации не менее важно, как сказано в «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов», «расшить имеющиеся узкие места, ограничивающие полноценное экономическое развитие». С этой точки зрения будут вводиться стимулирующие налоговые и финансовые меры, в частности, субъекты Федерации будут наделены правом определять объём инвестиционного налогового вычета по расходам на научно-исследовательские работы; предусмотрена разработка законопроекта, защищающего и поощряющего капиталовложения и развитие инвестиционной деятельности, которым инвесторам будет предоставлена «базовая» налоговая стабилизация по основным видам налогов с возможностью компенсировать затраты на создание инфраструктуры за счёт вновь уплачиваемых налогов и пр.[17], что, по мнению идеологов «Основных направлений...», будет стимулировать инвестиционную деятельность.

Сегодня же налоговая политика архаична, не способствует промышленному развитию, не стимулирует инновационный рост, хотя, мультипликативный эффект от снижения налоговых ставок, как считается, мог бы вполне покрыть снижение бюджетных доходов от сокращения налоговой нагрузки — совокупная ставка налогов из прибыли российского среднего предприятия составляет 30% (22% — в Пенсионный фонд; 10% — в Фонд страхования; 5,1% — в медстрах; до 2,9% — со-

цстрах), тогда как в США, ЕС и ряде бывших советских республик совокупная ставка налогов на труд из прибыли предприятия не превышает 10%.

Первостепенные направления инновационной модернизации для придания устойчивости российской экономике разработаны Комиссией по модернизации и технологическому развитию экономики страны при президенте страны, когда ещё на её первом заседании была отмечена необходимость «начать модернизацию без промедления», определены отрасли, обладающие масштабным мультипликативным эффектом, потенциалом, чтобы вытянуть смежные направления и общезначимые проекты [18].

Среди обозначенных первостепенных направлений, в частности, встаёт такая масштабная отрасль как гражданское авиастроение. Хотя в Прогнозе научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [19] не были сформулированы стимулы, способствующие инновационной модернизации гражданского авиастроения, в правительственном Постановлении № 312 от 20 марта 2020 г. утверждены изменения в госпрограмму «Развитие авиационной промышленности», цель которых добиться создания конкурентоспособной авиационной отечественной промышленности [20], что, как нам представляется, возможно реализовать в фокусе модернизации.

Согласно обновлённой госпрограмме, для устойчивой положительной динамики в развитии отрасли планируется выделить дополнительно 170 млрд. руб. до 2025 года, и, т.о., общий объём финансирования составит 912 млрд. руб. на прорывные, но зависшие разработки самолёта МС-21 с крылом, выполненным по технологии вакуумной инфузии из композитных материалов и инновационным фюзеляжем. Кроме того, в этот бюджет включены разработки совместного российско-китайского самолёта CR-929 и турбовинтового самолёта Ил-114. Обновлённая программа даст возможность, как можно надеяться, освоить требуемый объём выпуска модернизированных авиалайнеров. Часть выделяемых средств (48,1 млрд. руб.) пойдут на развитие подпрограммы «Авиационное двигателестроение», и, в частности, на разработку двигателя ПД-35 и ТВ7-117 для этих самолётов, в конструкции которых будут широко использованы нанотехнологии — новые композитные высокомодульные материалы с улучшенными функциональными свойствами, например, высокопрочная сталь, эпоксидные композиты, разного рода сплавы, полимеры, порошковые сплавы, что даст возможность создать изделия с уникальными свойствами [21]. Как мы видим, поставлена задача наращивать и модернизировать парк отечественных гражданских самолётов, заменить устаревший импортный авиапарк.

Предусмотренными мерами должны быть, во-первых, решена задача восстановления коммуникаций, а, во-вторых, решена задача обеспечения эффекта «коммуникативного сжатия пространства» — сокращения времени в пути [22].

Вместе с тем, смета финансирования будет утверждена следующим бюджетом и вполне возможна ситуация перераспределения расходов, когда авиастроение в очередной раз может оказаться заложником сокращения расходов, поэтому будет ли решена задача по формированию модернизированной технологической базы и будет ли преодолен спазм отечественного авиастроения, всё же покажет время [23].

В связи с анализом проблемы, важно отметить и сопряженные задачи, в частности, важность развития материальной базы по отношению к практике модернизации. Так, нефтегазовому комплексу проектом Энергетической стратегии до 2035 года как ключевые цели определены модернизация, повышение конкурентоспособности, развитие инфраструктуры, цифровая трансформация. Отдельной задачей определены необходимость роста уровня технической оснащённости ряда предприятий нефтепереработки, внедрения инновационных технологий, эффективного решения энергетического ресурсосбережения. Для чего, в рамках модернизации, важно осваивать инновации в сфере разведки месторождений, осваивать ударные технологии, чтобы как минимум поддержать достигнутый уровень добычи углеводородов.

Мы полагаем, что сказанное обнажает специфику обеспечения инновационного пути развития российской экономики как основу её устойчивости, что при комплексном подходе и при совокупности с другими мероприятиями позволит добиться от их осуществления максимального эффекта.

Понятно, что устойчивость российской экономики не может быть перспективной за счёт эксплуатации только лишь природного потенциала. Для этого важно создать условия, чтобы такие сферы вложения капитала, как например, сельское хозяйство, являющееся сырьевой основой для производства продуктов питания, стала привлекательной. Не менее привлекательной может стать сфера легкой промышленности, где активность отечественного бизнеса, его инновационные и инвестиционные возможности всё ещё слабо выражены. Устойчивость российской экономики не может быть повышена без учёта роста развития малого и среднего предпринимательства, стимулирования конкуренции.

Анализ показывает, что необходимо преодолеть фиксацию экспорта на сырьевые ресурсы страны без

учёта экспорта товаров обрабатывающих отраслей, на эпохальном уровне решить проблему перехода на путь инновационной модернизации — её решение заключено в том числе, в необходимости инвестирования достаточных средств в фундаментальные научно-технические исследования.

С этой точки зрения наиболее существенное значение придаётся усилиям органов государственной власти, которые должны видеть в обеспечении инновационной модернизации как основы устойчивости отечественной экономики приоритетное направление своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьёва И.П. Устойчивость экономики и проблемы её обеспечения в современной России. [Текст]. И.П. Воробьёв // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 1 (17). С. — 17–25.
2. Сидорова Ю.Б. Валютно-финансовый кризис в Турции 2000–2001 гг. // Востоковедный сборник. — Вып. 5-й. — М., 2003. — С. 328.
3. Щипкова Е.А. США, международный валютный фонд и экономический кризис в Аргентине (2001–2004 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 375. С. 109–111.
4. Кузнецова Н.П. Исландия — первая жертва глобального кризиса // Вестник СПбУ. — Сер. 5. — 2009. — Вып. 2. — С. 20–21.
5. Попов В.Н., Орешков А.А. Американский ипотечный кризис: предпосылки, причины, опыт для России // Финансы и кредит. — № 30 (366). — 2009. — С. 17–18.
6. Серёгина С., Ларионова М. Европейский долговой кризис и новые направления реформирования механизмов экономической политики ЕС // Российский экономический журнал. — № 6. — 2012. — С. 68–69.
7. Винокуров М.А. Экономический кризис в России 2014 года и возможные пути его преодоления // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т. 25. — № 2. — С. 261–267.
8. Вхождение России в кризис (конец 2014 — начало 2015 года) // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. — Выпуск № 1, апрель 2015. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.
9. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» (с изм. и доп. от 16 октября 2020 г.) // www.garant.ru
10. Мунтян В.И. Экономический рост: проблемы и пути решения // Экономический рост в Российской Федерации: перспективы и пути обеспечения / Сборник аналитических материалов фракции Политической партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе ФС РФ. — М.: Издание Государственной Думы, 2020. — С. 30.
11. Кулиш С.М. Роль инновационных технологий в развитии российской промышленности // Вестник экономики, права и социологии. — 2016. — № 2. — С. 60–62.
12. ach.gov.ru/checks/9658
13. minfin.gov.ru/performance/budget/federal_budget/budget/2020/
14. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327521/
15. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/
16. Белов С. В России разрабатывают единые правила инвестирования на уровне регионов // Российская Газета RG.RU/ 01/04.2021
17. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. — М.: Министерство финансов Российской Федерации, 2019. — С. 30,32.
18. Указ Президента РФ от 20 мая 2009 г. № 579 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России»; Положение о Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России (в ред. Указа Президента РФ от 30.04.2010 № 532); Указ Президента РФ от 18.06.2012 № 878 «О Совете при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России» (с изм. от 22 ноября 2016 г.).
19. Прогноз научно-технологического развития России Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством РФ 3 января 2014 г.) // www.garant.ru
20. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности» / Постановление Правительства Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 312 // www.garant.ru
21. Моляр, А.Г. и др. Конструкционные материалы в самолётостроении. / [Текст]. А.Г. Моляр // К.: КВИЦ, 2015.
22. Прогноз научно-технологического развития России Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством РФ 3 января 2014 г.) // www.protown.ru
23. Газета «Коммерсантъ». — № 55 от 27.03.2020. — С. 8

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ И ИНСТРУМЕНТОВ ФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

METHODS AND INSTRUMENTS OF FINANCIAL REGULATION IN RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

I. Ryabova

Summary. The role of financial regulation to the economy and the social structure of society considered in this article, analyzed foreign and domestic practice of application different financial regulation tools. In addition to the established traditional practice of financial regulation, in this article were compared methods and tools of financial regulation that used in different countries to neutralize the consequences of COVID-19 are.

Keywords: financial regulation, methods of financial regulation, instruments of financial regulation, financial motivation, tax instruments, financial support of citizens, financial support of organizations.

Рябова Ирина Сергеевна

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (Москва)
Holandy@mail.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается роль финансового регулирования в воздействии на экономику и социальную структуру общества, анализируется зарубежная и отечественная практика применения инструментов финансового регулирования. Помимо уже сложившейся практики финансового регулирования в разных странах, в статье дана сравнительная характеристика применяемым методам и инструментарию финансового регулирования, применяемого с целью нивелирования последствий пандемии в условиях COVID-19.

Ключевые слова: финансовое регулирование, методы финансового регулирования, инструменты финансового регулирования, финансовое стимулирование, налоговые инструменты, финансовая поддержка граждан, финансовая поддержка организаций.

Российская Федерация — крупное государство, имеющее одну из самых больших территорий. При этом государство имеет значительную протяженность, вследствие чего существенно варьируются условия ведения деятельности экономическими субъектами, так как дифференциация географических, ресурсных, экономических и ряда других факторов высока. Это приводит к тому, что посредством государственного воздействия необходимо нивелировать последствия подобной дифференциации с помощью доступного публично-правовым образованиям инструментарию регулирования. Одним из наиболее действенных в выравнивании условий деятельности для организаций и граждан является применение методов и инструментов финансового регулирования.

Возможности финансового регулирования, которыми располагают органы власти, довольно разнообразны. Во-первых, финансовое регулирование может быть диаметрально разнонаправленным, выражаясь в процессах стимулирования или сдерживания роста финансовых ресурсов экономических субъектов. Во-вторых, инструменты могут быть бюджетными и налоговыми, позволяя посредством их комбинации достигать поставленной цели финансового регулирования.

Под финансовым регулированием понимается воздействие на экономические и социальные процессы, которое должно способствовать предотвращению возможных либо уже имеющихся диспропорций, развитию технологий, а также обеспечивать социальную стабильность с помощью распределения и перераспределения финансовых ресурсов, содействия или сдерживания их наращивания [14].

Интересной видится трактовка финансового регулирования в зарубежной литературе. Так, Дж. Армор, Д. Эндрю, П. Дэйвс, Л. Энрикес, Дж.Н. Гордон, К. Мейер, Дж. Пейн определяют финансовое регулирование как аналитический инструмент корректировки несовершенств финансовой системы [12].

В зарубежной литературе подход к определению финансового регулирования довольно схож с отечественной трактовкой. Так в исследовании Р. Прабху [13] финансовое регулирование рассматривается с двух позиций: во-первых, с точки зрения «публичных интересов», а во-вторых, с позиции требований «получателя». Первая теория базируется на том, что финансовое регулирование должно применяться для стимулирования максимизации общественного благосостояния или

устранения препятствий для рыночных сил, в зависимости от того, какие задачи ставятся. Причем основным в достижении баланса между этими двумя направлениями является соблюдение принципа справедливости в обеспечении интересов общества и бизнеса. Вторая теория базируется на том, что финансовое регулирование должно обеспечить баланс интересов экономических субъектов, борющихся за максимизацию своих доходов. Причем в общем финансовое регулирование должно исходить одновременно с учетом обеих теорий, автор первую из них позиционирует как основную для управления текущей ситуацией, а вторую — для воздействия на экономические субъекты с учетом перспективы.

Также интересным видится исследование британских авторов Л. Кванджлиа и С. Джеймса о построении системы финансового регулирования на основе изучения опыта и потребностей Великобритании [11]. Данные авторы рассматривают систему финансового регулирования как многоуровневую, состоящую из двух основных направлений — воздействие на рынок для нивелирования кризисных проявлений и на финансы домашних хозяйств. Воздействие на рынок заключается в реализации пяти ключевых направлений: регулирование банковского капитала и управление ликвидностью, формирование правил для банковского сектора, регулирование деятельности хедж-фондов и регулирование рынка деривативов). На домашние хозяйства финансовое регулирование распространяется в части распределения финансовых ресурсов между группами населения. Важным является также то, что авторы систему финансового регулирования рассматривают не только с позиции объектов воздействия, но и определяют, что она должна включать в себя три аспекта, обеспечивающие в итоге результативность: первый — определение приоритетов, второй — выработка стратегии регулирования, третий — мониторинг достижения ожидаемых результатов.

Следует отметить, что зарубежные публикации последних лет тем или иным образом акцентируют внимание на роли финансового регулирования в нивелировании кризисных явлений. И отечественные практики также показывают, что экономисты оценивают роль финансового регулирования довольно высоко. Так инструментарий финансового регулирования, применяемый в рамках международного опыта, отмечен среди антикризисных мер в «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов», утвержденных Банком России [8].

В Российской Федерации в целом реализуется модель финансового регулирования, учитывающая все его положительные характеристики, констатируемые в зарубежной практике. Изучение отечественного

опыта позволило определить три традиционных направления: регулирование отраслевых пропорций, территориальных пропорций и социальной структуры. Заметим, что инструментарий активно применяется по всем трем направлениям. При этом для того, чтобы обеспечить наиболее действенное воздействие, могут комбинироваться как направления воздействия, так и методы, и инструменты.

Одним из наиболее значимых примеров применения комбинированных инструментов финансового регулирования является деятельность разных государств в нивелировании последствий, связанных с пандемией.

Современные условия ведения деятельности хозяйствующих субъектов, жизнедеятельности граждан Российской Федерации во многом определяются довольно необычными условиями, определяемыми пандемией. Тотальные локдауны в разных странах, значительные ограничения, накладываемые правительствами разных стран на экономических субъектов и граждан, имеют зачастую негативные последствия с точки зрения развития экономики, ведения деятельности юридических лиц и жизнедеятельности граждан. Запреты, продиктованные безопасностью для людей, оборачиваются снижением объемов потребления и, как следствие, производства. Снижение объемов производства приводит к сокращению необходимой рабочей силы, это влияет на сокращение доходов населения, приводит к необходимости пересмотра структуры расходов населения и, как следствие, опять-таки зачастую сокращению потребления, тем самым запуская цикличность негативных для экономики и граждан процессов. Так как рыночными методами в настоящий момент довольно сложно стимулировать наращивание объемов потребления, то наиболее оправданным становится оказание поддержки со стороны государства с помощью инструментария финансового регулирования.

Большинство стран проводило финансовую поддержку как в отношении граждан, так и юридических лиц. Причем в силу того, что пандемия не закончена, некоторые меры реализуются и в настоящее время.

Так, в Австрии поддержка граждан осуществлялась путем отсрочки уплаты налога на доходы физических лиц на определенный период при доходе до 10 млрд. евро, а также прямых адресных выплат самозанятым и тем гражданам, которые работали на основе краткосрочных гражданских контрактов [7]. Безработным в течение трех месяцев выплачивалось пособие по безработице 450 евро, сокращена была самая низкая ставка подоходного налога с 25% до 20%. Такие финансовые меры были дополнены регулирующими — гражданам, имеющим детей до 14 лет давали возможность взять отпуск сроком до трех недель с сохранением заработной

платы, но финансовая нагрузка по обеспечению этой заработной платы при этом оставалась в значительном объеме на работодателе, так как правительство компенсировало 1/3 такой заработной платы. Помимо этого, многие европейские страны, в том числе и Австрия, воспользовались опытом 2008–2009 годов, ставших кризисными для них, по регулированию проблем безработицы, реализуя программу компенсации сокращенного рабочего времени, позволяющую работодателю сократить рабочее время сотрудника, сохраняя при этом число рабочих мест, и компенсировать выпадение доходов работников за счет бюджетных средств в размере 80–90%. В итоге поддержка, связанная с краткосрочной работой, составила 38% от общего объема финансовой помощи, оказанной в стране в связи с COVID-19 [2].

В отношении предпринимательства в Австрии можно выделить следующие меры: программа поддержки малого бизнеса, которому выделялись невозвратные и необлагаемые налогами гранты; компенсирующие выпадение доходов малых и микропредприятий до 80%.

Таким образом, обобщение мероприятий по поддержке граждан и бизнеса в условиях COVID-19, выглядит следующим образом [4]:

- ◆ Бонус в связи с дефолтом (Ausfallbonus) — 0,7 млрд. евро (прямое адресное финансирование);
- ◆ Выплаты по неполной занятости — 10,7 млрд. евро (адресное финансирование);
- ◆ Фонд поддержки НПО — 0,3 млрд. евро (адресное финансирование);
- ◆ Экстренная помощь — 3,9 млрд. евро (адресное финансирование);
- ◆ Семейный бонус (налоговый вычет на детей) — 0,2 млрд. евро (налоговый метод);
- ◆ Компенсация падения выручки — 3,3 млрд. евро (адресное финансирование);
- ◆ Налоговые отсрочки и снижение налогов — 5,5 млрд. евро (налоговый метод);
- ◆ Муниципальные пакеты поддержки — 0,6 млрд. евро (бюджетное финансирование);
- ◆ Гарантии — 7,0 млрд. евро;
- ◆ Субсидия на покрытие фиксированных расходов — 1,0 млрд. евро;
- ◆ Фонд бедственного положения — 1,4 млрд. евро (адресное финансирование).

Заметим, что в Австрии значительная часть мер покрывалась за счет бюджетных средств и представляла собой адресное финансирование. При этом данные адресные выплаты на душу населения стали самыми высокими в Европе: Австрия — 2600 евро, Нидерланды — 2200 евро, Италия 1700 евро, Германия, Швейцария, Швеция — 1300 евро.

Интересен также опыт Великобритании в применении методов финансового регулирования в условиях пандемии. Основными направлениями поддержки граждан стали сохранение рабочих мест, поддержка безработных, поддержка самозанятых. Основными инструментами при этом стали налоговые льготы и адресная финансовая помощь. Также в стране была предложена возможность воспользоваться ипотечными каникулами. В отношении субъектов предпринимательства значимыми являлись государственные гарантии и, как и в отношении граждан, адресная помощь. В Великобритании была разработана схема удержания рабочих мест (CJRS), программа поддержки доходов самозанятых (SEISS), программа кредитования малого и среднего бизнеса (кредиты до 50 000 фунтов стерлингов) и система грантов для данных организаций (до 10 000 евро), предоставлена возможность воспользоваться отсрочкой по уплате НДС, бонусом за сохранение рабочих мест (разово, 1000 евро), осуществить возврат выплат по больничным листам работников, переболевших коронавирусом [10].

Очень масштабной была помощь, которая выделялась в США, причем она также, как и в Австрии, характеризуется высокой степенью адресности. В отношении граждан действовали федеральные программы поддержки граждан с низкими доходами, обеспечивающие расходы на питание, жилье и здравоохранение. Программа SNAP, основанная на выдаче продуктовых талонов. Помимо ее действовало несколько программ по обеспечению продуктами отдельных категорий граждан: программа обеспечения беременных женщин, молодых матерей и детей до 5 лет по предоставлению им здоровой пищи; программа продуктового обеспечения школьников (продукты предоставлялись или по низким ценам, или бесплатно); продуктовый набор раз в месяц или купон на покупку фермерских продуктов для пожилых [9]. Помимо этого значительных трат бюджетных средств потребовало предоставление бесплатной или недорогой медицинской помощи для разных категорий граждан (взрослые, дети, беременные женщины, пожилые люди и люди с ограниченными возможностями) по программам Medicaid и CHIP. также Для пожилых, малообеспеченных граждан и людей с ограниченными возможностями была предоставлена возможность использовать для проживания объекты недвижимости, принадлежащие государству. Для безработных, малообеспеченных граждан, самозанятых предоставлялись на временной основе пособия (TANF). Помимо преференций, имеющих общее распространение на граждан и официально присутствующих в США, действуют ряд программ для военнослужащих, ветеранов и их семей, студентов. В отношении бизнес-структур применение методов и инструментов финансового регулирования также значительно диверсифицировано.

В формате грантов был реализован 1 трлн. долл. бюджетных средств. На поддержку авиакомпаний было выделено 9,5 млрд. долл. Федеральная резервная система США разработала механизм выкупа ценных бумаг для обеспечения ликвидности финансовой системы. Для поддержки системы образования был выделен 81 млн. долл., который предоставлялся в формате грантов для школ и высших учебных заведений. На поддержку фермерства были выделены 16 млрд. долл. В отношении малого бизнеса и некоммерческих организаций действуют одновременно четыре программы поддержки: программа защиты заработной платы (PPP), предусматривающая полную компенсацию затрат на выплату заработной платы работникам при сохранении рабочих мест. Вторая программа (EIDL) основана на льготном кредитовании до 2 млн. долл. Программа SBA направлена на облегчение долгового бремени, но не может быть покрыт основной долг и проценты за шесть месяцев. Довольно нетипичной на фоне рассмотренных стран является программа США по поддержке организаций искусства, которые могут претендовать на грант в размере 45% от валовой выручки. Помимо этого, предоставлялась отсрочка по уплате налогов и других обязательных платежей на срок до 90 дней. Это далеко не все применяемые в США инструменты финансового регулирования, их спектр в значительной мере еще и варьируется в разных штатах. Заметим, что поддерживались не только граждане государства, но и лица, официально находившиеся на территории страны, что является нетипичной для других стран характеристикой.

Поддержку экономики и граждан осуществляли, конечно, не только развитые страны. Интересной является практика Бразилии.

Поддержка населения в Бразилии велась по двум основным векторам: содействие занятости (выплата пособия по сохранению занятости и дохода в чрезвычайной ситуации при приостановке действия трудовых контрактов или при пропорциональном снижении оплаты труда количеству сокращенных трудовых часов) и поддержка уязвимых слоев населения, к которым отнесли работников неформального сектора, безработных и самозанятых. По первой группе мероприятий работодатель обязывался сохранить рабочее место на срок вдвое больший, чем производилась выплата пособия. При этом за счет бюджетных средств компенсировались 80% ранее получаемого дохода. Вторая группа мероприятий базировалась на установлении временного пособия гражданам в размере 116 долл. США. Граждане, ответственные за поддержку семьи получали 232 долл. США. Также немного позже в данную категорию получателей пособия включили несовершеннолетних матерей. Также в Бразилии был установлен трансферт для семей, в которых дети посещают школу (претен-

довать могли на каждого ребенка, но не более 5 детей из семьи), отметим, что данная программа начала действовать до пандемии, еще с 2003 г., но в условиях коронавируса были ускорены сроки вступления в программу.

Также зараженным коронавирусом гражданам государство покрывало оплату отпуска по болезни, оплачивало счета на электричество для малообеспеченных семей в течение трех месяцев, предоставляло питание для школьников во время закрытия учебных заведений, снизило ставки взносов в социальные службы на 0,05–1,25%

Поддержка же субъектов предпринимательской деятельности в Бразилии проводилась довольно масштабно, в совокупности объем мер составил почти 12% ВВП за 2020 год [7]. Важным для поддержания объемов оборотных средств у организаций стало расширение программ кредитования государственных банков и правительства, которое наряду с обеспечением оборотного капитала также содействовало выплате заработной платы и осуществлению необходимых инвестиций. При этом Государственный банк федеральных сбережений снизил ставки по кредитам и предоставлял отсрочку по уплате процентов при предоставлении помощи малым и средним предприятиям.

Роль бюджетных методов в финансовом регулировании последствий пандемии в Бразилии также была высока: предоставлялась отсрочка по уплате налогов и социальных взносов, частичная компенсация за счет средств бюджета расходов на оплату труда работников, работающих сокращенный день. Также были лоялизованы условия выплаты авансов по государственным контрактам.

Особый интерес вызывает рассмотрение методов и инструментов финансового регулирования, которые применялись в Китае. Как и во всех рассмотренных нами странах, Китай оказывал поддержку безработных, выплачивая пособия, компенсировал оплату жилья для проживающих в государственных домах, осуществляя крупную бесплатную программу профессионального он-лайн обучения, охватывающую более 100 видов профессий. Провинции Китая реализовывали также свои меры финансовой поддержки. Так, в провинции Хубей жители могли получить до 1400 долл. США при извещении о симптомах заболевания и, если оно не подтверждалось, получали минимальную выплату — 150 долл. США. В Гонконге была совершена разовая единовременная выплата местным жителям в размере 1300 долл. США, оплачена месячная аренда государственного жилья для малоимущих, а также сокращены подоходные налоги (до 100%, но не более 20 000 HKD),

пенсионеры, малоимущие и инвалиды получили дополнительные выплаты к ежемесячным пособиям.

Представители бизнеса также получили поддержку как со стороны государства в целом, так и от отдельных публично-правовых образований. Во-первых, важным отличием финансового регулирования в Китае от других стран стал фактический тотальный контроль за экономикой, в частности организации, находящиеся в частной собственности, тем не менее в части распределения продукции, регулирования объемов производства и движением финансовых ресурсов стали подконтрольны государству. Такой тотальный контроль носил временный характер, по мере стабилизации эпидемиологической ситуации меры постепенно отменялись [7]. Довольно активно поддерживался малый и средний бизнес. Во-первых, значительное число потребительских услуг было освобождено от НДС. Во-вторых, банки не взимали полгода выплаты по основному долгу и проценты по кредитам с заемщиков. Для организации он-лайн торговли государство финансово стимулировало производителей и участников торговли к запуску различных торговых он-лайн платформ. Организациям разрешили не платить взносы в пенсионные фонды, по программе страхования для безработных и от несчастных случаев, при этом организациям компенсировались выплаты заработной платы в периоды простоя и страховые выплаты по безработице. Также на период простоя организациям было разрешено выплачивать сотрудникам минимальную оплату труда. Помимо этого организациям выдавались стабилизационные кредиты. Ставка по кредитам сельхозпроизводителям, фермерским хозяйствам и малым организациям была снижена на 0,25% и составила 2,5%, при этом банкам, которые выдавали такие кредиты, было разрешено подать заявку на государственное рефинансирование. Народный банк Китая снизил требования по резервированию средств банков, высвободив тем самым 78,8 млрд. долл. США, а также влил более 173 млрд. долл. США на открытый рынок. Так, Гонконг осуществлял активную поддержку бизнес-структур, предоставляя субсидии на оплату расходов на коммунальные платежи (до 75% от суммы расходов, но не более 5000 HKD), для малого и среднего бизнеса предоставлялись гарантии правительства Гонконга (до 2 млрд. HKD) на кредиты на текущие расходы (арендная плата и выплата зарплат сотрудникам), также малые организации Гонконга могут уменьшить свои налоговые платежи на сумму, не более 20 000 HKD. Также период пандемии Гонконг использовал для инвестирования во внедрение технологий по автоматизации производственных процессов, потратив на это средства специально созданного фонда в размере 2 млрд. HKD, а также для масштабной реконструкции одного из индустриальных районов для создания производства микроэлектроники на ос-

нове новейших технологий, потратив на это такую же сумму. Также было потрачено 150 млн. HKD на развитие туризма, 150 млн. HKD на субсидирование бизнес-конференций и торговых выставок, 900 млн. HKD на развитие культуры и искусства, 450 млн. HKD было потрачено на повышение юридической грамотности населения и 1 млрд. HKD на расходы, связанные с реализацией программы повышения квалификации населения (в части научных и технологических разработок, повышения квалификации, углубления необходимых для работы знаний и т.д.) [1]. Таким образом, можно констатировать, что в Гонконге использовали время пандемии не только на нивелирование ее последствий, но и для качественного изменения условий функционирования экономики.

Теперь проведем анализ мер, принятых в России. Население поддерживалось как адресно, так и косвенно. Минимальные выплаты по больничным листам приравнивали к МРОТ, самозанятым были возвращены налоговые платежи по НПД, выплачены были пособия семьям с детьми до трех лет и с трех до семи лет, безработным с детьми до 18 лет, удвоено минимальное пособие по уходу за первым ребенком до 1,5 лет. Семьям с детьми с 3 до 16 лет была выплачена единовременная материальная помощь. При снижении доходов на 30% можно было получить каникулы по потребительским и ипотечным кредитам на полгода [3]. Аналогично Китаю в России была запущена программа переподготовки кадров для граждан, ставших безработными в условиях пандемии [5].

Поддержка бизнеса в России осуществлялась, как и во всех странах, разнонаправлено. Во-первых, выдавались беспроцентные кредиты на выплату заработной платы на условиях софинансирования заработных плат на сумму МРОТ, далее программу продлил на условиях кредитования под 2% годовых с возможностью списания 100% кредита при сохранении 90% сотрудников и 50% при сохранении 80% сотрудников. Для малого и среднего бизнеса была расширена программа льготного кредитования под 8,5% годовых, в микрофинансовых организациях снижены ставки до 6%.

В части налогового регулирования предоставлялась отсрочка по всем налогам, кроме НДС, на 6 месяцев, отсрочка по страховым взносам на аналогичный срок, страховые взносы были снижены вдвое на сумму заработной платы, превышающей МРОТ. Более лояльными стали условия получения госконтрактов, условия урегулирование по ним неустоек. Для некоторых некоммерческих и социально-ориентированных некоммерческих организаций предоставлялись кредиты под 2% годовых, действовало освобождение от налогов (кроме НДС), страховых взносов в государ-

ственные внебюджетные фонды. Кредитованию также можно подвергнуть оборотные средства системообразующих организаций. При этом ставка по кредиту будет субсидироваться государством в размере ставки Центрального Банка и 50% кредита будет обеспечиваться государственными гарантиями. Как и в других странах, поддерживался малый и средний бизнес, в том числе им была выплачена безвозмездная финансовая помощь, если они были заняты в наиболее пострадавших от коронавируса отраслях. Малые субъекты предпринимательства и индивидуальных предпринимателей освободили соответственно от налога на прибыли и налога на доходы физических лиц. Также в качестве стимулирования решения проблем безработицы применяется нетипичная для других стран мера — субсидирование бизнеса на сумму 3 МРОТ (с учетом районного коэффициента) и сумму страховых взносов на каждого нового трудоустроенного сотрудника, который до 1 января 2021 года стоял на учете в центре занятости населения. Такие субсидии на каждого ранее безработного работника можно получить трижды: спустя месяц после трудоустройства, три месяца и полгода.

Большой ряд мер был разработан и реализован для пострадавших от пандемии отраслей, среди них деятельность туроператоров, туризм и гостиничный бизнес, авиакомпания и т.д.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что все страны, которые были рассмотрены уделяли внимание как поддержке граждан, так и бизнеса, что важно, так как поддержка доходов граждан опосредовано является и косвенной поддержкой бизнеса через стимулирование потребления. Однако изучение мер, реализуемых в разных странах, позволило выявить и ряд особенностей. Так, в США довольно сильно диверсифицирована поддержка и имеет значительное смещение в пользу адресности применяемых мер финансового регулирования. Значительно выделяется характер реализованных мер Китая, который проявил самую значительную государственную директивность в регулировании экономики, а также большое внимание уделил в рамках финансового регулирования не только нивелированию последствий пандемии, но и качественным изменениям экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонконг: действия правительства по стимулированию экономики во время пандемии коронавируса. Портал группы OffshorePro. [Электронный ресурс] // Гонконг: действия правительства по стимулированию экономики во время эпидемии коронавируса | InternationalWealth.info
2. Исследование ЭкоАвстрия: Австрия занимает первое место в Европе по поддержке COVID-19. Официальный сайт Министерства финансов Австрии. [Электронный ресурс] // ECOAustria Study: Austria ranks top in Europe for COVID-19 support (bmf.gv.at)
3. Как в России поддерживают граждан в период COVID-19. Официальный сайт Государственной Думы [Электронный ресурс] // Как в России поддерживают граждан в период COVID-19 (duma.gov.ru)
4. Меры по оказанию помощи в условиях коронавируса. Официальный сайт Министерства финансов Австрии. [Электронный ресурс] // Corona-Hilfsmaßnahmen: Infos, Entlastungen und Vereinfachungen (bmf.gv.at)
5. Меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики. Официальный сайт Правительства России. [Электронный ресурс] // Меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики. (government.ru)
6. Опыт государств в борьбе с пандемией COVID-19. Сборник страновых кейсов. Счетная Палата РФ. [Электронный ресурс] // casebook_COVID-19.pdf (ach.gov.ru) август, 2020
7. Опыт государств в борьбе с пандемией COVID-19. Сборник страновых кейсов. Официальный сайт Счетной Палаты РФ. [Электронный ресурс] // casebook_COVID-19.pdf (ach.gov.ru) август, 2020
8. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов. Справочно-поисковая система «Консультант-Плюс». [Электронный ресурс] // «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов» (утв. Банком России) / КонсультантПлюс (consultant.ru) Финансы: учебник/ коллектив авторов под ред. Е.В. Маркиной. М: Кнорус, 2015. С. 432
9. Преференции Правительства. Официальный сайт Правительства США. [Электронный ресурс] // Government Benefits | USAGov
10. Финансовая поддержка бизнеса в условиях коронавируса. Официальный сайт Правительства Великобритании [Электронный ресурс] // Financial support for businesses during coronavirus (COVID-19) — GOV.UK (www.gov.uk)
11. James S., Quaglia L. The UK and Multi-level Financial Regulation: from Post-crisis Reform to Brexit. Oxford: University Press, 2020, С. 122
12. Armour J., Awrey D., Davies P., Enriques L., Gordon J.N., Colin Mayer, Payne J. Principles of Financial Regulation. Oxford: University Press, 2016. С. 520
13. Ruchi Prabhu. Financial Regulations. Delhi: Puffins Publishers Private Limited, 2020. С.236
14. Финансы: учебник/ коллектив авторов под ред. Е.В. Маркиной. М: Кнорус, 2015, с247

© Рябова Ирина Сергеевна (Holandy@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИЧНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Соколов Дмитрий Викторович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары
sokolov77@inbox.ru

Александров Михаил Вячеславович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары
amv-ekf@yandex.ru

SPECIFICITY OF PRIVATE PROPERTY RELATIONS IN RUSSIA

**D. Sokolov
M. Alexandrov**

Summary. This article is devoted to the low efficiency of relations of private ownership of means of production in Russia. In the process of historical development, property relations based on a private (individual) form have not been fully realized. The religious aspects governing private property relations are contradictory in Orthodoxy and neutral in Islam. But at the same time, they have general positive judgments regarding non-individual forms of ownership. The efficiency of private (individual) ownership in some economic models does not contribute to a similar effect in other country models due to inconsistencies. Russian society is more characterized by private-collective property relations, contrary to private-individual ones imposed from outside.

Keywords: institutional changes, property relations, forms of ownership, private property, labor property.

Аннотация. Данная статья посвящена низкой эффективности отношений частной собственности на средства производства в России. В процессе исторического развития отношения собственности, основанные на частной (индивидуальной) форме, не были реализованы в полном объеме. Религиозные аспекты, регламентирующие отношения частной собственности, несут противоречивый характер в православии и нейтральный — в исламе. Но при этом имеют общие положительные суждения в отношении не индивидуальных форм собственности. Эффективность частной (индивидуальной) собственности в одних экономических моделях не способствует достижению аналогичного эффекта в моделях других стран по причине рассогласованности. Российскому социуму в большей степени свойственны частно-коллективные отношения собственности вопреки навязанным извне частно-индивидуальным.

Ключевые слова: институциональные изменения, отношения собственности, формы собственности, частная собственность, трудовая собственность.

Основой существования любой экономической системы являются отношения собственности, а основой эффективного функционирования национальной модели экономической системы — специфика отношений собственности. Становление и развитие современных моделей экономических систем осуществлялось по двум направлениям. Одна группа стран переходила от чистого капитализма к современной рыночной экономике эволюционным путем (США, Канада, ФРГ, Франция, Италия, Испания и др.). Другая группа — (Россия, Польша, Чехия, Болгария и другие государства бывшего «соцлагеря») до перехода к современной рыночной экономике развивалась продолжительный период времени в условиях командно-административных отношений. Спецификой эволюционного развития является формирование отношений собственности с учетом национальных осо-

бенностей, реформаторский путь предполагает трансформацию отношений собственности, ориентируясь на уже существующие образцы, доказавшие свою эффективность.

Не подвергается сомнению, что современная рыночная экономика основана на многообразии форм собственности. Но эффективность функционирования многообразия форм и видов собственности определяется специфичностью соответствующих ей отношений. Становление и развитие рыночной экономики опирается на частную собственность, которая в течение трех десятилетий не обеспечила экономике России должного развития.

Национальная специфичность отношений собственности формируется на основе множественных критери-

ев, среди наиболее важных нами выделены следующие: историческое развитие, религиозные позиции, место личности в социуме.

Специфичность национальных отношений собственности формируется в процессе исторического развития. С отменой крепостного права в России начинают формироваться постфеодальные отношения собственности. «Субъектом земельных правоотношений стала признаваться крестьянская земельная община, увеличилось число собственников-крестьян» [3, С. 83]. Но реформа П.А. Столыпина не была доведена до логического завершения. «Реформа не успела создать развитого слоя мелких частных собственников в России до революции 1917 г» [1, С. 199]. Таким образом, полноценные отношения собственности на основе мелких частных (индивидуальных) собственников не были сформированы.

Следующим этапом развития отношений собственности в России принято считать новую экономическую политику (НЭП). Период НЭПа характеризуется многообразным функционированием государственной и частной форм собственности. При этом приоритетными являлись частно-коллективные отношения собственности, которые приняли форму кооперативов, артелей и акционерных обществ с распределением значительной части прибыли в пользу рабочих. Дальнейшее функционирование отношений собственности до распада Советского Союза основывалось на исключении частной формы собственности на средства производства.

Таким образом, полноценные отношения собственности на основе частной формы в России, в процессе исторического развития не были реализованы.

Религиозные аспекты отношений собственности определяются двумя наиболее распространенными религиями России — православием и исламом.

Отправной точкой в христианстве является отношение к объектам собственности как к принадлежащим Богу. Все, чем владеет человек, он получил от Бога; это воззрение главенствующее и неоспоримое. Ничто внешнее не бывает абсолютной собственностью: «человек является лишь временным собственником» [6, С. 162]. Из чего следует, что существование частной собственности противоречит православным канонам, но в то же время не отрицается по ряду косвенных аргументов. Без имущества человек не может заниматься благотворительностью и не будет иметь средств к существованию [4, С. 106]. Еще одним аргументом, не противоречащим частной собственности, является ее защита от различных посягательств (от желания чужого имущества до кражи). Украденное имущество должно

быть возвращено владельцу, а укравший — наказан [6, С. 164]. В противовес частной главенствующей в христианстве признается общая собственность.

Неоднозначность взгляда на частную собственность объясняется отсутствием в православии права собственности. Поэтому единственным владельцем всего признается только Бог, а человеку дается право распоряжаться «по воле Бога». Поэтому человек в соответствии с православными канонами может распоряжаться имуществом и приумножать его, участвовать в благотворительности и нести государственную повинность.

В исламе отношения собственности изложены с менее абстрактной позиции. Имущество может находиться в частной, коллективной, государственной, общей и иных формах собственности. Частная (индивидуальная) собственность не осуждается и не ограничивается подобно православным традициям. Но в то же время по законам Шариата частное имущество может изыматься в пользу государства с целью удовлетворения общественных потребностей.

Целью имущества, находящегося в частной собственности, является удовлетворение собственных потребностей и благотворительность. Право частной собственности защищается по мусульманским обычаям отсечением руки. За посягательство на иную собственность предусматриваются менее жесткие наказания. Эффективности частной собственности также придается особое значение. Не используемая в течение нескольких лет земля может передаться другому частному собственнику, способному ее возделывать [7].

Шариат признает различные способы приобретения права частной собственности, но приоритет отдается собственному труду и коммерческой деятельности. Однако некоторые виды деятельности находятся под запретом (ростовщичество, азартные игры, рискованные обязательства).

Несмотря на приоритет частной собственности перед другими формами, в то же время существуют ограничения для нахождения имущества в частной собственности, которое должно быть в свободном доступе (дороги, мечети, реки и т.д.). Согласно Корану в совместном пользовании людей находятся три вещи: пастбища, вода и огонь [7]. Поэтому такие объекты должны находиться в коллективной, государственной или общей собственности.

Таким образом, специфика отношений собственности в христианстве входит в противоречие с частной (индивидуальной) формой, а отношения собственности в исламе занимают нейтральную позицию.

Таблица 1. «Индивидуализм — коллективизм» в отношениях собственности

Критерии	Индивидуализм	Коллективизм
Приоритетная цель	Личная	Общественная (групповая)
Социальная структура общества	Свободная (каждый заботится только о себе)	Строгая (группы в которых у каждого своя роль)
Принятие управленческих решений	Индивидуально	Коллективно
Ответственность за принятые решения	Личная	Коллегиальная
Доминирующая форма собственности	Частная (индивидуальная)	Частная (коллективная)

Низкую эффективность реализации частной собственности в России можно обосновать институциональными изменениями, основанными на импорте институтов. Так в России при проведении реформ в начале 90-х годов прошлого века за образец была взята американская экономическая модель, с ее структурой и спецификой отношений собственности.

В соответствии с теорией культурных изменений Г. Хофстеде попытка использовать в качестве образца для России американскую экономическую модель изначально была обречена на провал. Причина рассогласованности американской и российской экономических моделей объясняется различным положением человека в обществе. Согласно второму параметру методики Хофстеде «индивидуализм — коллективизм» РФ и США характеризуются разнополярными культурами. Американская культура основана на индивидуализме, в то время как российской присущи коллективные черты [5, С. 51]. Используя методику Хофстеде, выделим различия данных культур в отношениях частной собственности (таблица 1.).

Из возможных характеристик, оказывающих непосредственное влияние на отношения собственности, индивидуализму присуща частно-индивидуальная форма собственности, а коллективизму — частно-коллективная. Соответственно, невозможно воспроизвести отношения собственности, доказавшие свою результативность в одном социуме с той же степенью эффективности в противоположенном социуме.

Таким образом, низкая результативность функционирования частной формы собственности в России объясняется следующими критериями:

- ◆ отсутствием опыта реализации отношений собственности в процессе исторического развития;
- ◆ отрицательное отношение православия и нейтральное отношение ислама к индивидуальной частной собственности;
- ◆ отрицание российским социумом частно-индивидуальных отношений собственности на средства производства, который больше тяготеет к частно-коллективным отношениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейников Б. История возникновения и развития собственности в России: от общинной собственности к усилению роли частной собственности / Б. Алейников // Экономика и право. — 2014. — № 4. — С. 196–202.
2. Коваль Т.Б. Личность и собственность. Христианство и другие религии мира / Т.Б. Коваль // Мир России. Социология. Этнология. — 2003. — № 2. — С. 3–45.
3. Рассказов Л.П. Законодательное развитие института земельной собственности в Российской империи второй половины XIX — начала XX века / Л.П. Рассказов, Д.А. Верхогляд // Право и государство: теория и практика. — 2013. — № 11. — С. 83–87.
4. Рахманов А. Особенности легитимности частной собственности в православии / А. Рахманов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. — № 4. — С. 101–113.
5. Соколов Д.В. О проблеме классификации частной трудовой собственности / Д.В. Соколов, Н.С. Блинова // Вестник Российского университета кооперации. — 2016. — № 2(24). — С. 49–52.
6. Солодова Г.С. Некоторые воззрения христианства: собственность, богатство и бедность / Г.С. Солодова // ЭКО. — 2006. № 1 (379). — С. 161–178.
7. Сюкияйнен Л. Мусульманское право собственности: юридическое осмысление религиозных постулатов / Л. Сюкияйнен // Отечественные записки. — 2004. — № 6. — URL: <https://strana-oz.ru/2004/6> (дата обращения 04.04.2021)

© Соколов Дмитрий Викторович (sokolov77@inbox.ru), Александров Михаил Вячеславович (amv-ekf@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВ ВЛИЯНИЯ КРЕДИТОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА КОНЕЧНЫЙ СПРОС

ABOUT SOME ASPECTS OF DIGITAL CURRENCIES ISSUE

E. Sokolova

Summary. The consequence of the financial stabilization policy implemented in recent years has been a significant deterioration in the structure of the economy and a weakening of the possible economic growth. As a result of anti-Russian sanctions, higher tax payments, budget savings, high loan rates and increased requirements for borrowers, Russia has faced a severe shortage of domestic demand. In order to maintain economic growth and avoid a recession, the state's policy should be aimed at preserving consumer credit for the population and its profitability for banks. This will support the demand of citizens for goods and services, and supporting demand, in turn, will save production and jobs. Therefore, the availability of credit is currently an extremely important and urgent problem. However, it should also be remembered that some support should be provided to credit institutions in order to prevent the deterioration of their financial condition and the assumption of unaffordable risks in the form of low-quality borrowers. Managing these two parameters simultaneously is a complex state task that central banks and governments of all developed countries, including Russia, are engaged in. It is important to support the current income of the population.

Keywords: consumer lending, mortgage, key rate, credit load, credit risk, consumer demand, GDP.

Соколова Елена Юрьевна

*К.э.н., доцент, в.н.с., Финансовый университет при
Правительстве РФ (Москва)
eys@mail.ru*

Аннотация. Последствием проводимой в последние годы политики финансовой стабилизации стали значительное ухудшение структуры экономики и ослабление возможного роста экономики. В результате антироссийских санкций, повышения налоговых платежей, экономии бюджета, высоких ставок по кредитам и повышения требований к заемщикам Россия столкнулась с сильным недостатком внутреннего спроса. Для поддержания экономического роста и недопущения рецессии политика государства должна быть направлена на сохранение потребительского кредита для населения и его выгодности для банков. Это окажет поддержку спросу на товары и услуги со стороны населения, а поддержка спроса, в свою очередь, позволит сохранить производства и рабочие места. Поэтому доступность кредита в настоящее время чрезвычайно важная и актуальная проблема. Следует, однако, помнить и о том, что определенная поддержка должна оказываться и кредитным организациям для недопущения ухудшения их финансового состояния и принятия на себя неподъемных рисков в виде некачественных заемщиков. Управлять этими двумя параметрами одновременно — сложная государственная задача, которой заняты центральные банки и правительства всех развитых стран, включая Россию. Важна поддержка текущих доходов населения.

Ключевые слова: потребительское кредитование, ипотека, ключевая ставка, кредитная нагрузка, кредитный риск, потребительский спрос, ВВП.

На сегодняшнем этапе для поддержания экономического роста и недопущения рецессии политика государства должна быть направлена на сохранение потребительского кредита для населения и его выгодности для банков. Это окажет поддержку спросу на товары и услуги со стороны населения, а поддержка спроса, в свою очередь, позволит сохранить производства и рабочие места. Поэтому доступность кредита в настоящее время чрезвычайно важная и актуальная проблема. Следует, однако, помнить и о том, что определенная поддержка должна оказываться и кредитным организациям для недопущения ухудшения их финансового состояния и принятия на себя неподъемных рисков в виде некачественных заемщиков. Управлять этими двумя параметрами одновременно — сложная государственная задача, которой заняты центральные банки и правительства всех развитых стран, включая Россию. Важна поддержка текущих доходов населения.

То, что кредитование населения оказывает влияние на повышение материального положения граждан и увеличение объемов производства и потребления, обосновывает его положительную роль в развитии экономики и росте ВВП. Вместе с тем, повышенные траты способствуют росту задолженности, вследствие чего возможно возникновение проблем с возвратом кредита. На макроуровне кредитование населения, способствуя увеличению производства и росту спроса, в итоге может повлиять на выход производства за рамки платежеспособного спроса населения, росту перепроизводства и усугублению кризисных явлений в экономике. Такой двойственный характер воздействия кредитования граждан на экономику страны говорит о том, что одни и те же стороны кредитования до определенного времени могут положительно влиять на экономические процессы, а под действием каких-либо причин изменяться на противоположные. Присутствует связь

объемов кредитования и фаз экономических циклов. Так, покупки граждан за счет кредитных средств увеличиваются на стадии подъема в экономике, на стадии пика их рост замедляется, во время спада происходит резкое снижение, при депрессии покупки в кредит стабилизируются, а позднее — объемы покупок повышаются. Рост кредитования населения на стадии подъема может способствовать «перегреву» экономики. Таким образом, мы видим неоднозначное влияние кредитования населения на экономику. Потребительское кредитование особенно подвержено влиянию макроэкономической конъюнктуры. В период стабильной положительной динамики макроэкономических показателей повышаются спрос граждан и предложения банков на кредитные продукты. В кризисный же период можно наблюдать снижение спроса и предложения, а также повышение процентных ставок, что негативно отражается на темпах роста ВВП и экономического роста в стране в целом.

Степень влияния кредитования физических лиц на конечный спрос и экономический рост можно определить его ролью в создании общественного продукта с той точки зрения, что кредитование является видом экономической деятельности, которая сочетает в себе различные виды ресурсов: человеческие, финансовые, информационные и т.д. в одном производственном процессе по кредитованию населения. Для кредитования физических лиц, также как и для других видов экономической деятельности, характерны процесс производства, производственные затраты, выпуск кредитных услуг по рыночной стоимости. Оно входит в состав производимого страной общественного продукта, выражаемого величиной ВВП. Согласно методологии национальных счетов России [1], выпуск банковской продукции учитывается в составе ВВП в виде разницы между процентными доходами, в том числе полученными по выданным кредитам, и процентными расходами (например, выплаченными процентами по депозитам) [2]. Это означает, что если доходы банков от кредитных операций растут, то ВВП также увеличивается. По данным Банка России, кредитные операции являются одним из основных компонентов работающих активов банков.

Прошедшие экономические кризисы свидетельствуют о том, что нельзя говорить о безоговорочном положительном влиянии увеличения доли кредитования населения в объеме ВВП. Вклад кредитования в экономический рост зависит от ряда факторов, которые можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним факторам можно отнести особенности процентной политики банков, объемы кредитования и уровень просроченной задолженности. К внешним — макроэкономическая ситуация, уровень инфляции, де-

нежно-кредитная политика Центрального банка, доходы населения и его покупательная способность. Для роста объемов кредитования физических лиц в России, особенно потребительского кредитования, характерен и рост просроченной задолженности. С одной стороны, просроченная задолженность для заемщика — это денежные средства, которые остаются в его распоряжении и могут на какой-то срок поддерживать его покупательную способность. При этом денежная масса, равная просроченной задолженности, расходуется гражданами, оставаясь в экономике страны. А с другой стороны, для банков рост просроченной задолженности, увеличение доли токсичных кредитов ведет к ухудшению качества кредитного портфеля, наращиванию резервов на возможные потери по ссудам, снижению доходов, ухудшению соотношения активов и пассивов в капитале банков, уменьшению капитала и ликвидности, что может вылиться в неспособность банков своевременно обеспечивать принятые на себя обязательства. За счет наращивания кредитного портфеля банк может компенсировать увеличение просроченной задолженности, но это лишь временная мера. Если ситуация усугубится и приведет к ухудшению финансового положения банков до критического состояния, то программы кредитования физических лиц банками будут закрыты, произойдет сжатие кредитного рынка, в результате чего доля кредитования населения в ВВП страны снизится. Следовательно, сокращение доли просроченной задолженности в кредитном портфеле необходимо производить путем улучшения качества кредитов, а не только за счет увеличения числа предоставленных кредитов.

Влияние кредитования населения на конечный спрос определяется таким важнейшим фактором, как процентная ставка по кредиту. Это та область, в которой интересы клиентов и банков не совпадают. Если клиенты заинтересованы в низких ставках, то банкам приходится учитывать не только интересы заемщиков, но и собственные, которые ограничены рядом условий. В целях расширения применения кредита в экономике необходимо повышать доступность кредитов и для кредитных организаций, и для хозяйствующих субъектов [3]. Банки ограничены величиной имеющихся собственных и привлеченных средств, обязательными экономическими нормативами, установленными Банком России, отчислениями в фонд обязательных резервов и т.д. [4]. Основными же являются затраты на привлечение средств и операционные расходы. При понижении кредитных ставок до того уровня, при котором банк нарушит свою устойчивость и не сможет эффективно работать, будет наблюдаться негативное воздействие низких процентных ставок на общественный продукт [5]. Но при высоких процентных доходах банков от кредитных операций, величина ВВП будет выше. Здесь

необходимо учитывать такой фактор, как предел покупательной способности. Когда наступает его превышение, то спрос на кредиты у населения снижается, таким образом образуя обратную зависимость между кредитными ставками и ВВП. Повышение кредитных ставок банками характерно для кризисной экономики, когда банки стремятся компенсировать кредитные риски при подорожании источников ресурсов.

Индикатором стоимости ресурсов для банков и размера устанавливаемых ими ставок по кредитам выступает ключевая ставка Банка России. С конца 2014 г., когда ключевая ставка была повышена с 5,5% до 17%, регулятор, проводя жесткую денежно-кредитную политику, устанавливал высокий размер ставки, что делало кредитование населения и бизнеса затруднительным. Отметим, что банки, в зависимости от размера, по-разному чувствительны к изменениям ключевой ставки. Крупные банки, имеющие больше возможностей по привлечению ресурсов и размещению средств, менее чувствительны к изменениям ключевой ставки. Средние и мелкие кредитные организации, ограниченные в ресурсных возможностях, более зависимы от уровня ставок в экономике, и их повышение означает для них подорожание заемных средств и проведение более жесткой кредитной политики. Снижение же ключевой ставки регулятором делает для них ресурсы более доступными и позволяет реализовывать кредитные программы [6]. Следует учесть, что понижение ключевой ставки эффективно для экономики, а особенно для кризисной экономики, тогда, когда оно сопровождается действиями, направленными на рост потребительского спроса, изменениями в подходах к установлению нормативов для кредитных организаций, и мерами, принимаемыми Центральным банком на рынке — разработке программ по прямому выкупу облигаций на баланс ЦБ, а также в системе рефинансирования предоставленных кредитов и выпущенных облигаций.

24 апреля 2020 г. на фоне падения стоимости нефти и пандемии коронавируса ЦБ РФ снизил значение ключевой ставки до 5,5%. Однако, в связи со спецификой ситуации, стандартного снижения банками ставок по кредитам не произошло. С середины марта 2020 г. банки прервали тренд на снижение кредитных ставок и достаточное количество банков, в том числе и из крупнейших по активам, в конце месяца повысили ставки по кредитным продуктам. Позднее регулятор произвел еще два снижения ключевой ставки, 24 июля 2020 г. установив ее на уровне 4,25%. 19 марта 2021 г. ключевая ставка была повышена Банком России до 4,5%, а 26 апреля 2021 г. до 5%.

С начала марта 2020 г. российская банковская система подвергается тесту на устойчивость, причиной

которого послужили два негативных для российской экономики фактора. Во-первых, это обвал мировых цен на нефть, во-вторых, мировая пандемия коронавируса, вынудившая Россию ввести жесткие карантинные меры.

Данные факторы повлияли на снижение качества кредитного портфеля отечественных банков, оказали негативное влияние на прибыль банковской системы в 2020 г. и, как следствие, отрицательно сказались на вкладе кредитования населения в конечный спрос.

Несмотря на то, что банковская система к моменту наступления сложной ситуации находилась в более стабильном состоянии, чем, например, перед экономическими кризисами 2008 и 2014 гг., основные риски для нее сохраняются. Падение прибыльности, отрицательная переоценка портфелей ценных бумаг, возросший кредитный риск, давление на показатели устойчивости капитала — все это уже наступившие последствия падения нефтяных цен и пандемии коронавируса. Несмотря на возросший спрос населения с 1 кв. 2020 г. на ипотеку и потребкредиты в рамках льготных и антикризисных программ, в дальнейшем следует ожидать торможение основных сегментов кредитования.

Так, по результатам опросов, проводимых фондом «Общественное мнение» (ФОМ) 62% российских граждан не рассматривают возможность оформления на себя ипотеки, при этом 80% из них не могут сделать это по причине отсутствия финансовых возможностей [7]. А рост ипотечных кредитов, предоставляемых по программам государственной поддержки, в том числе льготной ипотеки под 6,5%, может говорить о растущей бедности граждан, а не о восстановлении рынка.

На таком фоне первостепенной оказывается проблема платежеспособности населения, имеющего высокую кредитную нагрузку. Стабильный рост спроса, покупательной способности населения повышает значение кредитования граждан в обеспечении экономического роста.

Последствием проводимой в последние годы политики финансовой стабилизации стали значительное ухудшение структуры экономики и ослабление возможного роста экономики. В результате антироссийских санкций, повышения налоговых платежей, экономии бюджета, высоких ставок по кредитам и повышения требований к заемщикам Россия столкнулась с сильным недостатком внутреннего спроса [8]. В течение 2019 г. отмечался медленный незначительный прирост заработной платы, что характерно для ситуации стагнации: 1 кв. — на 0,2%, 2 кв. — на 0,6%, 3 кв. — на 0,3%. Лишь в 4 квартале при крупных выплатах зарплат увеличе-

ние составило 3,3%. Поэтому прирост товарооборота происходил, в основном, за счет улучшения потребительского настроения граждан, которое обеспечивалось в начале ростом потребительского кредитования, а в конце года за счет снижения нормы накопления вследствие понижения процентной ставки. В целом за 2019 г. товарооборот увеличился на 1,6%, а по итогам 2020 г. снизился по сравнению с 2019 г. на 4,1%. Потребительское поведение населения в 2020 г. существенно изменилось. Сокращение реальных располагаемых доходов граждан и ограничения по причине пандемии усилили склонность россиян к экономии и сказались на частоте посещения объектов торговли. Осложняет настоящую кризисную ситуацию и то, что ситуация с бедностью в России не решена, несмотря на то, что доля тех, кому денег не хватает даже на еду, и бедных, которым денег хватает только на еду, уменьшилась в 3 кв. 2019 г. с 18% до 13,4%. Однако в 2020 г. 28% граждан отметили, что им хватает денег только на еду, а 6% сообщили, что на покупку продуктов питания едва хватает средств.

В целом за 2020 г., по данным Росстата, снижение реальных располагаемых доходов населения составило 3,5%. Банк России приводит данные опроса, проведенного ООО «инФОМ» по состоянию на 24.04.2020 г., на начало пандемии, в котором 42% респондентов отмечали ухудшение материального положения из-за роста расходов или потери работы на фоне мер, принятых по борьбе с коронавирусом. Серьезное снижение доходов заметили 20% опрошиваемых, другие 20% почувствовали незначительную потерю доходов [9]. Министр труда А. Котляков сообщил 06.05.2020 г. об 1 млн. 243 тыс. официально зарегистрированных безработных [10], к июлю их количество увеличилось до 2 млн. 787 тыс. В августе 2020 г. потребление граждан перестало расти, безработица увеличилась до 6,4%. А в связи с обострением эпидемиологической ситуации с сентября 2020 г. оживление спроса не произошло. Общее число безработных по данным Росстата за 2020 г. выросло на 24,7% по сравнению с 2019 г. и составило по методологии Международной организации труда 4 млн. 321 тыс. человек [11].

Понижение платежеспособного спроса по причине потери дохода и увеличения доли кредитной задолженности в доходах населения, уменьшение объемов потребления товаров и услуг являются показателями потери положительного влияния кредитования населения на конечный спрос. Способность своевременно и в полном объеме обслуживать кредитный долг определяется именно доходом заемщика, поскольку при высоком доходе долговая нагрузка ниже, и менее вероятно неисполнение кредитного обязательства. Уровень доходов населения является тем показателем,

который определяет развитие рынка потребительского и ипотечного кредитования, ориентирует банки при разработке кредитных продуктов.

К началу 2021 г. доля доходов населения, направляемая на обслуживание потребительских кредитов, составила 61% всех доходов.

Кредитные бюро отмечают, что за 2019 г. долговая нагрузка выросла и у ипотечных заемщиков на 1,6 п.п. до 50,1% по сравнению с 2018 г. А на начало 2021 г. этот показатель составил 56%.

Банк России приводит данные, что по состоянию на 01.09.2019 г. 39,5 миллионов российских граждан имели кредиты, причем, наблюдается увеличение тех заемщиков, которые имеют несколько видов кредитов одновременно. Так, на сегодняшний день доля граждан, имеющих ипотечный и другой кредит в одно и то же время, превышает 40%.

Повышенный рост кредитной задолженности граждан на фоне быстрых темпов потребительского кредитования можно отнести к факторам, затрудняющим обеспечение финансовой стабильности [12]. С целью охлаждения кредитного рынка Банк России повысил требования для необеспеченных ссуд, повысив по ним коэффициенты риска, ввел расчет ПДН. Как отмечает О.И. Лаврушин, темпы роста ВВП и имеющихся сбережений определяют темпы роста кредита. При пониженных темпах экономического роста более характерны низкие темпы роста кредита, поскольку ускоренное увеличение кредитной задолженности скрывает опасность невозврата средств, взятых в кредит [13].

В результате, Банк России, стремясь ограничить бурный рост кредитной задолженности населения, пошел на опережение возможных проблем на кредитном рынке. С начала 2020 г. ЦБ РФ продолжает проводить последовательную политику по охлаждению кредитного рынка, социализации микрофинансового рынка и совершенствованию способов защиты прав потребителей финансовых услуг. Начали действовать новые ограничения по кредитам, предоставленным физическим лицам на срок не более 1 года. Проценты, неустойка, другие меры ответственности, начисленные по таким кредитам, не должны более чем в 1,5 раза превышать сумму долга. Когда сумма всех дополнительных платежей достигает предельного размера, то начисление процентов, штрафов, пени и других мер ответственности необходимо прекратить.

Одновременно продолжает действовать ранее введенное предельное значение полной стоимости кредита и запрет на превышение ежедневной процентной

ставки размера 1% в день, наиболее актуальное для предоставляемых микрофинансовыми организациями займов до зарплаты.

Банки стали все чаще отказывать заемщикам в выдаче кредитов, доля одобренных кредитных заявок понизилась. Такое снижение происходило не только по причине требований регулятора, но и вследствие низкой динамики доходов населения в 2019 г. и снижения доходов населения в 2020 г. в связи с обострением экономической ситуации в России и мире по причине коронавируса и падающих цен на нефть, при наличии сохраняющегося потребительского спроса на кредиты. Влияет и растущая популярность приема кредитных заявок посредством интернет-каналов, для которых характерно более низкое качество потенциальных заемщиков. Эти причины объясняют понижение количества положительных решений о предоставлении кредитов. И если во втором квартале 2020 г. в отдельные месяцы можно было наблюдать оживление кредитования физических лиц, повышение объемов выдачи кредитных карт, то частично это происходило по причине реализации отложенного спроса, частично — в следствии реструктуризации, улучшающей показатели кредитных портфелей банков. В действительности же значимого прироста новых кредитов не происходит. По данным кредитных бюро на 1 февраля 2021 г. банками было выдано 1,15 млн. потребительских кредитов — это ниже аналогичного периода 2020 г. на 11,3%, что указывает на то, что банки продолжают придерживаться консервативного подхода к розничному кредитованию.

В секторах потребительского кредитования и ипотеки на фоне пандемии коронавируса Правительством и Банком России были приняты меры поддержки заемщиков и банков. Цель принимаемых мер — скорейшее восстановление экономики при переходе пандемии в фазу затухания и постепенного снятия ограничительных мероприятий.

Введение льготных программ существенно сказалось на динамике ипотечного кредитования. Доля льготного ипотечного кредитования составила 31% от всех ипотечных кредитов, предоставленных в 2020 г.

Финансовый кризис, безусловно, затронул сегмент ипотечного кредитования, и после исчерпания отложенного спроса со стороны населения и небольшой вероятности дальнейшего снижения ипотечных ставок, можно ожидать падения спроса на ипотеку. На это влияет не только сложная ситуация на финансовых рынках, но и понижение качества заемщиков в связи с пандемией коронавируса. В такой сложной ситуации требуется грамотное регулирование со стороны Банка России, которое будет способствовать снижению ключевой ставки и позволит развиваться ипотеке.

Отметим, что банки с началом 2021 г. показали рост уровня выдачи потребительских кредитов на 2% по сравнению с январем 2020 г. и на 14% по сравнению с январем 2021 г. Произошло это на фоне некоторого улучшения макроэкономических показателей и тенденцией к стабилизации рынка труда.

Однако, по сравнению с 2019 г. объемы выдачи остаются невысокими по причине падения реальных располагаемых доходов населения, которое осознает трудности обслуживания кредитной задолженности, и ужесточения банками требований к заемщикам. В связи с этим, одной из актуальных и значимых проблем в настоящее время является сохранение платежеспособности добросовестных заемщиков, которые имеют высокую долговую нагрузку или временно попали в трудную финансовую ситуацию по причине коронавирусных ограничений. Кроме собственных банковских программ по реструктуризации проблемной задолженности, решение этой проблемы сейчас является предметом законодательного и нормативного регулирования.

Безусловно, реструктуризация и предоставление кредитных каникул необходимы, но они явились и для заемщиков, и для банков только отсрочкой проблемы, особенно в ситуации, при которой заемщик теряет работу и долгое время не может найти новую. Имеющийся в настоящий момент в российских банках хороший запас прочности по прибыли и капиталу помогает смягчить возможный удар банковскому сектору в случае реализации кредитного риска. Агенство АКРА проводило в августе 2020 г. опрос банков, результаты которого показывают, что 86% кредитных организаций применяли в работе разрешенные послабления Банк России, и 70% не признавали реструктурированными ссуды с измененными условиями в целях досоздания резервов [14].

Однако, учитывая масштаб закредитованности российских граждан и степень ее воздействия на капитал и прибыль банков, а также продолжительный характер пандемии, возможно, что по мере отмены со стороны Банка России мер поддержки, банкам будет необходимо формировать резервы по реструктурированным и другим видам кредитов.

Осторожная политика банков в сочетании с падением доходов населения и безработицей способствовала сокращению рынка потребительского кредитования в течение 2020 г. по сравнению с 2019 г. В начале пандемии в апреле 2020 г., по данным Банка России, ряд банков, пытаясь избежать нарастания объемов просроченной задолженности, начал останавливать или ограничивать предоставление новых кредитов населе-

нию, работающему в отраслях, наиболее пострадавших от коронавируса. Часть банков ввела дополнительные требования и более строгие критерии оценки заемщиков, повысила ставки по кредитным продуктам и снизила максимальные суммы по ипотеке.

Сложность настоящего кризиса в том, что он возник не по экономическим причинам, поэтому не предсказуем по времени и глубине, его ход и последствия полностью зависят от скорости окончания пандемии и реакции Правительства РФ и Банка России.

Тем не менее, по итогам 2020 г. банковский сектор получил прибыль в 1,6 млрд. руб., что на 6% превзошло показатель 2019 г. (Отметим, что по итогам 2019 г. рост прибыли кредитных организаций составил 73%). Ипотечное кредитование за 2020 г. увеличилось на 25% по сравнению с предыдущим периодом, а розничное — на 9%.

Следует отметить, что в настоящее время трудности заемщиков, особенно закредитованных, еще полностью не проявились. Однако наступит ситуация, когда населению придется выплачивать кредитным организациям большее количество средств, чем они смогут

получить от банков в виде новых кредитов, и тогда кредиты для граждан станут не притоком ликвидности, а ее оттоком, что заставит их задуматься, изыскивать ли возможности выплачивать долги, или объявить личное банкротство.

Несмотря на возобновившийся рост потребительского кредитования, очевидно, что кредитование населения в настоящей сложной ситуации пандемии коронавируса не может в полной мере способствовать росту потребления и положительно влиять на конечный спрос и ВВП. Ограничительные меры по охлаждению кредитного рынка со стороны Банка России плюс потеря гражданами работы и доходов, начавшееся сокращение кредитного рынка по сравнению с предыдущими годами могут привести к отрицательному вкладу потребительского и ипотечного кредитования в ВВП. Для того, чтобы кредитование населения оказывало положительное влияние на конечный спрос и экономический рост, Банку России целесообразно продолжать проведение политики снижения ключевой ставки, перейти к мерам по стимулированию спроса и предложения [15], правительству РФ необходимо проводить максимум работы по обеспечению социальной поддержки граждан, поддержку занятости и стабилизации их материального положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/96927/methodology_20191231.pdf (дата обращения: 04.04.2021).
2. Национальные счета России в 2014–2018 гг. 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13221> (дата обращения: 06.03.2020).
3. Лаврушин О.И. Приоритеты развития кредита в современной экономике // Банковское дело. 2020. № 1. С. 55–59.
4. Указание Банка России от 31 мая 2019 года № 5158-У «Об обязательных резервных требованиях» URL: https://cbr.ru/oper_br/o_dkp/reserve_requirements/reserv_pr2/ (дата обращения: 06.03.2020).
5. Литвинова А.В., Черная Е.Г., Парфенова М.В. Влияние розничного кредитования на экономический рост в России // Вопросы безопасности. 2015. № 6. С. 70–102.
6. Борзых О. Влияние норматива достаточности капитала банков на узкий кредитный канал денежной трансмиссии в России // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 62–78.
7. ФОМ URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14434> (дата обращения: 10.04.2021).
8. ЦМАКП «Тринадцать тезисов об экономике» выпуск 11 URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2020/13mar2020.pdf (дата обращения: 04.04.2021).
9. Банк России. Краткий аналитический отчет по второму телефонному опросу 2020 года URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27861/inFOM_20-04_2.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
10. ИТАР ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8407657> (дата обращения: 10.05.2021).
11. ИТАР ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10572707> (дата обращения: 10.05.2021).
12. Ларионова И.В. Триггеры и барьеры на пути обеспечения финансовой стабильности // Банковские услуги. 2020. № 2. С. 20–27.
13. Лаврушин О.И. Приоритеты развития кредита в современной экономике // Банковское дело. 2020. № 1. С. 55–59.
14. АКРА. URL: <https://www.acra-ratings.ru/documents/2023> (дата обращения: 12.05.2021).
15. Ивантер В.В. и др. Как придать импульс развитию российской экономики: приоритеты действий (предложения к Основным направлениям деятельности Правительства РФ до 2024 г.) // Финансы: теория и практика. 2018. Спецвыпуск июль. С. 4–15.

© Соколова Елена Юрьевна (eys@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЕРТИКАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННЫЕ НЕФТЯНЫЕ КОМПАНИИ РОССИИ: СУЩНОСТЬ, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Хашукаев Султан Фуадович

Российский университет нефти и газа им

И.М. Губкина

khashukaev@mail.ru

VERTICALLY INTEGRATED OIL COMPANIES OF RUSSIA: ESSENCE, HISTORY, MODERNITY, PROSPECTS

S. Khashukaev

Summary. The modern assessment of market competitiveness, investment attractiveness of enterprises in the hydrocarbon sector is carried out on the basis of indicators of the implementation of corporate governance reforms in the structure of vertically integrated oil (VIN) companies in Russia. Modern energy markets are characterized by a complex demand for the supply of intelligent services and high-tech products in the energy sector. In this case, this is due to the deployment of large-scale specialized production in the VIN model. The paper reveals the essence, historical experience of the formation and achievements of the current state, as well as international perspectives outlined taking into account the guidelines of the OECD Guidelines on Corporate Governance of State Enterprises. The development trends of modern energy markets are a complex request for the supply of high-tech products and intelligent services in the energy sector, including through the deployment of globally oriented specialized industries in the VIN model.

Keywords: vertically integrated oil (VIN) companies, corporate governance, sustainable development, the global energy market.

Аннотация. Современная оценка рыночной конкурентности, инвестиционной привлекательности предприятий углеводородного сектора осуществляется на основе показателей реализации реформ корпоративного управления в структуре вертикально интегрированных нефтяных (ВИН) компаний России. Современные энергорынки характеризуются комплексным запросом на поставки интеллектуальных услуг и высокотехнологичной продукции в области энергетики. В данном случае происходит это за счет развертывания масштабно ориентированных специализированных производств в модели ВИН. В работе раскрыта сущность, исторический опыт становления и достижений современного состояния, а также международных перспектив, обозначенных с учетом ориентиров Руководящих принципов ОЭСР по корпоративному управлению государственными предприятиями. Трендами развития современных энергорынков является комплексный запрос на поставки высокотехнологичной продукции и интеллектуальных услуг в сфере энергетики, в том числе за счет развертывания глобально ориентированных специализированных производств в модели ВИН.

Ключевые слова: вертикально интегрированные нефтяные (ВИН) компании, корпоративное управление, устойчивое развитие, мировой рынок энергоресурсов.

Выбор темы обусловлен возрастающим вниманием предпринимателей, потребителей и всего мирового сообщества к основным составляющим энергетического рынка. При всей важности энергетического сектора для экономики России, ее стратегическое планирование и развитие находится под влиянием сложных комплексов проблем, напряженности и нестабильности на мировых энергетических рынках, конъюнктура которых долгое время обеспечивала динамичное развитие энергетики и экономики страны. Обновление стратегии развития ТЭК (топливно-энергетического комплекса) предполагает снижение степени монополизации внутренних энергетических рынков, повышение эффективности регулирования, развитие конкуренции, во внешнеэкономической деятельности — поиск и освоение новых энергетических рынков, прежде всего АТР (азиатско-тихоокеанских рынков) [1].

Особое значение придается механизмам ценообразования и вопросам минимизации негативных социально-экономических последствий общих цен на энергоресурсы. Трендами развития современных энергорынков является комплексный запрос на поставки высокотехнологичной продукции и интеллектуальных услуг в сфере энергетики, в том числе за счет развертывания глобально ориентированных специализированных производств в модели ВИН.

В условиях расширяющихся поставок энергоресурсов крупнейшим мировым потребителям, географическая и продуктовая диверсификация энергетического экспорта в формате ВИН позволяет достигать компенсаторного результата.

Изученность проблематики освещена на основе обработки действующих федеральных и международ-

ных регуляторных актов, научных разработок и аналитики в контексте открытых рынков [2, с. 21] и отдельных политических факторов [3].

Практическая значимость данной проблемы имеет широкое региональное, национальное и международное значение, обусловленное приоритетным значением нефти для соответствующих энергетических и минерально-сырьевых рынков, современными конкурентными вызовами на мировых рынках, и обновляемыми правилами корпоративного управления в системе ОЭСР. Применение этих правил способствует повышению эффективности и прозрачности в государственном секторе, которые приведут к значительным экономическим выгодам, благодаря созданию равных условий для частных и государственных предприятий, что способствует созданию здорового и конкурентоспособного делового сектора. Руководящие принципы ОЭСР, впервые принятые в 2005 году, содержат набор передовых практик в отношении нормативно-правовой базы для предприятий, с целью повышения профессионализма функции управленческих навыков в государственно-частном партнерстве, и совершенствования механизмов корпоративного управления ВИН различных типов. В то же время реальная ситуация на российском рынке свидетельствует о необходимости диверсификации организационной структуры ВИН по принципам комплаенса, в первую очередь с учетом преодоления монополизации рыночных составляющих.

Сушность и возникновение понятия ВИН. История становления в России

Энергия является основной движущей силой развития во всех странах и условием, позволяющим решить большинство глобальных проблем дальнейшего экономического роста, однако ее стабильное развитие сталкивается с комплексом политических, экологических, технических и финансовых проблем, усугубившимся в процессе глобального потепления [4] и резкой вспышки заболеваемости людей в форме пандемии нового вида коронавируса [5].

Структуры ВИН стали прогрессивными формами для повышения эффективности управления нефтяными компаниями в полном цикле добычи и переработки, позволяющими полноценно контролировать свои активы, включая активы дочерних компаний при распаде СССР, позволявшие облегчать организационные трансформации отдельных групп предприятий отрасли, с переходом от отдельных юридических лиц в формат дивизионов [6, с. 33].

В результате проведенной путем акционирования структурной перестройки нефтегазовой промышленности в начале 1990-х гг., состоялось преобразование нефтедобывающих производственных объединений в АО открытого типа, с передачей контрольного пакета акций на три года в федеральную собственность. Изданным Президентом Российской Федерации Указом [7] ликвидировалась прежняя жесткая структура нефтяного экспорта, и устанавливалось три типа организации в данной отрасли [8, с. 4]:

1. предприятия, вовлеченные в производство, переработку и распределение;
2. вертикально-интегрированные нефтяные компании (ЛУКОЙЛ, ЮКОС и Сургутнефтегаз);
3. транспортные компании — одна для сырой нефти («Транснефть») и одна для нефтепродуктов («Транснефтепродукт»).

Обозначенные события составили основу вертикальной интеграции, как объединения на финансово-экономической основе различных технологически взаимосвязанных производств, которые сыграли ведущую роль в развитии энергетического сектора.

На сегодняшний день крупнейшими отечественными вертикально-интегрированными компаниями являются ЛУКОЙЛ, Роснефть, ТНК-ВР, Сургутнефтегаз, Татнефть, Газпромнефть, Башнефть, Русснефть которые заняли лидирующие позиции среди российских нефтяных компаний.

С 2009 г. этот тип компаний подпадал под антимонопольное законодательство [9], и проблематика ВИНК рассматривается в формате роли и перспектив российских ТНК международного класса [10, с. 88], а также задач кластеризации, чему посвящено более 3 тыс. статей российских ученых.

Новое ОЭСР по корпоративному управлению государственными предприятиями призвано обеспечить согласованный на международном уровне ориентир [11], чтобы помочь правительственным органам оценить и улучшить как они свои функции собственности на государственных предприятиях.

Повышение эффективности и прозрачности в государственном секторе и его партнерстве с предпринимательскими холдингами приводит к значительным экономическим выгодам, особенно в странах, где государственная собственность важна. Кроме того, создание равных условий для частных и государственных предприятий будет создание здорового и конкурентоспособного делового сектора. Руководящие принципы, принятые в 2005 году, набор передовых практик в нормативно-правовой базе для государственных предприятий (ГП).

В 1994 г. пришла вторая волна создания ВИНК. В АО «Сиданко» вошли АО «Кондпетролеум», АО «Пурнефтегаз», АО «Варьеганнефтегаз», ГП «Саратовский нефтеперерабатывающий завод», АО «Черногорнефть», ГП «Сахалиннефтепродукт», ГП «Удмуртнефть», АО «Ангарская нефтехимическая компания».

«СИДАНКО» представляла собой четко организованную структуру подобную уже известным на нефтяном российском рынке вертикально интегрированным компаниям. В ней были объединены не только разведка и добыча нефти, но и переработка и распределение готовой продукции. Руководство ВИНК рассчитывало быстро и прочно внедриться на нефтяной рынок и занять там одно из ведущих мест.

Помимо «Сиданко», в 1994 году таким же образом были сформированы «ВНК» («Восточная нефтяная компания») и «ОНАКО» («Оренбургская нефтяная компания»), а на базе геологоразведочных организаций Восточной Сибири была учреждена «ВосточноСибирская нефтегазовая компания». Эти нефтяные компании объединили нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия по территориальному признаку.

Особый вариант развития ВИНК продемонстрировала компания «Славнефть», которая явилась продуктом «большой политики» и важным инструментом экономического взаимодействия с Белоруссией.

По сути, она стала первым «постсоветским ТНК».

В итоге, в середине 1990-х годов в России возникло более десятка крупных нефтяных компаний (ВИНК), в 1995 году добывших 280 млн. и переработавших 170,3 млн. тонн нефти. Основным полем их деятельности был Западно-Сибирский регион, где добывалась основная часть нефти.

К числу важнейших особенностей российской политики реформирования нефтепромышленности следует отнести и то, что после определения стратегических принципов реструктурирования нефтяной отрасли, государство предоставило компаниям возможность самостоятельно решать основные вопросы корпоративной стратегии. Отсюда резкие отличия в моделях развития между НК «ЛУКОЙЛ», НК «ЮКОС» и НК «Сургутнефтегаз», в значительной степени, ставшими ориентирами для ВИНК, следовавших за ними. Характер этих различий оказался настолько существенным, что приобрел политическое значение для будущего всей российской экономической системы. Каждая из нефтяных компаний вертикально-интегрированного типа впоследствии выступала и в политике как самостоятельное действующее лицо.

Эволюция контрактной структуры рынка нефти и современное состояние ВИН

Генеральная ассамблея ООН объявила о десятилетии устойчивой энергетики для всех стран на протяжении 2014–2024 годов. Этому предшествовало проведение мероприятий в рамках Международного года устойчивой энергетики для всех стран в 2012 году, а также результаты Конференции стран ООН по устойчивому развитию РИО+20. [12]

Около 70 стран официально поддержали инициативу «Устойчивая энергетика для всех» (SE4ALL). Для достижения целей SE4ALL, было признано необходимым наметить глобальный прогресс на протяжении многих лет, предшествующих 2030 году.

Разработка необходимых рамок глобального прогресса координируется Всемирным банком и Программой содействия управлению энергетическим сектором (Energy Sector Management Assistance Program — ESMAP), а также Международным энергетическим агентством (International Energy Agency, IEA или МЭА) в сотрудничестве с 13 другими учреждениями.

Подчеркивая важность вопросов энергии для устойчивого развития, Генеральная Ассамблея ООН объявила период 2014–2024 гг. «Декадой устойчивой энергии для всех», и призвала страны-члены объединить усилия, чтобы обеспечить всеобщий доступ к энергии.

Эволюция контрактной структуры современного энергорынка опирается на изменения правил высоко значимых международных организаций, как Всемирная организация торговли (ВТО), Международное энергетическое агентство, Секретариат Энергетического Сообщества, Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций, Всемирный банк, представительство Европейского Союза в Украине, Европейский банк реконструкции и развития и др.

Развитие структуры и перспективы ВИН в современных условиях открытого мирового нефтяного рынка

За последние полвека мир пережил около двух десятков глобальных нефтяных кризисов. В последние месяцы текущего года цены на нефть резко упали на фоне пандемии COVID-19 и экономического спада [13].

Ключевые принципы новой организации ВИН строятся с учетом необходимости управления многогранными финансово-технологическими возможностями и рисками.

Определение и усиление ключевых ролей в организации по понятно изложенным полномочиям, сопряженным с ответственностью за достижение целей развития, обеспечение скорости и эффективности принятия решений руководителями дивизионов за счет четкого распределения и делегирования полномочий, уменьшение количества уровней в организации и построение эффективных стандартизированных бизнес-процессов, позволяет перенести фокус современного развития ВИН на создании ценности и ответственности за финансовый результат в организационном дизайне группы, а также построение системы управления эффективностью.

В бизнесе риск связывается прежде всего с финансовыми потерями, возникающими в случае его реализации, в условиях, когда возрастающие факторы контроля социально-экологического воздействия приобретают все большую значимость, и могут оказывать значительное тормозящее или же наоборот стимулирующее влияние. Избежать негативных последствий и продлить жизнь организационных составляющих ВИН можно с помощью антикризисных мер, основанных на современных методах инновационной политики и проектного менеджмента.

Антимонопольная политика выходит на лидирующие позиции, что выдвигает вопрос о будущем формате существования и развития ВИН в России («рыночная власть крупных нефтяных компаний астрономическая») [14].

События пандемии нового типа коронавируса в первой половине 2020 г. обусловило резкое падение транспортных перевозок во всем мире в процессе введения карантина, и соответственно значительное сокращение потребления нефти.

Цена майских фьючерсов (договорённостей о поставке) на североамериканскую нефть WTI упала ниже нуля долларов за баррель, достигнув отметки -37,6 долларов за баррель.

Стратегические рекомендации ОЭСР [15] касаются разрешения таких общемировых тенденций в российских ВИН, как отделение деятельности по транспортировке природного газа (анбандлинг) и внедрение оптимальной модели/алгоритмов использования ПХГ (подземных хранилищах газа); реформа корпоративного управления; обеспечение координации между ВИН компаниями; расширение программ бесперебойного транзита и диверсификации поставок природного газа;

Заключение

Обеспечение процессов реформирование энергетического комплекса России на период до 2030 г.

и формирование стратегических ориентиров развития на долгосрочную перспективу определяет усиление конкуренции на международных энергетических рынках и необходимость поиска новых решений, первоочередно в направлении совершенствования систем корпоративного управления ВИН.

Экономика большинства стран демонстрирует высокую зависимость от энергетических ресурсов, однако существующие системы их производства и поставок показали крайне негативное влияние на состояние окружающей среды, всю систему жизнедеятельности людей, включая угрозы глобальных изменений климата и рост заболеваемости. Вследствие этого, большинство развитых стран вводят экологические ограничители на критерии дальнейшего прогресса и структуры энергетических рынков, в первую очередь опираясь на принципы глобально устойчивого развития, что сопровождается пересмотром стратегических программ и отчетности ВИН России.

Рекомендации, применимые ко всем целям устойчивого развития для мирового рынка энергетики, включают в себя признание важности политической приверженности целям устойчивого развития и долгосрочного энергетического планирования, наращивание частного финансирования и обеспечение адекватных стимулов для внедрения вариантов чистых технологий.

Главными векторами перспективного развития ВИН, являются: переход на путь инновационного и энергоэффективного развития; изменение структуры и масштабов производства энергоресурсов; создание конкурентной рыночной среды; интеграция в мировую энергетическую систему.

Вопросы допуска к европейскому рынку энергоносителей решается с учетом приоритетов «зеленой экономики» и на основе прозрачного учета выброса парниковых газов на всех стадиях разведки, добычи, переработки, поставок и использования нефти. Согласованные с европейским энергорынком нормы, также вводят повышенный контроль за трансграничными выбросами парниковых газов, и соответствующими механизмами ценообразования и штрафов. В то же время на их минимизацию предусмотрены масштабные инвестиции мирового класса.

Обозначен главный внешний вызов, который заключается в необходимости преодоления угроз, связанных с неустойчивостью мировых энергетических рынков и волатильностью мировых цен на энергоресурсы. Пандемия нового типа коронавируса в 2020 г. обусловила катастрофическое снижение потребления и цен нефти.

Дальнейшая трансформация ВИН требует создания эффективной организационной модели, которая позволит обеспечить достаточный контроль по направлениям деятельности, сгруппированным в соответствующие дивизионы, с целью их согласованного роста и дости-

жения синергии. Модель предусматривает существенное усиление роли корпоративного центра — как в сфере технических и функциональных компетенций, так и в сфере соблюдения нормативных требований и обеспечения действенного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. УТВЕРЖДЕНА распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. # 1715-р. URL: <http://www.atominfo.ru/files/strateg/strateg.htm>, <https://minenergo.gov.ru/node/1026>.
2. Ефименко Е.С. Стратегия российских нефтегазовых компаний на рынке природного газа стран СВА: Китая, Республики Корея и Японии: дис. канд. экон. наук: 08.00.14 / Ефименко Елена Сергеевна. — Санкт-Петербург, 2009. — 219 с.
3. ЛУКОЙЛ продает активы в Литве и Латвии из-за «антироссийских настроений» [Электронный ресурс] / Коммерсант. URL <http://kommersant.ru/doc/2884557>.
4. WINGAS: Natural gas for industry, municipal utilities and regional suppliers — Wingas GmbH. 23.08.2020. URL: <https://www.wingas.com/en/index.html>.
5. Coronavirus: To the Business Partners of WINGAS GmbH — Wingas GmbH. 16.03.2020. URL: <https://www.wingas.com/en/press/detail/coronavirus-to-the-business-partners-of-wingas-gmbh.html>.
6. Маханьков Е.С. Совершенствование глобальных стратегий развития российских вертикально-интегрированных нефтяных компаний: дис. канд. экон. наук: 08.00.14 / Маханьков Егор Сергеевич. — Москва, 2016. — 179 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30435419>.
7. Указ Президента РФ «Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения» № 1403 от 17 ноября 1992 г.
8. Шевелева А.В. История создания и современное состояние вертикально-интегрированных нефтяных компаний в России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5(8). С. 121–133
9. Рыжков Т.В. Вертикально интегрированные нефтяные компании России: становление и выбор стратегий развития // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 81. С. 621–634.
10. Разумнова Л.Л. Трансформация мирового рынка нефти в условиях финансовой глобализации: дис. д-ра. экон. наук: 08.00.14 / Разумнова Людмила Львовна. — Москва, 2010. — 299 с.
11. OECD iLibrary | OECD Guidelines on Corporate Governance of State-Owned Enterprises, 2015 Edition: (Russian version). URL: https://read.oecd-ilibrary.org/governance/oecd-guidelines-on-corporate-governance-of-state-owned-enterprises-2015-edition_9789264263680-ru#page3.
12. World Bank; International Energy Agency. 2014. Sustainable Energy for All 2013–2024: Global Tracking Framework. Sustainable Energy for All; World Bank, Washington, DC. © World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16537>. License: CC BY3.0 IGO. URL: <http://hdl.handle.net/10986/16537>.
13. Oil investment. 08–2020. URL: <https://oil.european-investor.com/report/?uid=23301>.
14. Комплаенс — это безопасность бизнеса. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/komplaens-eto-bezopasnost-biznesa/>.
15. ОЭСР. Обзор корпоративных практик 2018. <https://www.oecd.org/corporate/soe-review-ukraine-hydrocarbons.htm>.

© Хашукаев Султан Фуадович (khashukaev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПОЗИЦИЙ

SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE SUBJECTS OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT IN THE CONTEXT OF COMPETITIVE POSITIONS

**V. Scherbakov
A. Dubrovsky**

Summary. The article reveals the regularities of the socio-economic development of subjects as components of the potential for sustainable growth in the region, and also substantiates the methodological foundations of a comprehensive assessment and monitoring of the competitive positions of the regions of the Central Federal District of the Russian Federation in terms of finding the reserves of sustainable growth. The hypothesis of the study consists in substantiating, taking into account scientific and practical experience, the assumption that an assessment of the potential for the socio-economic development of a region allows us to identify directions for increasing the stability of the economic system and its competitive positions.

A number of economic and social indicators were used to assess the level of development of the regions. The calculation of the integral parameters of economic and social development was carried out by means of standardization according to the average Russian value. The priority directions of socio-economic development of the subjects of the Central Federal District of the Russian Federation, leading to sustainability, are substantiated, and methodological recommendations for its assessment are proposed.

Keywords: economic potential, regional development, strategic priority, expanded reproduction, inflation, per capita income, investment in fixed assets, competitive positions.

Щербаков Виктор Николаевич

*Д.э.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве РФ; в.н.с., Институт экономики РАН,
г. Москва*

sherbakovvn@yandex.ru

Дубровский Андрей Викторович

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ, г. Москва*

dav-rgsu@yandex.ru

Аннотация. В статье выявлены закономерности социально-экономического развития субъектов как составляющих потенциала устойчивого роста региона, а также обоснованы методологические основы комплексной оценки и мониторинга конкурентных позиций регионов Центрального федерального округа РФ с точки зрения нахождения резервов устойчивого роста. Гипотеза исследования заключается в обосновании с учетом научного и практического опыта предположения, что оценка потенциала социально-экономического развития региона позволяет выявить направления повышения устойчивости хозяйственной системы и её конкурентных позиций.

Для оценки уровня развития регионов использован ряд экономических и социальных индикаторов. Расчет интегральных параметров экономического и социального развития осуществлялся посредством нормирования по среднероссийскому значению. Обоснованы приоритетные направления социально-экономического развития субъектов Центрального федерального округа РФ, приводящие к устойчивости, и предложены методические рекомендации по её оценке.

Ключевые слова: экономический потенциал, развитие регионов, стратегический приоритет, расширенное воспроизводство, инфляция, среднедушевые доходы, инвестиции в основной капитал, конкурентные позиции.

Вопросы оценки социально-экономического развития регионов находят отражение в зарубежных и отечественных исследованиях. В этой связи интерес представляет выявление сущностных характеристик потенциала развития, определение показателей оценки конкурентных позиций, которые бы точно отражали механизм порождения хаоса и неопределённости в среде рынка.

Общеизвестно, что под социально-экономическим развитием понимается состояние национальной эко-

номики, определяемое рядом экономических и социальных показателей, при которых обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов страны. [13, с. 1190]

Заслуживает внимание и оценка социально-экономического развития с точки зрения наличия внутренней способности к самоорганизации хозяйствующего субъекта, к его устойчивому и эффективному функци-

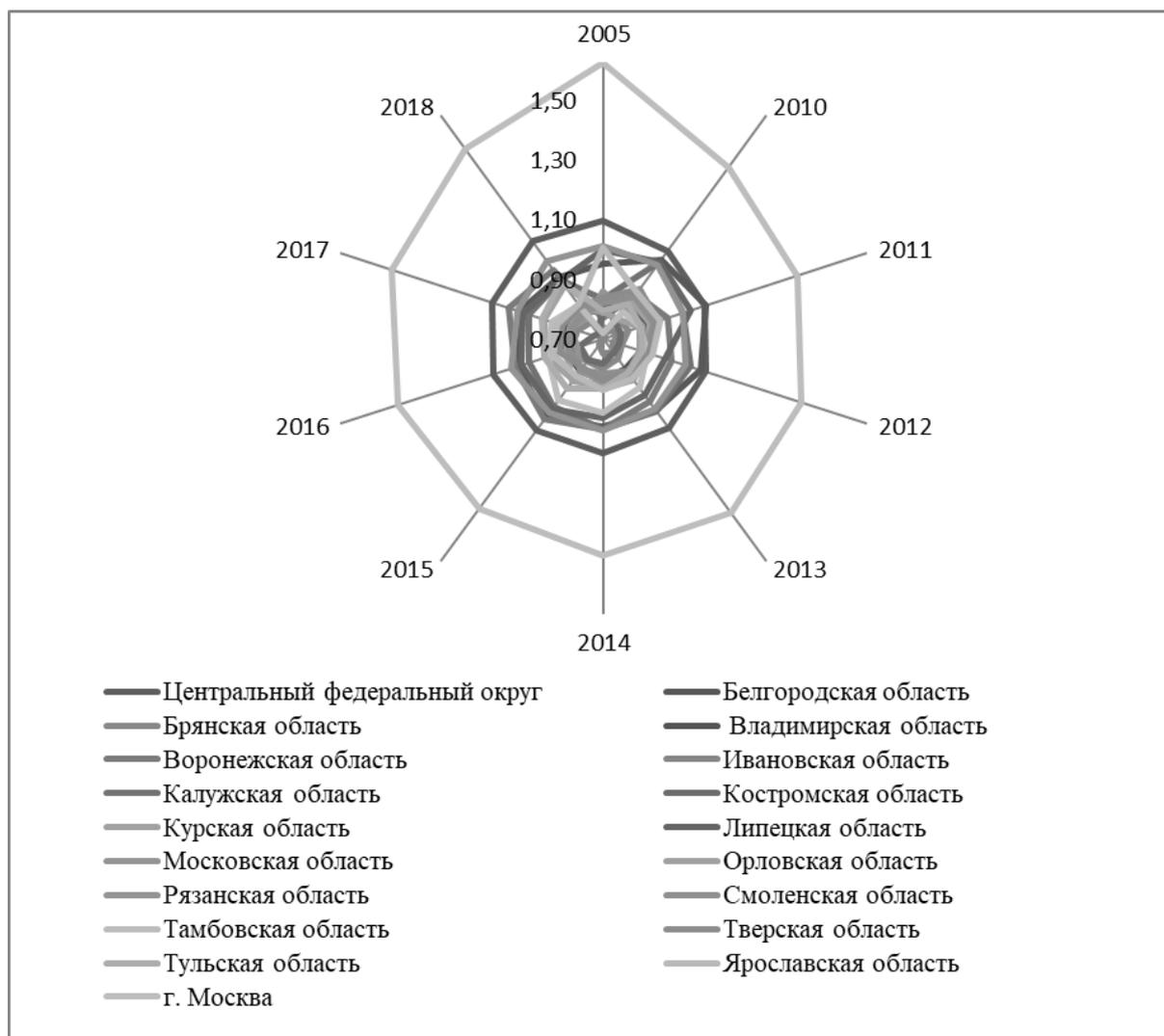

Рис. 1. Динамика интегрального коэффициента экономического потенциала 2005–2018 гг.
Построено авторами на основании [10]

онированию и развитию. Если же определять экономическую устойчивость территории, то целесообразно отметить возможности поступательного развития, нейтрализации или ослабления экономических угроз и катастроф. Это связано с тем, что под воздействием продолжающихся санкций, границы которых не определены, происходит переосмысление интеграционных связей. Уходят на второй план концепты трактовки «рост без развития», т.е. масштабы спада в экономике требуют переосмысления ценности производства в потреблении и поиска качественных ориентиров в структурных преобразованиях тех отраслей, от которых зависит жизнеспособность страны в целом. [8, с. 20] Важно, в первую очередь подчеркнуть, что структурная политика должна поддерживать те отрасли и сектора экономики, которые обеспечивают рост и развитие с участием государства и под его контролем, а никак

не наоборот. Это важно ещё и потому, что в России ещё сохранился потенциал периода СССР, в частности в ВПК, ТЭК, транспортное машиностроение и т.д. [1, с. 157] В любой постановке значение эффективности, а значит и потенциала роста, будет определяться степенью конкурентоспособности отечественной экономики на основе роста технико-технологического и организационно-экономического потенциалов страны.

В настоящее время объявленный переход к новой цифровой парадигме роста вызывает большой и неоднозначный вопрос, связанный с тем, что в принятых стратегических программах нет механизма, способного активизировать потенциал социально-экономического развития, решить задачу безопасности отечественной экономики с точки зрения адаптации к новым вызовам. Ведь сущностная сторона устойчивости заключается

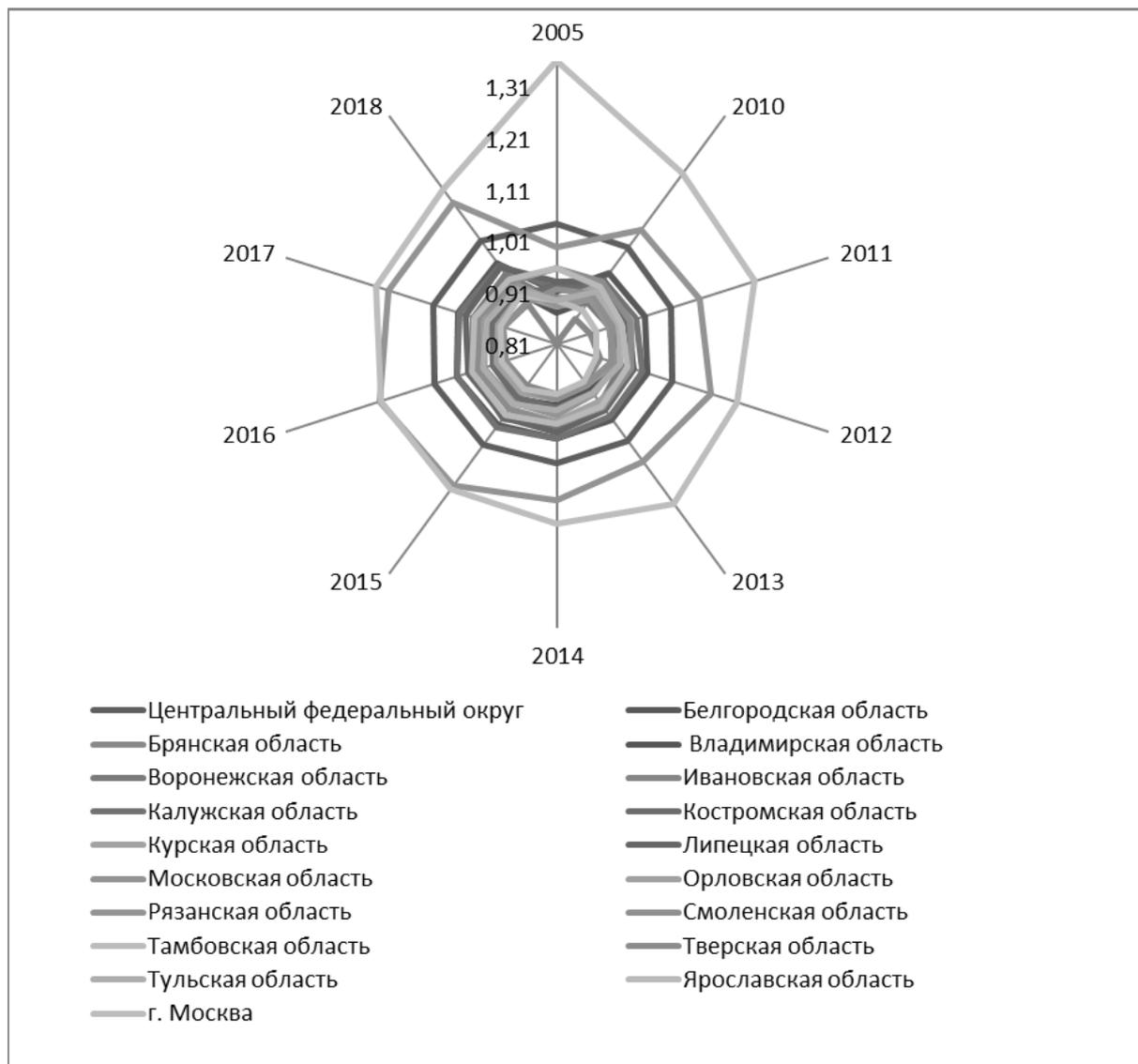

Рис. 2. Динамика коэффициента социального потенциала в 2000–2017 гг.
Построено авторами на основании [10]

в качестве и стабильности жизни населения, гарантирующих мир и спокойствие в обществе; в возможности решать накопившиеся проблемы и активно влиять на острые социально-экономические вызовы, такие как негативы в демографических процессах, низкий жизненный уровень, высокая смертность, низкая рождаемость, снижение уровня человеческого потенциала. [3, с. 875]

Другими словами, постановка задачи должна состоять в том, чтобы базовой установкой при исследовании потенциала социально-экономического развития являлись национальные приоритеты, а не только экономическая целесообразность, всё более обостряющая ситуацию в социальной сфере и нарушающая жизненное пространство и привычный уклад страны.

Обращаясь к проблеме методологии и критериев оценки социально-экономического развития отметим, что в представленном исследовании для оценки его уровня были разработаны следующие интегральные показатели: коэффициент экономического потенциала (КЭП) и коэффициент социального потенциала (КСП). [4, с. 140] Используемый методологический подход предполагает применение среднедушевых показателей в интегральных коэффициентах. К показателям экономического потенциала (КЭП) были отнесены: годовой объем ВРП на душу населения, руб.; годовой уровень инфляции (индекс потребительских цен на товары и услуги — декабрь к декабрю), в%; инвестиции в основной капитал, на душу населения, руб.; степень износа основных фондов (на конец года по полному кругу предприя-

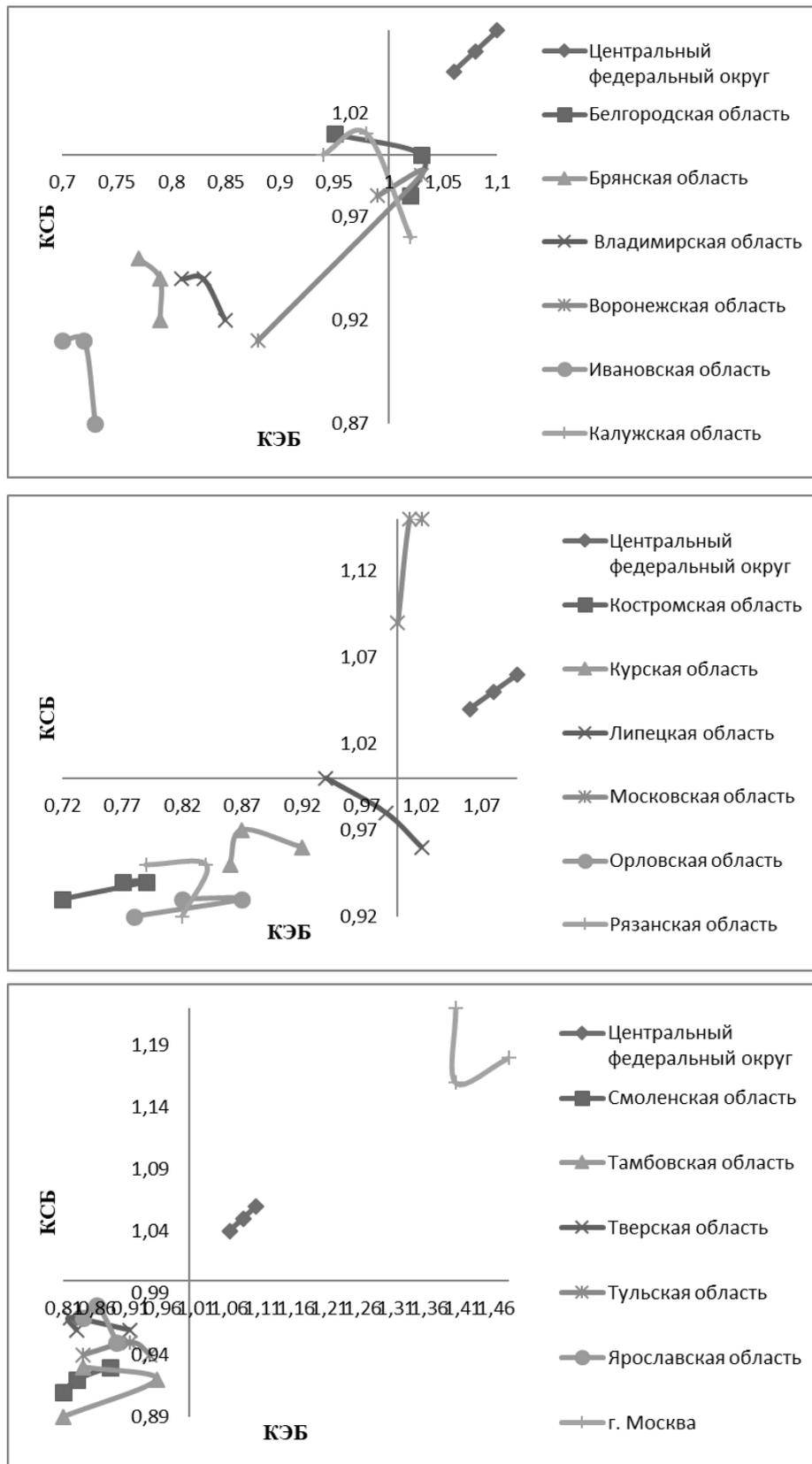

Рис. 3. Динамика показателей социально-экономического развития субъектов Центрального федерального округа в 2010–2018 гг.
Построено авторами на основании [10]

тий), в%; удельный вес убыточных организаций (на 1 января), в%.

В качестве показателей, характеризующих социальный потенциал (КСП) были выбраны следующие: среднедушевые денежные доходы населения (в месяц, руб.); доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения субъекта РФ, в процентах; средний размер назначенных пенсий, руб.; общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, кв. м; общий коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 чел населения).

Для расчета интегральных параметров экономического и социального развития все показатели были нормированы по среднероссийскому значению. Результатом стали графики рис. 1 и рис. 2, где проведены посчитанные средние показатели для группы экономических и социальных индикаторов.

На рис. 3 и в показано изменение показателей экономического и социального развития субъектов Центрального федерального макрорегиона РФ в 2010–2018 годах. Все рассматриваемые регионы были размещены на одной сетке и показана динамика средних значений КЭП и КСП, взятых за три года: 2010, 2015 и 2018.

Регионы, которые попали в правую верхнюю зону (первая четверть координатной плоскости) можно условно отнести к экономически и социально развитым.

Отмечаем, что два региона на протяжении рассматриваемого периода не покидали эту правую («безопасную») зону: г. Москва, Московская область. [15, с. 167] Именно их можно отнести к субъектам с высокими конкурентными позициями.

Белгородская область, Калужская область начинали за пределами «безопасной зоны», но со временем в нее входили. Белгородская область начинала в «безопасной зоне», но затем вышла из нее по экономическому развитию. Эти субъекты располагаются в зоне риска. Особую тревогу вызывает положение Ивановской, Брянской, Владимирской, Орловской, Костромской, Рязанской, Смоленской областей, которые не только заметно уступают, но и существенно отстают от ведущих регионов по экономическому и социальному потенциалу. Фактически она находится в состоянии затяжной рецессии.

Траектории регионов на рис. 3 показывают прогресс или регресс за рассматриваемый период с 2010–

2018 гг. как в экономическом, так и в социальном потенциале. Видно, что наибольшего прогресса в экономическом развитии добилась Москва и Московская область — они и обеспечивают рост конкурентных позиций в среднем по всему центральному федеральному округу. В социальном развитии добиться прогресса регионам гораздо сложнее.

Высокий уровень экономического развития Москвы, обеспечивается, прежде всего, за счет высокого ВРП на душу населения (превышение среднероссийского значения в 2,61 раза). Кроме того, в Москве ниже степень износа основных фондов (обратный показатель выше среднероссийского в 1,26 раза) и выше среднедушевой показатель инвестиций в основной капитал в 1,32 раза. [7, с. 10]

Высокое значение КСП Москвы обеспечиваются, прежде всего, высокими среднедушевыми доходами (выше среднероссийского в 2,2 раза), ростом показателя соотношением среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму (выше среднероссийского в 1,04 раза), превышением среднероссийского уровня по показателю размера назначенных пенсий в 1,08 раза. При этом проблемными остаются показатели роста общей площади жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (составляет 0,8 среднероссийского уровня) и коэффициент рождаемости, находящийся на уровне 0,88 от среднероссийского значения.

Сильными сторонами Московской области можно считать сравнительно низкий уровень износа основных фондов (износ основных фондов выше среднероссийского уровня в 1,12 раз) и удельный вес убыточных предприятий (обратный показатель выше среднероссийского в 1,02 раза). По оценке социального развития Московская область демонстрирует высокий уровень, превышая среднероссийский в 1,11 раза. Однако уровень неравенства доходов (коэффициент Джини — 393) выше среднего по округу в 1,07 раза), [2, с. 598] При этом уровень доходов населения по сравнению с Москвой невелик (отношение среднедушевых доходов составляло на 2018 год 1,53 раза, а уровень бедности немного выше — в 1,07 раза численность населения с доходами ниже прожиточного минимума меньше по сравнению с Москвой).

Московская область создает достаточно высокий ВРП, отдавая первенство только Москве (4201768,8 млн. руб. против 17881516,2 млн. руб. на 2018 год), предприятия активно обновляют основные фонды. При этом имеет целесообразность увеличение инвестиций в основной капитал. Уровень доходов населения относительно большой, уровень бедности ниже средне-

российского, сравнительно низкое расслоение по доходам, безработица ниже среднероссийской.

Оценка интегральных показателей таких областей как Белгородская, Калужская, Воронежская, Курская, Тверская, Липецкая, Ярославская, Тульская, позволяет отнести их к достаточно развитым. Проанализируем источники роста этих областей.

Особенностью Белгородской области является достаточно высокий уровень ВРП на душу населения (его среднее значение соответствует среднему по стране) и низкий уровень износа фондов, превышающий среднероссийский в 1,07 раза, а также низкий удельный вес убыточных предприятий (обратный показатель в 1,05 выше среднероссийского). [11, с. 646] Это исключительно важно для экономики области и может играть роль потенциала роста.

Воронежская область не отличается большим объемом инвестиций в отличие от Липецкой области, где он составляет 1,06 от среднероссийского уровня. Это дает возможность активно генерировать добавленную стоимость в различных отраслях промышленности, транспортного комплекса, сельском хозяйстве, что достаточно хорошо видно по объему ВРП на душу населения — в Липецкой области он составляет 319842 руб. против 269350 руб. в Воронежской области

Оценка социально-экономических интегральных показателей таких областей как Брянская, Костромская, Владимирская, Смоленская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, позволяет отнести их к слабо развитым. Проанализируем причины такого положения областей и источники роста.

Владимирская, Смоленская области создает относительно небольшой объем добавленной стоимости, чуть более на половину превышающих среднероссийский (среднедушевой ВРП составляет лишь 0,57 и 0,58 от среднего по стране значения соответственно). Предприятия не проявляют активности в привлечении инвестиций в основной капитал (среднедушевой показатель инвестиций в основной капитал составляют 0,51 и 0,64 от среднероссийского показателя в 1,07 раз). [14, с. 16] Организации Владимирской области более активно обновляют основные фонды по сравнению со Смоленской (обратный показатель степени износа фондов в 1,06 и 0,99 раз выше среднего по стране), при этом убыточность соответствует среднему по стране уровню).

Ивановская область генерирует относительно небольшой объем добавленной стоимости (душевой ВРП составляет 0,37 от среднего по стране), что обусловле-

но низким уровнем инвестиций в основной капитал, составляющий 0,33 от среднероссийского. Уровень обновления основных фондов выше среднего (показатель составляет 1,07 от среднего по стране) что может определять потенциал роста в долгосрочной перспективе. Организации чаще среднего терпят убытки (обратный показатель доли убыточных организаций составляет 0,91 от среднего по стране). [5, с. 58] Эти параметры предопределяют достаточно низкий уровень экономического развития по интегральному коэффициенту — 0,73

В процессе исследования подтвердился тезис о том, что высокие доходы населения в регионе обуславливают более высокое расслоение, которое приводит к социальной напряженности в регионе. Некоторые области демонстрируют высокие показатели социального развития, потому что там наблюдается так называемая «равномерная бедность», что характеризует отрицательную динамику регионального развития. Наблюдается следующая закономерность: чем ниже доходы, тем выше по отношению к ним пенсии. Это можно объяснить тем, что размер пенсии регулирует государство, а зарплаты — местный рынок труда. Фактически пенсии проходят инвариантной величиной через все регионы, со своими особенностями рынка труда и разным уровнем дохода.

В настоящее время становится вполне очевидным, что принятый механизм хозяйствования в Центральном федеральном округе не способствует повышению конкурентных позиций. [12, с. 599] Уровень социально-экономического развития тем ниже, чем ниже технико-технологический и организационный потенциалы, результатом чего является переход экономики в депрессивный или кризисный режим. Исследуя взаимосвязи экономического потенциала с точки зрения рациональности и эффективности, ряд предприятий центрального округа показывает, что в условиях архаичных производственных отношений основанных на механизмах рынка, очень высока вероятность перехода в кризисное состояние и депрессивный режим стагнирующего характера. [6, с. 911] Поэтому проблема повышения конкурентных позиций субъекта всегда связана с уровнем технико-технологического и организационно-экономического потенциала, поддержание которого обеспечивает конкурентоспособность хозяйственного комплекса в экономической среде рынка и его поступательное развитие.

Результаты проведенного исследования убеждают в том, что в формировании в России модели устойчивого социально-экономического развития требует разработки механизмов рационального использования социально-экономического потенциала регионов как фактора управления в глобальном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский, А.В. Проблемы и перспективы экономического развития России в контексте либеральных преобразований / А.В. Дубровский // Экономика и предпринимательство –2020. — № 2 (115). — С. 151–158
2. Дубровский, А.В. Противоречия технологических и социально-экономических трансформаций в современной России / А.В. Дубровский, В.Н. Щербаков // Самоуправление –2021. — № 2.(124) — С. 596–600
3. Дубровский, А.В. Формирование современной парадигмы устойчивого экономического развития / А.В. Дубровский // Экономика и предпринимательство –2020. — № 3(116). — С. 872–877
4. Зубаревич, Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты / Н.В. Зубаревич // Вопросы экономики. — 2019 — № 1. — С. 135–145.
5. Макарова, И.В. Система приоритетов развития России. / И.В. Макарова // Научно-аналитический журнал «Актуальные проблемы социально-экономического развития России». — 2014. — № 1. — С. 57–60
6. Пасикун, В.Н. Методологические проблемы оценки эффективности инвестиционных проектов в промышленности / В.Н. Пасикун, А.В. Дубровский // Экономика и предпринимательство. — 2015. — № 12–3 (65). — С. 909–912
7. Самсонов, К.В. Варианты инновационного развития промышленности / К.В. Самсонов, В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. — 2013. — № 4. — С. 9–12
8. Сорокин, Д.Е. Политическая экономия технологической модернизации России / Д.Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. — 2020. — № 1(63). — С. 18–25
9. Указ президента РФ «О стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года» <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705150001>
10. Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru>
11. Щербаков, В.Н. Модернизация экономики и проблемы эффективности / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский // Самоуправление –2020. — Т. 2, № 2.(119) — С. 633–647
12. Щербаков, В.Н. Противоречия технологических и социально-экономических трансформаций в современной России / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский // Самоуправление –2021. — № 2.(124) — С. 596–600
13. Щербаков, В.Н. Совершенствование интеграционных связей бизнеса и государства в стратегии модернизации промышленности / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский // Экономика и предпринимательство. — 2016. — № 12–2 (77–2). — С. 1188–1192.
14. Щербаков, В.Н. Управление рисками инновационно-инвестиционной деятельности предприятия / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский, А.С. Тотанов // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. — 2013. — № 4. — С. 13–16
15. Экономико-теоретические исследования в финансовом университете: история и современность. Монография / В.П. Акугинова, Ю.И. Будович, А.В. Дубровский [и др.] — М.: ООО «Русайнс», 2021. — 272с.

© Щербаков Виктор Николаевич (sherbakovvn@yandex.ru), Дубровский Андрей Викторович (dav-rgsu@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2021.06.01

ТОЖДЕСТВО ИСКА О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ И ГРАЖДАНСКОГО ИСКА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

IDENTITY OF A CLAIM FOR SUBSIDIARY LIABILITY IN A BANKRUPTCY CASE AND A CIVIL CLAIM FOR DAMAGES IN A CRIMINAL CASE

A. Alfimova

Summary. Taking into account the low percentage of satisfaction of creditors' claims in bankruptcy cases — they receive nothing in 60% of cases — there is a tendency to use as many methods as possible to protect the interests of creditors, including by bringing persons controlling the debtor to various types of liability. The number of applications filed for bringing to subsidiary liability is growing every year, and in 2020 amounted to more than 6.6 thousand, of which about 40% were satisfied and about 3.2 thousand controlling persons were prosecuted to subsidiary liability. In such conditions, an actual issue is the correspondence of different types of liability for the same violations and the prevention of double prosecution.

The purpose of this study is to resolve the issue of the identity of a claim for bringing to subsidiary liability in a bankruptcy case and a civil claim for damage caused by a crime in a criminal case.

There are both general scientific methods, such as logical, systemic, structural-functional, statistical, and special methods of legal science, such as formal dogmatic, comparative legal, technical and legal to achieve the above purpose.

As a result, the nature of subsidiary liability and liability in the form of compensation for harm caused by a crime was determined, the elements of the above claims were identified and compared.

Keywords: identity of claims; bankruptcy; subsidiary liability; civil claim in a criminal case.

Алфимова Александра Сергеевна

МГЮА им. О.Е. Кутафина; практикующий юрист, старший юрист практики реструктуризации и банкротства Parallel Legal (ООО «ЛизгалПараллель»), г. Москва

alf.aleksandra@yandex.ru

Аннотация. С учетом низкого процента удовлетворения требований кредиторов в делах о банкротстве — они не получают ничего в 60% случаев — наблюдается тенденция применения как можно большего количества способов защиты их интересов, в том числе путем привлечения контролирующих должника лиц к различным видам ответственности. Число поданных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности растет с каждым годом, и в 2020 году составило более 6,6 тысяч, из которых были удовлетворены около 40% и к ответственности привлечено около 3,2 тысяч контролирующих лиц. В таких условиях актуальным вопросом является соотношение различных видов ответственности за одни и те же нарушения и предотвращение двойного привлечения к ответственности.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы решить вопрос о тождестве иска о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве и гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, в уголовном деле.

В рамках исследования для достижения поставленной выше цели применялись как общенаучные методы, такие как логический, системный, структурно-функциональный, статистический, так и специальные методы юридической науки, такие как формально-догматический, сравнительно-правовой, технико-юридический.

В результате проведенного исследования была определена природа субсидиарной ответственности и ответственности в виде возмещения вреда, причиненного преступлением, были установлены элементы вышеназванных исков и проведено их сравнение.

Ключевые слова: тождество исков; банкротство; субсидиарная ответственность; гражданский иск в уголовном деле.

Введение

В рамках банкротства деятельность контролирующих должника лиц подвергается тщательной ревизии на предмет наличия составов преступлений, оснований для оспаривания сделок, для взыскания убытков, для привлечения к субсидиарной ответственности. В таких условиях возникают проблемы

тождества заявленных к контролируемому лицу требований, которые пока в недостаточной степени проработаны в теории и на практике.

С учетом увеличивающегося количества уголовных дел, которые сегодня стали частыми спутниками дел о банкротстве, и повального привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности актуальным

представляется вопрос о тождестве иска о возмещении вреда в рамках уголовного дела и иска о привлечении к субсидиарной ответственности. Например, генеральный директор привлекается к уголовной ответственности за неуплату должником налогов по статье 199 УК РФ [30]. Налоговый орган в свою очередь включается в реестр требований кредиторов должника на сумму неуплаченных налогов и требует привлечь того же директора к субсидиарной ответственности в размере непогашенных требований кредиторов по ст. 61.11 Закона о банкротстве [31]. Также предъявляется гражданский иск о возмещении ущерба в уголовном деле. Возникает ли в данном случае тождество иска о привлечении к субсидиарной ответственности с гражданским иском в уголовном деле или нет?

Понятие тождества исков

При рассмотрении проблемы тождества исков мы будем исходить из внешнего тождества исков, то есть совпадения элементов двух предъявленных исков. Относительно элементов иска в науке российского процессуального права до сих пор продолжаются дискуссии. Одни ученые придерживаются подхода Гурвича М.А. и выделяют предмет, основание и содержание иска [6]. Другие авторы поддерживают позицию Осокиной Г.Л., согласно которой элементами являются предмет, основание и стороны [18]. Но наиболее признанной является точка зрения, согласно которой элементами иска являются предмет и основание [7].

Под предметом иска в теории гражданского процесса понимается либо в широком смысле спорное гражданско-правовое отношение [6], либо в узком смысле материально-правовое требование истца к ответчику [7]. Последняя точка зрения находит свое отражение в судебной практике [25]. Например, в пункте 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 31.10.1996 № 13 «О применении АПК РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции» установлено, что изменение предмета иска означает изменение материально-правового требования истца к ответчику [24].

Относительно основания иска разворачивается ещё более жаркая дискуссия, потому что в отличие от предмета основание иска имеет принципиальное значение в англо-саксонской правовой системе и во многих странах континентальной Европы, следовательно, имеется обширный научный и практический опыт зарубежных коллег. В основание иска традиционно включаются юридические факты, на основании которых предъявляется иск [6]. Включение в основание иска правовой квалификации указанных фактов является дискуссионным и признается не всеми учёными. В пункте 3 вышеупомянутого Постановления Пленума ВАС РФ от 31.10.1996

№ 13 под изменением основания иска понимается изменение обстоятельств, на которых истец основывает свое требование к ответчику [24]. Таким образом, правоприменительная практика исходит из фактического подхода к основанию иска.

Для того чтобы выявить наличие или отсутствие тождества между иском о привлечении к субсидиарной ответственности и иском о возмещении вреда, причиненного преступлением, необходимо разобраться в природе этих двух видов ответственности.

Природа субсидиарной ответственности

На сегодняшний день в науке и правоприменительной практике имеется три основных подхода к природе субсидиарной ответственности.

1. Субсидиарная ответственность — дополнительная ответственность. Согласно общему правилу, закрепленному в пункте 1 статьи 48 ГК РФ [5], обособленное юридическое лицо самостоятельно несет ответственность перед кредиторами. В статье 399 ГК РФ, посвященной субсидиарной ответственности, установлено, что в силу закона или договора лицо может быть обязано возместить вместо основного должника причиненный им вред. В свою очередь специальными нормами главы III.2 Закона о банкротстве установлена субсидиарная ответственность контролирующих лиц — экстраординарный механизм возмещения потерь кредиторов должника-банкрота [23].

Точка зрения о дополнительной природе субсидиарной ответственности не получила широкого распространения ни в доктрине, ни в судебной практике. В судебной практике окончательный отказ от неё произошел после выхода Определения Верховного Суда РФ от 16.12.2019 в рамках дела о банкротстве ООО «Амурский нефтепродукт». Верховный Суд РФ, пресекая квалификацию субсидиарной ответственности по статье 399 ГК РФ, указал, что «статьей 399 ГК РФ урегулирована ответственность дополнительная, в то время как субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве, является самостоятельной (основной) ответственностью контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица» [16].

2. Субсидиарная ответственность — особый вид ответственности, осуществляемый путем «снятия корпоративного покрова». Такая квалификация характерна для англо-американского правопорядка и, по сути, в рамках конструирования субсидиарной ответствен-

ности мы ориентировались именно на эту модель. За рубежом «снятие корпоративной вуали» направлено на «защиту от злоупотреблений принципом ограниченной ответственности участников по долгам компании» [9]. В иностранных правовых порядках речь идет именно о защите от гражданско-правовых злоупотреблений, для иных видов злоупотреблений предусмотрены административная и/или уголовная ответственности.

В нашей же действительности субсидиарная ответственность используется как универсальный инструмент борьбы со всеми возможными, в том числе публично-правовыми нарушениями [3]. Как отмечает Мифтахутдинов Р.Т., «пока что в наших реалиях общий уровень культуры ведения бизнеса, построения экономических связей достаточно невысок, и если сразу начать бороться со всеми злоупотреблениями... с помощью уголовно-правовой юрисдикции, то бизнесом уже некому будет заниматься» [12]. Таким образом, сегодня российская модель субсидиарной ответственности не в полной мере соответствует доктрине «снятия корпоративного покрывала».

3. Победившей на данный момент в российской судебной практике является позиция о деликтном характере субсидиарной ответственности. Она базируется на том, что субсидиарная ответственность наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов подконтрольного лица. Следовательно, долг, возникший из субсидиарной ответственности, должен быть подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота согласно статье 1064 ГК РФ [4].

Верховный Суд РФ последовательно проводит указанную точку зрения как в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [23], так и в отдельных определениях и обзорах судебной практики [13]. Верховный Суд РФ отмечает, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности «по сути опосредует типизированный иск о возмещении причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением основного должника до банкротства» [15].

Именно исходя из деликтной природы субсидиарной ответственности в деле о банкротстве ООО «Дальняя степь» иск о привлечении к субсидиарной ответственности был квалифицирован как групповой косвенный иск о возмещении вреда [17]. А в деле о банкротстве ООО «Амурский нефтепродукт» Верховный Суд РФ разрешил наследование обязательств из субсидиарной ответственности [16].

Среди особенностей данного иска Верховный Суд РФ выделяет его специальное применение, упро-

щенный процесс доказывания, правила об исковой давности и размер ответственности. При этом как отмечает Верховный Суд РФ, «размер ответственности сам по себе правовую природу требований никак не характеризует» [15]. Такая оговорка важна, так как в ключе квалификации субсидиарной ответственности как деликтной наиболее интересен именно её размер, который лишь опосредованно равен размеру причиненного вреда. Опосредованно — потому что лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, может причинить вред, совершив, например, две сделки, которые вывели из имущественной массы должника условно 10 рублей, и привели (или все-таки не привели?) к банкротству с общим размером реестра требований кредиторов в 100 рублей. Получается, что прямой вред равен 10 рублям, однако, лицо привлекается к ответственности и становится обязанным компенсировать кредиторам 100 рублей.

Частично эту проблему на теоритическом уровне решает пункт 20 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [23], где установлено, что в случае, когда причиненный контролирующими лицами вред исходя из разумных ожиданий не должен был привести к объективному банкротству должника, такие лица обязаны компенсировать возникшие по их вине убытки в размере, определяемом по правилам статей 15, 393 ГК РФ. При этом с сожалением приходится констатировать, что на практике этот подход применяется не так часто [14], в основном суды не разбираются, повлекли ли действия лица банкротство предприятия, и привлекают всех лиц к субсидиарной ответственности на весь непогашенный реестр требований кредиторов.

Природа ответственности в виде возмещения вреда, причиненного преступлением

В отличие от субсидиарной ответственности здесь не возникает споров относительно природы ответственности за вред, причиненный преступлением — она носит деликтный характер.

Уголовно-процессуальное законодательство [29] не содержит определения гражданского иска. В доктрине он определяется как требование физического или юридического лица о возмещении имущественного ущерба и морального вреда, причиненного преступлением, к обвиняемому либо лицу, несущему материальную ответственность за действия обвиняемого, заявленные при производстве по уголовному делу [2]. При этом нужно учитывать, что не всегда гражданский иск направлен на защиту частных интересов, в налоговых преступлениях, например, он направлен на защиту публичных интересов.

Возможность предъявления гражданского иска в рамках уголовного дела обусловлена, на наш взгляд, прежде всего процессуальной экономией. Некоторые авторы также обращают внимание на необходимость государству реагировать не только на нарушение публичных, но и на нарушение частных интересов, а также на то, что «наказание рублем» гораздо лучше предотвращает последующие преступления [19].

Многие ученые и практикующие юристы с сожалением констатируют, что пока институт гражданского иска в уголовном деле в России работает неэффективно [28]. При этом общеприменимых механизмов компенсации вреда, причиненного преступлением, со стороны государства в пользу потерпевших в российском законодательстве в отличие от зарубежного не предусмотрено [8].

На контрасте с иными потерпевшими выгодно выделяется государство, которое в рамках налоговых преступлений достаточно успешно компенсирует вред путем предъявления гражданского иска в уголовном деле. Так, в недавнем Постановлении по «делу Ахмадеевой» Конституционный Суд РФ подчеркнул возможность налоговых органов обращаться с иском о возмещении вреда на основании статьи 1064 ГК РФ, причиненного налоговым преступлением: «...отношения между публично-правовым образованием и физическим лицом, совершившим налоговое преступление, по поводу возмещения вреда, причиненного бюджету публично-правового образования в результате неуплаты налогов организацией-налогоплательщиком, являются не налогово-правовыми, а гражданско-правовыми. При предъявлении такого рода исков органы ФНС РФ выступают, по сути, в качестве представителя интересов соответствующего публично-правового образования, лишившегося имущества в размере налоговых платежей, которые не поступили в бюджет в результате неправомερных действий физического лица» [22].

Тождество иска о привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве и гражданского иска о возмещении вреда в уголовном деле

Итак, определив критерии для сравнения (элементы иска), попробуем ответить на изначальный вопрос об их тождестве. Напомню наш пример: генеральный директор привлекается к уголовной ответственности за неуплату должником налогов. Налоговый орган, включенный в реестр требований кредиторов должника на сумму неуплаченных налогов, требует одновременно привлечь директора к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве и удовлетворить

гражданский иск о возмещении ущерба в уголовном деле.

Предмет иска о привлечении к субсидиарной ответственности — это требование о возмещении вреда кредиторам, причиненного действиями генерального директора по доведению должника до банкротства. Предмет гражданского иска в уголовном деле — это требование ФНС РФ о возмещении вреда, причиненного преступлением генерального директора по уклонению от уплаты налогов. Таким образом, предмет иска можно считать совпадающим только в части возмещения вреда государству (в лице ФНС РФ) на сумму неуплаченных налогов. Иными словами, предмет гражданского иска в уголовном деле уже, чем предмет иска о привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве.

Основания исков в упрощенном виде представляют следующее. Фактическое основание иска о привлечении к субсидиарной ответственности — действия директора по доведению должника до банкротства, в том числе по неуплате налогов. Юридическое основание — нормы главы III.2 Закона о банкротстве и статьи 1064 ГК РФ. Фактическое основание гражданского иска в уголовном деле — преступные действия директора по неуплате налогов. Юридическое основание — нормы статей 199 УК РФ и статьи 1064 ГК РФ. Таким образом, фактическое и юридическое основания двух исков пересекаются, но не совпадают целиком.

Если мы говорим о сторонах двух этих исков, то нужно учитывать, что иск о субсидиарной ответственности — это косвенный групповой иск, который заявляется налоговым органом в интересах всех кредиторов должника. Гражданский иск в уголовном деле в свою очередь прямой иск налогового органа к директору о возмещении вреда, причиненного одному кредитору. Таким образом, имеется совпадение материального истца в части налогового органа, и ответчик — генеральный директор — также совпадает.

Из приведённого выше анализа напрашивается вывод, что в части требований налогового органа о возмещении вреда, причиненного действиями по неуплате налогов, иски тождественны. К аналогичному выводу приходит и Верховный Суд РФ в Определении от 03.07.2020 по делу о банкротстве ООО «ДИС» [15], а также некоторые нижестоящие суды [20].

Вывод Верховного Суда РФ о тождестве исков в деле о банкротстве ООО «ДИС» основан на следующих предпосылках:

1. как предмет, так и основание предъявленно-го в рамках настоящего обособленного спора

требования [о привлечении к субсидиарной ответственности] и рассмотренного судом общей юрисдикции гражданского иска [в рамках уголовного дела] фактически совпадают;

2. при определении соотношения этих требований необходимо исходить из их зачетного характера по отношению друг к другу (пункт 1 статьи 6, абзац первый пункта 1 статьи 394 ГК РФ);
3. при определении вопроса, совпадают ли стороны, необходимо исходить из того, что требование о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности является косвенным, заявляемым в интересах кредиторов основного должника, выступающих фактически материальными истцами, таким образом, фигуры материальных истцов в части уполномоченного органа также совпадают;
4. заявив прямой иск к руководителю должника о возмещении причиненного вреда вне рамок дела о банкротстве, уполномоченный орган фактически выбрал способ распоряжения частью принадлежащего ему требования;
5. наличие потенциальной возможности удовлетворить свое требование с помощью иного процессуального механизма само по себе признака тождественности второго иска не устраняет.

Руководствуясь изложенными выше аргументами, Верховный Суд РФ в рамках дела о банкротстве ООО «ДИС» прекратил производство по привлечению к субсидиарной ответственности директора в части взыскания суммы, на которую был удовлетворен гражданский иск в уголовном деле.

Рассмотренный Верховным Судом РФ кейс является нетипичным и даже можно сказать идеальным по нескольким причинам. Во-первых, уголовное дело и гражданский иск в нем были рассмотрены очень быстро и предшествовали разрешению требования о привлечении к субсидиарной ответственности. На практике последовательность обычно обратная, так как, несмотря на затянутость дел о банкротстве, уголовные дела расследуются и рассматриваются гораздо дольше.

Во-вторых, третью очередь реестра требований кредиторов составляли почти целиком требования налогового органа. Такая ситуация встречается на практике, но чаще реестр требований кредиторов составляет целое множество требований различных лиц. В-третьих, к субсидиарной ответственности привлекался только генеральный директор, иные лица не привлекались. В условиях новых правил главы III.2 Закона о банкротстве и тренда на повальное привлечение всех контролирующих лиц к субсидиарной ответственности такая ситуация также является нетипичной.

В обособленном споре, рассмотренном Верховным Судом РФ, принятое им решение представляется логичным, обратное привело бы по сути к неосновательному обогащению уполномоченного органа. Однако, если мы пытаемся применить эту логику на иные более сложные и гораздо более часто встречающиеся на практике ситуации, то возникают проблемы и пробелы в логике. Например, как поступать, если к субсидиарной ответственности за действия по неуплате налогов привлекается не только директор, но и, предположим, его заместитель, а к уголовной ответственности только директор? Или в случае, если к банкротству привели не только действия, являющиеся составом преступления, но и иные действия? Можно ли применять эту логику в рамках банкротства группы компаний, когда, например, выгодоприобретатель имущества группы компаний привлекается многократно к субсидиарной ответственности в 10 делах о банкротстве компаний группы?

Заключение

Позиция относительно тождества рассматриваемых исков, занятая Верховным Судом РФ в конкретном деле, направлена на защиту интересов контролирующего лица и реализацию конституционного принципа недопустимости многократного привлечения к ответственности за одни и те же действия [21]. Дальнейшее применение этой позиции будет зависеть от широты её толкования судами и распространения заданного Верховным Судом РФ тренда на менее формальный подход к тождеству исков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 2002. № 30 (ред. от 08.12.2020);
2. Бубчикова М.В. Гражданский иск в уголовном процессе. Москва. Российский судья. 2015. № 9;
3. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ. Москва. Вестник гражданского права. 2018. № 4;
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 1996. № 5 (ред. от 09.03.2021);
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 1994. № 32 (ред. от 09.03.2021)
6. Гурвич М.А. Учение об иске. Учебное пособие. Москва. 1981;
7. Добровольский А.А. Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). Москва. 1965;

8. Дубровин В.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, путем компенсации со стороны государства (отечественный и зарубежный опыт). Москва. Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 3;
9. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. Москва. Вестник гражданского права. 2014. № 1;
10. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/?attempt=1> (дата обращения 06.05.2021);
11. Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 06.05.2021);
12. Мифтахутдинов Р.Т. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях. Москва. Закон. 2018. № 7;
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020;
14. Определение Верховного Суда РФ от 08.04.2019 № 309-ЭС19-2667 по делу № А50-25597/2015, Определение Верховного Суда РФ от 28.01.2019 № 309-ЭС17-12924(3) по делу № А50-8447/2015, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.03.2020 № Ф05-24381/2019 по делу № А41-19612/2016, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.07.2020 № Ф06-45888/2019 по делу № А65-17406/2016, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу от 16.07.2020 по делу № А21-328/2016, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.07.2020 № Ф09-4350/20 по делу № А60-60872/2018;
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007(2) по делу № А40-203647/2015;
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016;
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу № А22-941/2006;
18. Осокина Г.Л. Иск (теория и практика). Москва. 2000;
19. Оськина И., Лупу А. Гражданский иск в уголовном процессе. Москва. ЭЖ-Юрист. 2014. № 11;
20. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.06.2020 № Ф06-52283/2019 по делу № А12-15649/2019, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2020 № 13АП-3559/2020 по делу № А56-94386/2018, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2021 № 15АП-794/2021 по делу № А53-1203/2016;
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.02.2019 № 8-П, Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П, Постановление Президиума ВАС РФ от 15.04.2014 № 19440/13, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.11.2020 № 305-ЭС20-11900 по делу № А40-189753/2019, Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 11.09.2019 № 51-КА19-10;
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068ГК РФ, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 НК РФ, статьи 199.2 УК РФ и части первой статьи 54 УПК РФ в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева». Российская газета. № 291. 2017;
23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». Российская газета. № 297. 2017 (ред. от 21.12.2017);
24. Постановление Пленума ВАС РФ от 31.10.1996 № 13 «О применении АПК РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции». Российская газета. № 227. 1996 (ред. от 09.07.1996);
25. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2004 № 2353/04 по делу № А60-14530/03-С4, Постановление Верховного Суда РФ от 04.07.2016 № 305-АД16-8893 по делу № А40-134966/2015;
26. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/Online/> (дата обращения 06.05.2021);
27. Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства. Законы России: опыт, анализ, практика. Москва. 2018. № 7;
28. Сушина Т.Е. Современное состояние и перспективы развития гражданского иска в уголовном процессе. Москва. Lex russica. 2019. № 3;
29. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ред. от 05.04.2021);
30. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 1996. № 25 (ред. от 05.04.2021);
31. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Собрание законодательства РФ. 2002. № 43 (ред. от 30.12.2020).

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО КРЕДИТНОМУ ДОГОВОРУ

FEATURES OF INHERITANCE OF OBLIGATIONS UNDER THE LOAN AGREEMENT

**A. Barinov
N. Kuznetsova
O. Ryabova**

Summary. The article is devoted to the issues of inheritance of obligations under the loan agreement. Based on the analysis of the norms of civil legislation, scientific works and explanations of the highest judicial instance, the features of the application of the norms of civil legislation regulating the procedure for inheritance of obligations under a loan agreement are highlighted. Contradictions are revealed in the judicial acts that resolve disputes about the recovery of debts from the heirs under the loan agreement. The problems related to the early repayment by the heirs of the loan received by the testator for carrying out business activities and unfair actions of the lender in the long-term non-presentation of claims to the heirs for debt collection are disclosed. Proposals are formulated to improve the norms of civil legislation governing the relationship of inheritance of obligations under the loan agreement.

Keywords: heirs, inheritance, opening of inheritance, loan agreement, interest for using the loan, debt collection, abuse of rights.

Баринов Андрей Викторович

*К.ю.н., доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы; ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
barinov-vlad@inbox.ru*

Кузнецова Наталья Владимировна

*Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
kuznezova-1963@mail.ru*

Рябова Ольга Алексеевна

*Преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
frau.lilya2012@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам наследования обязанностей по кредитному договору. На основе анализа норм гражданского законодательства, научных работ и разъяснений высшей судебной инстанции выделены особенности применения норм гражданского законодательства, регулирующего порядок наследования обязанностей по кредитному договору. Выявлены противоречия в судебных актах, разрешающих споры о взыскании с наследников задолженности по кредитному договору. Раскрыты проблемы, связанные с досрочным погашением наследниками кредита, полученного наследодателем для осуществления предпринимательской деятельности и недобросовестных действий кредитора при длительном не предъявлении им требований к наследникам о взыскании задолженности.

Сформулированы предложения по совершенствованию норм гражданского законодательства, регулирующие отношения по наследованию обязанностей по кредитному договору.

Ключевые слова: наследники, наследство, открытие наследства, кредитный договор, проценты за пользование кредитом, взыскание задолженности, злоупотребление правом.

Развитие финансового рынка в России привело к тому, что у граждан кроме различного вида имущества появились и долговые обязательства, связанные, как правило с получением кредитов у банков, в том числе и под залог недвижимости (ипотека), микрозаймы взятые у микрофинансовых организаций (далее МФО). В 2020 году денежно-кредитная политика ЦБ России по снижению ключевой ставки с 6,25 до 4,5 (на март 2021), льготная государственная программа по ипотечному кредитованию под 6,5% на приобретение жилья в новостройке привели к резкому росту выдачи потребительских и ипотечных кредитов.

По данным Банка России на 1 апреля 2020 общее число граждан, имеющих задолженность перед кредитными организациями, составляет 42 миллиона человек, из них 5,5 миллионов являются клиентами МФО [1]. По данным Национального бюро кредитных историй существенно вырос и средний размер потребительского кредита. В феврале 2021 года он достиг рекордной суммы в 264,8 тыс. рублей. Только за период пандемии кредиты физическим лицам выросли на 13,5%. При этом реальные доходы россиян снизились на 3,5%. По статистике ЦБ, на 1 марта 2021 года задолженность розничных клиентов перед банками составляла 20,8 трлн. руб.

Доля просроченных ссуд на тот же период достигла 976 млрд. руб. [2].

Обязанность по возврату денежных средств, полученных в банке, по кредитному договору лежит на заемщике. Перевод долга по кредитному договору на других лиц при жизни заемщика допускается только с согласия банка (ст. 391 ГК РФ). В банковской практике для обеспечения возврата, выданных по кредитному договору денежных средств используются поручительство, залог имущества, а также страхование жизни и здоровья заемщика.

Одним из случаев перевода долга без согласия кредитора является наследование. Это универсальное правопреемство, предусматривающее переход имущества умершего гражданина к другим лицам [3].

Законодательство РФ в области наследования постулирует, что в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности, а также задолженность по кредитному договору или договору займа.

Такой переход возможен, если в кредитные и заемные обязательства не включены указанные выше способы обеспечения исполнения обязательств.

Как указано в п. 60 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [4] ответственность по долгам наследодателя, включая кредитные обязательства, несут все принявшие наследство наследники, принимая во внимание и соответствующие публично-правовые образования, к которым перешло выморочное имущество. При этом юридическое значение имеет только факт принятия наследства — реализации наследником своих прав [5 С. 9]. Для возложения обязанности по кредитному договору на лиц, являющихся наследниками достаточно доказательства принятия наследства, при этом учитывается и фактическое принятие наследства. [6]. Что касается выморочного имущества, то при взыскании долга с публично-правового образования принятие имущества таким субъектом не имеет значение, так как для этого не требуется специальных актов.

Кредитные обязательства не связаны с личностью умершего и, следовательно, наследник, который принял наследство, приобретает статус должника и несет обязанности по исполнению кредитных обязательств наследодателя со дня открытия наследства. Как разъяснено в вышеуказанном Постановлении, если насле-

додателем был заключен кредитный договор, то к лицу, вступившему в наследство, переходит обязанность погасить как оставшуюся на день открытия наследства сумму основного долга, так и проценты за пользование ею, при этом соблюдая сроки и порядок, предусмотренные договором.

Особенностью наследования кредитных обязательств является, во-первых, то, что досрочное возвращение суммы только с согласия кредитора за исключением случаев получения наследодателем кредита для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью. Такой кредит может быть возвращен досрочно в полном объеме, но при условии уведомления об этом кредитора не менее чем за тридцать дней до дня такого возврата [3,4]. Во-вторых, в случае если наследодатель не исполнял обязанности по кредитному договору до момента смерти, то с наследников подлежит взысканию кроме оставшейся суммы кредита и процентов на нее еще и неустойка, если она установлена договором или проценты в соответствии со ст. 395 ГК РФ, но только до момента открытия наследства. Если наследники не будут исполнять обязанности по перешедшему к ним от наследодателя кредитному договору, то с них также подлежит взысканию сумма основного долга, проценты и неустойка. При этом, проценты могут быть взысканы с наследников только по истечении времени, которое необходимо для принятия наследства (приобретения выморочного имущества). Кроме того, если наследники не знали о кредитном договоре с участием наследодателя, а кредитор длительное время не предъявлял без уважительных причин требований к наследникам о погашении задолженности, то по указанию Верховного Суда РФ, такие действия кредитора, следует рассматривать как злоупотребление правом и суды на основании положений ст. 10 ГК РФ должны отказать во взыскании процентов по за весь период со дня открытия наследства [4]. В-третьих, необходимо помнить, что ответственность наследников по долгам наследодателя, учитывая кредитные обязательства, ограничивается только стоимостью перешедшего к ним наследственного имущества. Следовательно, если наследственного имущества недостаточно, или оно отсутствует, то требования по кредитному договору за счет имущества лиц, являющихся наследниками удовлетворению, не подлежат и обязательства наследодателя в этом случае должны быть прекращены невозможностью исполнения полностью или в части. [3,4] Скорей всего в такой ситуации, когда долгов у наследодателя больше чем имущества, или имущество вообще отсутствует, наследники вряд ли будут принимать такое наследство, поэтому кредиторам придется бороться за получение задолженности с соответствующего публично-правового образова-

ния, как получателя выморочного имущества, при его наличии.

Приведенные разъяснения высшей судебной инстанции являются в настоящее время генеральной линией, которой следуют суды общей юрисдикции при рассмотрении дел, связанных с наследованием кредитных обязательств. Следует отметить, что до принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 судебная практика по делам о взыскании с наследников суммы долга и процентов по кредитному договору была далеко не однообразной. Граждане-наследники, соглашаясь оплатить сумму основного долга по кредитному договору наследодателя, пытались в суде признать незаконным взыскание с них процентов на эту сумму. В отдельных случаях, суды выносили решения в пользу граждан-наследников, отказывая банкам во взимании процентов по кредитному договору после открытия наследства. Указывая в судебных актах на незаконность возложения обязанности на наследников погашать проценты по кредитному договору, начисленные после смерти должника, суды связывали это с тем, что обязательства по их уплате прекратились в связи со смертью наследодателя [7] или ссылались на то, что пользование кредитом после смерти наследодателя прекратилось, а потому требования о взыскании процентов за пользование кредитом не подлежат удовлетворению [8]. Такие выводы судов в литературе обоснованно признавались ошибочными, так как требования к наследникам об уплате процентов за пользование кредитом, в том числе за период после смерти (с даты открытия наследства), правомерны и что наследники должны нести все обязанности по кредитному договору, в том числе и уплате процентов [9]. Однако даже после издания Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 в ряде случаев суды продолжали принимать судебные акты, в которых требование о незаконности начисления процентов по кредиту после смерти наследодателя и до принятия наследниками наследства были удовлетворены [10]. В последующем такие акты отменялись кассационной инстанцией как незаконные и нарушающие нормы материального права, повлекших вынесение незаконного судебного постановления [11].

Сложившаяся на основании положений вышеуказанного Постановления, судебная практика по наследственным делам, связанных с обязанностями по кредитному договору, с одной стороны, не имеет каких-либо противоречий и не оставляет вопросов для дискуссии. Тем не менее, мы хотели бы обратить внимание на две проблемы, влияющие на права наследников при наследовании долга по кредитному договору.

Первая проблема связана с тем, что наследники после открытия наследства, зная о наличии кредитного

договора у наследодателя, не всегда могут досрочно возратить оставшуюся сумму долга, чтобы не платить дополнительные проценты. Так, если кредит был получен наследодателем для целей, связанных с личным, семейным, домашним или иным использованием, не связанным с предпринимательской деятельностью, то его наследники в соответствии с гражданским законодательством РФ после открытия наследства могут возратить оставшуюся сумму долга досрочно только по истечении тридцати дней, с момента уведомления кредитора о своем желании погасить долг. А вот если наследодатель, будучи индивидуальным предпринимателем, получил кредит для осуществления предпринимательской деятельности, то его наследники могут вернуть оставшуюся сумму долга досрочно только с согласия кредитора (абз. 3 п. 2 ст. 810 ГК, п. 2 ст. 819 ГК РФ). В этой связи возникает ситуация, когда наследники, получив по наследству «бизнес» с кредитом и, например, не желающие продолжать предпринимательскую деятельность обязаны будут выплачивать оставшуюся сумму кредита и проценты до окончания срока действия кредитного договора, если кредитор не согласен на возврат суммы долга раньше срока, установленного в договоре.

Таким образом, при наследовании обязанности по кредитному договору, когда кредит получен наследодателем для осуществления предпринимательской деятельности, наследники, которые не имели отношения к заключению такого договора будут обязаны длительное время до момента истечения срока действия договора выплачивать оставшуюся задолженность, если только кредитор не даст согласие на досрочное погашение или они должны будут заплатить штрафную санкцию за досрочное расторжение договора, что часто применяется в банковской практике. Такое положение вряд ли можно считать справедливым, так как оно противоречит принципу свободы договора, в том смысле, что понуждает участвовать в кредитном обязательстве лиц (наследников), которые его не заключали и добровольно не принимали на себя обязательство (п. 1 ст. 421 ГК РФ), а в силу обстоятельства (смерти заемщика), на основе правопреемства стали стороной договора. Так же едва ли можно признать обоснованным и установление тридцатидневного срока после уведомления кредитора для досрочного возврата суммы долга наследниками по кредитному договору, заключенному для непредпринимательских целей.

Исходя из этого, нам представляется целесообразным закрепить в ГК РФ положение, устанавливающее право наследников при принятии наследства, включающее обязанности по кредитному договору в любое время с момента открытия наследства досрочно воз-

вратить оставшуюся сумму долга с уплатой процентов начисленных до дня возврата.

Другая проблема связана с тем, что в отдельных случаях кредитор (банки, МФО) осведомлены о лицах, принявших наследство, включающее обязанности по кредитному договору, но, действуя недобросовестно такой кредитор намеренно длительное время не предъявляют требования к наследникам с целью увеличения суммы долга с последующим взысканием в судебном порядке.

Так в одном из дел, рассмотренных Выборгским районным судом Санкт-Петербурга было установлено, что «Банк 29.03.2016 направил запрос нотариусу о предоставлении сведений о наследниках после умершего и получив необходимую информацию 14.04.2016 о наследниках и наследственном имуществе, с требованиями о досрочном возврате суммы кредита в адрес ответчиков Банк обратился спустя продолжительное время — 04.05.2017. Расценив такое поведение истца как злоупотребление правом, связав его с намеренным без уважительных причин длительным не предъявлением кредитором требований, суд основываясь на разъяснениях вышеуказанного Постановления Пленума, в удовлетворении иска о взыскании с ответчиков (наследников) задолженности по процентам отказал, указав, основываясь на законе, что наследники не должны отвечать за неблагоприятные последствия, которые наступили вследствие недобросовестных действий со стороны кредитора. Однако, при пересмотре в апелляционном порядке, вышестоящий суд отменил решение первой инстанции в части отказа в удовлетворении исковых требований о взыскании задолженности по просроченным процентам, при этом указав, что разъяснение Пленума относится к процентам за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ), а проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, по своей природе отличаются от процентов, подлежащих уплате за пользование денежными средствами, предоставленными по договору займа и кредитному договору [12]. А вот в другом деле имеет место ситуация, когда, банк намеренно не предъявлял требования о возврате задолженности более трех лет и судом было отказано в удовлетворении исковых требований о взыскании процентов на просроченный основной долг за весь период со дня открытия наследства, поскольку наследник не должен нести бремя ответственности за те неблагоприятные последствия, которые наступили вследствие недобросовестных действий со стороны кредитора. При этом суд апелляционной инстанции указал, что кредитор, злоупотребив своим правом, в нарушение ст. 10 ГК РФ, искусственно создал ситуацию, при которой размер подлежащих взысканию по кредитному договору процентов увеличился. [13].

Приведенные примеры, несмотря на достаточно четкое разъяснение, содержащееся в Постановлении Пленума свидетельствуют о существующих противоречиях в судебной практике по взысканию с наследников процентов на просроченный основной долг при длительном без уважительных причин не предъявлении кредитором требований к наследникам. Это противоречие обусловлено следующими обстоятельствами. С одной стороны, наследники, зная о перешедшей к ним задолженности по кредитному договору, как новые должники обязаны ее погасить. Предъявление требования в суд, к принявшим наследникам о взыскании такой задолженности — это право кредитора, реализовать которое он может в пределах сроков исковой давности [3]. Поэтому, взыскание процентов на просроченный основной долг и штрафных санкций за неисполнение обязательства в пределах сроков исковой давности т.е. в пределах трех лет, является правоммерным. С другой стороны, намеренное длительное не предъявление кредитором требований к наследникам по исполнению обязательств, вытекающих из кредитного договора, в отдельных случаях расцениваются судом как злоупотребление правом и на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ суды отказывают в удовлетворении исковых требований о взыскании процентов на просроченный основной долг за весь период со дня открытия наследства. В таких случаях деятельность судов направлена на защиту интересов наследников от злоупотреблений со стороны кредиторов, которые, воспользовавшись ситуацией, намеренно значительно увеличивают сумму задолженности.

Такая двойственность в оценке представленной ситуации обусловлена на наш взгляд тем, что установленный в ГК РФ общий срок исковой давности для предъявления требований о взыскании задолженности по кредитному договору негативно влияет на права наследников, так как позволяет кредитору взыскать с них значительно больше, чем сумма задолженности на момент открытия наследства. Для устранения такого положения необходимо уменьшить срок исковой давности, для предъявления требований к наследникам или к наследственному имуществу, о взыскании задолженности по кредитному договору, сократив его до одного года со дня открытия наследства, что снимет вопрос о добросовестности действий кредитора.

Таким образом, нормы гражданского законодательства, регулирующие отношения по наследованию обязанностей по кредитному договору нуждаются в серьезном совершенствовании, с целью предоставления дополнительных гарантий прав наследников и устранения противоречия между правом кредитора на взыскание задолженности и недобросовестностью действий при его осуществлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россияне нагрузили себя долгами по максимуму // РБК Газета № 039 (3328) (2903) Финансы, 26 марта [сайт] URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/03/29/605da4a99a79479a7912674f>.
2. Число россиян с кредитами и займами достигло 42 миллионов // Рамблер/финанс [сайт] URL: <https://finance.rambler.ru/money/44753853-chislo-rossiyan-s-kreditami-i-zaymami-dostiglo-42-millionov/> (дата обращения: 23.04.2021).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: [Федеральный закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г.] // СЗ РФ. — 2001. — № 49, ст. 4552.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.
5. Слесарев С. Долги в наследство // Жилищное право. 2019. № 3. С. 7–18.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2018 по делу N33–42262/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Определение СК по гражданским делам Самарского областного суда от 01 декабря 2011 г. по делу № 33–12535/2011; Кассационное определение СК по гражданским делам Хабаровского краевого суда от 18 июля 2011 г. по делу N33–180 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 14 февраля 2012 г. по делу N33–3697/2012 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Боннер Е.А. Кредит в наследство // Юридическая работа в кредитной организации. 2014. № 4. Доступ из системы «Гарант».
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 06 июля 2016 г. N33–25847/16 // Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».
11. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2017 г. N5-КГ17–79 // Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».
12. Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 08 октября 2018 г. по делу N33–21294/2018 // Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».
13. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 22 июня 2020 г. по делу N33–8841/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».

© Баринов Андрей Викторович (barinov-vlad@inbox.ru),

Кузнецова Наталья Владимировна (kuznezova-1963@mail.ru), Рябова Ольга Алексеевна (frau.lilya2012@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК МЕТОД ПСИХОПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ОСУЖДЕННЫМИ, СОВЕРШИВШИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГРУППОВОГО ХАРАКТЕРА И СОСТОЯЩИМИ НА УЧЕТЕ В УИИ

**SOCIO-PSYCHOLOGICAL TRAINING
AS A METHOD OF
PSYCHOPROPHYLACTIC WORK WITH
JUVENILE CONVICTS WHO HAVE
COMMITTED A GROUP CRIME AND
ARE REGISTERED IN THE CRIMINAL
INVESTIGATION DEPARTMENT**

N. Bokova

Summary. The presented article reveals the goals and methods of the conducted social — psychological training. Corrective and preventive work with minors was carried out with the help of games and exercises, both existing and already proven to be effective, and specially developed by us in the process of preparing a preventive program.

Keywords: social and psychological training, psychoprophylactic work, juvenile convicts, prevention technologies.

Бокова Наталья Владимировна

Начальник отдела психологического обеспечения,
ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН
России по г. Москве
rasmich@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье раскрываются цели и методы проведенного социально–психологического тренинга. Коррекционно–профилактическая работа с несовершеннолетними осуществлялась при помощи игр и упражнений, как существующих и уже подтвердивших свою эффективность, так и специально разработанных нами в процессе подготовки профилактической программы.

Ключевые слова: социально–психологический тренинг, психопрофилактическая работа, несовершеннолетние осужденные, технологии профилактики.

Любая человеческая группа отражает реальный мир, те отношения, которые существуют в жизни людей. В последние десятилетия в России резко обострилась проблема увеличения количества преступлений совершенных несовершеннолетними. По статистическим данным 83% несовершеннолетних совершили преступления против собственности, 8% против жизни и здоровья, более 4% преступления связанные с незаконным оборотом наркотиков. Подобная статистика остро ставит вопрос о важности оказания своевременной помощи и проведению психопрофилактической работы с несовершеннолетними, оказавшимися в группе риска девиантного поведения.

К числу наиболее ярких работ, связанных с групповой психологией и использованием «эффекта группы», как специального средства воздействия на личность, чаще всего относят труды А. Адлера, К. Левина, Дж. Морено, Дж. Пратта, К. Роджерса.

Экспериментальная психопрофилактическая программа разрабатывалась с учетом факторов, способствующих формированию у подростков преступного поведения, и факторов, провоцирующих подростков на совершение повторных преступлений.

В основу разработки программы легли психологические концепции развития личности и ее социализации в обществе; деятельностный подход; положения системного подхода, отраженные в современных методах воспитания; социально–педагогическая концепция профилактики, учитывающая все объективные факторы, воздействующие на личность (семья, социальные условия, референтная группа, негативные факторы внешней среды и т.п.).

Основной целью программы является организация профилактической и воспитательно–психологической работы с несовершеннолетними осужденными, совершившими преступления группового характера

и состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции, их семьями и ближайшим окружением.

Цели программы:

- ◆ Предупреждение повторной преступности среди несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления группового.
- ◆ Адаптация и ресоциализация несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления группового характера и состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции.

Основной задачей программы является создание необходимых условий для развития личности несовершеннолетних осужденных. Эти условия включают в себя:

- ◆ Коррекционную работу по устранению нарушений в развитии эмоциональной, познавательной, ценностной и мотивационной сферах.
- ◆ Социальную адаптацию и реабилитацию несовершеннолетних.
- ◆ Формирование мотивации к позитивным изменениям в своей жизни, изменение оценки себя и своего отношения к окружающему миру.
- ◆ Развитие творческой активности, социальных навыков, рефлексии.
- ◆ Формирование навыков самостоятельного решения проблем, прогнозирования последствий своих поступков, планирования своей жизни и навыков здорового образа жизни.
- ◆ Коррекцию и контроль поведения несовершеннолетних. Освоение ими социально-допустимых методов реагирования на события их жизни.
- ◆ Работу с семьей, коррекцию детско-родительских отношений, налаживание внутрисемейного взаимодействия.
- ◆ Организацию досуговой занятости несовершеннолетних.
- ◆ Мониторинг неофициального круга общения с окружающими и референтной группы несовершеннолетнего осужденного, оценка направленности социальных связей и социально-психологического статуса подростка.

Коррекционно-профилактическая программа включает в себя следующие виды работы с несовершеннолетними:

1. *Лекции и беседы по темам:*

- ◆ Законодательство Российской Федерации, Конвенция по правам ребенка и Правовая ответственность несовершеннолетних.
- ◆ Статьи законодательства, определяющие ответственность за причинение вреда здоровью; за групповые правонарушения; за хранение и сбыт наркотиков и психотропных средств;

за правонарушения в состоянии алкогольного опьянения и т.п.

- ◆ Психофизиологические изменения в организме подростка под влиянием алкоголя, наркотических и психотропных средств.
2. *Индивидуальные консультации с подростками.*
 3. *Социально-психологический тренинг.*

Целевая группа: несовершеннолетние 15–17 лет, осужденные за преступления группового характера, среди которых 93%, или 28 испытуемых, юноши и 7%, или 2 испытуемых, девушки. Всего 30 подростков.

В процессе проведения социально-психологического тренинга используются ролевые игры и упражнения, формирующие способность сопротивляться негативному давлению со стороны, и другие методы модификации поведения, способствующие созданию внутренних механизмов самоконтроля и саморегуляции деятельности, эмоций и поведения. Тематический план социально-психологического тренинга представлен в таблице 1.

Способы взаимодействия с несовершеннолетними и их окружением в процессе подготовки программы психопрофилактики разрабатывались с учетом принципов социально-педагогической концепции профилактики. Под социально-педагогической профилактикой понимается система мер воспитания несовершеннолетних, которые направлены на создание оптимальных условий для социализации развивающейся личности и проявления различных видов активности детей и подростков.

Непосредственно социально-педагогическая профилактика представляет собой целенаправленное воздействие на негативные факторы, связанные с выявленными видами проблем несовершеннолетних и отклонениями в их поведении. Также в этом плане изучалась деятельность соответствующих государственных органов, профессионально занимающихся профилактикой для определения возможностей психопрофилактической работы.

Индивидуальная профилактика подразумевает коррекционно-профилактическую работу с несовершеннолетними. Коррекционная работа строилась на результатах исследования социальных проблем подростков и причин отклонений в их поведении.

В коррекционно-профилактической работе были использованы следующие методы:

- ◆ Методы организации деятельности несовершеннолетних и создание условий для формирования

социально-адаптированного поведения: сюжетно-ролевые игры, упражнения, игровые занятия и т.п.

- ◆ Методы формирования сознания подростков и создание условий для осознания и переосмысления, для формирования новых взглядов и развития эмоционального интеллекта: беседы, дискуссии, индивидуальные консультации с применением различных техник и методик (Метафорические ассоциативные карты, Психологические игры, арт-терапевтические методики).
- ◆ Методы мотивации деятельности несовершеннолетних: положительное стимулирование, поощрение, анализ неприятных последствий негативных эмоциональных реакций и поведения, игровые и арт-терапевтические методы.
- ◆ Методы контроля эффективности коррекционно-профилактического процесса: психологическая диагностика, анализ результатов деятельности подростков, рефлексия.

При создании программы профилактики был учтен опыт разработки и внедрения следующих программ:

- ◆ Программа «Школа жизни», направленная на социальную адаптацию подростков, находящихся на ранних стадиях наркотизации. Реализуется по городу Москва с 2015 г. НИЦ ФСКН России, Центром индивидуальных программ реабилитации, организованным при Национальной Ассоциации реабилитационных центров, совместно с УФСИН России.
- ◆ Психокоррекционная программа «Снижение агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления к наказаниям, не связанным с лишением свободы» З.А. Колесниковой и Е.Ф. Штефана.
- ◆ Программа «Осознание своей роли в семье» С.Д. Хачатуряна. Была реализована в 2010 году в уголовно-исполнительных инспекциях УФСИН России по городу Москва.
- ◆ Программы Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, реализуемые в субъектах Российской Федерации.

Материалы межрегиональной научно-практической конференции по проблеме внедрения инновационных технологий работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, социализации и реабилитации детей, находящихся в конфликте с законом.

Анализируя опыт внедрения вышеуказанных программ, нами было замечено, что все они уделяют недостаточно внимания развитию эмоционального интеллекта несовершеннолетних.

Многие навыки являются частью сферы межличностных отношений: считывание социальных и эмоциональных сигналов; умение слушать, способность сопротивляться негативным влияниям; понимание точки зрения другого человека и осознание, какое поведение будет уместным в данной ситуации.

Несовершеннолетние, для достижения своих целей, в силу возраста, могут воспользоваться своим опытом. Поэтому им приходится или обращаться ко взрослым, что невозможно, если нарушены детско-родительские отношения, или объединяться в группы таких же подростков и совместно находить способы достижения желаемого.

Тренинг представляет собой цикл из 20 занятий с применением методов арт-терапии, релаксационной терапии, метафорических ассоциативных карт, сюжетно-ролевых игр и т.п. Длительность одного занятия 90–120 минут. Занятия проводились в течение трех месяцев, 1–2 раза в неделю с соблюдением всех этических правил групповой работы. Подросткам предоставлялась полная информация о работе группы, о целях и задачах занятий, а также о требованиях, предъявляемых к участникам тренинга. Атмосфера доверия и ощущение безопасности, необходимые для самораскрытия, достигались через договоренность о соблюдении полной конфиденциальности: все, о чем говорилось на тренинге относительно конкретных участников, не должно становиться достоянием третьих лиц. Ощущение психологической и физической безопасности достигалось соблюдением правила не давать негативных оценок поведению и высказываниям друг друга. Также подростки могли не принимать участие в тех или иных играх и упражнениях, если они были к ним не готовы и не проявляли добровольного желания.

Формы работы на социально-психологическом тренинге: общегрупповые обсуждения, аналитическая работа в малых группах с последующей презентацией результатов, сравнительный анализ в парах и тройках, элементы ситуационно-ролевых игр, психологические игры и упражнения. Каждое занятие состояло из трех частей:

1. Разминка состоит из упражнений, способствующих активизации участников группы и созданию непринужденной, доброжелательной атмосферы.
2. Основное содержание занятий включает в себя сюжетно-ролевые игры, упражнения с применением метафорических ассоциативных карт, психологических карт, арт-терапевтических методик и заданий, способствующих пониманию и усвоению главной темы занятия.

3. Рефлексия проводится в конце каждого занятия. Участники делятся своими чувствами, ощущениями, эмоциями, впечатлениями и мнениями.

Общегрупповые обсуждения проводились до тех пор, пока не выскажется каждый участник. При этом соблюдалась следующая последовательность: вначале негативный опыт, а затем позитивный. Это связано с тем, что подростки с нарушением поведения имеют достаточно высокий уровень негативного опыта взаимодействия с окружающими: взрослыми, родителями, педагогами, инспекторами по делам несовершеннолетних. Обсуждение этого опыта не только дает подросткам возможность рассказать о собственных переживаниях, но и отреагировать негативные эмоции. Обсуждение позитивного опыта позволяет осознать, что не все так плохо, что есть собственные возможности и ресурсы, и что вокруг есть люди, которые могут оказать поддержку, которые понимают, принимают и любят. В процессе работы с несовершеннолетними были использованы кинезиологические упражнения и техники релаксационной терапии, направленные на снятие стресса и повышения уровня эмоционально-волевого самоконтроля. *Основными методами* взаимодействия с несовершеннолетними осужденными в рамках данной программы были выбраны: индивидуальная и групповая работа с подростками и их родителями; социальное сопровождение; контроль за поведением на производстве (в учебном заведении); патронирование семьи; вовлечение в мероприятия досуга (спорт, художественная самодеятельность); мониторинг отношений с друзьями; работа с семьей и школой; проведение социально-психологического тренинга по развитию личной ответственности за свои поступки.

Кинезиологические упражнения представляют собой комплекс движений, которые активизируют межполушарное взаимодействие и синхронизируют работу полушарий мозга, развивают мозолистое тело, повышают стрессоустойчивость и улучшают мыслительную деятельность. Как указывают В.Ф. Сазонов, Л.П. Кириллова и О.П. Мосунов, кинезиологические упражнения очень эффективны при повышенном психоэмоциональном напряжении и для снятия стресса. Так как при их выполнении снимается как мышечное, так и психоэмоциональное напряжение, повышается самочувствие и настроение.

Релаксационные техники оказывают следующее влияние на организм и психику человека:

1. *Воздействие на тело*: снижение напряжения в скелетно-мышечной мускулатуре или полное его исчезновение; расширение кровеносных сосудов; снижение частоты сердцебиения; сниже-

ние артериального давления; дыхание становится поверхностным и регулярным; повышается температура тела и снижается потоотделение.

2. *Воздействие на центральную нервную систему*: восстановление нормального функционирования нервной системы; нормальное восприятие воздействующих на нее факторов и адекватный ответ на раздражители; снижение застойных очагов стрессового возбуждения.

3. *Воздействие на психическое состояние*:

- ◆ Когнитивная сфера: повышается способность к концентрации внимания; улучшается процесс восприятия и переработки информации; снижается импульсивность поведения и увеличивает уровень спокойствия моторики.
- ◆ Эмоциональная сфера: снижается психоэмоциональная возбудимость; повышается устойчивость к фрустрации; формируется и развивается стрессоустойчивость; сильные эмоциональные реакции, мешающие переключиться на другой вид деятельности, успокоится и начать решать те или иные проблемы и задачи, становятся менее выраженными или исчезают; появляется спокойствие, уравновешенность, бодрость, активность, радость, оптимизм, уверенность в себе, интерес к жизни.

Метод арт-терапии представлен в программе следующими арт-терапевтическими техниками: изотерапия, сказкотерапия и особый вид арт-терапии — метафорические ассоциативные карты.

Изотерапия является эффективным методом, способствующим снятию нервно-психического напряжения и повышающим возможность регуляции негативных эмоций. Сказкотерапия, используя метафорические ресурсы сказки, способствует мягкому и эффективному отражению неосознаваемого внутреннего мира человека и позволяет изучить его, получить доступ к внутренним ресурсам с целью разрешения внутренних конфликтов и решения проблем. Также это эффективный метод выстраивания межличностных взаимоотношений, так как сказкотерапия позволяет общаться не только со своей личностью, но и с личностями других людей. Применение метафорических ассоциативных (проективных) карт основано на том, что этот метод представляет собой очень эффективный инструмент для психологической коррекции.

Особая специфика метафорических ассоциативных карт заключается в отсутствии в них закрепленных значений, что позволяет каждому человеку в процессе работы с проективными картами самому определять их смысл. А в некоторых наборах еще и присутствуют

Таблица 1. Тематический план социально-психологического тренинга

№	Тема занятия	Содержание
1	Знакомство.	Знакомство с ведущим и участниками группы. Информирование о целях занятий. Принятие групповых правил. Создание рисунка «Мой бейджик». Упражнение «Познаю себя». Рефлексия.
2	Сплочение группы. Снятие стресса и напряженности.	Приветствие. Разминка. Упражнения прогрессивного мышечного расслабления по Якобсону. Упражнение «Море». Упражнение «Рисование общей мандалы». Рефлексия.
3	Развитие коммуникативных навыков.	Приветствие. Разминка. Психофизиологическое упражнение «Лобно-затылочный обхват», вариант для настройки на работу. Упражнение «Перевод» Ролевая игра «Срочно в номер» Рефлексия.
4	Развитие навыков самоанализа и способности адекватно понимать свои эмоции и желания.	Приветствие. Разминка. Упражнения прогрессивного мышечного расслабления по Якобсону. Упражнение «Что важно для меня». Упражнение «Что внутри меня». Рефлексия.
5	Изучение эмоционального состояния.	Приветствие. Разминка. Ассоциативный тест-игра «Я в моем мире». Психологическая игра «СТИХИЯ». Упражнение «Что скрывает Персона». Рефлексия.
6	Мир чувств и желаний. Развитие межполушарного взаимодействия.	Приветствие. Разминка. Ассоциативный тест-игра «Любимое животное». Упражнение «Хорошие нехорошие эмоции и чувства». Упражнение «Эмоции, поступки и последствия». Рефлексия.
7	Работа с эмоциями и эмоциональными состояниями. Развитие межполушарного взаимодействия.	Приветствие. Разминка. Ассоциативный тест-игра «Летающий объект». Упражнение «Оживи скульптуру». Упражнение «Психоанализ». Рефлексия.
8	Конфликты и способы их разрешения. Развитие навыков саморегуляции.	Приветствие. Разминка. Психофизиологическое упражнение «Лобно-затылочный обхват», вариант для настройки на работу. Групповая дискуссия «Конфликты и стратегии их разрешения». Упражнение «Я в конфликте». Рефлексия.
9	Внутриличностные конфликты. Работа с ресурсами и развитие навыков самопринятия.	Приветствие. Разминка. Психофизиологическое упражнение «Лобно-затылочный обхват», вариант для настройки на работу. Групповая дискуссия «Внутриличностные конфликты». Упражнение «Мои зонтики». Рефлексия.
10	Работа с самооощением и самооощенкой. Формирование адекватного самооощения.	Приветствие. Разминка. Психофизиологическое упражнение «Лобно-затылочный обхват», вариант для настройки на работу. Упражнение «Я актуальный и я желаемый». Упражнение «Из тайного в явное». Рефлексия.

Таблица 1 (продолжение). Тематический план социально-психологического тренинга

№	Тема занятия	Содержание
11	Работа с самооощением и самооощенкой. Формирование адекватной самооощенки.	Приветствие. Разминка. Психофизиологическое упражнение «Лобно-затылочный обхват», вариант для настройки на работу. Упражнение «Немного обо мне». Ролевая игра «Магический рынок» Рефлексия.
12	Понимание личностных границ. Развитие навыков отстаивания своих позиций.	Приветствие. Разминка. Психофизиологическое упражнение «Я во Вселенной». Упражнение «Мои личные границы». Упражнение «Границы и ограничители». Рефлексия.
13	Понимание личностных границ. Развитие навыков противодействия групповому давлению.	Приветствие. Разминка. Психофизиологическое упражнение «Лобно-затылочный обхват», вариант для настройки на работу. Упражнение «Сказка о ...». Ролевая игра «Не хочу, не буду». Рефлексия.
14	Жизненные трудности и стрессы. Развитие стрессоустойчивости и навыков совладания.	Приветствие. Разминка. Упражнения прогрессивного мышечного расслабления по Якобсону. Упражнение «Мои стрессы». Упражнение «Горы». Рефлексия.
15	Жизненные трудности и стрессы. Развитие навыков осознания и решения проблем.	Приветствие. Разминка. Упражнения прогрессивного мышечного расслабления по Якобсону. Упражнение «Алгоритмы». Ролевая игра-трилогия «Спасатели и спасаемые». Рефлексия.
16	Различные зависимости. Формирование навыков противодействия желанию употребления алкоголя и наркотиков.	Приветствие. Разминка. Психофизиологическое упражнение «Лобно-затылочный обхват», вариант для настройки на работу. Групповая дискуссия «Что я знаю о зависимостях». Упражнение «Сказка о двух друзьях/подругах». Рефлексия.
17	Поиск способов общения и повышения настроения без применения психоактивных веществ.	Приветствие. Разминка. Психофизиологическое упражнение «Лобно-затылочный обхват», вариант для настройки на работу. Упражнение «Моя сокровищница». Ролевая игра «Путешествие в будущее». Рефлексия.
18	Развитие навыков осознания жизненных ценностей.	Приветствие. Разминка. Упражнения прогрессивного мышечного расслабления по Якобсону. Упражнение «Мои ценности». Упражнение «Ценности и ресурсы». Рефлексия.
19	Развитие навыков самоопределения. Постановка ближайших целей.	Приветствие. Разминка. Упражнения прогрессивного мышечного расслабления по Якобсону. Упражнение «Биография героя». Упражнение «Хочу и могу». Рефлексия.
20	Заключительное общение. Подведение итогов.	Приветствие. Разминка. Упражнение «Если бы я был...». Упражнение «Подарки». Завершающая рефлексия.

карты-схемы, способствующие более эффективному анализу межличностных взаимоотношений, а также карточки со словами, которые усиливают когнитивную составляющую при их интерпретации.

Таким образом, после прохождения программы профилактики несовершеннолетние, совершившие преступления группового характера, повысят уровень своих знаний и наркотических веществах, об опасности и негативных последствиях их применения. А также о правовой ответственности за преступления, связан-

ной не только с распространением наркотических веществ, но и с другими преступлениями.

Обучение, направленное на формирование умения распознавать и понимать свои чувства, на развитие умения определять значимые жизненные ценности, на формирование адекватной самооценки, на развитие процесса регуляции поведения и эмоций, а также на повышение уровня стрессоустойчивости, позволит несовершеннолетним адаптироваться к социуму и найти свое место в жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность / Б.Г. Ананьев. — М: Директ-Медиа, 2008.
2. Барабанов Р.Е., Дергачев А.В., Костюшина Е.В. Социально-психолого-педагогический консилиум как форма организации взаимодействия участников социально-психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетнего // Преемственность в образовании. 2020 № 25 (03). С. 20–25.
3. Барабанов Р.Е., Дергачев А.В., Костюшина Е.В., Чистовский Д.И. Организация работы специалистов социально-психологической службы образовательного учреждения с детьми группы риска // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. 2020 № 2 С. 39–48.
4. Захаров А.В. Предупреждение отклонений в поведении ребенка. / А.В. Захаров — 3-е изд. — СПб., 2004. — 471 с.
5. Ломов Б.Ф. Системность в психологии / Б.Ф. Ломов. — Институт практической психологии, МОДЭК, 1996
6. Пахальян В.Э. Групповой психологический тренинг: методология и технология: учебное пособие / Пахальян В.Э. — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. — 206 с.
7. Рожков М.И. Профилактика девиаций у подростков: учеб.-метод. пособие / под ред. М.А. Ковальчук. — М.: ВЛАДОС, 2003.

© Бокова Наталья Владимировна (rasnich@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ТРУДАХ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Волк-Леонович Станислав Олегович
Нижегородская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации
ejwolf2006@rambler.ru

ON THE FORMATION OF THE RUSSIAN STATE IN THE WORKS OF B.N. CHICHERIN

S. Volk-Leonovich

Summary. The questions of the genesis of the state (in general) and the Russian state (in particular) were most thoroughly developed in the works of Boris Nikolayevich Chicherin. According to the terminology of B.N. Chicherin, the state is the result of the evolution of simpler social structures, unions. At the same time, for the emergence of the idea of the state, B.N. Chicherin identified several conditions: conquest (bringing the conquered to submission), religious teaching, and the natural evolution of social structures. In addition, scientists have identified three periods that the society passes on the way to the formation of the state. The first stage of this process is occupied by the family (gradually transforming into the genus), as the primary social structure, implicitly containing the characteristics of all future social structures, including the state. Further, the development of the family is associated with the expansion of the family into a genus, based also on kinship ties, but a broader blood relationship. Finally, a further increase in the population leads to the emergence of a new, more complex social structure — the tribe. However, in the tribe, social differentiation increases even more than in the clan. Thus, the tribal organization of society is the forerunner of the state. And one of the important factors in the formation of the Russian state, B.N. Chicherin calls “the invasion of Western squads, mainly Varangians”. At the same time, the further development of statehood is associated with the enlargement of the possessions of individual princes-patrimony, based primarily on the instinct of self-preservation.

Keywords: state genesis, conquests, evolution of social structures, periods of state formation, family, tribe, patrimonial princes, social differentiation.

Аннотация. Вопросы генезиса государства (в целом) и русского государства (в частности) наиболее тщательным образом были разработаны в трудах Бориса Николаевича Чичерина. Согласно терминологии Б.Н. Чичерина, государство является результатом эволюции более простых социальных структур, союзов. При этом для возникновения идеи государства Б.Н. Чичерин выделял несколько условий: завоевание (приведение к покорности побежденных), религиозное учение, естественная эволюция социальных структур. Кроме того, ученым выделено три периода, которые проходит общество на пути к становлению государства. Первую ступень этого процесса занимает семья, (постепенно трансформирующаяся в род), как первичная социальная структура, имплицитно содержащая признаки всех будущих социальных структур, в том числе и государства. Далее развитие семьи связано с разрастанием семьи в род, основанным также на родственных связях, но более широким кровным родством. И, наконец, дальнейшее увеличение численности народонаселения приводит к возникновению новой более сложной социальной структуры — племени. Однако, в племени в еще большей степени, по сравнению с родом, возрастает социальная дифференциация. Таким образом, племенная организация общества — это предтеча государства. А одним из важных факторов в становлении русского государства Б.Н. Чичерин называет «нашествие западных дружин, преимущественно Варягов». При этом, дальнейшее развитие государственности связано с укрупнением владений отдельных князей-вотчинников, основанном, прежде всего, на инстинкте самосохранения.

Ключевые слова: генезис государства, завоевания, эволюция социальных структур, периоды становления государства, семья, племя, князья-вотчинники, социальная дифференциация.

Борису Николаевичу Чичерину из всех представителей государственной школы права принадлежит, пожалуй, самая тщательная разработка вопросов генезиса государства и русского государства, в частности. Объединение людей в союзы определяется естественством человека. Подобно И.Ф.Г. Эверсу, Б.Н. Чичерин высшей ступенью такого союза считает государство, государство является результатом эволюции более простых социальных структур, союзов в терминологии Б.Н. Чичерина.

Условие, которое необходимо для эволюции социальных структур, развития политического сознания, формирования идеи государства, в силу которой существующая законная власть формирует организацию, тождественную идеи государства, для возникновения идеи государства Б.Н. Чичерин выделяет следующие условия: завоевание (приведение к покорности побежденных), религиозное учение, естественная эволюция социальных структур, обусловленная изменением потребностей, посредством трансформации форм

частного права в публичное. «Таким образом, во всех этих способах законная власть, патриархальная, гражданская или религиозная, устанавливает новый порядок во имя высшей идеи» [3, с. 101].

Б.Н. Чичерин предлагает четко выстроенную теорию эволюции социальных структур. Применяя эту схему к истории России, ученый выделяет три периода, которые проходит общество на пути к становлению государства. Первую ступень этого процесса занимает семья, постепенно трансформирующаяся в род, в семье социальная связь между людьми основывается на кровном родстве, это, по сути, большая патриархальная семья. Эта первичная социальная структура имплицитно содержит признаки всех будущих социальных структур, в том числе и государства. В этой форме мы встречаем не механическое объединение лиц, а единый союз, сложную социальную организацию, в которой место индивида детерминировано природой этой организации и определяет его статус. Сложная структура родовой общности определяет потребность в управлении, что определяет формирование властной структуры и отношений власти-подчинения. Такой структурой выступает патриархия, власть отца. Однако такой союз не является устойчивым и не может существовать как целостная структура более или менее длительное время. Это временный союз, так как, взрослые дети могут уйти и образовать свои собственные семьи, со смертью домовладыки такой союз прекращается [5, с. 7]. Отсюда Б.Н. Чичерин делает вывод, что такой союз не может реализовать потребности в длительном существовании индивидов и может обеспечивать потребности людей лишь на ранней ступени развития.

Дальнейшее развитие семьи связано с разрастанием семьи в род. Основанным также на родственных связях, но более широким кровным родством. Члены такого союза подвластны общему родоначальнику — патриарху. По смерти патриарха в отличие от семьи род не исчезает, здесь уже формируется институт транзита власти, власть переходит старейшему в роду. Патриарх в роду эмулирует по отношению ко всем членам рода не в зависимости от фактического родства отношения отца. Таким образом, это уже не просто естественный союз как семья, а социальная структура с элементами искусственности, фикции отцовской власти. Усложняется и социальная структура, ведь род включает в себя и других патриархов, а также младших и старших членов семьи, статус которых определяется близостью к фигуре родоначальника. Усложняется и организация управления, отцы семейств могут сами принимать участие в общем управлении [3, с. 162]. На этом этапе появляются различные формы управления. Так как власть уже более не производна от самой природы, она нуждается в легитимации. И если первоначально носитель верховной власти определяется фактическим старшинством,

то в родовой организации понятие старшинства подвергается трансформации. В поздний период старшинство определяется линейным принципом, вследствие этого, от власти устраняются потомки младших в семье, такое урегулирование транзита власти вызывает кризис в случае пресечения линии. Подобный кризис может привести к легитимации власти посредством выборов, что приводит к возможности формирования двух форм управления: аристократического или демократического, в зависимости от состава выборщиков.

Дальнейшее увеличение численности народонаселения приводит к возникновению новой более сложной социальной структуры — племени. Разделение славян, обитающих на территории будущего русского государства, на племена предполагает наличие естественной, родовой связи между людьми. Народное единство основывается на союзе племенном, все гражданские отношения вытекают из отношений естественных или патриархальных. С племенем неразлучен и род, это меньшая его единица. В племени в еще большей степени, по сравнению с родом, возрастает социальная дифференциация: появляется нобилитет и зависимое население, хотя сохраняются и сходные черты, так племя подобно роду в своей основе имеет восхождение к общему предку, т.е. всю ту же основанную на родстве связь и включает в себя патриархальные семьи и роды. Институт патриарха в племени трансформируется в институт княжеской власти. В отличие от родовой организации в племени возрастает потребность в формальных нормах, так как отношения уже не могут регулироваться внутрисемейными обычаями в силу возрастания отчужденности индивидов из-за возрастания населения. «Закон, пишет Б.Н. Чичерин, получает уже форму народного обычая, постоянного и непреложного» [3, с. 162]. Власть Князя урегулирована нормами обычного права, в отличие от предыдущих организационных форм. Он связан и отношениями к родоначальникам, или к старейшинам, которые сами являются обладателями патриархальной власти. При князе обыкновенно существует совет старейшин. Здесь может существовать и народное собрание, которое, однако, играет более пассивную роль: оно выслушивает старейшин и выражает одобрение.

Особенностью родовой организации в Древнерусском государстве выступает общая собственность на землю, которая ежегодно перераспределяется между членами общины. Это получает подтверждение и в русской истории, где род Рюриковичей выступает в роли коллективного сюзерена. Б.Н. Чичерин отмечает, что пережитки родовой собственности сохранились в выкупе родовых имуществ [5, с. 7].

Таким образом, племенная организация общества — это предтеча государства, но только предтеча, ибо госу-

дарство не может быть основано на кровном родстве, здесь, по сути, воспроизводится мысль К.Д. Кавелина, о том, что в основе государства лежит духовное единство индивидов. Более-менее длительное существование племенной организации возможно лишь при неизменности геополитических условий, в которых существует подобная организация общества [5, с. 7].

Б.Н. Чичерин отмечает, что патриархальная община существует в неизменном виде лишь при условии неизменности статуса индивида в общине, при неизменности отношений, которые воспроизводятся в течение длительного времени [5, с. 24].

Но подобный исход не был уготован племенам, которым предстояло стать русским народом. Одним из важных факторов в становлении русского государства Б.Н. Чичерин называет «нашествие западных дружин, преимущественно Варягов». «Ход русской истории, — пишет Чичерин в этой связи, — представляет замечательную параллель с историей Запада. И здесь, и там общественное развитие начинается с появления германской дружины, подчиняющей себе туземцев. И здесь, и там за первым дружинным периодом следует эпоха развития вотчинного начала, когда общество дробится на множество отдельных союзов, основанных на праве собственности [4, с. 338]. Дружина — это социальная структура, в которой господствуют отношения, совершенно противоположные родственно-общинным, членов дружины объединяют индивидуальные цели, совпадающие на определенный момент времени, что обуславливает заключение союза между ними, который основан на доброй воле каждого из них. Дружину составляли лица, статус которых определялся воинской силой и отвагой [5, с. 25].

В качестве свидетельства подобной трансформации Б.Н. Чичерин приводит нормы пространной редакции Русской Правды, регламентирующие порядок наследования, в частности ст. 90, 91 предусматривающие, что в случае смерти боярина или дружинника в отсутствие сыновей к наследству призываются дочери, в случае смерти смерда, его имущество переходит князю. Это еще один важный индикатор развития социальной структуры, а именно возникновение права частной собственности, что, по мнению Б.Н. Чичерина, служит признаком признания за личностью обособленного статуса. При этом, мы видим свидетельства эксплуатации низших слоев населения, но не родовой или семейной организацией, а именно князем главы дружины — представителем нового начала [5, с. 8], которое проявляется в собственности князя на землю, право на наследование после умерших членов общины. Князь становится верховным землевладельцем в границах, не совпадающих с территорией прежних общин, как глава гражданского общества. Следовательно, князь — это прин-

ципально новый институт власти, сначала основанный на праве владения землей, а впоследствии трансформировавшийся в публичную, государственную власть [5, с. 9]. Роль князя в процессе формирования государства как владельца земли, приобретает решающее значение, в особенности после Любечского съезда. Земля приобретает черты вотчины. Целями князей становится территориальная экспансия, расширение и укрепление своих владений, а сами они становятся вотчинниками. Собственность на землю становится основным, центральным пунктом в генезисе государства.

Исключение составляют только Новгород и Псков. В Новгородском и Псковском княжествах в большей степени сохраняется социальная организация предыдущего периода, прежде всего свободная община, Б.Н. Чичерин отмечает, что эта свободная община претерпевает определенную трансформацию: из родовой она превращается договорную. Таким образом, данный период в процессе генеза государства характеризуется возникновением и господством в политической жизни двух элементов, договорного и частновладельческого. Управленческие структуры родового периода (вече и советы старейшин) вытесняются институтом княжеской власти. Повсеместно кровные отношения в общине вытесняются договорными, соседскими, основанными на добровольном согласии, подобно дружине. В это период говорить о государстве еще рано, отношения характеризуются частным характером, важный признак государства «общее благо» в этот период еще не сформировалась, нельзя считать государством и Новгород с Псковом. Эти княжества выступают в качестве корпоративных собственников, по своей сути являясь коллективным вотчинником, «и все различие между ним и другими областями состояло в том, что там верховным вотчинником был князь, здесь же это место принадлежало союзу свободных лиц» [5, с. 10].

Таким образом, в это период мы можем говорить о двух формах генеза государства, во многом схожих, отличавшихся скорее формой, нежели содержанием, это вотчина, под которой Б.Н. Чичерин понимает форму гражданского союза, основанной на принадлежности земли князю, как собственнику.

Причиной возникновения вотчины является завоевание территорий дружинами. Во главе дружины стоит князь. Отношение между князем и дружинниками носят договорной характер и, таким образом, дружина является первой формой частного, или гражданского, союза, возникающего по свободной воле лиц, для достижения общих целей лиц, составлявших подобный союз. Подчинение князю зиждется на осознании того, что данное лицо ведет союз к достижению общей цели, следовательно, добровольно. Ключевой фигурой этого

периода является автономная личность, наделенная свободой, в отличие от человека предыдущего периода, не мыслившего себя иначе как членом рода. Индивид выступает полноправным субъектом частноправовых отношений и членом гражданского общества. Такое состояние не исключает имущественного неравенства и рабского состояния побежденных.

Исключением не является и ядро будущего Русского государства — Великое Московское княжество. Анализируя духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, Б.Н. Чичерин убедительно показывает на примере духовной грамоты Ивана Калиты [5, с. 240].

Б.Н. Чичерин подобно Ф.Л. Морошкину указывает, что в этот период появляются отдельные признаки государства, а именно в виде внешней власти над покоренными народами [3, с. 163]. Князь, как глава дружины, становится верховным собственником всей земли, дружинники приобретают частную собственность, которая вступает в различные отношения к верховной собственности князя. Отношения собственности на землю в этот период выступают основой этого нового общественного устройства [3, с. 120].

Особенностью генеза государства в России является неопределенность права собственности на землю. Земли, не находившиеся в частной собственности, а принадлежавшие свободным, так называемым черным, крестьянам, считались только их владением, а землю великого князя, не как государя, ибо государственная власть одинаково распространяется на всех, а именно как собственника, в отличие от прав его на частные вотчины.

Еще один фактор особенности генеза российского государства — географический, из-за протяженности территорий дружинники не превращаются в классических феодалов, сохраняя договорные отношения с князем и как следствие право выбора себе князя, высокая мобильность населения препятствовала созданию государства [4, с. 340].

Подводя итог рассмотрения этого периода в работах Б.Н. Чичерина, следует отметить признаки, которые позволяют сделать вывод лишь о становлении государства. Данный период в Российской империи характеризуется господством отдельных частных лиц, власть которых не урегулирована нормами, обеспечивающими государственный порядок. Еще одним важным индикатором отсутствия государства является отношение собственности, вотчина для князей — это не государственная территория, а земельный участок, находящийся в собственности, а люди, которые его на-

селяют — не более чем арендаторы в нашем понимании этого слова, т.е. Киевская Русь, не более чем союз землевладельцев, корпорация по совместной эксплуатации природных и людских ресурсов. Это подтверждается фактическими и юридическими действиями князей, такими как раздел земли между наследниками, захват земли и владение по праву оккупации, передача отдельных территорий во владение другим лицам, передача земли в прокорм [5, 6].

Государство может распаться на отдельные территории вследствие определенных условий, территория государства может состоять из нескольких частей, может состоять из нескольких отдельных государств, образующих одно целое. Но в Древнерусском государстве дробление уделов определяется внутренним постоянным законом, что свидетельствует об отсутствии такого важного признака как нераздельности государственной территории, что указывает на отсутствие на Руси государства [3, 5].

Таким образом, Б.Н. Чичерин делает вывод, что князья не более чем простые собственники, а не представители публичной власти, отношение носят ярко выраженный частный, а не публичный характер, земля — это не государственная территория, а территория частного собственника, народа как такового нет, есть люди, находящиеся с князьями и между собой в договорных отношениях. Сами князья строят отношения между собой и великим князем в соответствии с договором. Б.Н. Чичерин делает вывод, что такие отношения предполагают, что контрагенты независимы друг от друга, а, следовательно, не находятся в отношениях власти-подчинения, и далее остается лишь сделать вывод, что власть великого князя не носит государственный характер, а сам он не государь, а удельные князья по отношению к нему не являются подданными, так же, как и люди, населяющие землю уделов по отношению к удельным князьям. Следует обратить внимание и на содержание договоров, где в обязанности князей входит осуществление службы в отношении великого князя. Также в договоре присутствуют юридические формулы, которые, по мнению Б.Н. Чичерина, не носят характера публичного отношения, а являются ярко выраженными отношениями частноправового характера, заверяемые при этом посредством принесения личной клятвы на кресте «крестоцелованием». Это указывает на отсутствие таких признаков как верховная власть и народ. В целом, заключает он, «это был порядок самый противоположный государственному» [5, с. 336].

Отношение в вольной общине подобно вотчине не носят публичный характер, а являются частноправовыми. Вместо князя-вотчинника здесь выступает корпорация, «союз свободных людей, живущих вместе

и состоящих друг с другом в договорных отношениях» [5, с. 336]. Генез этой формы обусловлен наличием у общины достаточных ресурсов, чтобы в условиях господства частного права противостоять притязаниям князей и дружинников. Независимость вольной общины не безусловна. Идея государства, согласно Б.Н. Чичерину, предполагает понятие о самостоятельности, потому что в государстве существует верховная власть. Природа вольной общины, это природа частного союза, подобного дружине, который становится самостоятельным вследствие отсутствия в обществе государственных начал. Будучи корпорацией, а не государством, община выступает субъектом прав, обязанностей и, наконец, власти. Община имеет свои земли, которыми она владеет, так же как князь владеет своей вотчиной. В истории Российского государства эта форма не реализовалась, уступив натиску московских князей.

Дальнейшее развитие государственности связано с укрупнением владений отдельных князей-вотчинников, основанном, прежде всего, на инстинкте самосохранения, «чтобы остаться целым и невредимым, чтобы сохранить свое место, каждый князь должен был необходимо стремиться к умножению своей силы, к увеличению своих владений» [5, с. 336]. Такая политика, в силу своей затратности, требует большее количество материальных ресурсов, более высокую степень концентрации власти и, как следствие, необходимость подчинения всего населения княжества. Именно в этом, по мнению Б.Н. Чичерина, скрывается «зародыш будущего государственного подданства» [5, с. 336]. Необходимо было лишь преодолеть нормы частного права предыдущего периода, которые препятствовали кумулятивному процессу формирования территориального могущества в руках одного лица. Ко времени правления Ивана III становится очевидным, что могущество нельзя сохранить иначе, как усилив одного наследника за счет других. На смену господству частнопровых отношений приходят публичные; социальная структура обретает черты, характерные для государства и единой державы, выражающегося в целостности социума, земли и верховной власти. Этот тезис обосновывает

ся содержанием духовной грамоты Ивана III, предусматривавшей территориальный приоритет старшего сына по сравнению с младшими детьми. В результате, власть великого Московского князя возрастает, обеспеченная материальными ресурсами, что приводит удельных князей в зависимое отношение. В этом факте Б.Н. Чичерин усматривает тенденцию возведения частного права к публичному, посредством усиления одного наследника за счет других. Получив больше материальных ресурсов, нежели остальные, великий князь низводит удельных князей до подчиненного положения и, тем самым, окончательно сводит на нет самовластие собственников земли, характерное для предыдущей эпохи. «Таким образом, крайнее развитие личного начала привело к водворению начала совершенно противоположного — начала государственного» [5, с. 336]. Для сохранения целостности вотчин вводится порядок перехода власти по праву первородства, что влечет за собой прекращение дроблений вотчины. Кроме этого, в обществе укрепляются христианские представления о божественной природе власти, вследствие чего князья начинают олицетворять собой высший порядок. Б.Н. Чичерин, отмечает, что четко обозначенной грани между государственным и догосударственным состоянием не существует, «но противоположные начала частного и публичного права проявляются с полной ясностью и дают возможность юридической оценки явлений».

Столь длительная эволюция социальной структуры находит свое завершение в правление Ивана IV, свидетельство этому Б.Н. Чичерин находит в духовной грамоте московского царя. Содержание этого документа свидетельствует о становлении единой державы. Иван IV благословляет старшего сына царством Русским. Младшему же сыну Федору завещает несколько городов, но прибавляет, что они ему же, Ивану, «к великому государству». Углич становится последним городом в практике раздела территории государства на уделы и «царство русское составляет единое целое, в котором частный порядок наследования не может иметь место» [5, с. 260].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. — М., 1856.
2. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 2. Социология. 1896.
3. Чичерин Б.Н. Общее государственное право [Текст] / Б. Н Чичерин; под редакцией и с предисловием В.Л. Томсинова. — М.: Зерцало, 2006.
4. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899.
5. Чичерин Б.Н. Опыт по истории русского права М., 1858.
6. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. — СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. акад., 2005

© Волк-Леонович Станислав Олегович (ejjwolf2006@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Воронов Алексей Михайлович

*Д.ю.н., профессор, г.н.с., ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России»
alex_voronoff@mail.ru*

CONSTITUTIONALIZATION OF THE SUBJECT OF ADMINISTRATIVE LAW OF MODERN RUSSIA

A. Voronov

Summary. On the basis of an analysis of the current legislation, the law enforcement practice of the public administration, as well as a study of public administration issues, the author states that the public authorities carry out the tasks and functions of the State in all spheres of life. It is this activity, carried out on the basis and in accordance with the law on the protection of human and civil rights and freedoms, as well as the implementation of state tasks in the socio-economic, law enforcement and other fields, that is called public administration and is carried out in the context of the constitutionalization of the subject of administrative law of modern Russia, regulating public relations from purely managerial — state-power (imperative) prior to emergency (service) relations for the provision of public services to citizens, as well as the restoration of violated citizens' rights by unlawful actions of public administration officials.

Keywords: constitutionalization, subject of administrative law, public administration, public power, rights and freedoms of citizens, public services, service relations.

Аннотация. На основе анализа действующего законодательства, правоприменительной практики деятельности публичной администрации, а также проведенного исследования проблематики публичного администрирования автор констатирует, что органы публичной власти осуществляют реализацию задач и функций государства во всех сферах жизнедеятельности. Именно такая деятельность, осуществляемая на основании и во исполнение закона по защите прав и свобод человека и гражданина, а также реализации задач государства в социально-экономической, правоохранительной и иных сферах именуется публичным администрированием и идет в контексте конституализации предмета административного права современной России, регулирующего общественные отношения от чисто управленческих — государственно-властных (императивных) до реординарных (сервисных) отношений по оказанию гражданам государственных услуг, а также восстановлению нарушенных прав граждан неправомерными действиями должностных лиц публичной администрации.

Ключевые слова: конституализация, предмет административного права, публичное администрирование, публичная власть, права и свободы граждан, государственные услуги, сервисные отношения.

Становление и развитие российской государственности очень интенсивно и динамично. С принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., положения которой стали фундаментальной основой становления российской государственности, наша страна встала на совершенно новый путь своего развития, а именно построение социального, демократического, правового государства, в котором права и свободы граждан являются приоритетными, а их реализации основной задачей государства. Действующая Конституция РФ произвела революционные перемены — она закрепила власть народа, чего в предыдущих конституциях советского государства не было.

Интенсивно развиваются все сферы жизнедеятельности государства: социальная, экономическая, политическая, правоохранительная и др. В стране permanently проводится административная реформа: пересмотрены и реально реализованы в ряде законов положения, касающиеся контрольной и надзорной деятельности, идёт оптимизация и реформирования институтов развития, проводится цифровая трансформация в социальной, экономической и иных сферах, в стадии завершения находится работа по реформированию административно-деликтного законодательства.

Особо следует отметить внесения в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации, инициирован-

ных президентом РФ В. Путиным, положения которых направлены на развитие демократических устоев российской государственности, развитие и совершенствование мер обеспечения законных интересов россиян, а также оптимизацию системы и структуры органов публичной власти. Новые положения закреплены в Основном законе и нашли свое развитие в более чем 140 нормативных правовых актах. Новая редакция Основного закона стала импульсом для реализации принципов социального государства во всех сферах жизнедеятельности.

Законодатель вводит новое понятие — публичная власть, интегрирующее в себе «федеральную», «региональную» и «местную (муниципальную)» власти, закрепляя принцип единства системы публичной власти, призванной служить интересам многонационального народа России. При этом следует обратить внимание, что согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

На наш взгляд, давно назрела необходимость закрепления в Конституции принципа единства системы публичной власти. Доктринально данный принцип формулировался и отстаивался в российской науке на протяжении довольно длительного периода времени, при этом авторы отмечали, что органы публичной власти должны служить интересам многонационального народа России. Такое служение интересам многонационального народа Российской Федерации должно выражаться, прежде всего, в принятии органами публичной власти нормативно-правовых актов и проведении внутренней политики, направленной на защиту интересов российских граждан, защиту их конституционных прав, свобод и законных интересов. Иными словами, публичная власть должна выступать политическим гарантом защиты интересов российских граждан и гражданского общества в целом.

Многие ученые поддерживают такую позицию, мотивируя тем, что до Конституционной реформы система публичного управления была разорвана: обособлено существовало и реализовывалось государственное управление на федеральном и уровне субъектов федерации, а также местное самоуправление на муниципальном уровне. Однако следует отметить, на наш взгляд публичная власть подразумевает не только управление — государственное и местное самоуправление, данная категория гораздо шире и включает в себя еще довольно обширный блок правоотношений,

составляющий предмет современного административного права, о котором будет прописано далее.

В развитие заявленной проблематики представляется целесообразным более детально рассмотреть некоторые новые термины, которые интегрированы в правовую действительность, среди прочих — новая обобщающая категория «публичная власть», «система публичной власти».

Вновь обращаясь ст. 132 Основного закона уместно отметить, что органы местного самоуправления и органы государственной власти не составляют, а входят в единую систему публичной власти. Такая же позиция усматривается в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [3], принятом в развитие поправок к Конституции РФ, в ст. 2 которого дана трактовка понятия именно единой системы публичной власти, под которой понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в совокупности.

Здесь следует отметить, что в теории права существуют системообразующие теоретические конструкции, при этом категория «система» трактуется как совокупность взаимообусловленных и взаимоувязанных элементов, строящихся на единых принципах. При таком подходе единство закреплено в самом понятии системы, в связи с чем словосочетание «единая система» на первый взгляд представляется не совсем уместным.

Думается здесь следует определить, что же обусловило законодателя прописать такой термин. На наш взгляд побуждающим мотивом стал новый подход к методологии правового регулирования именно в отраслевую составляющую. В данном определении дан перечень органов власти — федеральных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления, при этом также определены цели, которые поставлены перед ними и что самое важное — формы реализации, способы с помощью которых эти цели должны быть достигнуты, базовой основополагающей из которых является именно взаимодействие во всех его многообразиях.

Также следует обратить внимание на положение о том, что органы государственной власти входят в систему публичной власти, а не образуют ее. При таком подходе следует отметить, что в этой системе есть еще какой-то элемент, который образует ее. На наш взгляд основу этой системы публичной власти составляет система народной власти, именно народовластие. При

этом согласно ст. 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Термин единая система публичной власти несет в себе политическое наполнение. Политика здесь определяет те новые цели, которые закрепил законодатель и термин «единый» непосредственно влияет на саму систему публичной власти. К сожалению, законодатель не прописал институты гражданского общества как основополагающие в системе публичной власти.

Думается все же нацеленность конституционных поправок направлена на то, чтобы все уровни органов публичной власти и институтов гражданского общества работали как партнеры. Закрепление вопросов взаимодействия и различных партнерских форм на конституционном уровне, закрепление институтов гражданского общества позволяет констатировать, что идея сотрудничества является основополагающей в деятельности публичной власти в контексте новой редакции Основного закона.

В научном сообществе ученых-административистов, да и не только, ведется дискуссия в которой рассматриваются проблемы конституционализации современного административного права и административно-правовой науки в целом, как одного из важнейших факторов их развития, при этом анализируются предлагаемые подходы к изменению парадигмы административного права, раскрывается сущность новых терминов, интегрированных в правовую действительность, среди которых новые обобщающие категории «публичная власть», «система публичной власти», определяются новые методологии исследования конституционализации предмета науки административного права современной России на основе цифровой трансформации системы управления путем новых, инновационных подходов, основанных на цифровых технологиях.

Представители науки административного права обсуждают нововведения в рамках публикаций в журналах и иных периодических изданиях, а также в рамках международных форумов, научно-практических конференций, среди них — VI ежегодные Саратовские административно-правовые чтения «Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы» СГЮА; международная конференция: «Актуальные проблемы административного и административно процессуального права (Сорокинские чтения)» Санкт-Петербургский университет МВД России 2021 г.; международная конференции: «Публичная власть: новое измерение» проводимая в МГЮА им. О.Е. Кутафина 9 апреля 2021 г. в рамках VIII Московского юриди-

ческого форума «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды», к сожалению проводимых в режиме видео конференции, в связи с захлестнувшей не только Российскую Федерацию, а также весь мировой социум пандемии коронавируса COVID-19.

По устоявшейся доброй традиции, как правило, ведущие ученые-административисты обсуждают сложившиеся перед наукой административного права проблемы в стенах «кузницы» юридической науки — Московском государственном юридическом университете им. О.Е. Кутафина.

Заслуживающими внимания и представляющими несомненный научный интерес стали выступления 9 апреля 2021 г. в рамках VIII Московского юридического форума уважаемой профессуры: мэтра административно-правовой науки Л.Л. Попова, заведующей кафедрой конституционного права МГЮА им. О.Е. Кутафина В.В. Комаровой, декана юридического факультета Воронежского государственного университета Ю.Н. Старилова и многих других ученых.

Среди прочих, представляется целесообразным обратить внимание на доклад профессора Ю.Н. Старилова: «Станет ли «публичная власть» прочной основой для понимания государственного управления и модернизации системы правового регулирования публичной администрации?», который в рамках своего содержания отражает основные моменты прописанной выше проблематики.

Рассматривая публичную власть в управленческом, административно-правовом измерении, уважаемый профессор констатирует, что данный термин давно уже вошел в оборот юристов, при этом следует отметить, что справедливость этих суждений была подтверждена и нашла свою реализацию в новой редакции Основного закона.

На риторический вопрос — как измерить публичную власть, как оценить ее достоинства, автор совершенно справедливо отвечает — именно с позиции принципов правового государства, принципов определенности права, при этом отмечая, что если нововведения, новые правовые категории не вносят правовую определенность, то тогда и начинается полемика, научная дискуссия. Правовое измерение публичной власти следует вести с самых важных правовых принципов, в частности, с позиции административно-правовых, управленческих и иных публичных отношений. Как нами отмечалось ранее, данной терминологией ученые-административисты оперировали и до введения института публичной власти — публичная администрация, публичный порядок, публичное администрирование, публичное управление, публичная служба и т.п.

По мнению профессора Ю.Н.Старилова публичность, публичная власть — эти правовые категории являются достижением теории, красивыми университетско-профессорскими терминами, однако как обстоят дела на практике, что дает публичная власть в контексте правового регулирования для улучшения системы публичного управления, для того чтобы публичная администрация была более эффективной — вопрос остается открытым. Какие закономерности прослеживаются с момента принятия поправок, какая практика в развитии законодательства будет в последующем пока не известно. В настоящее время потенциал публичной власти остался не раскрыт должным образом.

По мнению автора настоящих строк следует дополнить умозаключения уважаемого Ю.Н. Старилова в том, что публичность, публичная власть являются не только достижением теории, красивыми университетско-профессорскими терминами. Их сущность и содержание выражается именно в насущной потребности практики по разрешению вопросов баланса частных и публичных интересов, удовлетворения потребности граждан, защите их законных прав и свобод.

В современном государстве распространение в процессе конституционализации норм и принципов Конституции на административное право приводит к тому, что любая деятельность публичной администрации именно в Конституции находит свое правовое обоснование и границы, при этом данный процесс должен происходить с опорой на фундаментальные ценности, особое место среди которых занимают права, свободы и обязанности граждан [15].

Обращаясь к самому насущному вопросу, который волнует ученых-административистов, да и не только, уважаемый профессор особо отмечает, что внесенные законодателем в Конституцию РФ вопросы организации и осуществления публичной власти не коснулись самого главного — системы государственного управления, его нормативного определения, понятийной дифференциации, взаимодействия с исполнительной властью, не отражена в тексте Конституции РФ терминология управленческого характера, при этом сложно представить что категория публичная власть способна надлежащим образом выполнять функции взаимодействия различных органов, в том числе в сфере управления. При таком подходе закономерно возникает вопрос соотношения государственной и публичной власти.

По нашему мнению, на основании устоявшихся теоретических позиций, публичная власть по своему содержанию является более широким понятием, по сравнению с государственной властью, т.к. в ее содержание также входит муниципальная власть (мест-

ное самоуправление), а первооснову, фундамент составляет именно народовластие.

В связи с введением в научный оборот, предназначением термина «публичная власть», по мнению Ю.Н. Старилова, становится укрепление позиций государственного управления в широком смысле данного термина, т.е. включение в его содержание практической деятельности всех органов государственной власти — исполнительной, законодательной и судебной (ст. 10 Конституции РФ). При таком подходе система государственного управления расширяет свои границы. Насколько это оправдано — покажет время. Сегодня сложно сделать какие-либо позитивные выводы, что публичная власть будет повышать значимость и эффективность публичной администрации, при этом уважаемый профессор придерживается позиции именно узкого понимания государственного управления.

Анализ положений новой редакции Основного закона позволяет констатировать, что словосочетание «государственное управление» встречается в его содержании два раза в контексте управления федеральной собственностью (ст. 71, 114 Конституции РФ), при этом уместно отметить, что Правительство РФ не осуществляет полномочия по государственному управлению и исполнению законодательства. Обращение федеральному Конституционному закону «О Правительстве Российской Федерации» [2] позволяет также утверждать, что среди полномочий Правительства в контексте государственного управления прописаны только п. 11 ст. 18 — управление федеральной собственностью и п. 8 ст. 19 — управление государственным внутренним и внешним долгом Российской Федерации. Уместно отметить, что этот список является исчерпывающим.

По мнению автора настоящих строк есть все основания говорить о том, что публичная власть есть отражение насущной потребности современных реалий развития Российской государственности, которая нашла выражение в политической установке руководства государства, направленной на укрепление и развитие демократических начал российской государственности, в которых личность, институты гражданского общества составляют фундамент и первооснову публичной власти. При таком подходе, на наш взгляд, представляется целесообразным обратиться к зарубежному опыту, который обуславливает справедливость высказанных нами положений.

Следует согласиться с авторитетным мнением профессора А.Б. Зеленцова, что в качестве одного из важнейших итогов конституционализации административного права в современной зарубежной литературе рассматривается смена парадигмы административно-

го права и переход от «конституционного институционализма к конституционному антропоцентризму¹». В рамках новой парадигмы публичная администрация перестает быть начальной точкой отсчета, и ее место занимает человеческая личность, реализация которой оправдывает смысл существования самой публичной администрации.

Эта тенденция находит отражение в научной и учебной литературе, ориентирующей на превращение административного права из права власти в право граждан [7]. При таком подходе предназначение административного права прежде всего заключается в обеспечении органами публичной власти прав и свобод человека и гражданина, удовлетворение его потребностей, в том числе и по оказанию государственных услуг в условиях развития информационных технологий и цифровой трансформации сервисной функции публичной власти, а также реализации задач и функций государства во всех сферах жизнедеятельности.

Предпосылки развития сервисного подхода применительно к российскому государству можно обнаружить в либертарной теории права, разработанной В.С. Нерсесянцем — советским и российским правоведом, академиком РАН, некогда заведующим сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН.

Либертарно-юридический подход исходит из различения права и закона. Одним из основных постулатов этой теории выступает утверждение о том, что право должно принадлежать обществу, а закон — государству. При этом общество, самостоятельно определяет, как и когда обращаться к государству за реализацией своих прав, а государство должно лишь обеспечивать законность процедур обращения, основываясь на принципах равенства, свободы и справедливости (триединство по В.С. Нерсесянцу) [8].

Иными словами, краеугольным камнем сервисной философии государства является «ориентация госслужбы на гражданина, его потребности и интересы» [11].

Как нами отмечалось ранее в стране перманентно проводится административная реформа, тесно увязанная с сервисным подходом Правительства к публичному администрированию: идёт оптимизация и реформирование институтов развития, проводится цифровая трансформация в социальной, экономической и иных сферах.

¹ Антропоцентризм предписывает ставить феномен человека во главу всей прочей жизни. Известное выражение Протагора «Человек есть мера всех вещей» является ключевой фразой антропоцентризма греческой философии. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Антропоцентризм>.

Законодатель уже сегодня предпринимает конкретные, хотя и робкие шаги в статировании правового института государственного администрирования, нормативно закрепляя при этом реординарные отношения, возникающие при оказании гражданам, при их обращении в органы публичной администрации, сервисных услуг во всех сферах жизнедеятельности.

На основании вышеизложенного, представляется целесообразным сделать некоторые умозаключения.

Анализ действующего законодательства, правоприменительной практики деятельности публичной администрации, а также проведенного нами исследования проблематики публичного администрирования позволяет констатировать, что органы публичной власти осуществляют реализацию задач и функций государства во всех сферах жизнедеятельности. Именно такая деятельность, осуществляемая на основании и во исполнение закона по защите прав и свобод человека и гражданина, а также реализации задач государства в социально-экономической, правоохранительной и иных сферах именуется публичным администрированием.

При таком подходе нами предлагается новое научное направление в теории науки административного права — публичное администрирование, которое идет в контексте конституализации предмета административного права современной России, регулирующего общественные отношения от чисто управленческих — государственно-властных (императивных) во всех сферах жизнедеятельности нашего общества до реординарных (сервисных) отношений по оказанию гражданам по их инициативе государственных услуг, а также восстановлению нарушенных прав граждан неправомерными действиями должностных лиц публичной администрации [4].

При этом такая деятельность не является прерогативой только исполнительной власти, а осуществляется органами публичной власти всех уровней — законодательной, судебной и исполнительной. Законодатель прописывает правоустановления, направленные на развитие и реализацию прав и свобод человека и гражданина; судебные органы осуществляют защиту, а также восстановление прав и свобод граждан, нарушенных незаконными действиями должностных лиц публичной администрации. Исполнительная власть осуществляет управленческие функции публичного администрирования по реализации задач и функций государства во всех сферах жизнедеятельности, в том числе по обеспечению поступательного развития в социально-экономической сфере, обеспечению национальной безопасности, а также оказанию сервисных услуг гражданам по их инициативе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации.
2. Федеральный Конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060001>
3. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III) ст. 8039.
4. Воронов А.М. К вопросу правовой регламентации государственного администрирования // Административное право и процесс. 2018. № 4. С. 38–43.
5. Гоголев А.М. Некоторые тенденции и закономерности становления и развития государственного администрирования // Административное право и процесс. 2018. № 2. С. 19–25.
6. Воронов А.М., Гоголев А.М. Правовое администрирование на пороге четвертой промышленной революции В сборнике: Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. Материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции. В 3-х частях. 2019. С. 109–115.
7. Зеленцов А.Б. Конституционализация административного права в России: теоретические проблемы // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 12–21.
8. Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме.— М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001.— С. 613.
9. Попов Л.Л. Развитие теории административного права в современных условиях» // Административное право и административный процесс. 2020. № 7. С. 21–24.
10. Стариков Ю.Н. Действительно ли наступила эпоха ренессанса государственного управления в России? К юбилею профессора Льва Леонидовича Попова // Административное право и административный процесс. 2020. № 7. С 25.
11. Национальные интересы: приоритеты и безопасность: журнал / ред. Ю.П. Хрусталева. — Москва: Финансы и кредит, 2014. — № 13/24. — 807с.
12. Civil society of modern russia: problems of implementation of constitutional rights and freedoms Voronov A.M., Kobzar-Frolova M.N., Redkous V.M., Gogolev A.M. International Journal of Economics and Business Administration. 2019. Т. 7. № 51. С. 243–251.
13. Restrepo Medina Manuel Alberto El derecho administrativo en los albores del siglo XXI. Bogota / Ed. Universidad de Rosario. 2007. P. 41.
14. Enrique Linde Paniagua Fundamentos de Derecho Administrativo. Del derecho del poder al derecho de los ciudadanos. 4 ed. Madrid. 2012. P. 96–99.
15. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36496573>

© Воронов Алексей Михайлович (alex_voronoff@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR INCITEMENT TO SUICIDE UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

T. Gasanov

Summary. This article considers the features of differentiation of responsibility for bringing to suicide as a criminal offense against life and health; the criteria and characteristics underlying the imposition of sanctions for the act under investigation; The ways in which the act was committed and how the role of the offender in bringing the victim to suicide was defined. It is the method and identity of the offender that determine the degree of responsibility for the analysed crime. On the example of other States, measures of responsibility for suicide have been considered and it has been concluded that there is a need to strengthen liability under article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to reduce the total number of suicidal acts.

Keywords: bringing to suicide, the method of committing a crime, the identity of the offender, suicide, murder.

Гасанов Турал Качаевич.

*Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет
2ralkubinka@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности дифференциации ответственности за доведение до самоубийства как уголовного преступления против жизни и здоровья; определены критерии и характеристики, лежащие в основе установления санкции за исследуемое деяние; указаны способы совершения деяния и особенности определения роли субъекта преступления в доведении жертвы до самоубийства. Именно способ совершения деяния и личность преступника определяют степень ответственности за анализируемое преступление. На примере других государств рассмотрены меры ответственности за доведение до самоубийства и сделан вывод о необходимости усиления ответственности по статье 110 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях сокращения общего числа суицидальных деяний.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, способ совершения преступления, личность преступника, суицид, убийство.

Доведение до самоубийства в Российской Федерации это уголовное преступление против жизни и здоровья, ответственность за которое установлена статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

Некоторые проблемы, возникающие при толковании вышеуказанного акта, и соответственно определении степени вины и установления ответственности обусловлены его специфическими особенностями.

Во-первых, самоубийство — это одна из разновидностей неестественной смерти, но, в то же время, доведение до самоубийства — это преступление против жизни человека, которое не подпадает под понятие убийства. Преступное деяние, предусмотренное статьей 110 Уголовного кодекса РФ, не может считаться умышленным незаконным актом смерти другого лица, поскольку нет прямого контакта между субъектом преступления и жертвой, поскольку нет причинения физической боли, физических страданий или других насильственных действий.

Во-вторых, это преступление совершается субъектом преступления не непосредственно. Проблема заключается в сложности установления причинно-следственных связей между действиями преступников и смертью жертвы.

В-третьих, такое преступление представляет значительную общественную опасность, так как результатом его совершения является не только нарушение биологического процесса существования человека, но и негативное влияние на нормальное функционирование общества. Прежде всего, такое явление следует рассматривать не только с правовой точки зрения, но и с социальной, так как существует печальная статистика по росту самоубийств из-за ухудшения условий окружающей среды, распространения различных субкультур, религиозного сектантства, стремительного развития информационных технологий.

Ежегодно в результате самоубийств умирает около 800000 человек, что составляет один человек каждые 40 секунд. Самоубийство — это глобальное явление,

которое происходит на протяжении всей жизни. Эффективные и основанные на фактических данных мероприятия могут быть осуществлены на популяционном, субпопуляционном и индивидуальном уровнях для предотвращения самоубийств и попыток самоубийства. Есть данные, что на каждого взрослого, умершего в результате самоубийства, могло приходиться более 20 других попыток самоубийства. Самоубийства — это глобальное явление; на самом деле в 2016 году 79% самоубийств произошло в странах с низким и средним уровнем дохода. На долю самоубийств приходится 1,4% всех смертей во всем мире, что делает его 18-й ведущей причиной смерти в 2016 году [6].

Как указывает Т.Д. Устинова, составы преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ — формальные, и для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно установить их признаки, а точнее — доказать, что они совершались способом (или несколькими), указанным в законе [3].

Указанная статья устанавливает простой и квалифицированный составы исследуемого деяния, ответственность за которые формируется исходя из объективной стороны преступления и субъекта, его совершившего.

Так, ответственность в виде принудительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения свободы избираются в виде меры уголовного наказания за простой состав исследуемого преступления, который выражается в доведении лица до самоубийства или до покушения на самоубийство. При этом способами деяния должны быть угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего.

Тогда как ответственность в виде лишения свободы на срок, характерный для тяжких и особо тяжких преступлений, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения свободы избираются в виде меры уголовного наказания за квалифицированный состав исследуемого преступления, который выражается в аналогичных последствиях, но совершенных в особо циничной форме или совершенных публично:

- ◆ в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;
- ◆ в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- ◆ в отношении двух или более лиц;
- ◆ группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

- ◆ в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Структурным элементом криминалистической характеристики доведения до самоубийства есть личность преступника. Характеризуя личность преступника, совершающего, в форме умысла или неосторожности, такое преступление, как доведение до самоубийства, необходимо учитывать, что субъектом преступления является человек, в отношении которого потерпевший находился в материальной или другой зависимости. Это преступление является насильственным преступлением, умышленным (или по неосторожности) посягательством на жизнь лица, противоречащего нравственным принципам человеческого общежития. Подавляющее большинство этих преступлений совершается виновными в отношении своих родственников или супругов вследствие неприязненных отношений. Во многих случаях пострадавшие находятся от преступника в материальной зависимости.

Личность преступника характеризуется рядом криминалистически значимых признаков, специфичных для доведения до самоубийства, отражающие способ доведения жертвы до самоубийства, особенности характера преступника, его темперамента, навыков в жизни и работе. При совершении преступления, особенно при подготовке к нему, преступник оценивает не только обстановку, в которой он будет действовать, но и личность жертвы (ее пол, возраст, физическую силу, интеллектуальные возможности, ее морально-психологические и другие личные особенности).

Поведение преступника при совершении преступных действий связано с его психологическими, нравственными, социальными свойствами и проявлениями. Преступный элемент моделирует свое поведение, чтобы спровоцировать жертву к покушению на самоубийство. Лицо совершает преступление через использование материальной (или другой) зависимости жертвы от него, доводит ее до самоубийства. За результат действий преступника (самоубийство жертвы) можно определить цель, мотив и способ совершения преступления, ведь основываясь на нем, мы можем получить представление об основных элементах деятельности преступника, его социальные и психологические качества.

Насилие преступника в различных формах влияет на потерпевшего, имеет свои проявления, характеристики, оно может выполнять функцию не только принуждения, но и непосредственного подавления или уничтожения объекта насилия. Преступник, как правило, осознает, что его действия приведут к самоубийству потерпевшего.

Ученые среди агрессивных реакций преступника выделяют: физическую агрессию (нападение) — это использование физической силы к другому лицу; косвенную агрессию — это может быть агрессия, косвенно направлена на другое лицо (злые сплетни, шутки), и направлена ни на кого (крики, биевание кулаком по столу и т.п.); раздражительность — это готовность к проявлению негативных чувств при наименьшего возбуждения (грубость, резкость); негативизм — оппозиционная манера поведения от пассивного сопротивления до активной борьбы против установленных обычаев и законов; обиду и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные показания; подозрительность — все люди наносят или планируют нанести вред; вербальную агрессию-выражение негативных эмоций как через крики, ссору, так и через словесные ответы (проклятия, угрозы) [2].

При этом, индивид может быть привлечен к ответственности как в рамках простого, так и квалифицированного состава, а ее мера будет зависеть от способа совершения деяния.

Тогда как группой лиц или по предварительномуговору доведение до самоубийства будет квалифицироваться по части 2 исследуемой статьи.

Таким образом, можно сделать вывод, что дифференциация ответственности за доведение до самоубийства основана на способе совершения исследуемого преступления и тех субъектах, которые его совершают (индивид, группа лиц или организованная группа).

Большой общественный резонанс, особая социальная опасность и неспособность привлечь виновных к ответственности из-за недостаточных правовых оснований требуют от государства отреагировать соответствующим образом [4]. Однако, анализ проектной деятельности Государственной Думы не выявил проектов, предусматривающих усиление ответственности за исследуемое преступление. Вместе с тем, это грозит толь-

ко ростом числа самоубийств в результате преступного давления со стороны противоправных деятелей.

В такой ситуации интересен опыт других стран, которые усиливают ответственность за доведение до самоубийства. Так, высокая мера ответственности за доведение до самоубийства предусмотрена в Республике Кения, Республике Шри-Ланка, Саудовской Аравии, ОАЭ, Исламской Республике и Иране. При этом статистика в таких государствах по количеству лиц, совершивших суицид, стремительно падает. Тогда как в Европейских странах, где суицид не относится к тяжким преступлениям, или в индусских государствах, в которых такое деяние не носит уголовной специфики, уровень суицидальных деяний не снижается, а в некоторых государствах даже имеет тенденцию роста.

Так, уровень самоубийств в Индии составляет 16,3 на 100000 населения по сравнению с 10,5 на 100000 во всем мире, а страна находится в первой тройке государств по их количеству, в Японии ежегодно совершается около 21000–22000 самоубийств, что составляет около 17 самоубийств на 100000 человек, в Литве составляет 42,0 на 100000 человек, а ежегодный уровень самоубийств в США составляет более 14 смертей на 100000 населения [5].

Таким образом, в основе дифференциации ответственности за доведение до самоубийства лежит способ совершенного деяния и личность преступника. Именно указанные характеристики определяют степень вины субъекта преступления и, соответственно, меру ответственности за исследуемое деяние.

Руководствуясь опытом зарубежных стран и сложившейся статистикой, российскому законодателю важно продолжать работу по усилению ответственности по статье 110 Уголовного кодекса страны в целях сокращения суицидальных актов и, соответственно, улучшению общего психологического климата в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) / Парламентская газета, № 13с, 12.04.2021.
2. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: Учеб. пособие — М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1999. 384с.
3. Устинова Т.Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex russica. 2020. № 3. С. 151–159.
4. Работает ли на практике статья УК РФ «Доведение до самоубийства»? / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://avtconsulting.ru/rabotaet-li-na-praktike-statyya-uk-rf-dovedenie-do-samoubiystva/>.
5. Количество самоубийств по странам / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://openbase.online/ctatistika-samoubijstv-po-stranam/>.
6. Suicide data / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.who.int/teams/mental-health-and-substance-use/suicide-data>.

© Гасанов Турал Качаевич (2raikubinka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВЗЫСКАНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ

LEGAL PROBLEMS AND FEATURES OF RECOVERY OF MORAL HARM UNDER THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

**A. Gudkov
A. Krasilschikov
V. Mishchenko**

Summary. In this article, the authors examine the features of the legal regulation of compensation for moral damage, analyze the contradictory judicial practice on this issue, the problems of determining the amount of recovery of moral damage by the courts. The authors also investigate some legal problems and conflicts in the implementation of the possibilities of compensation for moral harm by individuals, legal entities and individual entrepreneurs.

Keywords: moral harm, calculation of the amount of moral harm, moral harm in favor of a legal entity, physical and mental suffering.

Гудков Анатолий Иванович
К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
gudkovaniv@yandex.ru

Красильщиков Анатолий Владимирович
К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
krasilschikov@inbox.ru

Мищенко Вячеслав Иванович
К.ф.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье авторы рассматривают особенности правового регулирования компенсации морального вреда, анализируют противоречивую судебную практику по данному вопросу, проблемы определения сумм взыскания морального вреда судами. Авторы также исследуют некоторые правовые проблемы и коллизии в реализации возможностей возмещения морального вреда физическими, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Ключевые слова: моральный вред, исчисление размера морального вреда, моральный вред в пользу юридического лица, физические и нравственные страдания.

Компенсация морального вреда возникла в юридической практике как законный способ защиты нравственного и душевного состояния человека, которому был причинен умышленно или по неосторожности материальный или нематериальный вред вследствие нарушения его конституционных прав или свобод, а также закона, предусматривающего взыскание компенсации. При этом важным условием при взыскании компенсации морального вреда является наличие неимущественного вреда — нравственного или морального страдания у пострадавшего лица либо материального ущерба.

С одной стороны, моральный вред исчисляется в материальном выражении, так как возмещение предусматривает именно денежную компенсацию, которую необходимо заранее рассчитать. Однако, законодатель до настоящего времени должным образом не разработал конкретную методику исчисления размера мораль-

ного вреда и не обеспечил прозрачность механизма защиты прав потерпевшего или пострадавшего в российском правовом поле. Поэтому большинство юристов и адвокатов сталкиваются с необходимостью изучения судебной практики по данному вопросу, дабы выиграть спор в суде о взыскании суммы компенсации морального вреда.

В данной статье мы рассмотрим вопросы исчисления размера морального вреда, исходя из законодательной базы, и отметим проблемы его взыскания, с которыми сталкиваются юристы на практике.

Для начала стоит выделить виды морального вреда. В частности, на практике принято компенсировать моральный вред, причиненный в результате имущественного вреда. Так, например, моральный вред взыскивается с виновного при ДТП, при постановке неправильного медицинского диагноза или неправильном

лечении пациента, при затоплении квартиры, при незаконном изъятии (утере) имущества, при утрате трудоспособности гражданина, при незаконном лишении каких-либо конституционных прав. Также право на взыскание морального вреда имеют потребители, если им причинен имущественный вред. Таким образом, закон в данном случае связывает возможность получения моральной компенсации при условии возникновения прямого материального вреда.

При этом стоит отметить, что на компенсацию причиненного морального вреда могут претендовать как граждане, так и организации. Однако организации ограничены в основаниях для применения компенсации: законодатель предусмотрел возможность взыскания морального ущерба, причиненного юридическому лицу, исключительно в случае потери его деловой репутации. В частности, позиция Конституционного Суда Российской Федерации сформирована в 2003 году по делу № 508-О, которая заключалась в том, что взыскание морального вреда как способ защиты права присущ и юридическим лицам. С этой позицией можно согласиться, так как сложно представить, как возможно взыскать в пользу компании моральный вред, причиненный в результате утраты здоровья. Но тут же возникает и противоречивое восприятие, когда речь идет о взыскании морального вреда, причиненного вследствие причинения материального ущерба имуществу юридического лица. В этом случае непонятно, почему компания не имеет право на взыскание морального вреда.

Позиция законодателя изменилась в 2013 году с введением изменений в статью 152 ГК РФ, которая снова ограничила возможность юридических лиц взыскивать моральный вред, кроме случаев нарушения деловой репутации. Однако, в 2015 году Экономическая коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев спор по делу № 309-ЭС15-8331, отменила судебные акты предыдущих судебных инстанций, позволив взыскать моральный вред в пользу юридического лица. Таким образом, возникла правовая коллизия, при которой трактование статьи 152 ГК РФ о взыскании морального вреда получило два разных направления [2].

Также дискуссионным стал вопрос о взыскании суммы морального вреда в пользу индивидуального предпринимателя. Несмотря на то, что субъект предпринимательства является физическим лицом, многие юристы считают невозможным взыскание моральной компенсации в пользу ИП. В частности, такой позиции придерживался ВАС РФ в информационном письме № 46. В подтверждение данной позиции выступает и статья 33 АПК РФ, согласно которой в арбитражном суде не предусмотрен такой способ защиты права как взыскание морального вреда. Таким образом, автоматически споры между

индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами о взыскании компенсации за моральный вред становятся не допустимыми [5].

Моральный вред может взыскиваться как следствие причинения нематериального ущерба. В частности, это легко применяется при судебном споре по иску о защите чести и деловой репутации компании, которой причинен ущерб. Например, часто публикации в СМИ или соцсетях содержат ложную информацию, которая приносит репутационный (нематериальный) ущерб. В данном случае субъектами взыскания морального вреда могут выступать как юридическое лицо, так и гражданин. Юридическое лицо вправе обратиться в суд с иском о компенсации за причиненный ущерб, равно как и гражданин. Таким образом, исходя из правовой природы причиненного вреда (материального или нематериального), возникает и право субъекта на компенсацию морального вреда.

В целом, лицо вправе обратиться за взысканием морального вреда в двух аспектах: когда нарушены его личные неимущественные права либо когда причинен материальный ущерб, в том числе его здоровью.

Также важно отметить, что под моральным вредом понимается душевное и психологическое страдание человека, что, естественно, предполагает такой субъект как физическое лицо, а не юридическое. Поэтому, на наш взгляд, законодатель вправе расширить понятие морального вреда, если резюмирует, что под «страданием» юридического лица понимается невозможность осуществлять деятельность или пользоваться имуществом в течение определенного периода. Таким образом, был бы соблюден главный принцип равенства прав сторон и субъектов при судебной защите.

Ограничение понятия «морального вреда» в пользу физических лиц, как вреда связанного с физическим или моральным страданием физического лица, создает неравенство в применении способов защиты, когда идет речь о взыскании морального вреда юридическим лицом. Компания, являясь, с одной стороны, неодушевленным субъектом, тем не менее, может в лице ее собственников испытывать некоторые моральные страдания из-за невозможности реализации поставленных в уставе компании целей и невыполнения задач в срок, при этом характер страданий не будет связан с репутационными рисками. В данном случае принято говорить об упущенной выгоде для юридического лица. Однако, с этим также можно не согласиться, ведь доказать получение материальной выгоды возможно только при наличии определенных доказательств, а моральный аспект здесь нивелируется.

Получается, что компания не может «страдать» по причине потери имущества или денег, хотя на прак-

тике все понимают, что при любых финансовых потерях компания в лице ее руководителя или учредителей может испытывать переживания и страдания.

Важным признаком морального вреда является его финансовая основа, так как возмещение производится исключительно в денежном эквиваленте. При этом, чтобы рассчитать сумму компенсации морального вреда, необходимо учитывать ряд условий: длительность причинения материального вреда, тяжесть причинений, которая может выражаться в потере здоровья гражданина или размере материального ущерба (потеря имущества, утрата его функции, уничтожение и порча). Также при определении размера денежной компенсации важен субъект и его психическое отношение (субъективная сторона) к посягательству или лишению прав. В частности, суд будет учитывать умысел или неосторожность действий причинителя морального вреда, его возраст, материальное, а также семейное положение. Об этом свидетельствует часть 2 статьи 1101 ГК РФ.

В октябре 2020 года в Совете Федерации за круглым столом обсуждался актуальный вопрос о урегулировании порядка расчета сумм компенсаций при исчислении размера морального вреда. Финансовый университет при Правительстве РФ произвел исследование среди респондентов по вопросу определения достойной суммы компенсации размера морального вреда. Примечательно, что граждане РФ высоко оценили суммы причинения вреда здоровью, в среднем определив ее размер, близкий к 18 млн. рублей. Данные факты свидетельствуют о неурегулированности правового поля по исследуемой проблеме, а значит, ситуация порождает спорность начислений сумм компенсаций морального вреда, исходя из отсутствия правил или порядка расчета. В частности, судом может быть взыскана моральная компенсация в размере от 5000 рублей до 1000 000 рублей, но при этом логика расчета остается темой для споров и дискуссий юристов [4].

В целом, о размере компенсации морального вреда говорит статья 1101 Гражданского Кодекса РФ. В частности, определение ее размера возлагается на суд как на орган, способный произвести справедливый расчет суммы с учетом разумности и справедливости. Однако, такое утверждение не соответствует реальному положению дел в судебной практике. Как правило, судьи не являются специалистами в финансовых вопро-

сах, а полагаются на расчеты привлеченных к участию в деле экспертов. Так как привлечь эксперта при определении суммы морального вреда при разрешении спора суд не находит причин, то, как правило, руководствуется судебной практикой вышестоящих судов.

В целом, можно отметить, что размер компенсации будет существенным, если происходит смерть близкого лица (при врачебной ошибке или в результате ДТП) [6]. В этом случае речь идет о взыскании с виновника миллиона и более рублей, но в стандартных, бытовых ситуациях суды не склонны взыскивать моральный вред свыше 10 тысяч рублей (например, при заливе квартиры или незначительном ДТП).

Также нередки случаи урезания судами размера компенсации морального вреда в два и более раза. Например, по делу № 33–18275/2016 в 2016 суд Московской области понизил сумму компенсации от 500 до 250 тыс. руб., а при взыскании тем же судом по делу № 33–14309/2016 морального вреда, причиненного потерей близкого человека, суд снизил размер компенсации с 3000 000 руб. до 800 000 руб., что естественно вызывает законный протест. Похожие ситуации могут доходить и до абсурда, когда в 2016 году Верховный Суд РФ при смерти бабушки, погибшей в результате ДТП, признал законной назначенную судом первой инстанции компенсацию морального вреда в размере 100–200 тысяч руб. вместо двух миллионов, заявленных родственниками [3].

Что касается высшей судебной практики, то она также слабо сформирована, исходя из того, что суды до настоящего времени руководствуются Постановлением Пленума ВС РФ № 10 от 1994 года с изменением на 2007 г. [1], который определил главным основанием для начисления сумм компенсации обязательное наличие вины нарушителя прав, и предложил судам при исчислении сумм компенсаций морального вреда использовать методiku или порядок, которую утверждает соответствующий закон, принятый касательно определенных правовых отношений. Таким образом, ВС РФ снял с себя ответственность по установлению рекомендательного порядка расчета и размера компенсации морального вреда, указав на необходимость принятия соответствующих правовых актов на соответствующем законодательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/
2. Публикации Верховного Суда РФ // URL: http://www.supcourt.ru/press_center/mass_media/28609/

3. Добрикова Е. Аналитическая статья на сайте [garant.ru](http://www.garant.ru/article/864733/) «Компенсация морального вреда: тенденции российской судебной практики» 2016 // URL: <http://www.garant.ru/article/864733/>
4. Информационно-аналитическая статья на сайте [Pravo.ru](https://pravo.ru/story/216353/) «Ожидания и реальность: компенсация морального вреда в российских судах», 2019 // URL: <https://pravo.ru/story/216353/>
5. Хлюстов П. Аналитическая обзорная статья на сайте [garant.ru](http://www.garant.ru/ia/opinion/author/hlyustov/702882/) «Вправе ли юридическое лицо требовать компенсации морального (репутационного) вреда?» // URL: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/hlyustov/702882/>
6. Черкунова А.В. Методики расчета компенсации морального вреда. НГУ // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodiki-rascheta-kompensatsii-moralnogo-vreda/viewer>

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru),

Красильщиков Анатолий Владимирович (krasilschikov@inbox.ru), Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЮИ ФСИН России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ТРАНСПОРТЕ

ACTUAL PROBLEMS OF PREVENTION OF TERRORIST CRIMES COMMITTED ON TRANSPORT

*Yu. Dobrovolskaya
P. Agapov*

Summary. Since the beginning of the 2000s, terrorist acts committed on transport, which resulted in numerous human casualties, have been regularly included in the official statistics of the Russian Federation. The leadership of our country did not immediately come to understand that it is easier and cheaper to prevent terrorist attacks than to eliminate their consequences. To date, Russia has managed to form an effective system for preventing terrorist crimes related to the transport sector, and to reduce them to a minimum. However, this does not indicate the complete elimination of threats. The activities of terrorist groups are constantly being improved, therefore, in parallel with this process, work should be developed to further implement the most effective measures to prevent such socially dangerous crimes as terrorist attacks.

Keywords: explosive device, warning, terrorism, terrorist crime, transport.

Добровольская Юлия Сергеевна

*Аспирант, Российский Университет Транспорта
(МИИТ)*

yul1556911@yandex.ru

Агапов Павел Валерьевич

*Д. ю. н., профессор, Российский Университет
Транспорта (МИИТ)*

Аннотация. С начала 2000-х гг. террористические акты, совершенные на транспорте, повлекшие за собой многочисленные человеческие жертвы, стали регулярно попадать в данные официальной статистики РФ. Руководство нашей страны не сразу пришло к пониманию, что теракты легче и дешевле предупреждать, нежели устранять их последствия. К настоящему времени в России удалось сформировать действенную систему предупреждения террористических преступлений, связанных с транспортной сферой, свести их к минимуму. Однако, это не свидетельствует о полном устранении угроз. Деятельность террористических группировок постоянно совершенствуется, следовательно, параллельно этому процессу должна развиваться работа по дальнейшему внедрению наиболее эффективных мер предупреждения столь общественно опасных преступлений, как теракты.

Ключевые слова: взрывное устройство, предупреждение, терроризм, террористическое преступление, транспорт.

Транспортная система считается одной из наиболее уязвимых сфер к преступным проявлениям. Примечательно, что в ежемесячных аналитических отчетах ГИАЦ МВД России состояние преступности на транспорте описывается в отдельном разделе. Если изучить данные за последние три года, то можно увидеть, что общее число зарегистрированных преступлений, совершенных на транспорте, является достаточно стабильным показателем, составляющим в среднем около 35 тыс. единиц, или около 1,5% от всего количества преступлений (38 605 случаев в 2018 г., 36 153 — в 2019 г., 33 527 — в 2020 г.) [18; 19; 20].

Актуальность обеспечения безопасности транспортной системы происходит из того, что в отсутствие транспортных сообщений жизнедеятельность современного общества является невозможной, она полностью блокируется. Огромная по площади территория России подразумевает ежедневное перемещение

миллионов граждан и миллионов тонн грузов автомобильным, железнодорожным, воздушным и иными видами транспорта. Учитывая это, объекты транспортной инфраструктуры входят в круг интересов преступных групп, в том числе, террористических [6, с. 49]. В многочисленных исследованиях, посвященных данному вопросу, отмечается, что примерно 70% террористических актов связано с транспортной системой, как объектом атаки (вокзалы, аэропорты, дороги), или с самими транспортными средствами, как орудиями атаки (в первую очередь, это самолеты), в совокупности обеспечивающими мощное поражающее воздействие и широкий общественный резонанс [10]. Что, в полной мере, соответствует ключевой цели идеологии терроризма — управление социумом путем превентивного устрашения [16, с. 151]. При этом, как справедливо подмечено Е.Н. Савинковой, терроризм на транспорте, с одной стороны, относится к традиционной общеуголовной преступности, а, с другой стороны, имеется

у него и специфический признак — организация преднамеренных преступных действий в местах массового скопления лиц, вызов наибольшей паники и беспорядков, усложнение противодействия со стороны властей и т.д. Так террористы достигают свою субъективную цель — использовать «общество» в качестве необходимого «передаточного» звена между ними и адресатами требований (чаще всего конкретное государство, его руководство) [17, с. 36].

Самый крупный по числу жертв теракт в мировой истории произошел в США 11 сентября 2001 г. Согласно официальным сведениям, его жертвами стали 2 996 человек. Атака как раз была совершена посредством транспортных средств — 4-х захваченных с пассажирами на борту самолетов (два из них врезались в башни-близнецы в Нью-Йорке, третий — в здание Пентагона в Вашингтоне, четвертый рухнул около Питтсбурга) [4]. Именно с 11 сентября 2001 г. ведет свой отчет международная (глобальная) стратегия противодействия терроризму, поддержанная большинством государств. Тогда же они начали предпринимать беспрецедентные усилия по обеспечению правопорядка и безопасности на многих объектах транспортной инфраструктуры. Особенно переоснащению, в том числе, и в Российской Федерации, подверглись международные аэропорты и авиалайнеры. Были внедрены: новые средства досмотра багажа, технологии тестирования пассажиров, специальные программы обучения персонала и др.

Однако, эти меры не позволили предотвратить, в частности, трагедию, произошедшую 24 августа 2004 г., когда почти одновременно (интервал был равен одной минуте) произошли взрывы двух находящихся в воздушном пространстве самолетов: ТУ-134А-3 (компания «Волга-Авиаэкспресс») и ТУ-154Б-2 (компания «Сибирь»). Оба авиалайнера вылетели из аэропорта Домодедово (г. Москва), конечным пунктом первого был г. Волгоград, а второго — г. Сочи. Жертвами стали все пассажиры и члены экипажей — всего 90 человек (44 и 46 соответственно). Причиной крушения стало взрывчатое вещество, пронесенное на борты террористками-смертницами А. Нагаевой и С. Джебихановой. Впоследствии следственными органами была установлена информация о том, что указанных женщин задерживали, но потом отпустили, кроме того, билеты они приобрели у «спекулянта» при участии представителя одной из авиакомпаний.

После этого последовали события, связанные со взрывами: в московском метрополитене на станциях «Парк культуры» и «Лубянка» (29 марта 2010 г., число погибших — 39 чел. и 33 чел. раненных), поезда «Невский экспресс» (27 ноября 2009 г., число погиб-

ших — 28 чел. и 95 чел. раненных), в здании аэропорта Домодедово (24 января 2011 г., число погибших — 35 чел. и 180 чел. раненных), на входе в железнодорожный вокзал «Волгоград I» (29 декабря 2013 г., число погибших — 18 чел. и 45 чел. раненных) и в волгоградском же троллейбусе (30 декабря 2013 г., число погибших — 16 чел. и 25 чел. раненных) и др. [11]. При этом, считается, что самый страшный теракт в истории России (включая и советский период), связанный с транспортной сферой, — это крушение самолета Airbus A-321 (компания «Когалымавиа») 31 октября 2015 г. При выполнении рейса «Шарм-аль-Шейх — Санкт-Петербург» на борту произошел взрыв, унесший в итоге жизни 224 чел. (217 пассажиров и 7 членов экипажа). Проведя исследование обломков лайнера, эксперты установили причину трагедии — детонирование взрывного устройства иностранного происхождения, что позволило рассматривать ее в качестве террористического акта [13, с. 52]. В последующем были также получены данные о размещении устройства в багажном отсеке хвостовой части самолета, попавшего туда под видом багажа при содействии сотрудника сервисной службы международного аэропорта «Шарм-Эш-Шейх». Однако, по сегодняшний день ни одно лицо, виновное в теракте, не установлено и не привлечено к ответственности [7].

Вообще, не может не ужасать статистика раскрываемости преступлений, именуемых иначе, как «транспортный терроризм». В отдельных работах приводятся данные о 15–20% от общего числа случаев [17, с. 36]. Но, учитывая, что именно такие дела вызывают наибольший резонанс, государство не может не давать на них соответствующую реакцию.

Начало 2000-х гг. ознаменовалось активизацией работы российских властей над антитеррористическим законодательством. Значимой вехой стало подписание и вступление в силу Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2], позволившего установить единые ключевые принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также порядок применения в этой деятельности сил и средств силовых структур. По мнению ряда экспертов, утверждение названного Федерального закона инспирировало существенную модернизацию норм и в иных отраслях законодательства [8, с. 14]. В качестве примера можно привести принятый годом позже Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [1], уделивший особое внимание вопросам защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от противоправных деяний, в том числе, террористического характера. Указанный норматив-

но-правовой акт закрепил, что для обеспечения транспортной безопасности необходимо: категорировать объекты транспортной инфраструктуры и транспортных средств; по отдельности оценивать их уязвимость; разрабатывать и реализовывать соответствующие планы защиты; осуществлять контроль и надзор в сфере транспортной безопасности. В последующем многие из названных требований получили свою конкретизацию в Указе Президента РФ от 31 марта 2010 г. № 403 «О создании комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте» [3].

Стоит сказать, что следствием каждого нового факта террористического преступления на транспорте было усиление антитеррористических мер. Совершенствовалась система обеспечения безопасности всего транспортного комплекса, расширялись полномочия правоохранительных органов, а также повышалась их технологическая оснащенность, внедрялись в практику новые способы и формы осуществления оперативно-розыскных мероприятий. Причем, в эту работу были активно включены не только государственные ресурсы, но и частные — в лице хозяйствующих субъектов, занятых в сфере транспорта [5, с. 3]. Постепенно пришло осознание, что с террористами не надо бороться, надо предупреждать любые попытки совершения ими преступных деяний. Стало важно именно то понимание, которое заложено криминологической наукой в понятие «предупреждение». «Предупредить» значит «заранее принятыми мерами устранить то, что угрожает» [12, с. 62].

Справедливым видится утверждение, что в итоге в Российской Федерации удалось сформировать целостный механизм предупреждения террористических преступлений, в том числе, совершаемых на транспорте. Она включила в себя: 1) организацию единой государственной системы предупреждения терроризма, ключевую роль в которой играют Национальный антитеррористический комитет и Федеральный оперативный штаб; 2) развитие нормативно-правовой основы в сфере антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств; 3) повышение государственного контроля (надзора) за обеспечением транспортной безопасности; 4) усиление охраны и внедрение инновационных технологий в структуру технической оснащенности метро, аэропортов, вокзалов и др. критически важных объектов; 5) разработку специальных программ по обучению, аттестации, тестированию и пр. руководящего состава, сотрудников служб безопасности и иного персонала транспортной отрасли; 6) проведение активной предупредительно-профилактической работы среди населения; 7) стабилизацию ситуации на Северном Кавказе и других конфликтогенных регионах; и др.

22 сентября 2020 г. Д.А. Медведев, занимающий пост заместителя председателя Совета безопасности РФ, озвучил данные о полном ограждении российского транспортного комплекса от посягательств террористов в последние два года (речь шла о 2018 и 2019 гг.). Им было особо отмечено, что в течение 2019 г. силовые структуры смогли предотвратить 34 террористических акта на транспорте, при том, что за неполный 2020 г. в статистику попали 24 незаконных вмешательства в работу транспортных объектов и 517 угроз такого рода вмешательства [14].

Вместе с тем, складывающаяся сегодня картина в части реальной минимизации террористических угроз в транспортной сфере не должна приводить к успокоению, напротив, реализация антитеррористических мер предупредительного характера должна продолжаться и даже усиливаться. Тем более в условиях, когда в научных и экспертных кругах все «громче» звучат разговоры о том, что террористические группировки не стоят на месте, они постоянно совершенствуют свой преступный потенциал, привлекая в свои ряды высококлассных специалистов — программистов, инженеров, психологов и др. Абсолютно верно высказывание П.Н. Кобеца о том, что, невзирая на существенное усиление, а иногда и полный пересмотр мероприятий обеспечения безопасности в большинстве аэропортов мира, наблюдаемые к концу второго десятилетия XXI в., не вызывают сомнения, что изобретательность террористов может позволить придумать им многочисленные способы по обходу действующих процедур [9, с. 54]. А.В. Михайлов в своей статье приводит в пример материалы, опубликованные авторитетным британским изданием «The Sunday Times». Журналисты утверждают, что в структуре ультрарадикальной международной террористической организации «Аль-Каида» (*запрещенная в РФ террористическая организация*) при помощи сотрудничающих с ней хирургов удалось создать «человека-бомбу». Речь идет о вживлении в тело человека (в бедра и грудь) специальных имплантатов, способных взорваться (катализатором взрыва становится введение имплантат посредством шприца особой жидкости). Основная цель разработки таких имплантатов — незаметный пронос взрывчатых веществ в самолет. Ни один из применяемых сегодня службами безопасности аэропортов, оснащенных по последнему слову техники, сканеров такие вещества обнаружить не может [15, с. 31].

В контексте сказанного, уместно предположить, что ни государственные программы, ни совершенные технические устройства не могут снизить важность человеческого фактора. Наглядное подтверждение этому — теракт 24 августа 2004 г., унесший жизни 90 человек. Предотвратить возможность совершения террористи-

ческих преступлений на транспорте, спасти от гибели или причинения увечий многих граждан в большей степени может (и должно) полноценное исполнение своих полномочий сотрудниками правоохранительных органов и служб безопасности, участвующих в охране объектов воздушного, железнодорожного, водного, автомобильного и иного транспорта. А это требует долгосрочного специального обучения персонала и дальнейшего совершенствования программ служебной подготовки. Немаловажным здесь является обращение к позитивному опыту зарубежных государств. П.Н. Кобец приводит в пример эффективные разработки национальных авиалиний Израиля. Данное государство, столкнувшееся с проблемой угонов самолетов и терактов еще в 1970-е гг., смогло выстроить собственную, во многом, уникальную систему обеспечения безопасности, как пассажиров, так и персонала. Как следует из практики израильских спецслужб, при появлении экстренной информации о подготавливаемом террористическом акте, каждый сотрудник аэропорта, даже самый последний в цепочке, оперативно получает весь объем необходимых сведений, поскольку именно он

может столкнуться с потенциальным террористом [9, с. 56].

Не принижая значимость и отечественного опыта, следует подчеркнуть, что в понимании сотрудников правоохранительных органов и служб безопасности объектов транспортной инфраструктуры должно укорениться понимание того, что наряду с совершенствованием предпринимаемых ими мер, происходит совершенствование деятельности террористических организаций, появление в их арсенале новых способов совершения терактов. Следовательно, важно не стоять на месте, думая, что предпринимаемые меры по обеспечению транспортной безопасности и так являются безупречными. Только постоянная модернизация системы подготовки и обучения лиц, задействованных в охране транспорта, которая будет базироваться на наиболее перспективных современных исследованиях и методиках, позволит поддерживать в стабильном, безопасном состоянии весь транспортный комплекс РФ, а, самое главное, сохранять человеческие жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837; 2019. № 49 (ч. 4). Ст. 6974.
2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; 2020. № 50 (ч. 3). Ст. 8074.
3. Указ Президента РФ от 31.03.2010 № 403 «О создании комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте» // СЗ РФ. 2010. № 14. Ст. 1637.
4. Десять крупнейших терактов в мире [Электронный ресурс] // ТАСС. 14.11.2015. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2436364> (дата обращения: 25.05.2021).
5. Дмитриев С.Н. Новации в законодательстве о транспортной безопасности // Транспортное право. 2014. № 4. С. 3.
6. Занина Т.М., Агаркова Н.А. Взаимодействие правоохранительных органов по обеспечению общественного порядка и безопасности на объектах транспортной инфраструктуры // Административное право и процесс. 2020. № 12. С. 49.
7. Званцев В. «Мы не хотели их отпускать»: кто виновен в авиакатастрофе над Синаем [Электронный ресурс] // РИА Новости. 31.10.2020. Режим доступа: <https://ria.ru/20201031/avikatastrofa-1582326092.html> (дата обращения: 25.05.2021).
8. Качалов В.В., Жилкин М.Г., Маслакова Е.А. Некоторые направления совершенствования правового обеспечения антитеррористической безопасности // Военно-юридический журнал. 2015. № 1. С. 14.
9. Кобец П.Н. Противодействие терроризму в авиационной сфере: положительный опыт и проблемы // Российский следователь. 2018. № 9. С. 54, 56.
10. Конохова А.С. Терроризм и безопасность на транспорте: Итоги 20-й Международной научно-практической конференции (г. Москва, 9–10 февраля 2021 г.) [Электронный ресурс] // Право и авиация. 07.03.2021. Режим доступа: <https://avialaw.blog/blog/obzory-meropriyatij/20-ya-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-terrorizm-i> (дата обращения: 25.05.2021).
11. Крупные теракты на транспорте в России в 2009–2017 годах [Электронный ресурс] // РИА Новости. 03.04.2017. Режим доступа: <https://ria.ru/20170403/1491367151.html> (дата обращения: 25.05.2021).
12. Кузнецов А.П. Криминалистические меры по предотвращению террористических проявлений на объектах транспортной инфраструктуры // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 62.
13. Макаров А.В., Чумаченко М.В. Терроризм и экстремизм: современное понимание и актуальные проблемы // Юридический мир. 2016. № 2. С. 52.
14. Медведев сообщил, что на транспорте в России предотвращено несколько десятков терактов [Электронный ресурс] // ТАСС. 22.09.2020. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/9519507> (дата обращения: 25.05.2021).
15. Михайлов А.В. Необходимость наращивания технических средств противодействия терроризму на объектах транспортной инфраструктуры // Транспортное право. 2013. № 2. С. 31.
16. Одесский М., Фельдман Д. Террор как идеологема (к истории развития) // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 151.
17. Савинкова Е.Н. Особенности преступности террористической направленности на транспорте // Транспортное право. 2012. № 3. С. 36.

18. Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2018 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал МВД России. 18.01.2019. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 25.05.2021).
19. Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2019 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал МВД России. 24.01.2020. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 25.05.2021).
20. Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал МВД России. 21.01.2021. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 25.05.2021).

© Добровольская Юлия Сергеевна (yul1556911@yandex.ru), Агапов Павел Валерьевич.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПАТЕНТНОМУ ТРОЛЛИНГУ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА США И КИТАЯ)

Дятлова Алёна Владимировна

Всероссийский государственный университет
юстиции РПА Минюста России, г. Москва
89161328324@mail.ru

COUNTERING PATENT TROLLING (BASED ON THE EXPERIENCE OF THE UNITED STATES AND CHINA)

A. Dyatlova

Summary. The subject of the study is the study of the criteria used in the law of the United States and China to assess the integrity of the copyright holder in a dispute over infringement of patents and trademarks, since these intellectual property objects are the main scope of the so-called patent trolling. The considered criteria for assessing integrity can serve as a reference point for creating similar legal norms in the system of domestic legislation.

Keywords: patent trolls, patent disputes, patent protection, trademarks, unfair behavior, legal regulation, inventions, science and technology, trademark protection, protection for innovation.

Аннотация. Предметом исследования является изучение применяемых в праве США и Китая критериев оценки добросовестности правообладателя в споре о нарушении прав на патенты и товарные знаки, поскольку данные объекты интеллектуальной собственности являются основной сферой действия так называемого патентного троллинга. Рассмотренные критерии оценки добросовестности могут служить в качестве ориентира для создания аналогичных правовых норм в системе отечественного законодательства.

Ключевые слова: патентные тролли, патентные споры, патентная защита, товарные знаки, недобросовестное поведение, правовое регулирование, изобретения, научно-технологическое развитие, защита товарных знаков, защита инноваций.

История патентного троллинга ведет свое начало с 1879 года, когда предприимчивому изобретателю и патентному юристу Джорджу Селдону удалось получить патент на одну из моделей бензинового автомобильного двигателя. В период активного становления отрасли машиностроения, полученный патент на многие годы обеспечил Джорджу Селдону безбедное существование за счет получения лицензионных платежей от автомобилестроителей [3].

Развитие научно-технологической сферы является благотворной почвой для патентных троллей, использующих для собственной выгоды законы о защите исключительных прав, а также общую сложность патентных споров в силу их технической составляющей.

Впоследствии в США сформировалось целое направление предпринимательской деятельности, основанное на бизнес-модели патентного троллинга.

В современных реалиях патентный троллинг развит в сферах компьютерных технологий, электроники, программного обеспечения, биотехнологий и фармацевтики.

Помимо этого, существует патентный троллинг в сфере товарных знаков.

К негативным проявлениям патентного троллинга можно отнести: замедление производственного и инновационного развития, в частности, в силу усложнения доступа к использованию определенных технологий; снижение экономического роста компаний, вынужденных тратить значительные средства на судебные тяжбы и лицензионные выплаты патентным троллям.

Так, в соответствии с исследованием, проведенном в 2018 году Гарвардским университетом и университетом Техаса, было выявлено, что большинство компаний,

проигравших в споре с патентными троллями, были вынуждены свернуть свои научно-исследовательские проекты в силу невозможности их дальнейшего субсидирования [7].

Патентный троллинг может явиться причиной повышения цен на определенную продукцию, поскольку, суммы лицензионных отчислений влияют на их конечную стоимость и приводят к удорожанию.

Наибольшее негативное воздействие от патентного троллинга претерпевает малый бизнес, которому в силу ограниченности финансовых возможностей, гораздо сложнее обеспечить себе должную юридическую защиту, нежели чем крупной компании.

Поскольку продвижение научно-технологического прогресса является одной из основных целей развития России, представляется актуальным исследовать установленные законодательной и правоприменительной практикой США и Китая критерии оценки недобросовестности правообладателя, позволяющие, в свою очередь, осуществить противодействие патентному троллингу как одной из угроз не только для научно-технологического, но и для экономического развития государства.

В качестве патентного троллинга учеными рассматривается деятельность в сфере исключительных прав, которая заключается не в разработке и производстве новой продукции или создании новых объектов исключительных прав, а в систематическом использовании таких прав исключительно с целью злоупотребления реализацией субъективного права на защиту или получения лицензионных отчислений [5].

В общем виде, структура действия патентного троллинга практически идентична осуществлению защиты нарушенных прав добросовестного правообладателя. Поэтому, запретить данное явление на законодательном уровне не представляется возможным.

Стратегия успеха патентного троллинга базируется на серьезности как материальных, так и правовых последствий за нарушение исключительных прав. Патентные тролли, принуждают оппонентов пойти на их условия, дабы избежать неблагоприятного исхода в случае поражения в суде.

Американские ученые склонны связывать определение патентного троллинга с деятельностью так называемых компаний — «непрактикующих патентнообладателей» — Patent assertion entities (PAE).

Целью деятельности данных компаний является получение лицензионных платежей за счет использо-

вания принадлежащих им патентов, без попыток реализовать запатентованные изобретения на практике. Как правило, это небольшие компании, которые за счет предъявления патентных судебных исков пытаются вынудить как можно больше компаний приобрести лицензии на их патенты [3].

Говоря о сложности при рассмотрении патентных споров, следует обратиться к мнению ученых-юристов А.Г. Барабашева и Д.В. Пономаревой, согласно которому, порой представляется затруднительным определить точную границу между множеством запатентованных технологий, используемых в определенном устройстве.

Если прибавить к этому, особенности формулировок патентуемых технологий, некоторые из которых носят размытый характер, то становится очевидно, что доказать свою правоту в споре с патентным троллем не всегда представляется возможным [2].

В качестве мер по снижению распространения патентного троллинга, законами ряда американских штатов были установлены следующие критерии недобросовестности правообладателя в споре о нарушении патентных прав:

1. Требования заявителя не содержит номера и наименования патента; информацию о владельце патента, а также доказательства нарушения исключительного права на патент;
2. Требования заявителя были направлены без проведения проверки использования патента в оспариваемом продукте или технологии;
3. Установлен короткий период для заключения лицензионного договора и выплат роялти;
4. Требования о размере лицензионных платежей значительно превышают стоимость самого патента;
5. Лицо, направившее требование заведомо знало о необоснованности своих претензий;
6. Иные факторы, которые суд сочтет показателями недобросовестности правообладателя. [6, с. 55]

Направление подобных требований, признается в ряде штатов правонарушением, что, в свою очередь, предписывает прокурору штата провести расследования и привлечь виновных к ответственности. В качестве санкции за данное деяние установлен штраф, размер которого устанавливается законом штата.

Помимо этого, некоторые штаты допускают для получателей «писем-требований» возможность самостоятельно взыскать с патентного тролля убытки, причиненные его действиями [13].

Схема действия патентного троллинга в сфере товарных знаков заключается в том, что права на товар-

ные знаки, имеющие схожие черты с теми, которые используются добросовестными правообладателями, служат в качестве средства для инициирования судебных процессов с целью получения компенсации за нарушение прав на товарный знак.

В данном случае, товарные знаки приобретаются или регистрируются патентным троллем не для того чтобы использовать их в предпринимательской деятельности, а только в качестве предмета судебных тяжб.

В части рассмотрения критериев недобросовестности в части троллинга в сфере товарных знаков, следует обратиться к опыту Китая, где данное явление стало насущной проблемой, когда выяснилось, что в Китае зарегистрировано множество товарных знаков, схожих с такими известными международными брендами как Adidas, Tesla, Apple и другие.

В данном случае приоритетность товарного знака играет на пользу патентным троллям, поскольку они регистрируют похожий товарный знак до того, как «оригинальный товарный знак» выйдет на китайский рынок.

С данным негативным явлением с свое время столкнулись компании Apple и Tesla. Проиграв судебные споры с патентными троллями, они вынуждены были пойти на их условия и выплатить компенсацию.

В рамках принятия мер для противодействия данному явлению, в 2019 году в законодательства Китая о товарных знаках были внесены изменения, призванные снизить количество товарных знаков, зарегистрированных с недобросовестными намерениями.

Так, согласно закону, заявки на товарные знаки, поданные без цели дальнейшего использования товарного знака по назначению, в частности, для представления товаров и услуг, должны быть отклонены [15].

Для проверки добросовестности заявителя, регистрационные органы руководствуются рядом критериев, среди которых можно выделить следующие:

1. Общее количество заявок, поданных заявителем и аффилированными лицами.
2. История транзакций товарных знаков. В данном случае эксперты выясняют, историю использования товарных знаков, уже зарегистрированных заявителем.
3. Общее количество судебных дел в отношении заявителя и аффилированных лиц по основаниям «недобросовестности».

По данным исследователей, данные меры показали свою эффективность в части увеличения количества от-

казов в регистрации «недобросовестных» заявок на товарные знаки [13].

Проведение подобных проверок «недобросовестности заявителей» представляется эффективным средством для борьбы с троллингом в сфере товарных знаков, поскольку снижение вероятности регистрации «недобросовестного» товарного знака, затрудняет возможность осуществления дальнейшей деятельности «тролля» в данной сфере.

В судебной практике Китая также был установлен перечень критериев, свидетельствующих о «недобросовестности» правообладателя в споре о нарушении прав на товарные знаки.

Перечень данных критериев был обозначен Верховным судом Китая в споре в отношении товарного знака между китайскими предпринимателями и японской компанией «Uniqlo».

Так, несколькими китайскими предпринимателями был зарегистрирован товарный знак «UL», идентичный товарному знаку, который «Uniqlo» уже использует по всему миру.

В дальнейшем, когда компания «Uniqlo» вышла на китайский рынок, она столкнулась с троллингом.

Рассматривая данное дело, Верховный суд Китая определил следующие критерии недобросовестности правообладателей:

1. Множественность зарегистрированных товарных знаков. В рассматриваемом деле их более 2600;
2. Товарные знаки не использовались по назначению, то есть, для продвижения товаров и/или оказания услуг;
3. Ответчику предлагалось выкупить товарный знак по завышенной стоимости;
4. Судебные разбирательства в отношении ответчика иницировались с целью принудить его согласиться на условия истца.

Таким образом, «Uniqlo» не только удалось отстоять свою правоту в данном деле, но и создать судебный прецедент, согласно которому, «недобросовестные действия» правообладателей товарных знаков могут служить основанием для отказа в удовлетворении их требований [14].

Открытым остается вопрос, возможно ли рассмотреть в качестве патентного тролля лицо или организацию, если патентный троллинг не является их основным видом деятельности.

Так, в качестве примера можно привести деятельность американской компании Intellectual Ventures имеющей права на более чем 40 тысяч патентов в 50 технологических сферах.

Помимо деятельности, которую можно отнести к патентному троллингу, Intellectual Ventures имеет собственные лаборатории и штат ученых, осуществляющих научную и изобретательскую деятельность.

В общем понимании, такие компании как Intellectual Ventures отошли от классического понимания компаний-троллей, поскольку помимо прочего, они осуществляют деятельность по развитию науки и технологий.

Отвечая на вопрос, можно ли рассматривать подобные компании в качестве «патентных троллей», следует обратиться к определению патентного троллинга.

Согласно определению, «патентный троллинг» рассматривается в качестве «определенной деятельности» организаций или физических лиц.

Можно предположить, что деятельность по патентному троллингу не исключает ведения иной добросовестной научно-технологической или производственной деятельности.

Вместе с тем, в виду затруднительности применения рассматриваемых критериев ко всем правоотношениям в части как патентных споров, так и споров в сфере товарных знаков, представляется верным, применять

рассмотренные критерии к организациям и физическим лицам, деятельность которых отвечает следующим признакам:

1. Множественность споров по данному основанию;
2. Отсутствие использования патентов или товарных знаков по назначению, для ведения научно-технологической или производственной деятельности.
3. Использование прав на патенты и товарные знаки для инициирования судебных процессов с целью получения материальной выгоды, что можно увидеть исходя из требования завышенных сумм для лицензионных платежей или выкупа патента/товарного знака.
4. Мотивацией правообладателя для судебного разбирательства служит возможность воспрепятствовать предпринимательской деятельности ответчика, в целях принудить его пойти на сделку.

Рассмотренные критерии оценки могут способствовать систематизации в применении принципа добросовестности в части противодействия патентному троллингу и троллингу в сфере товарных знаков, а также служить ориентиром для законопослушного поведения участников гражданского оборота.

Зарубежная практика по борьбе с патентным троллингом, в частности, введение критериев оценки недобросовестности может служить образцом для создания аналогичных норм в рамках российского права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева Е.Г. Тролли водятся в Америке. А в Европе? (Аналитический обзор) / Е.Г. Афанасьева, Е.А. Афанасьева. — Текст: непосредственный // Право интеллектуальной собственности: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; МГУ им. М.В. Ломоносова. Каф. предпринимательского права. — 2017. — № . — С. 66–72.
2. Барабашев А.Г., Пономарева Д.В. Патентный троллинг и правовое регулирование искусственного интеллекта (на примере опыта Соединенных Штатов Америки) / А.Г. Барабашев, Д.В. Пономарева. — Текст: непосредственный // Образование. Наука. Научные кадры. — 2021. — № 1. — С. 41–48.
3. Васильев Д.В. Патентный троллинг: зарубежный опыт и правоприменительная практика в России / Д.В. Васильев. — Текст: непосредственный // Образование. Наука. Научные кадры. — 2019. — № 4. — С. 97–101.
4. Ворожевич, А.С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы / А.С. Ворожевич. — Текст: непосредственный // Закон. — 2013. — № 9. — С. <http://base.garant.ru/57597235/>.
5. Николаев К.А. Правовые средства пресечения патентного троллинга и возможности применения законодательства о защите конкуренции // Предпринимательское право. 2019 № 1 с. 60–66
6. Седнев. В.А. Патентный троллинг: понятие, механизмы борьбы / В.А. Седнев. — Текст: непосредственный // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2020. — № 4. — С. 25–31.
7. Юнисов, Р.Р. Правовые вопросы деятельности патентных троллей / Р.Р. Юнисов. — Текст: непосредственный // Теории, школы и концепции устойчивого развития науки в современных условиях Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции 28 марта 2020 г. — 2020. — № . — С. 104–107.
8. Bessen, J. The Evidence Is In: Patent Trolls Do Hurt Innovation / J. Bessen. — Текст: электронный // Harvard Business Review: [сайт]. — URL: <https://hbr.org/2014/07/the-evidence-is-in-patent-trolls-do-hurt-innovation> (дата обращения: 09.05.2021).

9. Boyle, A. Inside the invention factory: Get a peek at Intellectual Ventures' lab / A. Boyle. — Текст: электронный // GeekWire: [сайт]. — URL: <https://www.geekwire.com/2016/inside-intellectual-ventures-lab/> (дата обращения: 10.05.2021).
10. Huang, Q. Navigating the landscape of anti-trolling legislation / Q. Huang, G. King, T. Rawson. — Текст: непосредственный // Intellectual Property Magazine. — 2016. — № 6. — P. 54–56.
11. Luna, A.C. China: Fighting Trademark Trolls / A.C. Luna. — Текст: непосредственный // Fross Zelnick Lehrman & Zissu, PC. — 2021. — № . [сайт]. URL: <https://www.mondaq.com/china/trademark/1047766/fighting-trademark-trolls>.
12. Plumley, D.A. Don't Feed the Patent Trolls / D.A. Plumley. — Текст: электронный // Lewis Roca: [сайт]. — URL: <https://www.lewisroca.com/blog/dont-feed-the-patent-trolls> (дата обращения: 09.05.2021).
13. Swain, P. Patent Troll Watch — States Are Pushing Patent Trolls Away from the Legal Line / P. Swain. — Текст: электронный // The JD Supra Knowledge Center: [сайт]. — URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/patent-troll-watch-states-are-pushing-71479/> (дата обращения: 09.05.2021).
14. Xu A., Chan V. How China is acting to combat bad faith trademarks / A. Xu. — Текст: электронный // Managing IP: [сайт]. — URL: <https://www.managingip.com/article/b1rczxnxf2q8kf/how-china-is-acting-to-combat-bad-faith-trademarks> (дата обращения: 11.05.2021).
15. Zhang, Z. China's New Trademark Law in Effect from November 1 / Z. Zhang. — Текст: электронный // China Briefing: [сайт]. — URL: <https://www.china-briefing.com/news/chinas-new-trademark-law-effect-november-1-2019/> (дата обращения: 09.05.2021).
16. A Crushing Defeat for Trademark Trolls. — Текст: электронный // Dechert LLP: [сайт]. — URL: <https://www.dechert.com/knowledge/onpoint/2019/8/a-crushing-defeat-for-trademark-trolls.html> (дата обращения: 09.05.2021).
17. China's Trademark Law Amendments Tighten Restrictions on Bad-Faith Filing. — Текст: электронный // International Trademark Association: [сайт]. — URL: <https://www.inta.org/chinas-trademark-law-amendments-tighten-restrictions-on-bad-faith-filing/> (дата обращения: 11.05.2021).
18. Intellectual Ventures Signs Patent License Agreement with Infineon Technologies. — Текст: электронный // Intellectual Ventures: [сайт]. — URL: <https://www.intellectualventures.com/buzz/press-releases/intellectual-ventures-signs-patent-license-agreement-with-infineon-technolo> (дата обращения: 11.05.2021).

© Дятлова Алёна Владимировна (89161328324@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ РЕЕСТРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТУРИЗМЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ¹

Золотовский Владимир Алексеевич

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
zolotovskiy.azi@volsu.ru

THE ESSENCE AND FUNCTIONS OF TOURISM REGISTER ACTIVITY IN THE DIGITAL ECONOMY: ECONOMIC AND LEGAL ASPECT

V. Zolotovskiy

Summary. The purpose of this paper is to reveal the current practice of legal regulation and systematization of tourism activities in the aspect of analyzing the territories tourist potential, as well as identifying the specifics of the information forms system and means of developing the tourism industry in the Russian Federation. The characteristics of systematization practice allowed us to identify the goals and essential content of the relevant practice in the field of tourism promotion through information support, as well as in the field of protecting the business and consumer interests of participants in tourist activities. Of particular importance is the fact that an imperative normative definition of the structure and content of these forms has been introduced in relation to registers aimed at ensuring the security of tourist relations in general, including private and public interests. At the same time, special forms of systematization introduced into tourist marketing as a comprehensive means of promoting Russian tourist products are implemented structurally and compositionally, taking into account the need to popularize tourist territories on the basis of the principle of attractiveness and the tasks of the national marketplace.

Keywords: tourist registers, systematization in tourism; legal regulation in tourism, marketing technologies, promotion in tourism, digital technologies in tourism.

Аннотация. Целью нашей статьи является раскрытие актуальной практики правового регулирования и систематизационной деятельности в туризме в аспекте анализа туристского потенциала территорий, а также выявления специфики системы информационных форм и средств развития туристской индустрии в РФ. Характеристика систематизационной практики в зависимости от субъекта позволили выделить цели и сущностное содержание соответствующей практики в сфере популяризации туризма посредством информационного обеспечения, а также в сфере защиты предпринимательских и потребительских интересов участников туристской деятельности. Особое значение имеет то, что императивное нормативное определение структуры и содержания этих форм введено относительно реестров, направленных на обеспечение безопасности туристских отношений в целом, включая частные и публичные интересы. Вместе с тем специальные формы систематизации, введенные в туристский маркетинг как комплексные средства продвижения российского турпродукта, реализуются структурно и композиционно с учетом необходимости популяризации туристских территорий на основе принципа attractiveness и задач национального маркетинга.

Ключевые слова: туристские реестры, систематизация в туризме; правовое регулирование в туризме, маркетинговые технологии, продвижение в туризме, цифровые технологии в туризме.

Цифровизация экономики и социальной сферы обусловили изменения в индустрии туризма и гостеприимства. Межотраслевой характер хозяйственной деятельности в сфере туристских услуг усиливают мультипликативный эффект и обуславливают неуклонный рост роли туризма в мировой экономике. В стабильных социально-экономических условиях, до кризиса рынка услуг, вызванного пандемией Covid-19, туристская индустрия являлась одной из са-

мых высокодоходных отраслей в мировой экономике. Выступая в качестве одного из наиболее динамично развивающегося системного межотраслевого явления, туризм как никакая иная сфера деятельности объединяет в себе развивающиеся инструменты цифровизации.

В контексте решения макроэкономических задач в туризме необходимы различные предельно широ-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19–49–340007 п_а

кие информационные ресурсы. Именно в этой связи, в борьбе за первенство на международном рынке туристских услуг, национальные администрации в туризме и иные органы государственного управления уделяют особое внимание учету и систематизации, а также популяризации туристских ресурсов.

В контексте решения макроэкономических задач в туризме необходимы различные предельно широкие информационные ресурсы. Именно в этой связи в борьбе за первенство на туристском рынке государство выступает в роли одного из участников отношений, направляя свое внимание на учет и систематизацию, а также распространение информации и популяризацию туристских ресурсов.

Необходимо учитывать, что каждая из задач систематизационной практики имеет конкретную и вполне определенную цель. В частности, учет и реестровая деятельность, как составные виды систематизации, позволяют не только обеспечить статистический учет состояния туристской индустрии и характер использования ресурсов. Они являются основой для выбора стратегии, а также разработки программ развития туристской отрасли в целом. Столь же продуктивно они могут применяться с теми же целями на микроэкономическом уровне, при выборе маркетинговой стратегии туристского предприятия.

На сегодняшний день в условиях растущей конкуренции на туристском рынке вопросы эффективного учета в сфере туризма, актуализируются в аспекте информирования туристов (9, С. 217; 10; 36; 50; 52). Особое внимание исследователей привлекают вопросы о роли реестровой деятельности в развитии туризма конкретных регионов, а также в формировании условий устойчивого развития туризма (51; 53; 54). Кроме того сохраняет дискуссионность проблема сущности реестровой деятельности, в рассмотрении которой, ученые нередко ограничивают исследовательское поле вопросами статуса материального объекта систематизации туристских ресурсов. Так, по мнению В.Б. Жарникова и А.В. Коневой основная задача реестровой практики в туристской деятельности идентична целям кадастрового учета объектов и форм собственности. Такой ограничительный подход явно находится под влиянием исследовательского поля туристско-рекреационной географии (5).

Аналогичное понимание отражено в работе Е.О. Ушаковой и М.Е. Цой, понимающих систематизацию туристских ресурсов как результат оценки потенциала (42, С. 24). Оценивая эффективность форм систематизации, исследователи подчеркивают минимальную информативность реестров и отдают предпочтение

кадастрам (42, С. 24–25). Очевидно, что такой подход к оценке роли систематизации и содержания форм ее выражения противоречит устоявшейся теории и практики определения туристского потенциала территории (15, С. 217; 2, С. 24; 41, С. 57).

Целью нашей статьи является раскрытие актуальной практики правового регулирования и систематизационной деятельности в туризме в аспекте анализа туристского потенциала территорий, а также выявления специфики системы информационных форм и средств развития туристской индустрии в РФ.

Переходя к рассмотрению темы, остановимся на конкретизации предмета исследования. В рамках туристской политики национальной администрации в различных формах реализуются конкретные виды властной практики. Ее направления определяются потенциалом национальных туристских территорий. Безусловно, прямая связь ресурсной базы со стратегическими мероприятиями и целями туристской политики обуславливает развитие систематизационной практики в сфере туризма.

Несмотря на объективную актуальность вопрос институциональной систематизационной деятельности в туризме не находит должной реализации в муниципальной и государственной практике. Очевидно, это вызвано неопределенностью в государственном понимании функционального назначения систематизации туристских ресурсов и, как следствие, в бессистемном и по существу в общем и декларативном характере правового регулирования реестровой практики в России в сфере туризма. Прежде чем перейти к анализу систематизационной практики и форме ее нормативно-правового регулирования, определим субъектов систематизации, механизм ее реализации, а также, собственно приоритетные формы изучаемой практики.

Характеризуя систематизацию как форму учета туристских ресурсов (в самом широком смысле, т.е. включая и объекты туристской индустрии), можно с уверенностью указать, что ее приоритетными деятельностьюными задачами являются учет и популяризация. Учет — осуществляется публичными субъектами с задачей сбора статистической информации, первичной характеристики туристского региона, первичной оценки его потенциала, определения экологической емкости туристской территории и экологической нагрузки на туристскую территорию, разработки программно-плановой документации, разработки мастер-плана и плана развития туристской территории (32), развития туристской инфраструктуры.

Безусловно, публичные субъекты руководствуются специальными задачами систематизации, обу-

словленными местом туризма в институциональной системе управления. Соответствующая компетенция и стратегическая цель каждого такого субъекта определяют форму и средства систематизационной практики. В частности, для субъектов федерального уровня исходя из цели регулирования турдеятельности, определенной федеральным законом ФЗ № 132 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», приоритетными являются: «обеспечение права граждан на отдых, свободу передвижения и иных прав при совершении путешествий; охрана окружающей среды; развитие туристской индустрии, обеспечивающей потребности граждан при совершении путешествий, создание новых рабочих мест, увеличение доходов государства и граждан Российской Федерации, развитие международных контактов, сохранение объектов туристского показа, рациональное использование природного и культурного наследия» (48, ст. 4). Отметим, что связь учетно-систематизационной практики соответствующих субъектов федерального уровня с безопасностью туристов обусловила приоритет цифровой формы систематизации.

В частности, выраженные в форме государственных услуг, вопросы безопасности туристов определили появление в цифровой форме таких реестров как ЕФРТ, реестр турагентов (30; 47), реестр Ассоциации турпомощь, а также на протяжении многих лет находящийся в статусе «перспективного» проект цифрового реестра услуг (электронная путевка) — единой информационной системы электронных путевок (48, ст. 10.3; 21).

Содержательная часть систематизации и уровень функционального наполнения ее механизма, ориентированного на развитие туристского рынка и создание условий для реализации туристского потенциала территорий, существенно выше в субъектах РФ. Очевидно в этой связи систематизационная деятельность получила наибольшее развитие и соответствующий набор правовых средств регулирования именно на уровне регионов. Прежде всего, это нашло выражение в нормативном обеспечении, воплощенного в форме субъектного законодательства и региональных программ развития туризма.

Надо отметить, что субъектами России обеспечивается не только учетная функция систематизации, но и популяризационная. Именно в этой связи стандартные учетные формы систематизации туристских ресурсов регионов, как и на федеральном уровне, но с иными целями, распространяются в доступной цифровой форме.

Вторая группа субъектов систематизации имеет непубличную природу. Прежде всего речь идет о много-

численных участниках отношений по формированию, продвижению и реализации турпродукта и единичных туристских услуг. В силу специфики целей деятельности этих субъектов их участие в той или иной форме систематизации в туризме ориентировано на позиционирование. Прежде всего речь идет о распространении информации о них самих, об услугах и объектах притяжения туристского интереса. Кроме того особое значение имеют формы систематизации направленные на создание условий для установления партнерских отношений, в том числе с публичными участниками как на уровне одного субъекта РФ, так и на межрегиональном уровне.

Регулирование реестровой деятельности публичных субъектов, направленной на обеспечение функции по сохранению экологических и историко-культурных ресурсов, нашло выражение в соответствующем федеральном законодательстве (44; 46; 47). Акцентируя на аттрактивности и особой роли историко-культурных объектов в туристской практике отметим, что уже в первую редакцию федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» вошла новелла, согласно которой в специальную учетную практику вводился институт «Единого государственного реестра объектов культурного наследия народов Российской Федерации». Согласно ст. 15 этот реестр был создан и функционирует как «информационная система, обеспечивающая информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме».

Информация об объектах культурного наследия и их территориях, содержащаяся в реестре, направлена на решение двух ключевых задач: а) популяризация культурно-исторического наследия РФ, а также обеспечение доступности информации об объектах; б) информационное обеспечение защиты и сохранности объектов культурного наследия.

Очевидно, что решение первой задачи прямо относится к туризму. В этой связи следует отметить, что благодаря функционированию Единого реестра объектов культурного наследия в особом цифровом режиме (35), размещенная в открытых данных информация не только упрощает туроперейтинг, но и повышает интерес самостоятельного туриста к регионам страны. Особое значение имеет информация в паспортах объектов — памятниках гражданской войны и великой отечественной войны. Объединение данных Реестра с базами данных таких проектов как портал «Память народа» (13), позволит существенно расширить географию и реализовать социально-экономический потенциал исто-

рико-культурного и, особенно, военно-мемориального туризма.

Переходя к анализу систематизационной практики в туризме, прежде всего, следует обратиться к базовым реестрам публичного характера.

Особое место в реестровой практике имеет учет субъектов туристской деятельности. В связи с глубокой дифференциацией туроператорской деятельности по направлениям и видам туризма, систематизация данных о туроператорах ведется региональным и федеральном уровнях. При этом в первом случае реестры выступают как системная совокупность механизма правового регулирования туристской деятельности и имеют сугубо императивный характер. Во втором, реестровый учет ведется по инициативе органов исполнительной власти субъектов РФ и направлен исключительно на решение экономических задач в сфере развития регионального туризма.

Остановимся на некоторых примерах федеральных реестров. Для обеспечения правового контроля за деятельностью туроператоров в редакцию федерального закона «Об основах туристской деятельности в РФ» от 05.02.2007 был введен в действие новый специальный юридический инструмент — Единый федеральный реестр туроператоров. Реестровая практика по Единому федеральному реестру туроператоров возложена на Ростуризм (28).

Информация, передаваемая в реестр и предоставляемая в форме госуслуги позволяет субъектам туристских отношений избежать потенциальных имущественных, моральных и физических рисков. В связи с указанным, следует отметить, что не меньшее значение для всех участников туристских отношений имеет и реестр туроператоров, размещенный на сайте Ассоциации «Объединение туроператоров в сфере выездного туризма «Турпомощь» (далее — Ассоциация «Турпомощь»). Как и ЕФРТ реестр Ассоциации «Турпомощь» выполняет роль одного из важнейших императивных средств правового регулирования туристской деятельности (48). Аналогичные задачи решает размещенный на сайте Ассоциации «Турпомощь» реестр турагентств (16). Этот реестр стал формой адаптации розничного сектора туристских посредников к новым условиям в качестве прототипа федерального реестра турагентов, вводимого в 2022 г. (30; 47). Не менее важное значение в рамках обеспечения повышения качества, развития прозрачного и конкурентоспособного рынка туристско-экскурсионных услуг имеет процесс перехода к обязательной аттестации экскурсоводов и формирование соответствующих реестров аттестованных экскурсоводов, гидов и проводников, намеченный на вторую половину 2022 г. (29; 45).

Проанализированная федеральная реестровая практика в туризме, имеет исключительно обязательный характер и направлена на обеспечение безопасности и защиту интересов потребителей и участников туристских отношений. Однако формирование федеральных реестров субъектов туристской деятельности представляет лишь часть создаваемой в России системы электронного информационного учета в туризме. Так, для защиты коммерческих и потребительских интересов участников туристских отношений Министерством культуры РФ был введен в действие специализированный портал (35). Основное содержание данного сайта включает электронную форму единого информационного окна «Федерального перечня классифицированных гостиниц и иных средств размещения, горнолыжных трасс и пляжей, аккредитованных организаций и органов по аккредитации в субъектах Российской Федерации». Аналогичные задачи призван обеспечивать федеральный «печень санаторно-курортных комплексов», формирование и ведение которого обеспечивает Минздрав РФ (26; 31). Вместе с тем, следует отметить, что этот перечень содержит лишь минимальную идентификационную информацию об объектах учета (14).

Основное направление комплексной работы и специальная форма реализации популяризационных задач систематизации туристских ресурсов нашли выражение в создании Ростуризмом «автоматизированной информационной системы комплексной поддержки развития внутреннего и въездного туризма в РФ» — АИС «Туризм» (22). Основной задачей АИС «Туризм» в сфере продвижения определена «консолидация (интеграция) информационных ресурсов отрасли в Интернете и создание национального туристического портала». Для ее решения была разработана подсистема АИС «Туризм» «Национальный туристический портал Russia.travel» (1).

Согласно Положению о подсистеме АИС «Туризм» «Национальный туристический портал», она представляет собой информационно-сервисный мультимедийный централизованный интернет-ресурс, направленный, прежде всего, на обеспечение доступа всех заинтересованных лиц к сведениям о туристских ресурсах и туристской индустрии Российской Федерации (29).

В рамках реализации публичной региональной систематизационной практики федерального значения в последние годы также были созданы специализированные цифровые ресурсы учетного характера. Так, по поручению координационного совета Федеральной программы развития внутреннего и въездного туризма был создан портал — «Унифицированный туристский паспорт» (40). Данный проект является сводной элек-

тронной базой туристских ресурсов и объектов туристской индустрии субъектов РФ. Согласно основным задачам проекта была сформирована его тематическая структура: статистические данные; информационные данные; описательные данные; маркетинговая информация. Кроме того, туристская информация разделана на специальные блоки по характеру (целям) потребителей.

Глобальным информационным ресурсом, объединившим публичных и частных участников туристских отношений, является «Система обмена туристской информации» (СОТИ). СОТИ создавалась как цифровая площадка для объединения усилий публичных органов, общественных организаций и бизнеса в задачах по «продвижению и реализации туристских продуктов регионов на внутреннем и международном туристском рынке» (37). Задачи СОТИ обусловили состав ее участников: региональные ТИЦы, средства размещения, субъекты турдеятельности и органы исполнительной власти.

Реестровая деятельность публичных субъектов объективно базируется на специфических формах систематизации ресурсов на муниципальном уровне. Однако учитывая низкую значимость муниципальных территорий в большинстве региональных туристских экономик России, данный уровень систематизационной деятельности не нашел должного нормативного регулирования. В частности, в Волгоградской области это нашло выражение в создании туристских паспортов муниципальных районов, сформированных в рамках общей туристской паспортизации субъектов России. Отсутствие нормативного регулирования муниципальной систематизации предопределило различие в подходах к выбору форм и структуры туристских паспортов (11). Неопределенность форм объективно снижает эффективность и значимость муниципальной реестровой практики.

Однако, учитывая роль систематизационной практики в определении туристского потенциала, следует отметить, что наиболее полную качественную и количественную статистическую информацию о потенциале конкретной туристской территории можно получить именно на муниципальном уровне. Кроме того именно такое направление сбора статистической информации позволит выделить уникальные и малоизвестные ресурсы, обеспечить их продвижение на разных уровнях, а также определить наиболее актуальные подходы к формированию устойчивого развития территориального туризма.

Составленные по унифицированной критериальной форме реестры туристских ресурсов муниципальных

образований, направленные на формирование инвентаризационных таблиц, карт туристского потенциала территории, помогут сформировать туристско-рекреационный каркас территории субъекта, выделить приоритетные виды туризма, разработать систему уникальных туристских маршрутов на основе статистических данных всей совокупности муниципальных ресурсов. Такая организация территориальной систематизации туристских ресурсов в институциональной форме создаст благоприятные условия для выстраивания горизонтальной системы управления туристской территорией с характерным оперативным механизмом принятия решений актуальной как в вопросах обеспечения развития туристской инфраструктуры, так и с точки зрения управления качеством турпродукта территории.

Стратегически наибольшее значение для развития внутреннего и въездного организованного и самостоятельного туризма в регионах Российской Федерации имеет создание реестров туристских ресурсов субъектов. Прежде всего этот уровень реестровой деятельности актуализируется необходимостью упорядочения информации об обширных и разнообразных туристских ресурсах субъектов (39). Безусловно, институционально организованная и формально определенная реестровая деятельность позволяет не только определить туристский потенциал территории, или обеспечить эффективное продвижение регионального туристского продукта. Она также направлена на обеспечение эффективного программно-планового развития туризма в субъекте. Очевидно именно в этой связи задача по формированию реестров туристских ресурсов задекларирована в нормах, утвержденной в 2019 г. государственной программе «Развитие туризма в Волгоградской области» на период 2019–2025 г. Программа содержит перечень целого ряда мероприятий информационного учетно-систематизационного характера (17).

Отметим, что в настоящее время согласно ст. 5 действующего закона Волгоградской области о развитии туризма к полномочиям органов исполнительной власти в рамках систематизационной деятельности в туризме, отнесены: участие в информационном обеспечении туризма, установление порядка создания и ведения реестра туристских ресурсов, расположенных в Волгоградской области (6).

Органом исполнительной власти в сфере туризма в Волгоградской области определен соответствующий профильный Комитет по развитию туризма. Очевидно, что для реализации упомянутых норм закона Волгоградской области «О развитии туризма в Волгоградской области» именно к полномочиям этого Комитета

отнесено информационное обеспечение сферы туризма, включающее в себя «ведение мониторинга использования туристских ресурсов, установление порядка формирования и ведения реестра туристских ресурсов, расположенных в Волгоградской области» (19).

В подчинении комитету находится ГАУ Волгоградской области «Агентство развития туризма». Согласно п. 2.4 устава АРТ ВО задачи по реестровой систематизационной практике в Волгоградской области нашли выражение в определении специальных видов деятельности Агентства (24). Анализ реестровой деятельности АРТ ВО показал, что ведется она без соответствующего нормативно-правового обеспечения (34). Содержание и формы реестров не получили должного регулирования и создаются, очевидно, с учетом ведения статистической деятельности, а не задач специального туристского профиля, определенных уставом учреждения.

Следует отметить, что такой неопределенный подход к реестровой практике в современных условиях представляется уже как единичный случай. Проведенный системный анализ показал обеспечение в той или иной форме нормативного регулирования систематизационной деятельности в сфере туристских ресурсов во всех субъектах России. Отметим, что в ряде случаев правовое регулирование носит исключительно общий, устанавливающий характер и ограничивается императивной нормой о закреплении функции по ведению реестров туристских ресурсов за региональным органом исполнительной власти в сфере туризма. Вместе с тем, в большинстве субъектов, представляющих развитие туристские территории, получило развитие специальное нормативное регулирование реестровой деятельности. При этом в ряде субъектов нормотворцы не ограничиваются регламентацией форм «реестров». Нормативному регулированию подвергаются вопросы классификации и оценки туристских ресурсов, определения режима охраны, допустимой нагрузки, условий доступа к ресурсам, формирования кадастра туристских территорий и соответствующих направлений контроля (7).

Обобщая результаты проведенного исследования, отметим, что в современной практике практически повсеместно реестровый учет на уровне субъектов ориентирован не только на ресурсы территории, направленные на удовлетворение туристско-экскурсионных потребностей туристов/экскурсантов. Очевидно, ориентируясь на перспективное развитие самодеятельного туризма как одного из приоритетных направлений, а также на обеспечение общих и специальных интересов туристов как потребителей, особое внимание уделяется систематизации субъектов туристской деятельности и объектов туристской индустрии. Итак, приведем несколько примеров.

Учитывая роль реестровой деятельности как фактора, оказывающего влияние на развитие туризма не только в субъекте, но и на уровне регионов и федеральном уровне, заслуживают внимания практики учета в сфере туризма в форме АИС/ЕИС, адаптированной к интеграции в федеральную АИС «Туризм». В частности, речь идет о ЕГИС «Реестр субъектов и объектов туристской индустрии и туристских ресурсов Краснодарского края». Согласно Порядку формирования и ведения реестра «формирование и ведение Единого реестра осуществляется министерством курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края» (25).

Основываясь на нормативном установлении реестр субъектов туристской деятельности, объектов туристской индустрии и туристских ресурсов Краснодарского края должен состоять из следующих разделов: «Санаторно-курортные и оздоровительные организации»; «Гостиницы и иные средства размещения (за исключением кемпингов)»; «Туристские организации»; «Кемпинги»; «Пляжи»; «Лечебно-оздоровительные местности (курорты) краевого и местного значения»; «Объекты туристского показа»; «Яхтенные порты (марины)»; «Туристские маршруты» (25, ст. 1.3). Как видим, в основном реестры посвящены рекреационным ресурсам, что определяется спецификой туристского потенциала региона.

Важно отметить, что нормативному определению подлежат также и формы паспортов объектов (субъектов) туристской индустрии и туристских ресурсов Краснодарского края (25). Каждая форма содержит информацию, разделенную на три блока: информация о заявителе, информация об объекте, а также дополнительная информация. Отметим, что содержание реестра практически не претерпело изменений с 2012 года, в сравнении с практикой на основе постановления губернатора Краснодарского края от 04.10.2012 (18). Вместе с тем, следует отметить подчеркнутый принцип оперативности обновления информации, согласно которому все изменения данных реестра должны производиться в течение пяти дней. Кроме того, безусловно положительно следует отметить интеграцию реестра в форму ЕГИС «Курорты Краснодарского края». При этом, наполнение информационной системы происходит исходя из более глубокой классификации объектов и субъектов туристской индустрии (4).

В ХМАО — Югра определены цели ведения реестра с учетом публичных и частных интересов участников туристских отношений: обеспечение единого учета туристских ресурсов и организаций туристской индустрии субъекта; предоставление туристам (экскурсантам) необходимой информации, обеспечивающей компетентный выбор в сфере туризма; совершенствование

управления туристскими ресурсами; обеспечение эффективности мониторинга использования, сохранения и восстановления туристских ресурсов (23). Такой широкий спектр актуальных целей реестровой практики обусловил необходимость расширенной классификации объектов и увеличенный список признаков объектов реестрового учета.

Поскольку формируемый реестр изначально получил статус единой информационной базы, содержащей сведения о туристских ресурсах и организациях туристской индустрии АО Югры, он также реализуется в электронной форме, размещенной на специальном сайте. Электронный реестр туристских ресурсов и организаций туристской индустрии Югры выстроен по административно-территориальному принципу, в структуру которого введены разделы задекларированного в Постановлении реестра.

Следует отметить, что унифицированное и схематичное построение электронного реестра, выраженное в стремлении сохранить классификацию объектов учета неизменной, как представляется, является необязательным для разных муниципальных образований (33).

Постановление Правительства Республики Хакасия, также как и в Постановлении Правительства ХМАО — Югры определяет цели ведения реестра с учетом интересов широкого круга участников туристских отношений (20, ст. 1.3). При этом для достижения поставленных целей Порядком нормативно закрепляется ведение реестра в электронной форме и бумажном носителях (20, ст. 1.5). Согласно Порядка формирования и ведения реестра туристских ресурсов на территории Республики Хакасия определяется приемлемая классификация объектов учета в рамках трех разделов структуры реестра: 1) природные; 2) объекты культурного наследия; 3) социально-культурные объекты.

Электронная форма реестра размещена на сайте Государственного комитета по туризму Республики Хакасия в разделе «Туризм». Отметим, что в настоящий момент электронный реестр содержит лишь часть разделов реестра, определенных Порядком формирования и ведения. В частности, из раздела I размещены исключительно государственные природные заповедники и заказники (3).

Интерес потребителей защищают и реестры Нижегородской области. Основная задача реестровой деятельности в Нижегородской области — информационное обеспечение, а также нормативное обеспечение контроля качества. Очевидно, именно в этой связи в реестр субъектов входят не только турфирмы, но и экскурсоводы, инструкторы и т.д. Ведение реес-

тров субъектов туристской индустрии и туристских ресурсов возложено на Правительство нижегородской области (8, ст. 5).

Подводя итоги исследования, следует отметить, что анализ деятельности по систематизации в сфере туризма на федеральном уровне позволил выявить в качестве приоритетного правового средства использование смешанных и императивных методов правового регулирования. Характеристика систематизационной практики в зависимости от субъекта позволили выделить цели и сущностное содержание соответствующей практики в сфере популяризации туризма посредством информационного обеспечения, а также в сфере защиты предпринимательских и потребительских интересов участников туристской деятельности.

Выявленные в этой связи базовые функции реестровой деятельности на федеральном уровне стали основанием утверждения основных форм реализации систематизационной практики. В этой связи особое значение имеет то, что императивное нормативное определение структуры и содержания этих форм введено относительно реестров, направленных на обеспечение безопасности туристских отношений в целом, включая частные и публичные интересы.

Вместе с тем специальные формы систематизации, введенные в туристский маркетинг как комплексные средства продвижения российского турпродукта, реализуются структурно и композиционно с учетом необходимости популяризации туристских территорий на основе принципа аттрактивности и задач национального маркетинга.

Подводя итоги анализа правового регулирования систематизационной деятельности в туризме соответствующими органами субъектов России, необходимо отметить, что региональная практика учета ресурсов в форме информационных систем с элементами кадастров или реестров, очевидно, направлена на интеграцию информации о потенциале и индустрии территорий в АИС «Туризм». Учитывая значение этой системы (ее подсистем) в вопросах продвижения турпродукта территории, можно предположить ее содержательные элементы становятся императивными установками для региональной практики нормативного регулирования систематизационной деятельности как в вопросах классификации турресурсов и объектов туристской индустрии, так и в вопросах архитектуры реестров.

Вместе с тем, анализ практики правового регулирования систематизационной деятельности ряда субъектов позволяют выделить ее системные недостатки. Прежде всего следует выделить неотрегулированность вопро-

са наличия, а также форм и структуры паспортов туристских ресурсов. Эти же аспекты систематизационной деятельности требуют нормативного определения проблемы форм самих реестров туристских ресурсов. Указанные недостатки реестровой практики не являются исчерпывающими. Однако учитывая результаты исследования можно предположить, что основные проблемы могут быть разрешимы в рамках комплексного анализа систематизационных практик субъектов всех уровней с учетом использования практик частно-правовой, а также смешанной по природе реестровой деятельности.

Таким образом, следует подчеркнуть, что конкретизированная нами экономическая и правовая сущность реестровой деятельности объектов туристской индустрии и туристских ресурсов определяет ее безусловное зна-

чение в качестве актуального механизма обеспечения устойчивого развития туристского сектора экономики. Сложившаяся практика правового регулирования правового регулирования и управления систематизационной деятельностью позволяет наметить приоритетные векторы ее развития.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19–49–340007 p_a

Acknowledgement. «The reported study was funded by RFBR and the government of Volgograd region according to the research project № 19–49–340007».

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный туристический портал Russia.travel [Электронный ресурс]. URL: www.russia.travel (дата обращения — 23.04.2021 г.)
2. Вапнярская, О.И., Харитоновна, Т.В., Кривошеева, Т.М. Тенденции в практике менеджмента туристской дестинации // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2015. Т. 9. № 1. С. 21–28.
3. Государственные природные заповедники и заказники // Государственный комитет по туризму Республики Хакасия [Электронный ресурс]. URL: <http://gkt.r-19.ru/travel-industry/gosudarstvennyye-prirodnye-zapovedniki-i-zakazniki.html> (дата обращения — 23.04.2021 г.)
4. Единая государственная система «Реестр субъектов и объектов туристской индустрии и туристских ресурсов Краснодарского края» [Электронный ресурс]. URL: <http://egis.kurortkuban.ru/> (дата обращения — 23.04.2021 г.)
5. Жарников, В.Б., Конева, А.В. О проблеме кадастра туристских ресурсов и его основном содержании // Вестник СГУиТ. 2017. Вып. 22. № 4. С. 148–155
6. Закон Волгоградской области No 90-ОД от 16 июля 2018 «О развитии туризма в Волгоградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 17.07.2018; Волгоградская правда. 27.07.2018. N85.
7. Закон Ленинградской области № 73-оз «О туристской деятельности на территории Ленинградской области» (с изменениями на 15 октября 2009 года) (утратил силу на основании Закона Ленинградской области от 20.05.2019 N39-оз) // Вестник Правительства Ленинградской области. 30.04.98. N3.
8. Закон Нижегородской области № 8-З О туристской деятельности на территории Нижегородской области (с изменениями на 2 октября 2019 года) // Нижегородские Новости. 21.02.2008. № 33 (3925); Правовая среда. № 13(896)
9. Кузнецова, Н.Ф. Информационный ресурсы как инструмент продвижения на рынок туристской дестинации на примере Республики Хакасия // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 215–218
10. Лебедева, Т.Е., Шкунова, А.А., Слаутина, М.С. Продвижение на рынке туризма: новое решение // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 5 (31). с. 81–85.
11. Муниципальные образования. Туристские паспорта // Государственное автономное учреждение Волгоградской области «Агентство развития туризма» (ГАУ ВО «Агентство развития туризма»): официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.turizm-volgograd.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=34&Itemid=53 (дата обращения — 23.04.2021 г.)
12. Объединение туроператоров в сфере выездного туризма «Турпомощь»: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tourpom.ru/> (дата обращения — 23.04.2021 г.)
13. Память народа: Поиск документов о Героях Войны [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения — 23.04.2021 г.)
14. Перечень санаторно-курортных учреждений (государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения) // Открытые данные. Министерство здравоохранения Российской Федерации: официальный сайт <https://minzdrav.gov.ru/opendata/7707778246-perechensanatornokurortnyhuchrezhdenij/visual> (дата обращения — 23.04.2021 г.)
15. Подкопаев, О.А. К вопросу об оценке туристского потенциала регионов // В сборнике: Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией С.В. Соловьевой. 2015. С. 213–220.
16. Положение о порядке формирования и ведения сведений о Турагентах (Реестра) Ассоциацией «Турпомощь» [Электронный ресурс] // Объединение туроператоров в сфере выездного туризма «Турпомощь»: официальный сайт. <https://www.tourpom.ru/page/turagentstvam> (дата обращения — 23.04.2021 г.)
17. Постановление Администрации Волгоградской области от 09.04.2019 No 168-п «Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Развитие туризма в Волгоградской области»» (с изменениями на 29 декабря 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 12.04.2019.

18. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 04.10.2012 N1162 « Об утверждении Порядка формирования и ведения реестра субъектов и объектов туристской индустрии и туристских ресурсов Краснодарского края» (утратило силу) // Кубанские новости. 17.10.2012. N200.
19. Постановление Губернатора Волгоградской области от 25.10.2018 No 703 «Об утверждении Положения о комитете по развитию туризма Волгоградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 29.10.2018; Волгоградская правда. 02.11.2018. N127/
20. Постановление Правительства Республики Хакасия No 436 от 15 июля 2011 «Об утверждении Порядка формирования и ведения реестра туристских ресурсов на территории Республики Хакасия» (с изменениями на 29 июля 2020 года) // Вестник Хакасии. 21.07.2011. N66.
21. Постановление Правительства РФ 747 «Об утверждении Правил создания и функционирования единой информационной системы электронных путевок, структуры единой информационной системы электронных путевок и условий предоставления содержащейся в единой информационной системе электронных путевок информации (с изменениями на 23 ноября 2020 года)» // Собрание законодательства Российской Федерации. N25. 24.06.2019. ст. 3254; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 17.06.2019, N0001201906170015; Портал информационной системы «Электронная путевка» // Ростуризм. URL: <https://tourism.gov.ru/operators/elektronnaya-putevka/>.
22. Постановление Правительства РФ от 02.08.2011 N644 (ред. от 18.12.2014) «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 22.08.2011. N34. ст. 4966.
23. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры No 545-п от 13 декабря 2013 г. «О реестре туристских ресурсов и организаций туристской индустрии Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» (с изменениями на: 03.03.2017) // Собрание законодательства ХМАО-Югры. 15.12.2013. N12 (часть 1). с. 1537.
24. Приказ комитета по развитию туризма Волгоградской области No 20-ОД от 11 декабря 2018 об утверждении «Устава ГАУ ВО «Агентство развития туризма» // Государственное автономное учреждение Волгоградской области «Агентство развития туризма» (ГАУ ВО «Агентство развития туризма»): официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.turizm-volgograd.ru/images/%D0%A3%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%92_%D0%93%D0%90%D0%A3_%D0%92%D0%9E_%D0%90%D0%A0%D0%A2.pdf (дата обращения — 23.04.2021 г.).
25. Приказ Министерства курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края No 129 от 09 июля 2018 «Об утверждении «Порядка формирования и ведения реестра субъектов, объектов туристской индустрии и туристских ресурсов Краснодарского края»» // Министерство курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://kurort.krasnodar.ru/documents/пра/40034> (дата обращения — 23.04.2021 г.).
26. Приказ Минтруда России N301н, Минздрава России N449н от 10.07.2013 «Об утверждении перечня санаторно-курортных учреждений (государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения), в которые предоставляются при наличии медицинских показаний путевки на санаторно-курортное лечение, осуществляемое в целях профилактики основных заболеваний граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи» // Российская газета. 16.08.2013. N181
27. Приказ Ростуризма N159-Пр-15 от 15.04.2015 «Об утверждении Положения о подсистеме АИС «Туризм» «Национальный туристический портал» // Федеральное агентство по туризму: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: // https://tourism.gov.ru/contents/turizm_v_rossii/vnimaniju-organov-ispolnitelnoy-vlasti-subektov-rossiyskoy-federatsii-v-sfere-turizma/o-natsionalnom-turistskom-portale?sphrase_id=131179 (дата обращения — 23.04.2021 г.).
28. Приказ Ростуризма от 09.01.2019 N2-Пр-19 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральным агентством по туризму государственной услуги по формированию и ведению единого федерального реестра туроператоров»
29. Проект № 864169–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников» // Объекты законотворчества. Система обеспечения законотворческой деятельности. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/864169-7> (дата обращения — 23.04.2021 г.)
30. Проект № 877880–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»» // Объекты законотворчества. Система обеспечения законотворческой деятельности. — URL: <https://pravo.ru/news/230148/> (дата обращения — 23.04.2021 г.).
31. Распоряжение Правительства РФ 2852-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации (с изменениями на 3 июня 2020 года)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 09.12.2019. N49 (ч. VI). ст. 7166; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 03.12.2019, N0001201912030016
32. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 N2129-р (ред. от 23.11.2020) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.09.2019, Собрание законодательства РФ. 30.09.2019. N39. ст. 5460
33. Реестр туристских ресурсов и организаций туристской индустрии Югры [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.admhmao.ru/reestr-turistskikh-resursov-i-organizatsiy-turistskoy-industrii-yugry/> (дата обращения — 23.04.2021 г.)
34. Реестры // Государственное автономное учреждение Волгоградской области «Агентство развития туризма» (ГАУ ВО «Агентство развития туризма»): официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://turizm-volgograd.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=58&Itemid=44 (дата обращения — 23.04.2021 г.)
35. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения — 23.04.2021 г.)
36. Свитин, В.А., Матасева, В.В., Тишкович, О.В. Формирование бренда территории как имиджевого ресурса развития сельской местности // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 3. С. 104–109.

37. Система обмена туристской информации [Электронный ресурс]. URL: <http://nbcrcs.org/> (дата обращения — 23.04.2021 г.).
38. Специализированный портал «Федеральный перечень туристских объектов» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn——7sba3acabbldhv3chawrl5bn.xn—p1ai/displayAccommodation/search> (дата обращения — 23.04.2021 г.).
39. Унифицированный туристский паспорт «Волгоградская область» // Унифицированный туристский паспорт [Электронный ресурс]. URL: <http://utp.nbcrcs.org/> (дата обращения — 23.04.2021 г.).
40. Унифицированный туристский паспорт [Электронный ресурс]. URL: <http://utp.nbcrcs.org> (дата обращения — 23.04.2021 г.).
41. Учет и контроль территориальных туристско-рекреационных ресурсов // Территориальные туристско-рекреационные системы. Дыбаль М.А., Викторова Е.В., Шарафанова Е.Е. Санкт-Петербург, 2016. С. 57–77.
42. Ушакова Е.О., Цой М.Е. Разработка методического подхода к оценке туристско-рекреационного потенциала региона // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. № 4 (74). С. 18–34.
43. Федеральный закон от 10.01.2002 N7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 09.03.2021) // Российская газета. N6. 12.01.2002; Парламентская газета. N9. 12.01.2002; Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. N2. ст. 133.
44. Федеральный закон от 14.03.1995 N33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (с изменениями на 30 декабря 2020 года) // Собрании законодательства Российской Федерации. 20.03.1995. N12. ст. 1024; Российской газете. 22.03.1995. № 57.
45. Федеральный закон от 20.04.2021 № 93-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников» Официальный Интернет-портал (www.pravo.gov.ru). 20.04.2021. Номер опубликования: 0001202104200044.
46. Федеральный закон от 23.02.1995 N26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 27.02.1995. N9. ст. 713; Российская газета. N44. 01.03.1995.
47. Федеральный закон от 24.03.2021 № 48-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Официальный Интернет-портал (www.pravo.gov.ru). 24.03.2021. Номер опубликования: 0001202103240039.
48. Федеральный закон от 24.11.1996 N132-ФЗ (ред. от 09.03.2021) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.12.1996. N49. ст. 5491; Российская газета. N231. 03.12.1996.
49. Федеральный закон от 25.06.2002 N73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 24.02.2021) // Парламентская газета. N120–121. 29.06.2002; Российская газета. 29.06.2002. N116–117; Собрание законодательства РФ. 01.07.2002. N26, ст. 2519.
50. Arenasa, A.E., Gohb J.M., Uruecas, A. How does IT affect design centricity approaches: Evidence from Spain's smart tourism ecosystem // International Journal of Information Management. 2019. Vol. 45. pp. 149–162.
51. Bydłozs, J., Bieda, A., Parzych, P. The Implementation of Spatial Planning Objects in a 3D Cadastral Model // International Journal of Geo-Information. 2018. Vol. 7. Т. 153. pp. 1–14.
52. Deng, T., Hu, Y., Ma, M. Regional policy and tourism: A quasi-natural experiment // Annals of Tourism Research. 2019. Vol. 74. pp. 1–16.
53. Erislan. Tourist Attraction and the Uniqueness of Resources on Tourist Destination in West Java, Indonesia // Review of Integrative Business and Economics Research. 2016. Vol. 5. Issue 1. pp. 251–266.
54. Kušen, E. Tourism Attraction System // Evolution of Destination Planning and Strategy The Rise of Tourism in Croatia. New York — London. 2017. pp. 119–148.

© Золотовский Владимир Алексеевич (zolotovskiy.azi@volsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВАНИЯ НАСТУПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВ ПАЦИЕНТА В ОТНОШЕНИЯХ ПО ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Карягина Екатерина Николаевна

Аспирант, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

GROUNDS FOR OFFENSIVE OF CIVIL LEGAL LIABILITY FOR VIOLATIONS OF PATIENT'S RIGHTS IN RELATIONSHIP ON PROVIDING MEDICAL CARE USING TELEMEDICAL TECHNOLOGIES

E. Karyagina

Summary. Purpose: The purpose of this article is to comprehensively study the issues related to the grounds for the onset of civil liability in relations for the provision of medical care using telemedicine technologies.

Methods. The methods of this work were general scientific (system analysis method, universal dialectical, synthesis, induction and deduction) and special (formal legal, systemic structural, historical) methods.

Results:

1. The approaches to the definition of civil liability are analyzed, the concepts of "the basis of civil liability", "civil offense" are considered.
2. The rights of the patient under the specialized and consumer legislation are characterized.
3. A list of grounds for the occurrence of civil liability (civil offenses) for violations of the patient's rights in the provision of medical care (as well as medical services) has been compiled.
4. Five features of the provision of medical care with the use of telemedicine technologies, which are important for resolving the issue of the onset of civil liability, have been identified.
5. A list of grounds for the onset of civil liability for violations of patient rights in relations for the provision of medical care with the use of telemedicine technologies has been developed.

Conclusions:

1. Much that relates to the grounds for the onset of civil liability for violations of the patient's rights in a relationship to provide medical care (ordinary) is also inherent in the grounds for the occurrence of civil liability for violations of the patient's rights in relationships for the provision of medical care using telemedicine technologies. However, it is necessary to take into account the specifics of the relations in question to resolve the issue of imposing civil liability on the offender.

Аннотация. Цель. Цель настоящей статьи состоит в комплексном исследовании вопросов, связанных с основаниями наступления гражданско-правовой ответственности в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Методы. Методами данной работы стали общенаучные (метод системного анализа, всеобщий диалектический, синтез, индукция и дедукция) и специальные (формально-юридический, системно-структурный, исторический) методы.

Результаты:

1. Проанализированы подходы к определению гражданско-правовой ответственности, рассмотрены понятия «основание гражданско-правовой ответственности», «гражданское правонарушение».
2. Охарактеризованы права пациента по специализированному и потребительскому законодательству.
3. Выстроен перечень оснований наступления гражданско-правовой ответственности (гражданских правонарушений) за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи (а также, медицинских услуг).
4. Выявлены пять особенностей оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, имеющих значение для разрешения вопроса о наступлении гражданско-правовой ответственности.
5. Выведен перечень оснований наступления гражданско-правовой ответственности за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Выводы:

1. Многие, что относится к основаниям наступления гражданско-правовой ответственности за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи (обычной), присуще и основаниям наступления гражданско-правовой ответственности за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий. Однако, необходимо учитывать специфику рассматриваемых отношений для разрешения вопроса о возложении гражданско-правовой ответственности на правонарушителя.

2. The author of the work independently deduced a list of grounds for the onset of civil liability for violations of the patient's rights in relations with the provision of medical care using telemedicine technologies. The list reflects the features of these legal relations. However, it is not exhaustive and may be supplemented in the future.

Keywords: telemedicine technologies, medical care, patient, medical organization, consultant, civil offense, civil liability, grounds for offense.

Среди основных характеристик XXI века нередко отмечают информатизацию общества, а также внедрение новых технических возможностей в жизнь людей. Конец 10-х годов и начало 20-х годов этого столетия ознаменовался широкой цифровизацией общества, распространением электронных устройств, девайсов и беспроводных соединений — среди людей.

Новые технические возможности не могли не коснуться и одной из важнейших сфер жизни общества, а также одного из приоритетных направлений развития государства — системы здравоохранения. Их своего рода воплощением стали телемедицина и телемедицинские технологии.

Обращаясь к истории, отметим, что первые проявления телемедицины теоретической медицине известны еще с середины XIX века [1, с. 165]. В научной литературе термин «телемедицина» упоминается с 70-х годов XX века [1, с. 166]. А первые практические шаги по использованию телемедицины в России были сделаны еще во времена СССР (60-е года XX века) и выразились в телеметрической записи «физиологических показателей у первых космонавтов» [7, с. 45].

Тем не менее, долгое время отсутствовали правовые нормы, регулирующие применение телемедицины. Ситуация изменилась с 1 января 2018 года. А именно, вступили в силу изменения в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [20] (далее по тексту — ФЗ № 323-ФЗ). Было регламентировано понятие «телемедицинских технологий», установлены особенности оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

На сегодняшний день со дня вступления в силу данных изменений прошло 3,5 года. Однако, до сих пор отсутствует реальная судебная практика по применению новых законоположений. Медицинская практика также пока еще складывается. И остается немало неразъясненных вопросов в части реализации данных

2. Автором работы самостоятельно выведен перечень оснований для наступления гражданско-правовой ответственности за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий. Перечень отражает особенности данных правоотношений. Однако, он не является исчерпывающим и может быть дополнен в дальнейшем.

Ключевые слова: телемедицинские технологии, медицинская помощь, пациент, медицинская организация, консультант, гражданское правонарушение, гражданско-правовая ответственность, основания наступления.

правовых норм, их корректного понимания и использования.

В связи с вышесказанным, по-прежнему являются актуальными и имеющими теоретическую и практическую значимость исследования в области правового регулирования отношений по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Одними из ключевых вопросов в рассматриваемой сфере отношений можно назвать вопросы ответственности, в том числе, гражданско-правовой. Значение изучения проблем гражданско-правовой ответственности в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий определяется не только важнейшими функциями ответственности, но и тем, что вопросы ответственности в исследуемых отношениях не получили должного нормативно-правового разъяснения и, как следствие, порождают ряд теоретических и практических проблем.

Настоящая статья посвящена основаниям наступления гражданско-правовой ответственности за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Гражданско-правовая ответственность — один из центральных институтов гражданского права. В российской цивилистике является предметом дискуссий и объектом научных работ еще с XIX века. Например, гражданско-правовая ответственность исследовалась учеными казанской цивилистической школы — Д.И. Мейером и Г.Ф. Шершеневичем. Д.И. Мейер анализировал ее сущность в разрезе нарушения права, Г.Ф. Шершеневич — в части вопросов, связанных с обязательствами, основанными на гражданском правонарушении [6, с. 29].

Существуют различные определения гражданско-правовой ответственности. В силу выбранной темы данной статьи мы не будем подробно останавливаться на каждом из них. Однако, выделим два наиболее часто встречаю-

щихся варианта понимания гражданско-правовой ответственности.

Согласно первому из них, гражданско-правовая ответственность трактуется как мера (форма) государственного принуждения [15, с. 445]. В соответствии со вторым, гражданско-правовая ответственность представляет собой санкцию за правонарушение [5, с. 141].

Сложно сказать, какая из этих точек зрения больше отражает суть гражданско-правовой ответственности. Каждая является верной. Тем не менее, автор больше склоняется к первой из них.

Гражданско-правовая ответственность как мера (форма) государственного принуждения является также более подходящим определением и для рассматриваемых отношений. Ведь оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий напрямую связано с жизнью и здоровьем пациента. А сохранение и улучшение жизни и здоровья людей, система здравоохранения в целом являются одними из приоритетных направлений развития государства и государственной политики.

Значение гражданско-правовой ответственности для исследуемых правоотношений определяется выполняемыми ею функциями. Главной функцией гражданско-правовой ответственности называют компенсаторно-восстановительную [15, с. 446]. Также, к ее функциям можно отнести штрафную, стимулирующую, сигнализационную [17, с. 99].

Для отношений по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, как и для многих других видов правоотношений, наиболее важную роль, по нашему мнению, играет компенсаторно-восстановительная функция гражданско-правовой ответственности. Ведь когда было допущено нарушение прав пациента, выразившееся, например, в причинении вреда его здоровью, первоочередное значение имеет компенсация и восстановление. Все остальные функции, хотя и имеют определенно весомую значимость, скорее уходят на второй план.

Ключевым аспектом при разрешении вопроса о том, наступит ли гражданско-правовая ответственность, является вопрос о ее основаниях и условиях. Этот же вопрос, безусловно, касается и исследуемых отношений.

Периодически «основание» («основания») и «условия» в литературе называют синонимами. Безусловно, мы не согласны с такой позицией, ведь данные понятия имеют совершенно разную «смысловую нагрузку» [3, с. 963]. Каждое из них играет свою роль для гражданско-правовой ответственности.

В этой связи в настоящей статье мы рассмотрим только одну из частей данного вопроса и применительно к анализируемой сфере правоотношений — основания наступления гражданско-правовой ответственности за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Как указывали В.Т. Смирнов и А.А. Собчак, «основание — это то, что порождает какое-либо явление, фундамент, на который последнее опирается и который определяет его природу» [18, с. 56]. Данное определение показывает краеугольное значение «основания» для возложения гражданско-правовой ответственности на правонарушителя.

Основанием гражданско-правовой ответственности является «совершение правонарушения, предусмотренного законом или договором» [15, с. 452]. Например, это может быть ненадлежащее исполнение договорных обязанностей. Однако, правонарушение — это не единственное основание наступления гражданско-правовой ответственности. Основаниями также могут быть и «иные обстоятельства, прямо предусмотренные законом или договором» [15, с. 453]. В качестве варианта таких обстоятельств Е.А. Суханов приводит ответственность за действия третьих лиц (ответственность поручителя) [15, с. 452].

Интересно отметить то, что несмотря на то, что совершение правонарушения является, можно сказать, главным основанием наступления гражданско-правовой ответственности, законодательного определения «гражданского правонарушения» не существует. По нашему мнению, это является большим недостатком. На это же указывают и многие ученые: например, И.В. Маштаков [8, с. 29], Н.Н. Вопленко [2, с. 6].

Еще дореволюционный цивилист И.А. Покровский указывал на «чрезвычайные трудности» в определении «гражданского правонарушения» [12, с. 278], не умаляя при этом его значимости для возложения ответственности, и предпринимал усилия для анализа данного понятия.

В связи с отсутствием законодательного определения «гражданского правонарушения», важностью и при этом сложностью данного понятия, научные исследования, посвященные «гражданскому правонарушению», продолжились и в дальнейшем. В результате чего, появилось немало вариантов трактования этого термина. В настоящей работе мы не будем подробно останавливаться на них. Но выделим наиболее содержательные из них, которые, по нашему мнению, играют весомую роль для характеристики оснований наступления гражданско-правовой

ответственности за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Согласно точке зрения В.Л. Слесарева, гражданское правонарушение — это «противоправное действие (бездействие), посягающее на общественные отношения, урегулированные нормами гражданского права» [17, с. 5].

По мнению И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшина, гражданское правонарушение представляет собой «общественно опасное (или вредное) виновное деяние (действие или бездействие), нарушающее нормы права, за которое установлены меры юридической ответственности» [16, с. 74].

Теперь непосредственно перейдем к анализу оснований наступления гражданско-правовой ответственности в рассматриваемых отношениях.

Прежде всего, следует сказать, что оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий — не отдельный вид медицинской деятельности [10]. По существу, это лишь один из способов дистанционного оказания медицинской помощи [19, с. 92]. Поэтому можно утверждать, что многое, что относится к основаниям наступления гражданско-правовой ответственности при оказании медицинской помощи (обычной), присуще и исследуемой сфере отношений.

Однако, очень важно учитывать специфику медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий, а также ограничения, установленные законодательством в отношении нее. Например, запрет на постановку диагноза онлайн (п. 3 статьи 36.2 ФЗ № 323-ФЗ [20], п. 47 Приказа Минздрава РФ от 30.11.2017 № 965-н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» [14] (далее — Приказа № 965-н)) уже является большим отличием и особенностью при разрешении вопросов наступления гражданско-правовой ответственности.

Для того чтобы охарактеризовать основания наступления гражданско-правовой ответственности в рассматриваемых отношениях, остановимся вначале на общих основаниях наступления гражданско-правовой ответственности за нарушения прав пациента при оказании медицинской помощи.

Говоря о правах пациента, за нарушения которых может наступить гражданско-правовая ответственность, отметим, что существуют различные научные классификации прав пациента. Например, А.Н. Пищита выделяет 4 группы прав пациента: общие права; права в области ме-

дицинского страхования; права при оказании различных видов медицинской помощи; права различных профессиональных и социальных категорий пациентов [11, с. 56].

В настоящей работе мы не будем останавливаться на классификациях прав пациента. Но выделим основные права пациента при оказании медицинской помощи. Так, согласно п. 5 статьи 19 ФЗ № 323-ФЗ [20], пациент имеет право на: выбор врача и выбор медицинской организации; профилактику, диагностику, лечение, медицинскую реабилитацию в медицинских организациях в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям; получение консультаций врачей-специалистов; облегчение боли, связанной с заболеванием, состоянием и (или) медицинским вмешательством, методами и лекарственными препаратами; получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья; получение лечебного питания в случае нахождения пациента на лечении в стационарных условиях; защиту сведений, составляющих врачебную тайну; отказ от медицинского вмешательства; возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании ему медицинской помощи и др. Также, в соответствии со статьей 20 ФЗ № 323-ФЗ [20], пациент дает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или отказ от него. Следовательно, у пациента также есть право на дачу информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказ от него.

Кроме того, пациент является потребителем платных медицинских услуг, а также медицинских услуг, предоставляемых в рамках добровольного и медицинского страхования (в соответствии с п. 9 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [13]). Поскольку, согласно пп. 3 п. 1 статьи 2 ФЗ № 323-ФЗ [20], медицинская помощь включает в себя предоставление медицинских услуг, при характеристике прав пациента при оказании медицинской помощи необходимо учитывать и права пациента как потребителя медицинских услуг.

Согласно Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [4] (далее — ЗПП), пациент как потребитель медицинских услуг, имеет, определенные права. Так, в соответствии с общими положениями главы I ЗПП [4] пациент-потребитель имеет право на: качественные услуги; безопасные услуги; получение необходимой и достоверной информации об услугах и об исполнителе, возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью вследствие необеспечения безопасности услуг, предоставления полной и достоверной информации об услугах, вследствие недостатков; возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсацию морального вреда; судебную защиту и др.

Согласно главе III ЗПП, посвященной защите прав потребителей при выполнении работ (оказании услуг) [4], пациент-потребитель имеет право на оказание услуг в срок, установленный правилами выполнения услуг или договором об оказании услуг; права при нарушении срока выполнения услуг; права при обнаружении недостатков, право на отказ от исполнения договора.

На основании вышеизложенного, можно выделить следующие возможные нарушения прав пациента (гражданские правонарушения), которые могут являться основаниями для наступления гражданско-правовой ответственности в отношении по оказанию медицинской помощи (а также, медицинских услуг):

- ◆ несоответствие качества оказанной медицинской помощи установленным стандартам и порядкам ее оказания (иными словами, некачественное оказание медицинской помощи, в том числе, медицинских услуг);
- ◆ несоответствие оказанной медицинской помощи условиям и стандартам безопасности (небезопасное оказание медицинской помощи, в том числе, медицинских услуг);
- ◆ оказание медицинской помощи в условиях, не соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям;

- применение методов лечения, приносящих дополнительную боль пациенту при возможности их исключения или применения более щадящих — для облегчения боли пациенту;

- ◆ непредоставление информации, предоставление недостоверной информации или предоставление информации не в полном объеме пациенту — о его правах и обязанностях, о состоянии здоровья, об оказываемой медицинской помощи (медицинских услугах), в том числе, о ее методах, рисках, последствиях, об исполнителе (медицинской организации);
- ◆ неполучение от пациента информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказ от него, а также нарушение порядка его получения;
- ◆ разглашение сведений, составляющих врачебную тайну;
- ◆ нарушение права пациента на выбор врача для оказания медицинской помощи при возможности такого выбора;
- ◆ нарушение сроков оказания медицинской помощи (медицинских услуг);
- ◆ необоснованное взимание платы за дополнительные медицинские услуги, которые были намеренно навязаны исполнителем;
- ◆ оказание медицинских услуг, не соответствующих по объему установленной в договоре цене;

- ◆ иные нарушения прав пациента со стороны врачей, медицинских работников, медицинской организации, приносящие вред пациенту.

Следует отметить, что правам пациента корреспондируют определенные обязанности врачей и медицинских работников, которые оказывают медицинскую помощь пациенту, а также обязанности медицинской организации, в которой работают данные врачи и медицинские работники (за исключением частнопрактикующих врачей) и в которой оказывается данная медицинская помощь. Поэтому можно утверждать, что гражданско-правовая ответственность наступает за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей медицинской организации, предоставляющей медицинскую помощь (медицинские услуги) пациенту, а также за нарушение профессиональных обязанностей медицинскими работниками, если это повлекло причинение вреда пациенту [8, с. 56]. Так, ненадлежащим исполнением обязанностей медицинской организации, предоставляющей медицинские услуги, является нарушение срока оказания медицинских услуг (статья 27 ЗПП [4] или оказание медицинских услуг с недостатками (статьи 4, 29 ЗПП [4]). Примером нарушения профессиональных обязанностей медицинских работников является несоблюдение врачебной тайны (пп. 2 п. 2 статьи 73 ФЗ № 323-ФЗ [20]).

Как уже говорилось выше, многое, что относится к основаниям наступления гражданско-правовой ответственности при оказании медицинской помощи, присуще и исследуемым правоотношениям по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий. Однако, прежде чем выявить искомый перечень, необходимо остановиться на особенностях оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Во-первых, медицинская помощь (в том числе, медицинские услуги), с применением телемедицинских технологий, оказывается либо в формате дистанционных медицинских консультаций (в том числе, медицинских консилиумов врачей), либо в виде дистанционного наблюдения за пациентом. Иными словами, способы оказания такой медицинской помощи ограничены законом (статья 36.2 ФЗ № 323-ФЗ [20]).

Во-вторых, консультации с применением телемедицинских технологий проводятся в строго ограниченных целях (п. 2–3 статьи 36.2 ФЗ № 323-ФЗ [20], а дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациента может проводиться только после очного приема (п. 4 статьи 36.2 ФЗ № 323-ФЗ [20]).

Во-третьих, как уже замечалось ранее, первичная постановка диагноза и соответственно первичное на-

значение лечения при оказании медицинской помощи с применением технологий без очного приема пациента — запрещено (п. 47 Приказа Минздрава № 965-н [14]). Хотя при этом, раздел III Приказа Минздрава № 965-н [14] уточняет, что телемедицинские технологии могут использоваться при всех видах, формах и любых условиях оказания медицинской помощи.

В-четвертых, при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий появляются новые субъекты (участники) правоотношений: консультант (врач-консультант), врачи — участники консилиума, консультирующая медицинская организация, организация, являющаяся оператором информационных систем. Соответственно, у каждого из названных субъектов есть свои права и обязанности. Неисполнение или ненадлежащее исполнение этих обязанностей, если оно непосредственно связано с оказанием медицинской помощи с применением телемедицинских технологий и повлекло причинение вреда пациенту, может стать основанием наступления гражданско-правовой ответственности. Например, такими основаниями могут быть: нарушение врачом-консультантом / консультирующей медицинской организацией сроков оказания телемедицинских консультаций (п. 18–21 Приказа Минздрава № 965-н [14]); неоформление или ненадлежащее оформление медицинского заключения по результатам проведения консультации (п. 24, 32 Приказа Минздрава № 965-н); непредоставление или ненадлежащее предоставление пациенту консультирующей медицинской организацией, а также организацией, являющейся оператором иных информационных систем информации в доступной форме, в соответствии с требованиями п. 46 Приказа Минздрава № 965-н [14] и др.

В-пятых, при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий дополнительные обязанности появляются у лечащего врача и, соответственно, медицинской организации, в которой работает этот лечащий врач и обслуживается пациент. Данные дополнительные обязанности установлены Приказом Минздрава № 965-н [14]. Нарушения исполнения данных дополнительных обязанностей, причинившие вред пациенту, также могут повлечь гражданско-правовую ответственность.

Итак, подводя итог всему вышесказанному, далее перечислим основания наступления гражданско-правовой ответственности за нарушения прав пациента в отношениях по оказанию медицинской помощи с применением телемедицинских технологий. Такими основаниями могут быть:

- ◆ несоответствие качества оказанной медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (в том числе, медицинских консультаций (консилиумов врачей) и дистанционного наблюде-

ния за состоянием здоровья пациента) установленным стандартам и порядкам ее оказания (иными словами, некачественное оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий);

- ◆ несоответствие оказанной медицинской помощи с применением телемедицинских технологий условиям и стандартам безопасности (небезопасное оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий);
- ◆ оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий в условиях, не соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям (в случае, если пациент находится в медицинской организации при оказании данной помощи);
- ◆ назначение и/или использование при коррекции лечения при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий методов лечения, приносящих дополнительную боль пациенту при возможности их исключения или применения более щадящих — для облегчения боли пациенту;
- ◆ непредоставление информации, предоставление недостоверной информации или предоставление информации не в полном объеме пациенту — о его правах и обязанностях, о состоянии здоровья, об оказываемой медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, в том числе, о ее методах, рисках, последствиях, о консультирующей медицинской организации, о консультанте и иной информации, которая должна быть предоставлена;
- ◆ неполучение от пациента информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказ от него, а также нарушение порядка его получения — при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий;
- ◆ разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, которые были получены при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий;
- ◆ нарушение права пациента на выбор врача-консультанта для оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий при возможности такого выбора;
- ◆ нарушение сроков оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий;
- ◆ необоснованное взимание платы за дополнительные медицинские услуги, которые были намеренно навязаны исполнителем при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий;
- ◆ оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, не соответствующих по объему установленной в договоре цене;

- ◆ иные нарушения прав пациента, возникшие при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий со стороны консультанта, лечащего врача, иных медицинских работников, консультирующей медицинской организации, медицинской организации, к которой относится лечащий врач пациента (при несовпадении с консультирующей медицинской организацией), оператора информационных систем, которые повлекли причинение вреда пациенту.

Следует отметить, что данный перечень оснований гражданско-правовой ответственности за нарушения

прав пациента при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий не является исчерпывающим (в связи с чем, в конце использована формулировка «иные нарушения»). Во-первых, остается немало неразрешенных законодателем вопросов по применению телемедицинских технологий. Во-вторых, практика (в том числе, судебная) до сих пор не сформировалась. Остается неясным, как и в каких случаях реально будет возлагаться гражданско-правовая ответственность на нарушителя в рассматриваемых отношениях. В-третьих, указанный перечень будет совершенствоваться и, возможно, пополняться в наших дальнейших научных исследованиях по данной тематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варюшин М.С. Правовое регулирование телемедицины в России и ЕС: два шага вперед и один назад // «Закон». — 2018. — № 1. — С. 165–174.
2. Волпенко, Н.Н. Общественная опасность или социальная вредность? // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 3. Экономика. Право. — Волгоград, 1997. — Вып. 2. — С. 6–10.
3. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. / Е.Н. Абрамова, Н.И. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. — М.: ТК Велби, 2009. — 1008 с.
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 22.12.2020) «О защите прав потребителей» // «Российская газета». — 1996. — 16 января. — № 8.
5. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. III. Обязательственное право. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 837 с.
6. Карягина Е.Н., Арсланов К.М. Формирование традиций в исследовании вопросов гражданско-правовой ответственности в Казанском университете (на примере трудов Д.И. Мейера и Г.Ф. Шершеневича). // Традиции юридической науки в Казанском университете глазами студентов и преподавателей: сборник совместных научных статей преподавателей и студентов юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. — С. 28–33.
7. Куделина О.В., Хлынин С.М. Медицинская информатика. Томск: СибГМУ, 2009. — 83 с.
8. Маштаков И.В. Гражданское правонарушение: определение понятия и юридические признаки. — Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «право». — 2007. — № 2. — С. 29–35.
9. Медицинское право: Учебное пособие. — М.: Статут, 2019. — 190 с.
10. Письмо Министерства здравоохранения РФ от 9 апреля 2018 г. № 18–2/0579 «О разъяснении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (Документ официально опубликован не был) // [Электронный ресурс] — URL: <http://base.garant.ru/71942326/> (дата обращения: 29.04.2021).
11. Пицита А.Н. Правовой статус российского пациента // Журнал российского права. — 2005. — № 11. — С. 46–53.
12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. — 353 с.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. — 2012. — 11 июля. — № 156.
14. Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2018 № 49577) // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.01.2018 (дата обращения: 29.04.2021).
15. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011. — 958 с.
16. Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. — 240 с.
17. Слесарев В.Л. Объект и результат гражданского правонарушения. — Томск, 1980. — 166 с.
18. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. — 152 с.
19. Смирнова Е.А., Шишанова А.А. Телемедицина в новых правовых реалиях // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2018. № 3. С. 91–97. URL: <http://jtelemed.ru/article/telemedicina-v-novyh-pravovyh-realijah> (дата обращения: 29.04.2021).
20. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. — 2011. — 23 ноября. — № 263.

© Карягина Екатерина Николаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРЕБОВАНИЯ, ОБЕСПЕЧЕННЫЕ ИПОТЕКОЙ ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ, СТРОИТЕЛЬСТВО КОТОРОГО НЕ ЗАВЕРШЕНО, КАК ЧАСТЬ ИПОТЕЧНОГО ПОКРЫТИЯ ИПОТЕЧНЫХ ОБЛИГАЦИЙ

Козловский Михаил Сергеевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва
mkozlovsky56@gmail.com

CLAIMS SECURED BY A MORTGAGE ON AN UNCOMPLETED PROPERTY AS PART OF THE MORTGAGE COVERAGE OF MORTGAGE BONDS

M. Kozlovsky

Summary. The article is devoted to the question of the legal nature of the mortgage of an uncompleted real estate object that secures the claims included in the mortgage coverage of mortgage bonds, as well as in general the possibility of including such claims in the mortgage coverage. At the same time, mortgage bonds are an attractive investment tool due to high reliability of such securities. This makes them a potentially effective way for commercial banks to attract financing for mortgage lending as the cost of such financing is quite low. In turn, this can play a positive role in solving the problem of housing security in Russia due to the cost reduction of mortgage loans. While the inclusion of claims secured by the real estate the construction of which has not been completed in the mortgage coverage will give banks additional opportunities to issue mortgage bonds, allowing them to form mortgage coverage at a lower cost.

Keywords: mortgage bonds, mortgage coverage, mortgage of an incomplete real estate object, mortgage securities, residential real estate.

Аннотация. Статья посвящена вопросу правовой природы ипотеки объекта недвижимости, строительство которого не завершено, обеспечивающей требования, включенные в ипотечное покрытие ипотечных облигаций, а также в целом возможности включения таких требований в ипотечное покрытие. При этом, ипотечные облигации представляются привлекательным инструментом для инвестирования, что обеспечивает высокой надежностью таких бумаг. Это делает их потенциально эффективным способом привлечения финансирования коммерческими банками для деятельности по выдаче ипотечных кредитов по причине низкой стоимости такого финансирования. В свою очередь, это может сыграть положительную роль при разрешении проблемы обеспеченности населения России жильем благодаря снижению стоимости ипотечных займов. Тогда как включение в состав ипотечного покрытия требований, обеспеченных залогом недвижимости, строительство которой еще не завершено, даст банкам дополнительные возможности по эмиссии ипотечных облигаций, позволив с меньшими издержками формировать ипотечное покрытие.

Ключевые слова: ипотечные облигации, ипотечное покрытие, ипотека объекта недвижимости, строительство которого не завершено, ипотечные ценные бумаги, жилая недвижимость.

Введение

Ипотечные облигации являются разновидностью облигаций с залоговым обеспечением, которые в экономическом смысле призваны для использования коммерческими банками для целей получения дополнительного финансирования под выдачу ипотечных кредитов. При этом, их важной особенностью является высокий уровень надежности благодаря наличию качественного обеспечения, что приводит к низкой стоимости заимствований.

Таким образом, ипотечные облигации представляют собой привлекательный для бурно развивающегося фондового рынка инструмент, который одновременно способен предоставить коммерческим банкам недо-

рое финансирование для реализации задач по выдаче ипотечных кредитов гражданам, что может позитивно сказаться на решении проблемы обеспеченности населения России жильем.

Однако вследствие невысокой популярности данного инструмента в правовом регулировании остается множество пробельных моментов, одним из которых является вопрос включения требований, обеспеченных ипотекой объекта недвижимости, строительство которого не завершено, в ипотечное покрытие ипотечных облигаций. В частности, возникает проблема определения правовой природы ипотеки объекта недвижимости, строительство которого не завершено, в контексте ипотечных облигаций, а также возможности включения требований, обеспеченных таким способом, в ипотеч-

ное покрытие ипотечных облигации. Этим вопросам и посвящена данная работа.

Понятие и экономическое значение ипотечных облигаций. Легальное определение облигаций с ипотечным покрытием дано в ст. 2 Закона об ипотечных ценных бумагах, которая определяет их как облигации, исполнение обязательств по которым обеспечивается полностью или в части залогом ипотечного покрытия.

Закон об ипотечных ценных бумагах не дает четкого и прямого определения (залога) ипотечного покрытия, называя лишь то имущество, которое может его составлять (ст.ст. 3 и 13), но его можно вывести из ряда норм ГК РФ, этого Закона и Закона об ипотеке (залоге недвижимости). При этом стоит отметить, какое имущество может входить в ипотечное покрытие: 1) обеспеченные ипотекой и (или) залогом прав требования участника долевого строительства требования о возврате основной суммы долга и (или) об уплате процентов по кредитным договорам и договорам займа, в том числе удостоверенные закладными, 2) ипотечные сертификаты участия, удостоверяющие долю их владельцев в праве общей собственности на другое ипотечное покрытие, 3) денежные средства в валюте Российской Федерации или иностранной валюте, 4) государственные ценные бумаги и недвижимое имущество (в случаях, указанных в Законе об ипотечных ценных бумагах) [3, ч. 1 ст. 3].

Прежде всего, ипотечное покрытие представляет собой вариант залогового обеспечения, из которого могут быть удовлетворены требования инвесторов к эмитенту в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по таким облигациям. При этом, существуют два способа для этого. Первый из них связан с продажей заложенного имущества с торгов, а вырученная с их помощью сумма уплачивается в счет требований кредитора [1, п. 1 ст. 350], а второй (также включенный в Закон об ипотеке) — с переводом в судебном порядке прав на ипотечное покрытие инвестору (в случае установления этого соглашением сторон) [1, п. 2 ст. 358.8 и 2, ст. 59.1].

Можно утверждать, что ипотечное покрытие является чаще всего вариантом залога прав, предусмотренного ст. 358.1 ГК [7, с. 357] (а также залога ценных бумаг при включении в ипотечное покрытие ипотечных сертификатов участия и залога вещей при включении недвижимости), реализация которого, в первом случае, осуществляется посредством продажи данного имущества с публичных торгов [1, п. 1 ст. 350], так как абз. 2 ч. 1 ст. 15 Закона об ипотечных ценных бумагах указывает на то, что обращение взыскания на требования и иное имущество, составляющие ипотечное покрытие облигаций, в том числе их реализация, осуществляется в по-

рядке, предусмотренном Законом об ипотеке, тогда как п. 1 ст. 56 данного Закона предусматривает реализацию заложенного имущества путем его продажи с публичных торгов. Таким образом, можно отметить, что происходит переход прав требования от эмитента облигации к третьему лицу (покупателю на торгах) в отношении лица, являющегося должником (по договору займа или кредитному договору) перед эмитентом, если эмитент оказывается неисправным, а вырученная с помощью проведения таких торгов сумма идет в счет требований инвестора к эмитенту.

Однако во втором варианте право требования переходит к самому инвестору, который становится кредитором по отношению к должнику-третьему лицу [9, с. 372]. Стоит отметить, что таким образом к инвестору переходит не только право требования, но и ипотека, обеспечивающая исполнения данного долга [1, п. 1 ст. 384] в силу акцессорности залога, то есть инвестор становится залогодержателем не в отношении ипотечного покрытия, обеспечивавшего исполнение по облигации, а в отношении ипотеки недвижимости, обеспечивающей надлежащее исполнение собственником такой недвижимости своих обязательств перед новым кредитором — инвестором. Из этого вытекает возможность инвестора обратиться взыскание на недвижимость должника по договору займа (кредита) как на предмет залога в случае, если этот должник не сможет исполнить надлежащим образом обязательство. Примерно так же дело обстоит с обращением взыскания на ипотечный сертификат участия и недвижимость.

Следовательно, ипотечное покрытие представляет собой совокупность указанного в Законе об ипотечных ценных бумагах имущества, в которое входят прежде всего права требования эмитента к должнику по договору займа (кредита) и обеспечивающая исполнение этих требований ипотека, и которое (имущество) является предметом залога для ипотечных облигаций, на которое может быть обращено взыскание инвестора в случае неисправности эмитента. Такую ситуацию Суханов Е.А. назвал «залогом залоговых прав» [8, с. 227], что в целом отражает проиллюстрированный механизм работы ипотечных облигаций, посредством которого, по сути, происходит «упаковка» прав требований и ипотеки в ипотечное покрытие (новый залог).

Помимо установления механизма работы ипотечных облигаций, также необходимо указать, в чем заключается экономическое значение данного инструмента. Как и для обеспеченных облигаций в целом основная цель эмиссии ипотечных облигаций заключается прежде всего в поисках альтернативного источника финансирования деятельности коммерческих организаций посредством инструментов, которые в большей степе-

ни бы удовлетворяли интересам инвесторов. Большая привлекательность для инвесторов делает финансирование более доступным. Однако обеспечение в виде ипотечных активов таких облигаций предопределяет несколько иную, более узкую и специфическую цель их эмиссии по сравнению с облигациями, имеющими иное обеспечение.

Прежде всего особенность заключается в том, кто может быть эмитентом таких облигаций. Закон императивно определяет, что осуществлять эмиссию облигаций с ипотечным покрытием могут только ипотечные агенты и кредитные организации [3, ч. 1 ст. 7]. То есть эмитенты таких бумаг — это организации, деятельность которых прямым образом связана с ипотечным кредитованием, что не удивительно, ведь формирование ипотечного покрытия в основном осуществляется благодаря ипотечному портфелю. В таком случае справедливо указать, что главная экономическая особенность заключается в том, что такие бумаги служат источником финансирования только для кредитных организаций, а не для любых «бизнесов».

Однако если посмотреть на более узкую картину, то можно прийти к выводу, что финансирование с помощью ипотечных облигаций осуществляется банками не просто с целью привлечения дополнительных средств как таковых, а с целью осуществления дальнейшего ипотечного кредитования, направления доходов от ипотечных ценных бумаг на формирование нового ипотечного портфеля, что является ключевым аспектом, определяющим экономический потенциал ипотечных облигаций [14].

Отталкиваться следует от того, что спрос на новое жилье в России крайне высокий вследствие необеспеченности населения жильем, что в целом представляет собой серьезную социальную проблему [10, с. 276–279]. Очевидно, что данный спрос должен удовлетворяться посредством приобретения нового жилья, что в подавляющем большинстве случаев означает использование ипотечного займа от коммерческих банков [12, с. 16]. Важность и серьезность проблемы осмыслена государством и даже в какой-то степени институционализована посредством создания национального проекта «Жилье и городская среда», в соответствии с которым средняя ставка по ипотеке должна составлять в 2019 году 8.9%, а к 2024–7.9% [13, с. 2].

В данном случае ипотечные облигации и могут оказаться весьма полезными по двум причинам. Во-первых, стоимость финансирования, привлекаемого посредством эмиссии ипотечных облигаций, ниже, чем заимствования у Банка России или иных кредитных организаций [11, с. 86], а во-вторых, дополнительные

средства, полученные от продажи таких ценных бумаг, позволяют нарастить объем выдачи займов, что также может привести к снижению стоимости кредита для заемщиков. Стоит также отметить важность развития ипотечных облигаций для инвесторов, которые получают новый инструмент для вложения средств.

Проблема включения требований, обеспеченных ипотекой объекта недвижимости, строительство которого не завершено, в состав ипотечного покрытия. Излишне ограничивающим деятельность субъектов правоотношений, возникающих по поводу включения в ипотечное покрытие требований, обеспеченных ипотекой недостроенной недвижимости, являются взаимосвязанные положения абз. 1 и 3 ч. 3 ст. 3 Закона об ипотечных ценных бумагах. Думается, вначале следует сказать несколько слов о природе самой ипотеки незавершенной недвижимости.

і. По сути, то, что она представляет собой можно разделить на три категории. Во-первых, это может быть залог имущественных прав [1, п. 1 ст. 3581.], а именно прав требования залогодателя (должника в договоре займа) к застройщику по возведению соответствующего объекта недвижимости, что отвечает природе залога незавершенной недвижимости, так как пока объект не построен в том виде, в каком это оговорено в соответствующем договоре, и не зарегистрирован в надлежащем порядке, не существует никаких вещных прав залогодателя в отношении данного «объекта», а есть лишь имущественное право требования по возведению недвижимости, обязательственная относительная связь между застройщиком и залогодателем [9, с. 494]. В таком случае употребление формулировки «залог недвижимого имущества, строительство которого не завершено» совершенно некорректно, так как недвижимое имущество — это всегда вещь, а пока соответствующий объект не соответствует тому, что установлено в договоре, нельзя говорить о его существовании в качестве вещи.

Во-вторых, тем, о чем идет речь в указанном пункте, может быть объект незавершенного строительства, который представляет собой особую недвижимую вещь, технические характеристики и функциональные ограничения которой не позволяют отнести ее к полноценным объектам недвижимости вследствие невозможности использования ее в соответствии с теми целями, которым обыкновенно служит такая недвижимость. Однако данный вариант представляется наименее правильным вследствие того, что никак нельзя ожидать от сторон соответствующего договора цели включить в него в качестве предмета залога имущество такого рода, которое, строго говоря, имуществом может быть названо лишь с большой долей условности и экономи-

ческая ценность которого стремиться к нулю и, скорее, соответствует стоимости тех стройматериалов, из которых оно было возведено (тогда получается, что предмет залога является совокупность строительных материалов, что является совсем уж абсурдным и явно не соответствующим цели обеспечения исполнения обязательств по выплате займа, выданного на приобретение недвижимости).

В-третьих, в указанном пункте может идти речь о залоге будущей вещи, то есть той, которая окажется в собственности залогодателя в будущем по одному из оснований, предусмотренному законом [1, п. 2 ст. 336]. Это отвечает как экономической цели сторон, которые получают некоторое имущественное обеспечение связывающего их обязательства, так и органично вписывается в текст вышеназванного пункта, имея в виду, что залог недвижимости, строительство которой не завершено, — это лишь залог недвижимости, которая возникнет в будущем, а значит залогодатель получит ее в будущем.

Однако нормы ГК РФ о залоге указывают, что если предмет залога является имущество, которое будет создано или приобретено залогодателем в будущем, то залог возникает у залогодержателя с момента создания или приобретения залогодателем соответствующего имущества [1, п. 2 ст. 341]. Соответственно, ГК РФ оставляет временной промежуток, в который залогодержатель, по сути, не будет иметь никаких прав в отношении залога, который еще не возникнет (в данном случае — это время постройки объекта недвижимости).

Такая ситуация никак не может быть удовлетворительна для залогодержателя, которому, возможно, придется ждать весьма продолжительный срок, пока его право залога возникнет, тогда как обстоятельства, в соответствии с которыми ему может понадобиться обратиться взыскание на предмет залога, могут наступить до истечения этого срока. В результате законодатель, дабы не допустить такой возможности в особо важных для правопорядка отношениях по ипотечному кредитованию, установил, что правила Закона об ипотеке (залоге недвижимости) применяются к залому незавершенного строительством недвижимого имущества [2, п. 2 ст. 5].

Следовательно, залог в отношении будущей недвижимой вещи устанавливается, в отступление от правил ГК РФ, не с момента возникновения права собственности на такой объект у залогодателя, а ранее. Обращение взыскания же на такой предмет залога будет проводиться как на объект незавершенного строительства, право собственности на который застройщик обязан зарегистрировать (что означает восприятие законом второго варианта толкования).

Но стоит отметить, что данный вариант толкования указанного пункта представляется не совсем корректным с точки зрения существа данных правоотношений по причине того, что сложно себе представить установление каких-либо прав в отношении несуществующего объекта, то есть, по сути, в отношении пустоты. Вполне может существовать обязательство (то есть «обещание») по передаче того или иного имущества в залог в будущем, однако установление самого залога, то есть прав залогодержателя в отношении заложенного имущества, невозможно без наличия самого имущества.

Однако уже в Законе об ипотечных ценных бумагах указано, что ипотечное покрытие могут составлять требования, обеспеченные в том числе и залогом прав требования участника долевого строительства [3, ч. 1 ст. 3]. Следовательно, правильное толкование, видимо, должно быть следующим: если приобретение недвижимости осуществлялось на основании договора участия в долевом строительстве, то такие требования попадают в ипотечное покрытие обеспеченными залогом прав по ДДУ, а если приобретение незавершенной недвижимости осуществляется не на основании ДДУ, то при неисправности должника реализуется механизм обращения взыскания на объект незавершенного строительства (в ипотечное покрытие входят права требования, обеспеченные залогом «недвижимости»).

Тем не менее, в будущем представляется правильным подвергнуть данные положения изменениям, в соответствии с которыми залог будет возникать ранее, пока соответствующий объект недвижимости не достроен, всегда в отношении прав требования должника к застройщику, а после возведения недвижимости — уже в отношении самой недвижимости в силу закона в качестве проявления динамики залоговых правоотношений.

ii. Итак, абз. 1 указанной статьи исключает возможность включения в состав ипотечного покрытия *жилищных* облигаций требований, обеспеченных залогом недвижимого имущества, строительство которого еще не завершено [3, абз. 1 ч. 3 ст. 3]. Таким образом, законодатель позволяет включать такие требования в состав обеспечения нежилых облигаций, но по какой-то причине делает исключение для жилищных. Вероятно, логика Закона заключается в том, что риск оказаться недостроенными у нежилых помещений ниже, чем у жилых, что может быть связано с несовершенными механизмами привлечения финансирования застройщиками для целей жилищного строительства. В частности, речь может идти об активном использовании договоров долевого участия, которые не гарантируют доведения процесса строительства до конца (достаточ-

но вспомнить многочисленные истории «обманутых дольщиков» и примеры незавершенного строительства, которое вели обанкротившиеся и канувшие в лету застройщики). В результате законодатель решает перестраховаться и не допускать такие ненадежные активы в качестве обеспечения по массовым финансовым инструментам, которым являются ипотечные облигации.

Однако не так давно были приняты соответствующие поправки в законодательство, в результате которых механизм привлечения финансирования для строительства жилой недвижимости в виде договоров долевого участия был дополнен, и к нему было предложено использовать механизмы условного депонирования (эскроу) [6, п. 49 ст. 2; 4, ст.ст. 15.4 и 15.5]. Если кратко описать смысл соответствующих поправок, то теперь денежные средства лиц, заключивших договоры долевого участия, поступают не сразу застройщику, а переходят на соответствующий эскроу-счет данного застройщика в банке, который сможет получить их только в случае, если строительство будет завершено, а объекты недвижимости введены в эксплуатацию [4, ст.ст. 15.4 и 15.5]. Вместо денег покупателей соответствующей недвижимости строительным компаниям придется ориентироваться на собственные средства или привлечение банковского финансирования. Более того, привлечение денежных средств по договорам долевого участия в отношении недвижимости, строительство которой не завершено, после 1 июля 2019 года допускается только с использованием эскроу-счетов, за исключением тех объектов, которые соответствуют установленным Правительством критериям, определяющим степень готовности таких объектов и количество заключенных договоров долевого участия [5, ст. 16]. Очевидно, что в результате данных нововведений риск незавершения строительства жилых домов существенно снизился.

Таким образом, при текущем регулировании привлечения средств для финансирования строительства жилой недвижимости и имеющихся невысоких рисках возможного неисполнения застройщиком своих обязанностей не представляется целесообразным действующее излишне ограничительное и носящее перестраховочный характер правило на включение в ипотечное покрытие ипотечных облигаций требований, обеспеченных залогом недвижимого имущества, строительство которого не завершено. Положительный эффект на возможности эмитентов окажет отмена соответствующих ограничений и предоставление эмитентам права включать в ипотечное покрытие жилищных облигаций требований, обеспеченных залогом недостроенной недвижимости.

iii. Другой перестраховочный механизм заложен в абз. 3 ч. 3 ст. Закона об ипотечных ценных бумагах,

и заключается он в том, что закон ограничивает право эмитентов на включение в ипотечное покрытие ипотечных облигаций требований, обеспеченных залогом недвижимости, строительство которой не завершено, десятью процентами от размера ипотечного покрытия. Очевидно, что сделано это законодателем с целью снизить риски попадания в ипотечное покрытие ненадежных активов, чтобы инвесторы могли получить полное удовлетворение по своим требованиям. Однако представляется, что десять процентов — крайне небольшая доля, которая может существенно ограничивать заемщиков в возможности эмитировать ипотечные облигации, ведь для этого им может понадобиться большой пул требований по уже полностью построенной и сданной недвижимости, тогда как очевидно, что это процесс довольно долгий и сложный, а заметная доля ипотечных займов (в том числе коммерческих) выдается именно под недостроенную недвижимость.

Таким образом, для повышения возможностей эмитентов по выпуску ипотечных облигаций и получению дополнительного финансирования на их инвестиционную деятельность положительный эффект будет иметь некоторое увеличение возможной доли в ипотечном покрытии требований, обеспеченных ипотекой недвижимости, строительство которой не завершено, при сохранении разумных ограничений на включение таких требований по причине их меньшей надежности.

Заключение

Приведенная выше попытка определения правовой природы ипотеки объекта недвижимости, строительство которого не завершено, в контексте ипотечных облигаций, а также возможности включения требований, обеспеченных таким способом, в ипотечное покрытие ипотечных облигаций привели к следующим выводам.

Во-первых, если приобретение недвижимости, являющейся обеспечением по требованиям, входящим в ипотечное покрытие, осуществлялось на основании договора участия в долевом строительстве, то такие требования попадают в ипотечное покрытие обеспеченными залогом прав по ДДУ, а если приобретение незавершенной недвижимости осуществлялось не на основании ДДУ, то при неисправности должника реализуется механизм обращения взыскания на объект незавершенного строительства, тогда как сам объект необходимо зарегистрировать в таком ключе в Реестре. В дальнейшем законодателю стоит подвергнуть данные положения изменениям, в соответствии с которыми залог будет возникать всегда в отношении прав требования должника к застройщику, а после возведения недвижимости — уже в отношении самой недвижи-

мости в силу закона в качестве проявления динамики залоговых правоотношений.

Во-вторых, включение требований, обеспеченных ипотекой недвижимости, строительство которой не завершено, в состав ипотечного покрытия жилищных облигаций *de lege lata* невозможно, что представляется ошибочным, так как в связи с принятыми законодательными изменениями, направленными на совершенствование механизмов строительства жилой недвижимости, риск оказаться недостроенной у такой недвижимости существенно снизился, что открывает дорогу для включения требований, обеспе-

ченных таким способом, в состав ипотечного покрытия.

Также представляется чрезмерно ограничительным подход законодателя к объему включения в ипотечное покрытие нежилищных облигаций требований, обеспеченных ипотекой недостроенной недвижимости, так как это существенным образом снижает возможности эмитентов таких облигаций по привлечению средств данным способом, тогда как существующие риски явно преувеличены законодателем. Следовательно, необходимо увеличить допустимый объем соответствующих требований в составе ипотечного покрытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СПС «Гарант».
2. Федеральный закон от 16.07.1998 N102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (редакция от 30.04.2021) // СПС «Гарант».
3. Федеральный закон от 11.11.2003 N152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» (редакция от 08.12.2020) // СПС «Гарант».
4. Федеральный закон от 30.12.2004 N214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (редакция от 30.04.2021) // СПС «Гарант».
5. Федеральный закон от 25.12.2018 N478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция от 25.12.2018) // СПС «Гарант».
6. Федеральный закон от 26.07.2017 N212-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция от 01.06.2018) // СПС «Гарант».
7. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. / Отв. ред. Карапетов А.Г. — М.: Статут, 2017. — 1120 с.
8. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. — М.: Статут, 2017. — 560 с.
9. Российское гражданское право: Учебник в 2 т. / Отв. ред. Суханов Е.А. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 4-е изд. — М.: Статут, 2016. — 958 с.
10. Бурдяк А.Я. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. — № 13(2). — 2015. — С. 273–288.
11. Варламова Т.П. Секьюритизация ипотечных активов как условия развития ипотечного жилищного кредитования в России // Информационная безопасность регионов. — № 18(1). — 2015. — С. 82–89.
12. Григорьев Л. Жилищное строительство и рынок недвижимости в период спада экономики // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. — 2016. — 24 с.
13. Крючкова Е., Шаповалов А. От правительства ждут макростабильности или ипотечных субсидий. // Газета «Коммерсантъ». — № 26. — 13.02.2019.
14. Михайлов С.Н. Жилищный вопрос. Почему ипотечные облигации не востребованы у частных инвесторов // Сайт forbes.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/357805-bespoleznye-metry-pochemu-v-rossii-ne-vostrebovany-ipotechnye-obligacii> (дата обращения 12.05.2021).

© Козловский Михаил Сергеевич (mkozlovsky56@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМАТИКА СДЕЛОК «СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ» В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ И ИХ ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ, В ЧАСТНОСТИ, В СЕКТОРЕ ПРОИЗВОДСТВА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ

ANALYSIS AND PROBLEMS
OF MERGERS AND ACQUISITIONS
IN RUSSIAN PRACTICE AND THEIR LEGAL
JUSTIFICATION, IN PARTICULAR,
IN THE SECTOR OF PRODUCTION
OF INTANGIBLE ASSETS

*E. Konotopova
A. Kirilin*

Summary. The article is devoted to the situation on the market of mergers and acquisitions. The relevance of the topic has greatly increased against the background of the global pandemic. But the article provides an analysis and highlights the problems of the Russian market. The legal lack of regulation of this issue in the Russian Federation leads to a very significant decrease in the value of assets in the implementation of such transactions, which is especially noticeable against the background of the fact that the Russian Federation is the leader among Eastern European countries in terms of their volume.

Keywords: corporate law, mergers and acquisitions, intangible assets.

Конопотова Елена Анатольевна

Московский университет имени С.Ю. Витте,
г. Москва

konotopova@gmail.com

Кирилин Алексей Владимирович

К.ю.н., доцент, Московский университет имени
С.Ю. Витте, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена ситуации на рынке слияний и поглощений. Актуальность темы очень возросла на фоне общемировой пандемии. Но в статье приведен анализ и освещена проблематика именно Российского рынка. Правовая незарегулированность данного вопроса в РФ приводит к весьма существенному снижению стоимости активов при осуществлении подобных сделок, что особенно заметно на фоне того, что Российская Федерация является лидером среди восточноевропейских стран по их объему.

Ключевые слова: корпоративное право, сделки слияния и поглощения, нематериальные активы.

На данном этапе функционирования современного российского общества проведение общего анализа и выявление проблематики в сфере совершения сделок «слияния и поглощения» представляется наиболее актуальным, в связи с тем, что рассматриваемая сфера функционирует недостаточно четко и слажено в соотношении с зарубежным опытом реализации сделок «слияния и поглощения», однако, совершение сделок «слияния и поглощения» занимает важнейшую позицию для российских компаний.

Так, на сегодняшний день экономическое развитие и высокая конкурентная среда заставляют компании искать новые возможности для роста. Мировой опыт убедительно доказывает, что одним из самых действенных и эффективных путей формирования конкурентоспособных предприятий в нынешних условиях является концентрация капитала, которая обеспечивается через сделки слияния и поглощения. Нередко слияния или поглощения становятся единственным шансом вы-

живания компаний. Поэтому количество таких сделок во всем мире неуклонно растет.

Мнения относительно состояния текущего российского рынка слияний и поглощений разнятся. С одной стороны, в целом деловая активность не очень высока в силу ряда причин (международные санкции, среднее качество инвестиционного климата, отсутствие большого количества хорошо развитых отраслей промышленности). С другой стороны, каждую неделю информация об этом и заметных сделках появляется в средствах массовой информации или становится известна из других источников.

Отметим, что рынок M&A в каждой стране уникален и специфичен, что обусловлено различным уровнем экономического развития, состоянием финансовых рынков, развитостью законодательства и так далее. Российский рынок сложился относительно недавно и резко отличается от американского и европейского рынка.

Характерная особенность российского рынка слияния/поглощения заключается в том, что относительно за небольшой период он быстро перешел от локальных сделок к крупным трансграничным сделкам. Следующей особенностью является то, что сделки M&A в России, в основном, являются внутренними, заключаемые отечественными компаниями, а не зарубежными.

Данный факт обусловлен низким уровнем интереса зарубежных инвесторов к покупке российских активов. Однако со стороны российских компаний интерес к иностранным активам достаточно высокий.

В Российской Федерации холдингами, которые заключают сделки M&A преимущественно с иностранными корпорациями, являются такие компании, как «Газпром» и «Лукойл», нацеленные на мировой рынок. Для российского рынка M&A, как части мирового рынка, использование механизма слияния/поглощения становится неизбежным.

Согласно данным агентства Price Waterhouse Coopers Российская Федерация среди государств Восточной Европы является лидером по интеграционным процессам. Среди стран Центральной и Восточной Европы Россия занимает первое место по стоимостному и количественному объёму сделок по слиянию/поглощению.

Исходя из представленных данных можно отметить, что общая сумма сделок в 2019 году составила 7,4 млрд. долл. США — всего 53% от объема первого полугодия 2018 года, что является вторым самым низким показателем за десять лет. Максимальную долю заняли сделки с участием ретейла (27%) и ИТ-компаний (25%). Сумма внутрироссийских сделок снизилась на 60%, до 2,783 млрд. долл. США. Сумма сделок по покупке иностранцами российских компаний составила 2,392 млрд. долл. США — на 22% ниже, чем в первом полугодии 2018 года. Сумма покупок российскими компаниями зарубежных оказалась на рекордно низком уровне с 1997 года, составив всего 7 млн. долл. США, падение по сравнению с первым полугодием 2018-го составило 99%.

Однако в 2020 году, согласно отчету KPMG, резко изменилась ситуация на рынке компаний, работающих с нематериальными активами, что, по мнению ряда специалистов, знаменует, в частности, вступление РФ в новый этап структурного развития экономики и соответственно, порождает новые потребности правового регулирования сделок. Общие тренды 2020 г. отразились на M&A-активности в российском секторе технологий, медиа и телекоммуникаций, которая стала еще более концентрированной. По итогам 2020 года можно выделить следующие тенденции:

- ◆ Продолжение тренда создания экосистем и размытия границ между секторами. На протяжении последних 2–3 лет многие крупные российские компании занимаются выстраиванием экосистем на стыке банковских и небанковских сервисов.
- ◆ Стремительное развитие E-commerce. Пандемия вызвала тектонические сдвиги на российском рынке E-commerce — сектора на стыке технологий и потребительских рынков. По оценкам экспертов, рынок e-commerce в 2020 г. вырос почти на 50%.
- ◆ Всеобщий переход в онлайн. Пандемия ожидаемо спровоцировала стремительное развитие онлайн-сегмента во многих отраслях. Взрывной рост показал рынок EdTech — по оценкам экспертов, суммарная выручка Топ-50 крупнейших игроков рынка выросла почти в два раза относительно аналогичного периода прошлого года. Особенно высокими темпами растут компании, обучающие цифровым профессиям.
- ◆ Рекордные уровни оценки на международных рынках и мега успешное IPO Ozon. COVID-19 и последующий рост электронной торговли наряду с количественным смягчением привели к рекордным уровням оценки технологических компаний на публичных рынках.

Следует также отметить, что слияния и поглощения, осуществляемые в России, обладают рядом существенных отличий от данных процессов в странах с развитой рыночной экономикой. По результатам анализа слияний и поглощений компаний в России за последние несколько лет можно выделить основные характерные черты рынка M&A.

Во-первых, здесь преобладают горизонтальные транзакции. Это означает, что во многих секторах происходит консолидация бизнеса. Эта тенденция ранее, в связи со структурными особенностями, относилась к нефтегазовой отрасли в России. Однако данные 2019–2020 годов показывают изменение отраслевой структуры. Интеграционные процессы все сильнее прослеживаются в телекоммуникационной и пищевой промышленности. В торговле идет процесс стремительной скупки региональных торговых сетей столичными компаниями.

Все более очевидно, что стратегии сделок, выбор горизонтального или вертикального варианта слияний, отличаются ярко выраженными отраслевыми особенностями. Абсолютными лидерами вертикальных слияний являются металлургические компании, которые продолжают строить вертикальные цепочки — от добычи руды до ее транспортировки конечному потребителю в лице иностранных компаний. А вот

горизонтальные слияния характерны для торговли, телекоммуникационных отраслей, пищевой промышленности, за исключением высокоспециализированных секторов (виноделие, сыроварение, производство кормовых добавок) В последние годы основные новости о крупнейших сделках поступают из тех же секторов экономики, потенциал которых по-прежнему высок.

Одной из важных особенностей российского рынка слияний и поглощений является конфиденциальность информации. Большое количество мелких и средних сделок выполняется непублично, и не все данные о таких сделках поступают в СМИ. Зачастую участники рынка не знают ни имени покупателя, ни суммы сделки.

В условиях отечественного бизнеса нечеткость определения верхних уровней корпоративного управления продолжают оказывать негативное влияние на слияния и поглощения. Уязвимой областью остается несоблюдение прав различных групп акционеров. Таким образом, иностранные держатели ценных бумаг сталкиваются с серьезными юридическими барьерами при осуществлении своих прав. Следует, отметить, что в отличие от аналогичных практик зарубежных стран, иностранные держатели ценных бумаг и акций российских компаний редко используют инструментарий найма юридических компаний для представления своих интересов и защиты прав. Необходимо совершенствовать механизмы и процедуры внутреннего контроля с целью минимизации инвестиционных рисков. В то же время, если влияние акционеров на управление компанией превышает определенный уровень, это грозит минимизировать роль менеджмента и превратить его в чисто бюрократический придаток, что чревато повышением рисков и снижением экономической эффективности.

Для российских предприятий, которые в подавляющем большинстве обладают структурно более низким, по сравнению с зарубежными конкурентами, уровнем конкурентоспособности из-за отсутствия системы венчурного финансирования, большей дороговизны кредитных ресурсов, зачастую — нечетко сформулированной политикой господдержки, слияние может стать стратегическим фактором успеха для роста их рыночной стоимости, получение конкурентных преимуществ, укрепления собственных позиций на внутреннем рынке и завоевания новых рынков. Вместе с тем, процессы слияния и поглощения в России сдерживаются из-за наличия ряда проблем и препятствий, характерных для отечественного рынка M&A. Основными из них являются:

1. экономическая нестабильность российских компаний в условиях замедления темпов роста национальной экономики, которая побуждает

переносить заключение крупных сделок на неопределенные сроки;

2. нестабильное положение рынка слияний и поглощений, характерными чертами которого являются значительный уровень зависимости от проведения одноразовых крупных сделок, преобладающая ориентация на внутренние сделки и отказ от зарубежного инвестирования;
3. сокращение возможности привлечения заемных средств с целью финансирования сделок M&A в силу различного рода санкций со стороны США и Евросоюза, что в свою очередь, приводит к увеличению рисков при кредитовании российских компаний и существенным изменениям режимов кредитования;
4. отсутствие действенной системы государственного регулирования сделок слияний и поглощений на российском рынке, разработанной применительно к различным секторам экономики с учетом реальных структур активов, сегодня бухгалтерско-финансовая система оценки активов не отражает реалии цифровой экономики, что приводит к формированию враждебных форм приобретения активов компаний на внутреннем рынке с применением мошеннических схем;
5. низкий уровень прозрачности деятельности российских компаний по сравнению с зарубежными, что может выступать в качестве фактора необоснованного завышения стоимости активов предприятия над стоимостью его бизнеса;
6. неэффективная, а зачастую — и несуществующая — система страхования рисков сделок слияния и поглощения;
7. «узость» рынка M&A как по объемам заключенных сделок, так и по количеству участников. Это обусловлено нехваткой средств у внутренних инвесторов для совершения сделок; высокими политическими рисками, несовершенством законодательства в сфере защиты прав интеллектуальной собственности и отсутствием государственных институтов, которые эффективно защищали права владельца, являются основными препятствиями для внешних инвесторов.
8. несовершенство правового регулирования процессов слияния и поглощения в отечественной практике хозяйствования, в т.ч. отсутствие в отечественном конкурентном законодательстве регламентации понятий «поглощение», «рейдерство» и др.

Вышеуказанные проблемы осложняются несовершенством законодательных норм, устанавливающих ответственность за совершение незаконного присвоения объектов собственности и фактической невозможности государства противостоять этому явлению.

Таблица 1. Крупнейшие сделки M&A на российском рынке в 2019 г.

Объект	Покупатель	Сумма сделки, млрд.долл. США
Luxoft Holding Inc.	DXC Technology	1,97
«Авито» («КЕХ eКоммерс»)	OKX Global B.V.	1,16
«Лента»	«Севергрупп»	0,65
«Лента»	«Севергрупп»	0,6
«Уралкалий»	Rinsoco Trading Co Ltd.	0,53
Рефтинская ГРЭС	«Кузбасэнерго»	0,37
«Лидер-Инвест»	Группа «Эталон»	0,23
Группа «Эталон»	АФК «Система»	0,23
Завод «Балаково» АО «Северсталь»	ООО «Абинский электрометаллургический завод»	0,22
ПАО «Михайловский ГОК»	АО «Лебединский ГОК»	0,2

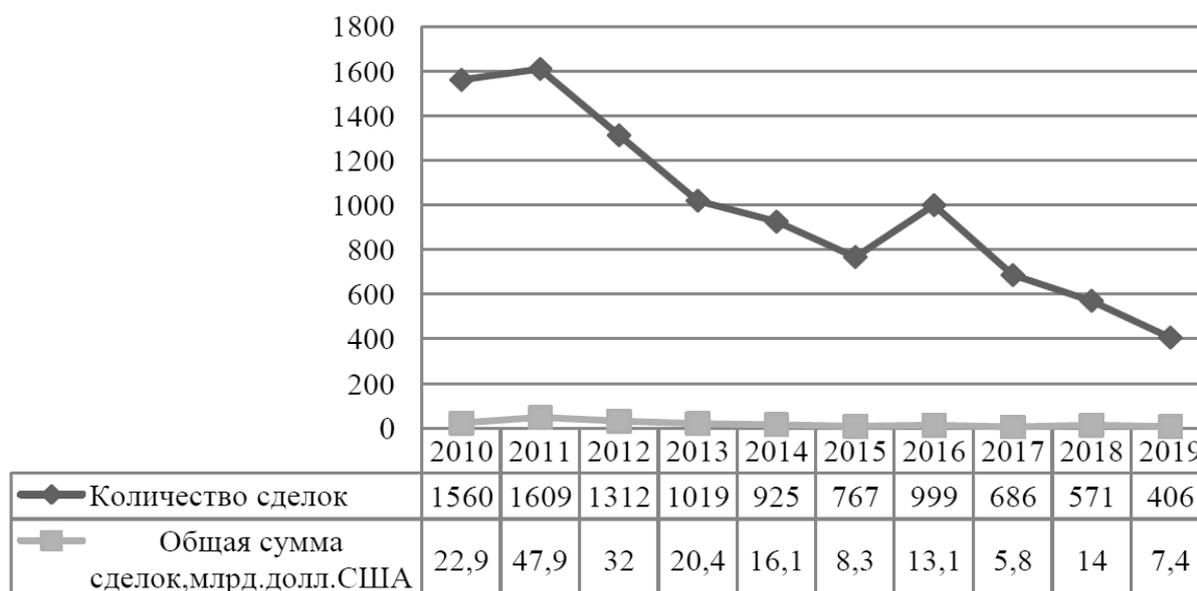

Рис. 1. Сделки по слиянию и поглощению с участием российских компаний за период с 2010 по 2019 гг.

Невзирая на отсутствие в России официальной статистики рейдерских атак, ученые, аналитики, эксперты, практики единодушны в том, что это явление негативно влияет на инвестиционную привлекательность страны, отпугивая не только стратегических иностранных инвесторов, но и внутренних. При этом проблема правового регулирования в данном случае приводит к необоснованному занижению рейтинга деловой привлекательности, так как дает возможность для распространения заведомо ложной негативной информации о защите собственности и коррупционной активности в РФ.

Анализируя российский рынок M&A, следует отметить, что объем слияний и поглощений с участием российских компаний в первом полугодии 2019 года

сократился на 47% по сравнению с результатом первой половины прошлого года, отмечается в поступившем в РБК исследовании Refinitiv (бывшее подразделение F&R Thomson Reuters).

Показатели сделок по слиянию и поглощению с участием российских компаний представлены на рисунке 1.

На сегодняшний день в России осуществляется ряд сделок слияния и поглощения, однако можно выделить 10 самых значительных сделок в 2019 году (Таблица 1).

С целью активизации процессов слияния и поглощения и повышение их эффективности в России необходимо решение следующих основных задач:

1. обеспечение долгосрочного экономического роста и восстановления платежеспособного спроса;
2. повышение защиты прав собственности, в т.ч. и интеллектуальной, усиление уголовной ответственности за нарушение таких прав;
3. создание эффективной судебной системы применительно, в частности, к защите прав собственников;
4. системное развитие отечественного фондового рынка как реального инструмента привлечения средств для компаний и сделок по слиянию и поглощению;
5. усиление антимонопольного контроля в целях развития добросовестной конкуренции;
6. обеспечение прозрачности и информационной открытости слияний и поглощений на отечественном рынке;

7. законодательное ограничение возможности вторжения власти в бизнес, особенно на этапе реорганизации иными путями, кроме экономических;
8. усовершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующих институт слияния и поглощения.

Таким образом, в результате проведенной работы был проведен анализ совершения сделок «слияния и поглощения» в Российской Федерации, было выявлено, что совершение таких сделок для российских компаний занимает приоритетное место в системе их функционирования и развития, однако, на данном этапе при реализации «слияния и поглощения» наблюдается значительная проблематика, при устранении которой совершение сделок «слияния и поглощения» сможет выйти на новый уровень, который успешно зарекомендовал себя в зарубежных странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лучкина Д.В. Проблемы реализации сделок по слиянию и поглощению отечественных предприятий и пути их решения / Д.В. Лучкина // Научный электронный журнал Меридиан. — 2020. — № 8 (42). — С. 201–203.
2. Петрашова Л., старший партнер КРМГ «Рынок слияний и поглощений в России в 2020 году» [Электронный ресурс] — режим доступа: <https://home.kpmg/ru/ru/home/insights/2021/02/russian-2020-ma-overview.html> (дата обращения 21.03.2021)
3. Попова М.С. Слияния и поглощения компаний в России / М.С. Попова // Russian Economic Bulletin. — 2020. Т. 3. — № 1. — С. 80–83.
4. Сперанский С.Н. Демографический аспект социально-экономического прогноза развития (на примере городского округа Иванова) / С.Н. Сперанский, М.А. Соловьева // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. — 2019. — № 13. — С. 119–122.
5. Сперанский С.Н. Основные проблемы повышения налога на добавленную стоимость в российской федерации / С.Н. Сперанский, Е.В. Куркина // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. — 2019. — № 13. — С. 122–124.
6. Хадырова З.Б. Слияние и поглощение компаний в российской практике / З.Б. Хадырова // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства. Сборник научных трудов. — Симферополь, 2020. — С. 663–666.
7. Почему в России растет рынок слияний и поглощений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.e-executive.ru> (дата обращения: 20.08.2020).
8. Рынок слияний и поглощений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mergers.akm.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).
9. Состояние российского рынка слияний и поглощений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 20.08.2020).

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИЗЪЯТИЕ ИМУЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Кудрявцев Игорь Владимирович

К.ю.н., доцент, Ташкентский государственный
юридический университет
igor.kudryavtsev58@gmail.com

FORCED SEIZURE OF PROPERTY: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

I. Kudryavtsev

Summary. The right of ownership is a legally secured opportunity for a person to own, use and dispose of property belonging to him by performing any actions in relation to this property that do not contradict the law and do not violate the interests of other persons, as well as the right to prevent third parties from interfering in the sphere of his economic domination.

Keywords: property law, constitution, forms of ownership, civil law.

Аннотация. Право собственности — закреплённая за лицом юридически обеспеченная возможность владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом путем совершения в отношении данного имущества любых действий, не противоречащих закону и не нарушающих интересы других лиц, а также право не допускать вмешательство третьих лиц в сферу его хозяйственного господства.

Ключевые слова: право собственности, конституция, формы собственности, гражданское право.

Сущность отношений собственности как юридического выражения проявляется посредством установления и реализации института права собственности.

В современной науке существуют различные подходы к определению содержания понятия собственности. Так, Е.А. Суханов предлагает следующее определение: «собственность представляет собой отношения между субъектами по поводу вещей, заключающиеся в присвоении, или в принадлежности материальных благ одним лицам и соответственно в отчужденности этих благ от всех других лиц» [1].

В.П. Камышанский полагает, что включение в определение собственности, предложенное Е.А. Сухановым, слова «принадлежность» является не совсем оправданным, поскольку принадлежность не является единственной характеристикой отношений собственности, так как вещи могут принадлежать и не собственникам на праве хозяйственного ведения, оперативного управления, либо по договору аренды [2].

При этом, раскрывая содержание экономических отношений собственности, В.П. Камышанский включает в нее возможность лица использовать принадлежащее ему имущество по своему усмотрению и принимать самостоятельное решение по устранению или допуще-

нию к своим материальным благам иных лиц или объединений [3].

По мнению В.П. Никитиной собственность представляет собой «отношения между людьми по поводу вещей» [4].

В связи с тем, что фактические отношения собственности помимо экономического содержания имеют юридическую природу, собственность, рассматриваемая как экономическая категория, неразрывно связана с собственностью, рассматриваемой в качестве правовой категории.

По мнению Суханова Е.А. право собственности — это возможность лица по своему усмотрению владеть пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом, одновременно принимая на себя риск его содержания [5].

Ученые правоведы Ю.К. Толстой и А.П. Сергеев предлагают следующее определение: «Право собственности — закреплённая за собственником юридически обеспеченная возможность владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению и в своем интересе путем совершения в отношении этого имущества любых действий, не противоречащих закону и иных правовым актам

и не нарушающих права и охраняемые законом интересы других лиц, а также возможность устранять вмешательство всех третьих лиц в сферу его хозяйственного господства» [6].

Финансовый словарь терминов предлагает другое определение: «право собственности — это совокупность юридических норм, закрепляющих и охраняющих принадлежность (присвоенность) материальных благ определенным лицам и коллективам, предусматривающих объем и содержание прав собственника в отношении принадлежащего ему имущества, способы и пределы осуществления этих прав» [7].

Обобщая существующие подходы к пониманию права собственности, целесообразным представляется следующее определение данного института. Право собственности — закреплённая за лицом юридически обеспеченная возможность владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом путем совершения в отношении данного имущества любых действий, не противоречащих закону и не нарушающих интересы других лиц, а также право не допускать вмешательство третьих лиц в сферу его хозяйственного господства.

Конституция Российской Федерации (п. 2 ст. 8) провозглашает, что государство признает и защищает в равной степени частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности. Таким образом, на высшем юридическом уровне устанавливается принцип равенства форм собственности, который обеспечивает признание и защиту равным образом всех форм собственности, перечень которых не является исчерпывающим и может быть расширен отраслевым законодательством.

Фундаментальные начала, на которых базируются конституционные основы собственности, предполагают в первую очередь свободу и неприкосновенность собственности как естественного и неотчуждаемого права личности и человека, также немаловажен социальный аспект собственности, который связан с обязательством государства в охране прав собственности.

Так, частной собственностью признается собственность граждан, их объединений, не являющимся государственными и муниципальными организациями и предприятиями.

Под государственной собственностью понимается собственность Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Статья 72 Конституции РФ относит разграничение государственной собственности к совместному ведению РФ и субъектов. Российское

законодательство регламентирует порядок возникновения и прекращения государственной собственности, а также устанавливает перечень объектов, которые могут находиться исключительно в государственной собственности.

Муниципальная собственность — это имущественный комплекс, принадлежащий местному самоуправлению (муниципальному образованию). Содержание данной формы собственности регулируется отраслевым законодательством [8].

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее также Гражданский кодекс) не приводится легального определения понятия права собственности, законодатель раскрывает лишь его содержание.

В соответствии со ст. 136 Гражданского кодекса собственник вправе владеть своим имуществом, то есть реально обладать им, пользоваться — то есть извлекать выгоду из него, а ст. 209 Гражданского кодекса наделяет собственника правомочием по распоряжению имуществом, то есть определять его юридическую судьбу (например дарить, продавать, сдавать в аренду и т.д.) [9].

В п. 1 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации правомочия собственника раскрываются с помощью традиционной для гражданского права «триады полномочий»: владения, пользования и распоряжения, охватывающих в своей совокупности все правомочия собственника.

Собственник имеет право по своему усмотрению совершать любые действия в отношении принадлежащего ему имущества, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и интересы других лиц, защищаемых законом, в том числе отчуждать свое имущество другим лицам, передавать их, оставляя владельцу право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, закладывать имущество и иным способом, распоряжаться им иным способом.

Конституцией РФ право частной собственности провозглашается, как фундаментальная основа конституционного строя Российской Федерации, так, согласно ч. 2 ст. 35 каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.

Положения Конституции РФ допускают принудительное отчуждение имущества, но при условии предварительного и равноценного возмещения. При этом принудительное отчуждение возможно исключительно в целях государственных нужд.

В пункте 3 статьи 35 закрепляются гарантии защиты от неправомерного изъятия частной собственности, так гражданин может быть лишен своего имущества только по решению суда.

Гражданский кодекс предусматривает обращение взыскания имущества по обязательствам собственника в порядке, предусмотренным законом или договором.

Также законодательство предусматривает ряд ограничений права собственности, но только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и свобод других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Так, например Кодексом об Административных правонарушениях РФ закрепляется право конфискации товаров и транспортных средств, которые являются объектом нарушения таможенных правил. С целью предотвращения ввоза на границу Российской Федерации товаров, которые не отвечают требованиям государственных стандартов и которые могут повлечь общественно опасные последствия, нанести урон непосредственно экономической безопасности государства, статья 3.7 КоАП РФ допускают конфискацию соответствующих товаров [10].

Также следует обратить внимание на еще 2 способа принудительного изъятия имущества собственника, предусмотренных статьей 235 Гражданского кодекса: реквизиция и конфискация.

Реквизиция представляет собой изъятие без судебного решения, производимое государственными органами в обстоятельствах чрезвычайного характера, но с обязательной компенсацией.

В отличие от реквизиции, конфискация производится в случае совершения собственником правонарушения и представляет собой санкцию, при этом может проводиться как на основании судебного решения, так и в судебном порядке.

На сегодняшний день среди ученых — правоведов нет единого мнения, противоречит ли внесудебный порядок изъятия имущества положениям Конституции.

Судья Конституционного суда Г.А. Гаджиев придерживается позиции, согласно которой внесудебный порядок взыскания имущества не противоречит Конституции, так как законодатель предусматривает возможность обжалования действий административных органов в судебном порядке [11].

Однако, большинство правоведов все же считает, что данный порядок является неконституционным.

Позиция Конституционного суда по данному вопросу изложена в Постановлении от 20 мая 1997 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 4 и 6 статьи 242 и статьи 280 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Новгородского областного суда» [12].

Несмотря на то, что Таможенный кодекс 1993 года утратил силу, позиция Конституционного суда, касающаяся положений кодекса 1993 года, по-прежнему имеет правовое значение и широкое применение в судебной практике.

Так, Конституционным судом было отмечено, что гарантия о том, что никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда касается не изъятого из оборота имущества, принадлежащего юридическим и физическим лицам. Также суд отметил, что судебная гарантия права собственности «может реализовываться в двух формах: в виде предварительного и последующего судебного контроля» [13].

Конституционным судом было признано, что нормы Таможенного кодекса не противоречат Конституции РФ, что впоследствии породило много дискуссий.

Статья 35 Конституции РФ создает основу для формирования института отчуждения имущества для государственных нужд.

На сегодняшний день возможность изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд, хотя законодательно и закреплена, однако сам порядок изъятия недостаточно проработан.

Положения, регулирующие порядок изъятия для государственных нужд содержатся в гражданском, земельном, градостроительном, экологическом законодательстве, законодательстве о местном самоуправлении. При этом отмечается наличие пробелов и отсутствие единообразия применения норм.

Положения Гражданского, Земельного и Жилищного кодексов Российской Федерации предусматривают возможность выкупа земельных участков и жилых помещений граждан в целях государственных нужд на основании решений федеральных органов государственной власти и органов местного самоуправления, при этом должен быть соблюден уведомительный порядок.

В отличие от ранее действующего Жилищного кодекса, в ныне действующем кодексе под выкупом понимается возмещение стоимости изымаемого имущества, что порождает ряд проблем и споров, так как граждане, получая выкупную цену изымаемого имущества

в последствии не имеют возможности приобрести равнозначное жилье.

При этом на федеральные и муниципальные органы власти не возлагается обязанность по обеспечению собственника жилого помещения новым жилым помещением.

В свою очередь и уполномоченный орган не может принудительно переселить собственника в другое жилое помещение взамен возмещения выкупной стоимости квартиры. Жилое помещение может быть предоставлено только по соглашению сторон, что зачастую вызывает ряд разногласий и является поводом для обращения в суд.

Более того, в случае несогласия собственника с решением об изъятии жилого помещения, орган государ-

ственной власти или орган местного самоуправления, принявший такое решение, может в обратном порядке обратиться с иском в суд о выкупе жилого помещения, то есть практически в принудительном порядке изъять жилье.

Таким образом, в определении понятия «государственные нужды» необходимо отразить реальный общественный интерес, общее благо. Зачастую граждане, имущество которых изымается в государственных нуждах, воспринимают действия государственных органов как произвол и вседозволенность, даже если изначально преследовались благие цели. В этой связи публичные органы власти при вынесении решения об изъятии имущества должны учитывать частные интересы каждого гражданина и обеспечивать охрану жилищных и имущественных прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юрид. Лит., 1991. С. 7.
2. Камышевский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. М., 2000. С. 11.
3. Камышевский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. М., 2013. С. 16.
4. Гражданское право России. Часть первая: Учебник / Под ред. З.И. Цыбуленко. М.: Юрист, 1998. С. 258.
5. Суханов Е.А. Российское гражданское право. В 2-х томах. Т. I. С. 509.
6. Гражданское право. В 3-х томах. Т. 2 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2001. С. 347.
7. Финансовый словарь терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.finam.ru/dictionary/wordf004AC/> (дата обращения: 17.02.2019).
8. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 23.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 09.03.2021).
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.03.2021).
11. Гаджиев Г.А. Конституционно правовые гарантии предпринимательской деятельности // Хозяйство и право. 1995. № 8. С. 28–29.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.1997 № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 4 и 6 статьи 242 и статьи 280 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Новгородского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 21. Ст. 2542.
13. Котов О.Ю. Влияние решений Конституционного суда Российской Федерации на гражданское судопроизводство. М., 2015. С. 63.

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ИХ СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

COMPUTER PROGRAMS AS A RESULT OF INTELLECTUAL ACTIVITY, THEIR SPECIFICS AND PROBLEMS

E. Lineitsev

Summary. Due to the rapid development of scientific and technological progress and the development of computer technologies, the author believes that such a result of intellectual activity as a computer program deserves special attention. Due to the dual nature of computer programs: the presence of features inherent in both objects of copyright and patent law — there are discussions among supporters of the idea of their legal protection by copyright or patent law. In this article, the author will consider the features of computer programs, the criteria of protectability as an object of copyright and patent law.

Keywords: Intellectual property, computer software, legal protection, copyright, patenting law.

Линейцев Евгений Анатольевич

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск
e.lineytsev@mail.ru*

Аннотация. Из-за стремительного развития научно-технического прогресса и развития компьютерных технологий особое внимание по мнению автора заслуживает такой результат интеллектуальной деятельности как программа для ЭВМ. В связи с двойственной природой программ для ЭВМ: наличие черт, присущих как объектам авторского права, так и патентного права — возникают дискуссии среди сторонников идеи их правовой охраны нормами авторского права или нормами патентного права. В данной статье автор рассмотрит особенности программ для ЭВМ, критерии охраноспособности как объекта авторского и патентного права.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, программа для ЭВМ, авторское право, патентное право.

В соответствии со статьей 1261 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования компьютерных устройств, в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и аудиовизуальные отображения (интерфейс). Как следует из определения программа для ЭВМ содержит в себе аудиовизуальное отображение и подготовительные материалы, таким образом данные элементы являются составной частью программы, а не ее осложнением.

В соответствии с пунктом 1 статьи 10 «Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)» от 15 апреля 1994 года программы для электронно-вычислительных машин, как исходный текст, так и объектный код охраняются как литературные произведения в соответствии с Бернской Конвенции. Согласно статье 1261 ГК РФ программам для ЭВМ (в том числе операционным системам и программным комплексам), которые могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код, предоставляется такой же правовой режим и охрана, как и произведениям литературы.

Но в отличие от литературных произведений, в отношении программ для ЭВМ законодателем предусмотрена возможность добровольной государственной регистрации. При наличии регистрации все операции по распоряжению исключительного права, а именно: лицензионные договоры о предоставлении права использования, договоры об отчуждении, залоге исключительного права — также подлежат государственной регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности [1, с. 60].

Следующая особенность программы для ЭВМ состоит в том, что для использования программы для ЭВМ необходимо наличие лицензионного соглашения, которое обычно заключается в упрощенном порядке. При этом условия договора излагаются на экземпляре программы либо на ее упаковке, либо в электронном виде. Данная договорная конструкция является договором присоединения и получила название «коробочная лицензия».

Как в теории, так и на практике возникают проблемы в целесообразности охраны программы для ЭВМ нормами авторского права и их патентоспособность.

Каждое произведение, в том числе программа для ЭВМ, для защиты авторского права должно соответ-

ствовать ряду критериев. На наш взгляд, стоит сказать о двух основных критериях охраноспособности произведения как объекта авторского права.

В соответствии с пунктом 3 статьи 1259 ГК РФ авторские права распространяются как на обнародованные, так и необнародованные результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в какой — либо объективной форме.

Исторически в законодательстве существовала норма, которая говорила, что форма выражения произведения должна быть такой, чтобы позволяла его воспроизводить, под ним понимается повторное придание объективной формы, т.е. создание экземпляра произведения. В юридической доктрине существовало две позиции относительно соотношения объективной формы и воспроизводимости произведения. Относительно первой, воспроизводимость и объективная форма является одним критерием, при этом воспроизводимость выступает в роли формы, в которой оно (произведение) выражено. Относительно второй позиции, воспроизводимость является самостоятельным критерием. На данный момент российское законодательство не закрепляет указанный критерий в качестве обязательного.

Современное законодательство предъявляет лишь одно требование к форме выражения произведения — это возможность его восприятия другими лицами. Согласно положениям Бернской конвенции 1886 года странами-участницами может быть закреплено, что защита прав не предоставляется в отношении результатов интеллектуальной деятельности, не имеющих материальной формы.

Критерий наличия объективной формы является важным, так как он свидетельствует о возможности человека почувствовать произведение. Должна быть какая-либо степень фиксации — это может быть и публичное исполнение, и закрепление на материальном носителе, и существование в цифровой сфере. И, если в отношении соответствия программ для ЭВМ данному критерию у авторов не возникает проблем и различных интерпретаций, то в отношении следующего критерия не существует однозначной точки зрения.

Вторым критерием является творческая составляющая результата интеллектуальной деятельности. В законе нет ее четкого определения, но в статье 1228 ГК РФ сказано, что не может являться автором гражданин, не внесший своего творческого вклада в результат интеллектуальной деятельности.

В отечественной литературе выделяют два подхода к определению творческой составляющей: субъектив-

ный и объективный. Субъективный подход основан на выражении личности автора в своем произведении. Объективный подход основывается не на личностных (эмоциональных) вложениях автора; а на новизне, оригинальности, неповторимости, творческом характере самого произведения.

Современное законодательство отдает приоритет субъективному подходу, основываясь на том, что отсутствие новизны, уникальности не может свидетельствовать о нетворческом труде автора,

По мнению Чурилова А.Ю., творческий характер программы для ЭВМ проявляется в создании особых алгоритмов или последовательностей операций, а также сама архитектура программы в случае, если является выдающимся результатом творческого труда [2, с. 95].

Мы считаем, что творческий характер заключается в наличии уникального «авторского» стиля, индивидуальности применения алгоритмов и операций, а не в создании принципиально нового программного кода. Первоочередным, на наш взгляд, является творческое выражение идеи, а не технические особенности ее выражения.

Если же говорить об охране программы для ЭВМ нормами патентного права, то есть несколько существенных особенностей, значительно усложняющих переход на эту форму охраны.

Во-первых, критерии охраноспособности в патентном праве: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость [3, с. 50].

Изобретение для получения охраны должно иметь изобретательский уровень, то есть для специалиста оно явным образом не следует из уровня техники, является неочевидным.

Следующим условием патентоспособности является его промышленная применимость, данный следует толковать максимально широко, подразумевая любую сферу применения.

И если последние не вызывают трудностей, то относительно новизны программ для ЭВМ возникают вопросы, так как в основном для патентного права первоочередным является именно содержание изобретения, а не его форма. При этом все основные алгоритмы и технические решения разработчикам программ давно известны.

Во-вторых, выдача патентов на программы для ЭВМ приведет к монополизации рынка программного обе-

спечения крупными компаниями, отсутствию конкуренции, стагнации программного обеспечения, увеличения числа плагиата и распространение «пиратской продукции».

С другой стороны, патентная охрана с большей степенью защитит имущественные права авторов, поскольку на первый план выдвинутся идеи и методы,

которые составляют суть программы — результата интеллектуальной деятельности автора.

Таким образом, можно сделать вывод, что программа для ЭВМ является специфическим объектом права, совмещающим в себе черты и патентного, и авторского права, что вызывает значительные сложности в их охране и правовом регулировании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мерзляков А.П. Компьютерные программы как объекты права интеллектуальной собственности // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. N7. С. 59–64.
2. Чурилов А.Ю. Проблемы охраны программ для ЭВМ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. N. 1. С. 94–101.
3. Чурилов А.Ю. Патентная охрана в индустрии видеоигр через призму патентования программ для ЭВМ // ИС. Промышленная собственность. 2020. N12. С. 42–50.

© Линейцев Евгений Анатольевич (e.lineytsev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Байкальский государственный университет

ДОКТРИНА «ЧИСТЫХ РУК» В ИНВЕСТИЦИОННОМ АРБИТРАЖЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

THE “CLEAN HANDS” DOCTRINE IN INVESTMENT ARBITRATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

I. Luchinin

Summary. This article discusses the main features of the clean hands doctrine, particularly in the context of investment arbitration, as well as its application in the common law system. The clean hands doctrine will be considered in the context of precedents and the decisions of international investment arbitration. Moreover, this article discusses the enforcement of investment arbitration.

Keywords: clean hands doctrine, investment arbitration, the principle of pacta sunt servanda, constructive trust, good faith.

Лучинин Иван Игоревич

*Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ,
г. Москва
luchininvanya98@gmail.com*

Аннотация. В данной статье будут рассмотрены основные характеристики доктрины чистых рук прежде всего в рамках инвестиционного арбитража, а также ее применения в системе общего права, кроме того, изучение данной доктрины будет производиться в рамках прецедентов, а также решений международного инвестиционного арбитража, будет затронуто и исполнение решений инвестиционного арбитража.

Ключевые слова: доктрина чистых рук, инвестиционный арбитраж, принцип pacta sunt servanda, конструктивный траст, добросовестность.

В настоящее время стоит говорить о стремительном и скоротечном развитии международного инвестиционного арбитража, а также отрасли международного инвестиционного права. Рассмотреть актуальность инвестиционных споров легче всего точки зрения практики и количества рассматриваемых дел судами, так, МЦУИС (Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, который был создан в 1972 г. Имел в производстве лишь 1 дело, однако начиная с 2000 года число споров, зарегистрированных ежегодно, достигло отметки 20–50 [2]. В то же время основанный в 1917 г. Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма в период с 2008 по 2013 г. рассмотрел примерно 200 споров, 4 из которых являлись инвестиционными [3].

Обращаясь к международному инвестиционному арбитражу, стоит сказать о принципе исполнения международных договоров — Pacta sunt servanda. Суть данного принципа описана в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., так, каждый действующий международный договор обязателен для его участников и должен добросовестно соблюдаться.

В литературе часто обсуждается вопрос именно о неисполнении решений международного арбитража, однако разберёмся с причинами, которые остановят ответчика от недобросовестного поведения:

- ◆ Прежде всего речь идет о уменьшении количества иностранных инвестиций в экономику государства-ответчика, что за собой может повлечь не-

хватку рабочих мест, стагнацию в технологической области. Кроме того, данный вопрос особенно актуален если мы говорим о сферах в экономике, которые государство неспособно развить самостоятельно.

Последствия, касающиеся многих субъектов экономической деятельности, которые могут произойти из-за неисполнения решения инвестиционного арбитража, как результат повлечь ухудшение торговых отношений с государством-истцом. Так, например после неисполнения Аргентиной решений инвестиционного арбитража [4, С. 49], вынесенных в пользу США, США решили ввести ответные меры по приостановлению общей системы тарифных преференций. С точки зрения последствий для Аргентины можно рассуждать о замедлении экономического развития страны, вследствие уменьшения компаний, борющихся за места на международном рынке, кроме того, данное последствие порождает и безработицу. Данные последствия подтверждаются словами органов власти Аргентины и аргентинскими компаниями [5, С. 526–527].

Говоря о доктрине чистых рук, стоит отметить что она основывается на общем принципе добросовестности и равенства и находит свое отражение во многих правовых порядках стран, принадлежащих как к континентальной правовой семье, так и семье общего права [6, С. 508]. Обратимся к регулированию данного вопроса в семье общего права, так доктрина о чистых руках имеет место быть, когда мы говорим о том, что титул на собственность при-

надлежит лицу, на самом деле не являющемуся реальным собственником. Следует говорить о данном институте в рамках конструктивного траста — данная конструкция является средством защиты прав при неосновательном обогащении ответчика [7]. Сама по себе доктрина чистых рук является составной частью права справедливости, так тот, кто подает иск в суд справедливости обязан предстать перед ним с чистыми руками [8].

§ 444 Второго свода правил о трастах гласит о возможности отказа в иске судами, в случае если истец с «грязными руками», путем приобретения права собственности «владельцем на бумаге», тем самым лишить лицо, обратившееся в суд в принципе прав на предмет спора.

Однако в последнее время позиция судов в отношении доктрины чистых рук меняется с целью недопущения неосновательного обогащения у другой стороны.

Рассмотрим следующий прецедент из Великобритании [9], в соответствии с ним два человека (Тинсли и Миллиган), проживавших в фактическом браке решили приобрести дом, оформив на одного из них. Данные действия были совершены с целью получения Миллиган социальных пособий, которые в свою очередь делились между Тинсли и Миллиган наполовину. Одновременно дом был обременен договором аренды, а арендная плата была основным источником средств к существованию у сожителей. Однако случилось расставание, и Миллиган обратилась в суд с требованием о выделе ее доли, одновременно Тинсли подал встречный иск, указывая на правило о чистых руках, но суд решил вопрос иначе, был определен непреднамеренный траст, бенефициаром которого являлась Миллиган, поскольку она вложила в покупку дома свои собственные средства, и к тому же сам Тинсли был осведомлен о мотивах и целях оформления собственности на него.

Если мы говорим о инвестиционном арбитраже, конструкция «чистых рук» предполагает отказ в удовлетворении иска инвестору, который действовал неправомочно. Требования о соблюдении определенных норм могут закрепляться в международных документах, которые в свою очередь могут отсылать к применению внутреннего законодательства стран участников соглашения. Однако не стоит забывать что нормы национального законодательства могут совпадать по своему содержанию с международными, так, например в споре *Plama Consortium Ltd. v. Republic of Bulgaria*, истец совершал правомерные, по его мнению, действия поскольку оценивал их в соответствии с договором к энергетической хартии, в котором отсутствовало указание на необходимость предоставления достоверных сведений о материальном положении, что однако являлось нарушением с точки зрения международного права [10, С. 503].

С точки зрения вопросов национального права, возникающих в рамках разбирательства в международном инвестиционном арбитраже, стоит сказать о деле ЮКОСа против России.

Рассмотрим последнее решение по данному делу — Апелляционного суда Гааги от 18 февраля 2020 года об отмене решения Окружного суда Гааги. Доводы России касались невозможности рассмотрения спора международным инвестиционным арбитражем на основании доктрины чистых рук [11], поскольку иностранные инвестиции осуществлялись с нарушением национального законодательства. Суд в целом согласился с доводом России относительно того, что не подлежат защите инвестиции, совершенные в обход внутреннего законодательства. Тем не менее имеется некоторая неопределенность поскольку в иных решениях международных инвестиционных арбитражей отмечалось что отказ в удовлетворении требований допустим, в случае если нарушение национального законодательства носит существенный характер [12]. Однако судом было отмечено что в существующей практике рассмотрения споров международными инвестиционными арбитражами отсутствует правовая определенность по поводу того, что должно явиться результатом несоответствия иностранных инвестиций внутреннему законодательству. Кроме того, вопрос о юрисдикции данных споров также являлся актуальным, так как некоторые из арбитражей утверждали о том, что установлением данных обстоятельств должны заниматься суды национального уровня, другие говорили о необходимости рассмотрения таких споров в арбитраже.

Тем не менее доводы России о применении доктрины чистых рук в данном деле были отвергнуты по следующему основанию:

Согласно Договору к Энергетической хартии, а именно с точки зрения понимания слова «инвестиции» в данном договоре, следует говорить об отсутствии необходимости соблюдении внутреннего законодательства, таким образом Россия не привела достаточных доводов об отсутствии юрисдикции над данным спором у рассматривавшего данное дело ранее международного инвестиционного арбитража.

Кроме того, стоит сказать о том, что Россия требовала отменить решение арбитража на основании того, что оно противоречит публичному правопорядку [11]. Данный довод основывался на том, что действия инвесторов, которые были совершены в нарушение законодательства, а также касалось их коррупционной составляющей, по мнению России данное обстоятельство нарушило бы доктрину «чистых рук» [11]. Однако этот довод также был отвергнут судом, поскольку если даже были совершены указанные Россией действия, то они никак бы не смогли

оказать действие на возможность рассмотрения данного дела международным инвестиционным арбитражем [11].

Перейдем к следующему достаточно интересно делу против Боливии [13]. Основанием для подачи иска явился факт национализации Боливией государственных концессий, что нарушало права компании «Саус Американ Силвер Лимитед». Ответчик утверждал о незаконности совершенных инвестиций, и доказывал это обстоятельство, которое должно повлечь отказ в защите права, то есть тем самым применить доктрину «чистых рук», ссылаясь на доктрину как принцип международного права. Нарушение доктрины по утверждению Боливии виделось в осуществлении систематического насилия, осуществляемого работниками компании, в отношении коренных жителей территорий, на которых велось производство, кроме того действия компании создавали угрозу экологической катастрофы. Но доводы Боливии были отвергнуты арбитражем поскольку в договоре, заключенном с компанией, отсутствует определенность по поводу правомерного осуществления инвестиционной деятельности, кроме того деяния, обозначенные ответчиком, не влекут сами по себе национализацию.

Таким образом, определим выводы проведенного исследования:

- ◆ Для реализации доктрины «чистых рук» необходимо четко опередить границы правомерного и неправомерного, кроме того, нужно учитывать сложившуюся практику о том, что отказ в защите права влекут только существенные нарушения национального законодательства
- ◆ Стоит сказать и о необходимости добросовестного соблюдения обязательств и выполнения принципа «Pacta sunt servanda», так, например недопустимыми являются действия государства, если оно своими действиями подтверждало действие заключенных договоров, однако потом ссылалось на обстоятельства, имеющие место в данный промежуток времени [14].
- ◆ Кроме того отметим, что осуществление инвестиционной деятельности в соответствии с национальным законодательством, прежде всего касается момента начала данной деятельности, поэтому неправомерные действия инвесторов, совершенные в дальнейшем не затрагивают их прав, как инвесторов в иностранном государстве [15, С. 566–567].

ЛИТЕРАТУРА

1. Венская Конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 г., Вена.
2. ICSID Caseload Statistics 2015 issue 1 (URL: https://icsid.worldbank.org/apps/ICSIDWEB/resources/Documents/ICSID%20Web%20Stats%202015-1%20%28English%29%20%282%29_Redacted.pdf)
3. SCC Statistics 2014 (URL: <http://www.sccinstitute.com/statistics/statistics-2008-2013/>).
4. Rosenberg Ch.B. The Intersection of International Trade and International Arbitration: The Use of Trade Benefits to Secure Compliance with Arbitral Awards. P. 49 // URL: <https://www.international-arbitration-attorney.com/wp-content/uploads/arbitrationlawzsx00213000503.pdf>.
5. Rosenberg Ch.B. The Intersection of International Trade and International Arbitration: The Use of Trade Benefits to Secure Compliance with Arbitral Awards. P. P. 526–527 // URL: <https://www.international-arbitration-attorney.com/wp-content/uploads/arbitrationlawzsx00213000503.pdf>.
6. Aloysius Llamzon and Anthony Sinclair, 'Investor Wrongdoing in Investment Arbitration: Standards Governing Issues of Corruption, Fraud, Misrepresentation and Other Investor Misconduct' in Albert Jan van den Berg (ed), *Legitimacy: Myths, Realities, Challenges* (18 ICCA Congress, Kluwer 2015), P. 508
7. *Kauzlarich v. Landrum*, 274 N.E.2d 915 (Ill. App. 1971)
8. *Granado v. Granado*, 760 P.2d 148 (N.M. 1988).
9. *Tribe v. Tribe* (1995) 3 WLR913.
10. Brownlie I. *Principles of Public International Law*. 7th ed. Oxford, 2008. P. 503.
11. *Yukos Universal v. Russia*, Judgment of the Hague Court of Appeal, 18 Feb 2020
12. ICSID. *Álvarez y Marin Corporación S.A., Bartu van Noordenne, Cornelis Willem van Noordenne, Estudios Tributarios AP S.A., Stichting Administratiekantoor Anbadi c. Republica de Panama*. Case No. ARB/15/14. Award of 12 October 2018
13. PCA. *South American Silver Limited v. The Plurinational State of Bolivia*. Case No.2013-15. Award of 30 August 2018, with Separate Opinion of Francisco Orrego Vicuña and Dissenting Opinion of Osvaldo Cesar Guglielmino.
14. Cottier T., Müller J.P. *Estoppel* // *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. 2007.
15. Diel-Grigol K., Hennecke R. *Investment in Accordance with the Law* // *International Investment Law: A Handbook* / ed. by M. Bungenberg, J. Griebel, S. Hobe, A. Reinisch. P. 566–576.

© Лучинин Иван Игоревич (luchininvanya98@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

EMPLOYMENT OF THE POPULATION DURING THE PANDEMIC

**T. Matveeva
N. Kuznetsova
L. Romanova**

Summary. In 2019–2020, the world economy experienced a period of force majeure of remote employment, which has become unprecedented in its scale for modern times. The possibilities of remote work, revealed by new information technologies, have until recently been carefully implemented even in advanced technology companies, whose activities are concentrated around data analysis and processing. The sudden push in the development of remote work has a significant reform potential not only for countries that have experienced the model of mass remote employment, but also forms new contours of the global labor market: the prerequisites for foreign outsourcing of labor in a wide range of professions are created. At the same time, new trends are becoming additional challenges for the legal regulation of labor relations at the level of states and international organizations (the ILO and the UN). The research question is to identify the socio-economic.

Keywords: remote employment, remote work, labor market, pandemic, coronavirus, COVID-19, labor market globalization.

Матвеева Тамара Павловна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
matveeva33@mail.ru

Кузнецова Наталья Александровна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
kuz1503@yandex.ru

Романова Людмила Александровна

ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
romanovska.luda@mail.ru

Аннотация. В 2019–2020 гг. мировая экономика пережила период форс-мажорной удалённой занятости, ставшей беспрецедентной по своим масштабам для нового времени. Возможности дистанционной работы, раскрытые новыми информационными технологиями, до недавних пор достаточно осторожно внедрялись даже в передовых технологических компаниях, чья деятельность концентрируется вокруг анализа и обработки данных. Внезапный толчок в развитии удалённого труда обладает значительным реформаторским потенциалом не только для стран, испытавших на себе модель массовой дистанционной занятости, но и формирует новые контуры глобального рынка труда: создаются предпосылки для зарубежного аутсорсинга рабочей силы по широкому кругу профессий. Одновременно с этим новые тренды становятся дополнительными вызовами для нормативно-правового регулирования трудовых отношений на уровне государств и международных организаций (МОТ и ООН). Исследовательский вопрос заключается в выявлении социально-экономических последствий случившегося всплеска дистанционной занятости в границах государств и на международном уровне.

Ключевые слова: удалённая занятость, дистанционная работа, рынок труда, пандемия, коронавирус, COVID-19, глобализация рынка труда.

В 2019–2020 гг. эпидемиологическая волна COVID-19 придала серьёзный импульс развитию дистанционных форм работы.

Во-первых, она стала катализатором давно назревших изменений и ускорила переход на удалённую трудовую деятельность организаций, которые уже технически и функционально (но, возможно, не ментально!) были готовы к такому сценарию.

Во-вторых, имевшее место добровольно-принудительное внедрение дистанционной работы протестировало множество работодателей из самых разных сфер на предмет имплементации и востребованности нового режима занятости и фактически выполнило так называемую разведку боем в интересах масшта-

бирования удалённой занятости. Относительно продолжительный период сохранения антикризисной дистанционной работы обеспечил эффект привыкания и определённую степень её закрепления в практике работодателей и в жизни самих работников. В целом прирост востребованности дистанционной формы занятости, состоявшийся благодаря COVID-19, и устойчивость этого эффекта ещё предстоит оценить, но, очевидно, что даже полная отмена введённых ограничений уже не вернёт рынок труда в исходное «доковидное» состояние [2]. При этом опыт применения удалённой занятости неизбежно будет учтён в последующих корпоративных и государственных решениях.

В 2013 г. в Трудовой кодекс Российской Федерации была включена глава 49.1 «Особенности регулиро-

вания труда дистанционных работников». Конечно, удалённая занятость как форма трудовой деятельности стала естественным образом развиваться задолго до внесения изменений в нормативное регулирование. С течением времени накопленная судебная практика по трудовым спорам работников и работодателей при фактически дистанционной форме занятости, в конечном итоге, вылилась в дополнительные нормы права. В «доковидный» период естественный уровень удалённой занятости в России был крайне низким. Однако в отдельных компаниях удалённая занятость могла лежать в основе бизнес модели. По данным Росстата, в 2019 г. дистанционной работой было охвачено всего лишь 30 тыс. человек из 67,1 млн. занятых, что является близким к статистической погрешности [3]. В данном случае под дистанционной работой понималось выполнение работы по трудовому договору на дому с использованием сети Интернет. В условиях внезапно возросшей важности этого социально-экономического явления источником официальной информации стало федеральное Министерство труда и социальной защиты. Так, по словам главы Минтруда России, по состоянию на май 2020 г. численность дистанционных работников составляла около 5,5 млн. человек (11% занятых граждан), и по сравнению с уровнем 2019 г. возросла в 180 раз. В октябре 2020 г. значение этого показателя снизилось до 3,7 млн. человек, или 7% от общего числа занятых [4]. Допуская верность такой экспертной оценки, можно сделать вывод о том, что по долевого показателю дистанционных работников РФ вполне сопоставима с Францией. Социологические опросы показывают расширенную характеристику удалённой занятости. По данным исследования ВЦИОМ «Цифровая грамотность и удалённая работа в условиях пандемии», в конце апреля 2020 года удалённой работой были заняты 16% граждан, в том числе 9% полностью, а 7% — частично. В Москве и Санкт-Петербурге «дистанционка» охватила 29% занятых, в других городах-миллионниках — 21%, в сельской местности — 10%. На федеральном уровне официальная реакция на введение вынужденной удалённой занятости выразилась в двух законодательных инициативах о внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс РФ.

Во-первых, с содержательной точки зрения, они были продиктованы отсутствием формальных оснований у работодателей в одностороннем порядке и в авральном режиме переводить работников на удалённый режим и сложностями в официальном разрешении трудовых споров в случае отказа работников от добровольного удалённого режима.

Во-вторых, поправки в законодательство уже не успевали отрегулировать текущую ситуацию и были рассчитаны на перспективу с учётом возмож-

ного повторения событий. Хронологически первая попытка совершенствования федерального нормативно-правового регулирования трудовых отношений в кризисный период принадлежала Мосгордуме. Её законопроект, внесённый в Госдуму РФ 2 июня 2020 г., был призван обеспечить закрепление в трудовом договоре дополнительной возможности временно или частично выполнять работником свою работу в дистанционной форме. Однако спустя полтора месяца данная инициатива была отозвана её субъектом. Предложенный Мосгордумой законопроект фактически столкнулся с законопроектом от 16 июня 2020 г., продвигаемым совместно группой депутатов Госдумы и членов Совета Федерации. Помимо «классической» дистанционной работы в документе предлагалось рассматривать временную и комбинированную дистанционную работу.

В законопроекте нашёл отражение отказ от использования работником квалифицированной электронной цифровой подписи в отношениях с работодателем, а также ряд других предложений (Лютов Н., 2018) [5], проработанных ещё в 2018 г. Претерпев существенные изменения, законодательная инициатива в конечном итоге воплотилась в федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удалённой) работы и временного перевода работника на дистанционную (удалённую) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях». Принципиальным новшеством стало право работодателя временно перевести работника без его согласия на дистанционную работу, в том числе, если такая команда поступит работодателю от государственных или муниципальных органов. При этом время нахождения в режиме удалённой работы детерминировано продолжительностью сохранения форс-мажорных обстоятельств либо может вовсе не иметь ограничений. Практика показала, что экстренный и масштабный ввод удалённой занятости привёл к заметным экономическим потерям, в том числе в доходах семей, а также сопровождался относительным снижением качества социальных услуг, оказываемых в дистанционном и полудистанционном режиме. Ярким примером тому служит дистанционное образование школьников и студентов. Данные обстоятельства указывают на неготовность общественных систем к форсированному освоению удалённой занятости.

Реальная жизнь также подтвердила, что часть экономических и социальных рисков вынужденной удалённой занятости государство взяло на себя, расходуя общественные ресурсы, накопленные в прежние периоды. Вместе с тем ключевая задача государственного управления состоит в недопущении или минимизации

экономического ущерба при повторении масштабной дистанционной занятости.

Очевидных социально-экономических трансформаций, повышающих одновременно гибкость и прочность всей системы, не наблюдается. Наиболее простым решением, снижающим экономический ущерб, пока остаётся стратегия уклонения от навязывания экономике удалённого труда даже под влиянием форс-мажорных обстоятельств.

В целом ответ на поставленный исследовательский вопрос о последствиях ускоренного внедрения удалённой занятости под влиянием COVID-19 состоит из двух частей.

Во-первых, комфортная, на первый взгляд, модель дистанционной работы запускает крупные социальные риски, которые при дальнейшем её форсировании в полной мере проявятся в обозримом будущем. В частности, к таковым угрозам можно отнести размытие трудовых коллективов, корпоративной культуры и социальной ответственности работодателей, проблему воспроизводства профессионального потенциала в режимах удалённой занятости, негативные последствия разрастания низкоквалифицированного удалённого труда; снижение качества социальных услуг дистанционного характера. Повышенная вероятность реализации указанных рисков обусловлена избытком

предложения на национальных рынках труда, а в ряде стран — ещё и продолжающимся ростом численности населения. В таких условиях востребованность дистанционного труда как формы маргинальной занятости населения становится весьма рабочим вариантом для внутренней государственной политики.

Во-вторых, форсируемая удалённая занятость превращается в один из инструментов продвижения идеи о повышении уровня глобализации рынка труда. Развитие международных платёжных систем и расширение цифровых валют позволяют конструировать нетривиальные, но прозрачные и легальные модели финансовых транзакций для трансграничной удалённой занятости при любых комбинациях национальной принадлежности участников трудовых отношений в треугольнике «работник — работодатель — государство». До настоящего времени национальные границы трудового, налогового законодательства, нормативно-правовой базы об иностранных гражданах успешно сдерживают эти процессы, влекущие не только серьёзные социально-экономические последствия, но и имеющие высокое значение для национальной безопасности вовлечённых государств. В лучшем случае первые шаги к глобализации рынка труда с применением удалённой занятости наиболее вероятны в рамках устойчивых межгосударственных политико-экономических союзов с большим горизонтом планирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурова И.М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. № 2. С. 128–147.
2. Жаворонков Д.А. Система управления персоналом, работающим дистанционно // Профессиональная ориентация. 2017. № 1. С. 289–295.
3. Игнатюк А.С., Манцера Т.Ф. Проблемы мотивации в условиях удаленной работы // Московский экономический журнал. 2020. № 9. С. 521–526.
4. Камнева Е.В. Современные методы обучения персонала // Самоуправление. 2020. № 5 (122). С. 249–252.
5. Лютов Н.Л. Дистанционный труд: опыт Европейского союза и проблемы правового регулирования в России / Лютов Н.Л. // Lex Russica. — 2018. — № 10 (143). — С. 30–39.
6. Contreras, F., Elif Baykal, E., Abid, G. (2020) E-Leadership and Teleworking in Times of COVID-19 and Beyond: What We Know and Where Do We Go. *Frontiers in Psychology*. 11:590271.

© Матвеева Тамара Павловна (matveeva33@mail.ru),

Кузнецова Наталья Александровна (kuz1503@yandex.ru), Романова Людмила Александровна (romanovska.luda@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ СТРОИТЕЛЬСТВА КАК ЛИЦ УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ЗАСТРОЙЩИКА

Машин Александр Алексеевич
Аспирант, ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная
Юридическая академия»
mashin.a.a.64rus@gmail.com

PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF CONSTRUCTION PARTICIPANTS AS PERSONS PARTICIPATING IN THE BANKRUPTCY CASE OF THE DEVELOPER

A. Mashin

Summary. This article provides the definition and characteristics of the legal status of a participant in construction in bankruptcy cases of a developer. The author examines the organizational and legal forms of construction subjects who are allowed to act as a developer, analyzes the actual and legal criteria for recognizing a person as a developer. To substantiate the problem of determining the legal status of a developer, the work provides the provisions of regulatory legal acts and judicial practice. As a result of the study, the author comes to the conclusion that when categorizing construction objects, it is necessary to proceed not only from the actual provisions of bankruptcy legislation, but also from other current legislation, the purpose of the relevant law is the need to protect construction participants as a non-professional group of investors. When determining a developer, it is necessary to proceed from an expanded interpretation of the norms of bankruptcy legislation.

Keywords: bankruptcy, insolvency, developer, construction participant, protection of rights.

Аннотация. В данной статье приводится определение и характеристика правового статуса участника строительства в делах о банкротстве застройщика. Автором рассматриваются организационно-правовые формы субъектов строительства, которым разрешено выступать в качестве застройщика, анализируются фактические и юридические критерии для признания лица застройщиком. В обоснование проблемы определения правового статуса застройщика в работе приводятся положения нормативно-правовых актов и судебная практика. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что при категоризации объектов строительства необходимо исходить не только из фактических положений законодательства о банкротстве, но и из иного действующего законодательства, цели соответствующего закона — необходимости защиты участников строительства как непрофессиональной группы инвесторов. При определении застройщика необходимо исходить из расширенного толкования норм законодательства о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, застройщик, участник строительства, защита прав.

В соответствии с п. 2 п. 1 ст. 201.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) участником строительства является физическое лицо, юридическое лицо, Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование, имеющее обязательство по передаче жилья или имущественный иск к застройщику [3].

Как отмечается А.П. Кузнецовым: «В отличие от обычной процедуры банкротства, при банкротстве застройщика стороны имеют особое название: должник называется застройщиком, а кредиторы — участниками строительства. Однако здесь следует сде-

лать одну оговорку. Не все кредиторы задействованы в строительстве, но все участники строительства являются кредиторами» [6].

Федеральный закон «О банкротстве» содержит как общие положения, которые должны применяться ко всем категориям дел о банкротстве, так и положения особого характера, установленные отдельными параграфами и главами. Эти специальные правила устанавливают перечень характеристик, которые должны применяться в отношении определенных категорий должников. В законе выделены отдельные категории дел о банкротстве финансовых и городских организаций, субъектов естественных монополий, застрой-

щиков. Необходимость особого регулирования соответствующих категорий связана с особым правовым статусом и статусом лиц, участвующих в деле, возникновением особых требований к должнику, ролью государства и государственных институтов вместе с их механизмами в разрешении определенных споров.

Следует отметить, что статья 2 Федерального закона о банкротстве устанавливает сферу действия этого закона, и распространяется на юридических лиц, которые в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации могут быть признаны неплатежеспособными. Таким образом, регулирование данного нормативного правового акта касается деятельности юридических лиц, пределов ограничений такой деятельности, критериев признания лица банкротом.

Под юридическим лицом ст. 48 Гражданский кодекс понимает организацию, которая имеет обособленное имущество и несет ответственность за такое имущество по своим обязательствам, а также которая имеет право от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права, нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [1].

Когда граждане, индивидуальные предприниматели или юридические лица принимают решение об объединении капитала таким образом, чтобы имущество этих субъектов гражданского оборота в случае неблагоприятных финансовых последствий для такой организации было наиболее защищено от невыполненных обязательств, то наилучшим решением будет объединение капитала в юридическую организационно-правовую форму общества с ограниченной ответственностью. В случае объединения капитала в такую организационно-правовую форму каждый из участников вносит в общий капитал организации определенную долю средств или других активов. Впоследствии, если возникнет ситуация, при которой необходимо будет выполнить обязательства организации, включая погашение долгов кредиторам, максимум, что могут потерять участники компании, — это имущество или средства, внесенные в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью [7]. Однако законодатель не ограничил перечень организационно-правовых форм, которым разрешено выступать в качестве застройщика, что подразумевает право любого юридического лица привлекать средства участников строительства и строить дома.

В исключительных случаях в федеральном законе о банкротстве особое внимание уделяется жилищным и строительным кооперативам, которые в соответствии с жилищным кодексом признают добровольное объединение граждан, а в случаях юридических лиц,

учрежденных жилищным кодексом и другими федеральными законами о членстве, — соответствовать требованиям потребности граждан в жилье, а также управление многоквартирным домом [5]. Таким образом, законом предусмотрено, что члены этих кооперативов за свой счет и имущества участвуют в строительстве или реконструкции многоквартирного дома [8].

Следует отметить, что в Федеральном законе «Об участии в долевом строительстве» к застройщику также относится некоммерческая организация, созданная в соответствии с Законом Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации». Таким образом, Московский фонд реновации жилой застройки — это унитарная некоммерческая организация, созданная в организационно-правовой форме фонда [4]. Данная организация по своей правовой природе и способу регулирования является достаточно частной формой застройщика, поскольку законодательством предусмотрен ряд исключений из общих положений федерального закона и предусмотрены многие функции по регулированию деятельности этого фонда. Так, специальные нормы, предусмотренные Законом о статусе столицы Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами города Москвы, указывают на особый статус этой некоммерческой организации. Указанные нормативные акты регулируют, что на Московский фонд реновации жилой застройки не распространяются общие нормы пунктов 3, 5, 7, 10 ст. 32; п. 1 ст. 7 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее — Федеральный закон о некоммерческих организациях). Кроме того, законодательством города Москвы предусмотрены дополнительные гарантии права на жилище и имущество граждан и юридических лиц. Так, в соответствии с Законом города Москвы от 17 мая 2017 года № 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилого фонда в городе Москве» для собственников жилых помещений, подлежащих ремонту, предоставляется эквивалентная жилая площадь (равной жилой площади, с таким же количеством комнат, в таком же районе Москвы)[5].

Кроме того, Федеральный закон о банкротстве регулирует отношения, связанные с несостоятельностью граждан и индивидуальных предпринимателей. Это не исключает признания банкротства индивидуально-предпринимателя, выступающего застройщиком. Соответственно, отношения, регулируемые пунктом 7 Федерального закона о банкротстве, также являются предметом несостоятельности индивидуально-предпринимателя, в отношении которого существуют

юридические требования о передаче жилищных или денежных требований.

Итак, как уже установлено, Федеральный закон «О банкротстве» достаточно лоялен к списку лиц, которые могут выступать застройщиком, однако, несмотря на это, наличие государственной регистрации обязательно. В связи с тем, что по критерию организационно-правовой формы в законодательстве о банкротстве нет исключений, то первым признаком застройщика следует учитывать: привлечение денежных средств и имущества участников строительства. Эта особенность важна, потому что в случае неплатежеспособности застройщика участником может стать только лицо, получившее от граждан средства для финансирования строительства жилого дома или других объектов недвижимости.

Таким образом, о цели финансирования жилого дома или другого объекта недвижимости уже не раз говорилось. Тип строительного объекта имеет большое значение при определении застройщика, поскольку в разделе 7 Федерального закона о банкротстве говорится, что строительным объектом может считаться только жилой дом или многоквартирный дом, состоящий из трех или более блоков. В этом случае, если лицо привлекло средства на строительство гаражей или, например, учебного заведения, то положения ФЗ о банкротстве застройщика в данном случае не применяются, поскольку субъект не является застройщиком. Также стоит отметить, что такой объект строительства, как жилой дом блокированной застройки, имеет свои особенности, которые законодатель заложил в самом понятии данной категории.

Таким образом, дом блокированной застройки имеет характер жилого дома. Эта квалификационная особенность указана не случайно, поскольку многие гаражные кооперативы, которые по структуре схожи с блокированными зданиями, относятся к блокированной застройке. Несмотря на это сходство, они имеют несколько иное назначение и функциональность, что противоречит целям законодательства о банкротстве.

В закон также включен Фонд защиты прав граждан — участников совместного строительства в составе группы лиц, подпадающих под действие законодательства о банкротстве застройщика. Деятельность этого фонда регулируется Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан — участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», настоящим Федеральным законом также регулируется порядок

создание такой организации определяет их правовой статус и цели, а также устанавливает полномочия такого фонда

Также довольно интересна практика Верховного Суда РФ, в которую входят такие категории людей, которые, по сути, не соответствуют установленным требованиям и критериям. Так, Верховный суд РФ отметил, что застройщиком может считаться не только лицо, с которым заключены договоры о совместном строительстве, но и люди, собирающие средства на строительство жилого дома. Этот прецедент был установлен определением № 304-ES16-4218.

Итак, суд первой инстанции установили, что аффилированная с застройщиком компания не может быть признана застройщиком, так как не имеет обязательств перед участниками строительства и не занимается привлечением денежных средств лично. Таким образом, суды первой инстанции исходили из фактического толкования правил ФЗ О банкротстве, но Верховный суд установил, что при категоризации объектов строительства необходимо исходить не только из фактических положений законодательства о банкротстве, но и из действующего законодательства, цели соответствующего закона — необходимость защиты участников строительства как непрофессиональной группы инвесторов.

В результате Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила акты нижестоящих судов и направила данный спор на новое рассмотрение, указав следующие мотивы этого решения. Закон о банкротстве не исключает возможности признания за организацией статуса застройщика, если это лицо владеет землей и объектом строительства и фактически привлекает средства для соответствующего строительства. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации признал договорные структуры между участниками строительства и кооперативом притворными, а аффилированное с кооперативом лицо фактическим застройщиком.

Поэтому Федеральный закон о банкротстве вполне соответствует концепции застройщика. Фактические критерии, установленные в соответствующем законе, не ограничиваются своей правовой природой. При определении застройщика необходимо исходить из расширенного толкования этих норм, а также из целей данного закона. Кроме того, несмотря на достаточно свободное толкование положений Федерального закона о банкротстве с точки зрения признания лица застройщиком, законом также устанавливаются конкретные юридические лица, которые, согласно закону, признаются участвующими в соответствующей категории дел о банкротстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс РФ Ч. 1: федер. закон № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 г. в ред. от 26.07.2017 № 199-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 1994 г. № 32. Ст. 3302.
2. Жилищный кодекс РФ: федер. закон № 188-ФЗ от 29 декабря 2004 г. в ред. от 29.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.03.2021).
4. О статусе столицы Российской Федерации: закон РФ № 48021 от 15 апреля 1993 г. в ред. от 29.07.2017 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1993 г. № 19. Ст. 683.
5. О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве: закон г. Москвы № 14 от 17 мая 2017 г. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». — Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения 07.03.2021)
6. Кузнецов А.П. Банкротство застройщика: теория и практика защиты прав граждан -участников строительства. М.: Статут, 2015. 96 с.
7. Гражданское право: Учебник: в 3т. Т. 1 / под ред. В.П. Мозолина — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 816 с.
8. Барабина, М.П. Проблемы незавершенного строительства в рамках дела о банкротстве застройщика — введение нового «Механизма» замены застройщика при банкротстве / Барабина М.П. // Право и экономика. — 2016. — № 7. — С. 23–26.

© Машин Александр Алексеевич (mashin.a.a.64rus@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовская государственная юридическая академия

ИНСТРУМЕНТЫ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ КОНТРОЛЬ УЧАСТИЯ КОРПОРАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ

Соколова Светлана Михайловна

Аспирант, МГУ им М.В. Ломоносова, г. Москва
smsokolova94@gmail.com

CORPORATE GOVERNANCE TOOLS THAT ALLOW YOU TO CONTROL THE CORPORATION'S PARTICIPATION IN LEGAL ENTITIES

S. Sokolova

Summary. The article is based on the analysis of corporate law regulating supervision on holding of subsidiary and applicable judiciary practice. In addition, the author tries to ground that the mandatory or discretionary nature of the corporate laws should not be opted, focusing only on the formal attributes of dispositivity fixed in the law.

Keywords: corporation, business company, corporate governance, authority.

Аннотация. Статья посвящена анализу норм корпоративного законодательства, регулирующих осуществление контроля над участием корпорации в юридических лицах и судебной практике их применения. Помимо этого, автором осуществлена попытка доказать то, что императивный или диспозитивный характер рассматриваемых норм корпоративного законодательства не стоит оценивать, ориентируясь лишь на формальные атрибуты, содержащиеся в норме.

Ключевые слова: корпорация, хозяйственное общество, корпоративное управление, компетенция.

Важной частью корпоративного управления являются вопросы, связанные с закреплением структуры органов управления юридического лица, распределением и разграничением их компетенции.

Указанная выше проблематика регулируется Гражданским кодексом РФ от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ (далее — ГК РФ), федеральным законом от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — ФЗ об ООО), федеральным законом от 26.12.1995 №208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — ФЗ об АО), иными правовыми актами и уставом хозяйственного общества.

Оставляя за пределами настоящей статьи обсуждение целей и причин регулирования корпоративных отношений императивными нормами, можно констатировать, что с помощью диспозитивного и императивного регулирования законодатель в том числе формирует различные виды компетенций органов юридического лица. В частности, по основанию возможности передачи части полномочий иным органам юридического лица можно выделить следующие виды компетенций общего собрания участников (акционеров) хозяйственного общества: 1) исключительную компетенцию, т.е. тот круг вопросов, принятие решений по которым не может быть передано от общего собрания участников (акционеров) другим органам корпорации, например,

вопросы, связанные с изменением устава, ликвидацией общества и проч. 2) альтернативную компетенцию, т.е. круг вопросов, вынесение решения по которым может быть с помощью устава передано другим органам юридического лица, например, в уставе непубличного общества можно предусмотреть передачу в компетенцию совета директоров вопросов, связанных с образованием единоличного исполнительного органа, утверждения аудитора и проч.

При установлении круга вопросов, отнесенных к исключительной компетенции общего собрания участников (акционеров), законодатель, с одной стороны, пытается сбалансировать проблему противоречия интересов участников хозяйственного общества и менеджмента, а, с другой стороны, предлагает механизм защиты прав и интересов миноритариев.

В силу ряда причин российский бизнес в значительном числе случаев организован по принципу вертикальных холдингов, поэтому проблемы, связанные с корпоративным управлением в части контроля участия корпорации в других юридических лицах, часто встречаются на практике.

Под контролем участия корпорации в других юридических лицах в рамках настоящей статьи понимается принятие компетентным органом решений о созда-

нии корпорацией других юридических лиц, об участии (приобретении доли или акций) и о прекращении участия общества в других организациях. Вопросы, связанные с контролем участия корпорации в других юридических лицах, могут затрагивать следующие отношения: 1) создание обществом дочернего общества, 2) принятие обществом решения о ликвидации или реорганизации дочернего общества, 3) выход общества из состава участников дочернего общества, 4) заключение обществом договора купли-продажи доли (акций) в качестве покупателя или продавца, 5) приобретение обществом доли посредством увеличения уставного капитала за счет дополнительных вкладов третьих лиц; 6) отчуждение доли (акций) другого общества вследствие реализации залога, заключения мирового соглашения и проч.

Далее попробуем выяснить, императивно или диспозитивно регулируется осуществление контроля участия корпорации в других юридических лицах. Для выявления природы данных положений сначала обратимся к буквальному толкованию регулирующих соответствующие отношения норм.

Согласно абз. 7 п. 2 ст. 65.3. ГК РФ, если иное не установлено ГК РФ или другим законом, принятие решений об участии корпорации в других юридических лицах отнесено к исключительной компетенции общего собрания участников (акционеров), но при этом сделана оговорка про то, что уставом общества в соответствии со специальными законами принятие таких решений может быть отнесено к компетенции иных коллегиальных органов управления общества. При формулировании рассматриваемой нормы законодатель использует оговорки нескольких уровней: 1) если иное не установлено ГК РФ, 2) если иное не установлено другим законом, 3) когда иное установлено уставом общества в соответствии со специальным законом.

Помимо оговорок в рассматриваемой статье ГК РФ законодатель использует такой формальный атрибут императивности, как термин «исключительная компетенция».

Обращаясь к первой оговорке, необходимо иметь в виду пп. 1. п. 3. ст. 66.3. ГК РФ, зафиксировавший возможность включения в принятый единогласным решением общего собрания участников (акционеров) устав неопубликованного общества положений о передаче на рассмотрение коллегиального органа управления общества или коллегиального исполнительного органа общества вопросов, отнесенных законом к компетенции общего собрания участников хозяйственного общества. Принятие решений об участии корпорации в других юридических лицах не включено в перечень

вопросов, которые нельзя передать в соответствии с указанной статьей. При этом необходимо помнить про п. 2. ст. 67.1. ГК РФ, закрепляющий исключительную компетенцию общего собрания участников хозяйственного общества наряду с п. 2. ст. 65.3. ГК РФ, закрепляющим исключительную компетенцию высшего органа корпорации. То есть рассматриваемая оговорка не позволяет сделать вывод об императивности или диспозитивности правила, регулирующего контроль участия корпорации в других юридических лицах.

Обращаясь ко второй и третьей оговоркам, в ст. 33. ФЗ об ООО вопросы, связанные с участием корпорации в других юридических лицах, не отнесены к компетенции общего собрания, только в пп. 4. п. 2.1. ст. 32. указанного закона предусмотрено, что совет директоров (в случае его образования) выносит решения по вопросам, связанным с принятием решения об участии общества в ассоциациях и других объединениях коммерческих организаций. При этом согласно пп. 4. п. 2.ст. 40. ФЗ об ООО компетенция единоличного исполнительного органа определена как остаточная, то есть все, что не относится к компетенции общего собрания участников общества, совета директоров (наблюдательного совета) общества и коллегиального исполнительного органа общества в соответствии с ФЗ об ООО и уставом, является компетенцией единоличного исполнительного органа.

На основании пп. 17.1. п. 1 ст. 65. ФЗ об АО можно констатировать, что принятие решений об участии акционерного общества в других организациях отнесено к компетенции совета директоров при условии, что уставом общества принятие решения по указанному вопросу может быть отнесено к компетенции исполнительных органов общества. Общее собрание акционеров в соответствии с пп. 18. п. 1. ст. 48 ФЗ об АО принимает решение только по вопросу участия в финансово-промышленных группах, ассоциациях и иных объединениях коммерческих организаций. В соответствии с п. 3. и п. 4. ст. 48. ФЗ об АО полномочия на принятие решений об участии или прекращении участия в других организациях могут быть переданы уставом неопубликованного общества, принятым единогласно, общему собранию акционеров, а в публичном обществе подобная альтернатива не предусмотрена. Компетенция единоличного исполнительного органа в акционерном обществе также определена как остаточная (п. 2. ст. 69.ФЗ об АО).

В п. 307 имеющего для акционерных обществ, чьи ценные бумаги которых допущены к организованным торгам, рекомендательный характер кодекса корпоративного управления в качестве лучшей практики указано распространение с помощью устава механизма одобрения крупных сделок на сделки по созданию под-

контрольных юридических лиц, а также сделки по продаже акций (долей) подконтрольных обществу юридических лиц, имеющих для него существенное значение, в результате совершения которых общество утрачивает контроль над такими юридическими лицами.

Резюмируя анализ специального законодательного регулирования контроля участия корпорации в других юридических лицах, можно прийти к выводу, что в случае отсутствия в уставе общества положений по этому вопросу, он в обществе с ограниченной ответственностью или непубличном акционерном обществе решается советом директоров (в случае его создания) или единоличным исполнительным органом, а в публичном акционерном обществе — советом директоров (наблюдательным советом).

По вопросу соотношения процитированных выше норм ГК РФ и положений специальных законов необходимо заметить, что согласно п. 4 ст. 3 Федерального закона от 05.05.2014 N99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» специальные законы применяются, если они не противоречат положениям ГК РФ в редакции указанного закона.

Завершая анализ всех оговорок, можно прийти к выводу, что формальное толкование не позволяет однозначно говорить о диспозитивности или императивности нормы абз. 7 п. 2. ст. 65.3. ГК РФ.

Возвращаясь к инструментам корпоративного управления, позволяющим осуществлять контроль участия корпорации в юридических лицах необходимо заметить, что вопросы, связанные с участием общества в других организациях, могут быть связаны с распоряжением значительной частью активов общества, но при этом регулирование, установленное в отношении крупных сделок, к ним не будет не применимо в силу ряда причин.

Во-первых, согласно п. 21 приказа Минфина России от 10.12.2002 N126н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет финансовых вложений» ПБУ 19/02» финансовые вложения, по которым текущая рыночная стоимость не определяется (а к этой категории относятся доля в уставном капитале ООО или акции, которые не торгуются на бирже), подлежат отражению в бухгалтерском балансе по первоначальной стоимости (то есть в учете отражена сумма фактических затрат общества на их приобретение, за исключением налога на добавленную стоимость и иных возмещаемых налогов). Данное регулирование приводит к тому,

учет стоимости доли (акций) в бухгалтерском учете будет отличаться от их реальной стоимости и в связи с этим, значительный и важный актив общества, потенциально являющийся основой деятельности общества, может быть выведен, например, путем заключения договора купли продажи доли в уставном капитале общества по их номинальной стоимости и без согласования с участниками (акционерами), так как эта сделка не является крупной. Во-вторых, оспаривание в случае прекращения участия вследствие реализации права на выход общества из состава участников другого общества или принятия решения о ликвидации общества и проч. со ссылками на нормы, регулирующие крупные сделки или сделки с заинтересованностью, вызывает ряд практических и теоретических вопросов и не всегда возможно.

Обратимся к анализу судебной практики по вопросу контроля участия корпорации в юридических лицах. Подтверждением уже ранее отмеченной в настоящей статье противоречивости законодательного регулирования того, какой орган юридического лица может принимать решения об участии общества в других организациях, является отсутствие единообразия судебной практики. Так, часть судов считает, если иное не отражено в уставе, что так как в п. 2. ст. 33. ФЗ об ООО принятие решений об участии общества в других юридических лицах к компетенции общего собрания не отнесено, то контроль участия общества в других юридических лицах не относится к исключительной компетенции общего собрания. Часть судов придерживается позиции, что контроль участия общества в других юридических лицах относится к исключительной компетенции общего собрания на основании п. 2. ст. 65.3. ГК РФ вне зависимости от указания на это уставом общества.

В связи с тем, что не решен вопрос о том, являются ли сделки, связанные с одобрением участия или прекращения участия корпорации в других юридических лицах, одобряемыми в соответствии с законом или в соответствии с уставом, то неясен порядок и основания их обжалования (оспаривание в силу положений ст. 173.1. ГК РФ с ссылкой на п. 2. ст. 65.3. ГК РФ или 174. ГК РФ ссылкой на п. 2 ст. 69 ФЗ об АО и п. 3.1 ст. 40 ФЗ об ООО). Указанная правовая неопределенность значительно затрудняет защиту интересов участников (акционеров) на практике.

Если в уставе общества указано на то, что решение об участии общества в других организациях относится к исключительной компетенции общего собрания участников общества или совета директоров, то заявление генерального директора общества о выходе из состава участников должно основываться на решении общего собрания участников или совета директоров.

Схожую логику можно применить к заявлению третьего лица о принятии его в общество и внесении вклада. В постановлении десятого арбитражного апелляционного суда от 21 июня 2018 года по делу А41–98135/17 сделан вывод о том, выход из состава участников является сделкой, совершенной лицом, чьи полномочия ограничены уставом общества, отсылки на ст. 65.3. ГК РФ в постановлении нет.

Если в уставе общества указано на то, что решение об участии общества в других организациях относится к исключительной компетенции общего собрания участников общества, то голосование директора контролирующей компании по вопросу ликвидации дочерней компании на общем собрании участников последней должно быть основано на решении общего собрания участников контролирующей компании.

Дела, связанные с созданием подконтрольных обществ, ликвидацией подконтрольных обществ также еще осложнены тем, что связаны с вопросом признания за бенефициаром, не имеющим непосредственного участия в обществе, права на обжалование решений, принятых контролируемым обществом. Констатировать это можно по причине того, что в законодательстве нет однозначного ответа на вопрос о том, может ли бенефициар обжаловать решения общества или предъявлять требования в интересах общества, формально не являясь участником последнего. Так, в деле ООО «Студенческий стиль» ООО «Балтик Трэвэл Бас Плюс», являясь владельцем 55% доли в уставном капитале ООО «Маркор-Нева-Отель», обратилось в суд с требованиями о признании недействительным договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО «Студенческий стиль», заключенного между ООО «Маркор-Нева-Отель» (продавец) и третьим лицом, и признании права ООО «Маркор-Нева-Отель» на указанную долю. Суд вынес решение об отказе в исковых требованиях по причине того, что ООО «Балтик Трэвэл Бас Плюс» не обладает правом предъявления требования о признании права на долю в интересах ООО «Маркор-Нева-Отель». А в деле ООО «Деловой Альянс» участник ООО «СВК» обратился в суд с требованием о признании решения о ликвидации ООО «Деловой Альянс», чьим единственным участником являлось ООО «СВК», недействительным. Суд первой инстанции вынес решение о том, что истец, не являясь участником ООО «Деловой Альянс», не имеет права обжалования принятых ООО «Деловой Альянс» решений. Суд апелляционной инстанции, наоборот, признал заинтересованность участника ООО «СВК» в обжаловании решения о ликвидации ООО «Деловой Альянс».

Отчуждение части доли (акций) одного общества в уставном капитале другого общества не требует

одобрения в соответствии с абз. 7 п. 2 ст. 65.3. ГК РФ, так не влечет за собой прекращения участия общества в другой организации. Не имеет значения отчуждена ли незначительная доля (часть акций) или доля (акции), позволяющая контролировать деятельность общества. Нельзя не отметить, что формальное чтение рассматриваемых норм может повлечь существенное ущемление интересов участников общества со стороны менеджмента или притеснение мажоритарием интересов миноритария.

Подводя итоги, можно констатировать, что несмотря на то, что вопросы, связанные с приобретением и отчуждением доли (акций) в других организациях, могут существенно влиять на деятельность общества, законодательное регулирование принятия решений о создании подконтрольных компаний, участии и прекращении участия хозяйственного общества в других организациях сформулировано непоследовательно и неполно. Опираясь на формальные атрибуты норм, нельзя прийти к выводу об императивности или диспозитивности регулирования данного круга вопросов. Соотнесение ГК РФ и специального законодательства, также не представляется однозначным.

По нашему мнению, в текущей ситуации контроль над участием общества в других корпорациях в непубличных обществах должен быть отнесен к исключительной компетенции общего собрания участников (акционеров) на основе диспозитивной нормы, применяемой участниками по умолчанию, то есть за исключением случаев, когда они специально не предусмотрели в уставе иное регулирование. В публичных обществах на основе императивной нормы — к компетенции совета директоров (наблюдательного совета). Порядок одобрения может быть схож с порядком, применимым к крупным сделкам, так как в рассматриваемом случае речь также идет об активах, которые могут оказать существенное влияние на деятельность общества. При этом следует предусмотреть возможность дифференцированного регулирования, предоставив одобрение участия или прекращение участия общества в других организациях общему собранию участников (акционеров) и совету директоров (наблюдательному совету). Представляется правильным, что при прекращении и начале участия в уставном капитале другого лица или изменении доли участия, повлекшим существенное изменение в деятельности общества, решение вопроса об одобрении должно находиться в компетенции общего собрания участников (акционеров). Например, как это сделано в п. 16. постановления пленума Верховного суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», в соот-

ветствии с которым принятие решения об одобрении сделки, предметом которой является имущество, стоимость которого превышает 50% балансовой стоимости не может быть отнесено уставом общества к компетенции иных органов общества¹.

В связи с предложенным выше, на порядок обжалования сделок, связанных с участием хозяйственного общества в других организациях логично распространить порядок обжалования крупных сделок, обозначенный в ст. 173.1. ГК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маковская А.А. Императивные и диспозитивные нормы в корпоративном законодательстве (ошибки в формулировках, проблемы толкования и правоприменения) // Вестник гражданского права. 2019. N5. С. 79–109.
2. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Качественный критерий квалификации крупной сделки, совершаемой хозяйственным обществом // Российский юридический журнал. 2020. N6. С. 118–129.
3. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут. 2017. 160 с.
4. Суханов Е.А. Комментарий к ст. 65.1. — 65.3. ГК РФ // Вестник гражданского права. 2014. № 3. С. 107–130.

© Соколова Светлана Михайловна (smsokolova94@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹ Подробнее о вопросе соотношения императивных и диспозитивных норм в регулировании института крупных сделок см. Маковская А.А. Императивные и диспозитивные нормы в корпоративном законодательстве (ошибки в формулировках, проблемы толкования и правоприменения) // СПС «КонсультантПлюс».

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Черенкова Мария Германовна

Аспирант, Московский гуманитарный университет
liricaaa@mail.ru

DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION ON CRIMES RELATED TO THE IMPROPER PROVISION OF MEDICAL CARE IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

M. Cherenkova

Summary. In this study, the author attempted to consider and structure the legislative acts and legal regulation of the activities of doctors in Russia. Based on the available research, the author of the article also considers the key periods in the development of criminal legislation on crimes related to inappropriate provision of medical care. The features of the development of the system in the field of medicine and health care, as well as the criminal legislation on the crimes of doctors, in connection with the inadequate provision of medical care were identified. It was concluded that doctors in different periods bore different responsibilities, and criminal legislation was formed only at the beginning of the 20th century.

At the same time, by the end of Peter the Great's rule, the Russian Empire had finally formed a legislative framework regulating the activities of medical workers, as well as their responsibility for their activities. Of course, there was still a lack of sufficient elaboration of the details, in particular, there was no Charter regulating the activities of civilian doctors and healers, and therefore, the Military and Naval Statutes were often the main sources of law that regulated all medical activities in Russia. At the same time, traditional medicine and healers were still not regulated in any way, as well as the activities of hospitals attached to church institutions, and, accordingly, the activities of church doctors.

In the middle of the XIX century, under Alexander II, a key legal act was adopted, which was in force until the February Revolution of 1917, and also served as the basis for building the Soviet legal framework regulating the responsibility of doctors—the Medical Charter of 1857, which was included in the XIII volume of the Code of Laws of the Russian Empire. The Medical Charter was created on the basis of the Military and Naval Charter of Peter I, as well as other Decrees and laws. Thanks to the work of pathologists and the functioning of morgues, it became much easier to determine the responsibility of doctors for the death of a patient — when examining a patient's corpse, as well as when opening bodies, it was possible to determine the cause of death in more detail and more accurately.

Аннотация. В данном исследовании автором сделана попытка рассмотреть и структурировать законодательные акты и правовое регулирование деятельности врачей в России. На основе имеющихся исследований, автором статьи также рассмотрены ключевые периоды развития уголовного законодательства о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Были выявлены особенности развития системы в сфере медицины и здравоохранения, а также уголовного законодательства о преступлениях врачей, в связи с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Сделан вывод о том, что врачи в разный период несли различную ответственность, а уголовное законодательство было сформировано лишь в начале XX в.

Вместе с тем, к концу петровского правления, в Российской империи была окончательно сформирована законодательная база, регулирующая деятельность медицинских работников, а также их ответственность за свою деятельность. Безусловно, по-прежнему отсутствовала достаточная проработка деталей, в частности, отсутствовал Устав, регламентирующий деятельность гражданских врачей и лекарей, в связи с чем, Военский и Морской Уставы зачастую были основными источниками права, которые регулировали всю медицинскую деятельность в России. При этом, по-прежнему никак не регулировалась народная медицина и лекари, а также не регламентировалась деятельность больниц при церковных учреждениях, и, соответственно, деятельность церковных докторов.

В середине XIX столетия при Александре II был принят ключевой нормативно-правовой акт, действовавший вплоть до Февральской революции 1917 г., а также послуживший основой для построения советской нормативно-правовой базы, регламентирующей ответственность врачей — Врачебный Устав 1857 г., который вошел в XIII том Свода законов Российской империи. Врачебный Устав был создан на основе Военного и Морского Устава Петра I, а также прочих Указов и законов. Благодаря деятельности патологоанатомов и функционированию моргов, стало гораздо проще определять ответственность врачей за смерть пациента — при осмотре трупа пациента, а также при вскрытии тел, имелась возможность более детально и более точно установить причину смерти.

В связи с чем, в конце XIX столетия сформирована система социальной поддержки и население получило должную медицинскую помощь. Стоит отметить, что, на основании Врачебного Устава 1853 г., врачи были обязаны своевременно и надлежащим образом оказывать населению медицинскую помощь.

In this connection, at the end of the XIX century, a system of social support for an impressive part of the country's population was formed, and therefore, representatives of such groups of the population could receive proper medical care. It is worth noting that, on the basis of the Medical Charter of 1853, doctors were obliged to provide timely and appropriate medical care to such people, and the responsibility of doctors did not depend on the representative of which group of the population needed medical care.

Keywords: government regulation, pre-revolutionary period, medical science, medical care, regulations, assistance, doctors' crimes.

Развитие уголовного законодательства, связанного с преступлениями о ненадлежащем оказании медицинской помощи, и, как следствие, уголовного преследования в отношении лекарей и докторов развивалось на протяжении всей истории России крайне неравномерно. Первые законодательные акты, регулирующие взаимоотношения между лекарем и пациентом, появились еще в X–XI столетиях, однако сформирована система здравоохранения, вместе и с медицинским законодательством было лишь в начале XVIII в. Петром I. Большое развитие в сфере ответственности врачей за свою деятельность отечественное законодательство получило в XIX в., когда были приняты Врачебный Устав и Устав общественного призрения. Уголовная ответственность же врачей впервые была указана в Уголовном уложении в 903 г. Исходя из этого, стоит отметить, что к началу революционных событий 1917 г., законодательство в сфере охраны здоровья было достаточно развитым — появились четкие формулировки врачебных преступлений, и, как следствие, наказания на них.

Несмотря на то, что впервые о медицинском деле в России было сказано еще в «Церковном уставе» Владимира Святославича, датированного 996 г., тем не менее, в нем не указано, какая ответственность лежит на лекарях за неоказание, либо несвоевременное или ненадлежащее оказание медицинской помощи. Фактически, «Церковный устав» лишь устанавливал правовой статус больниц, подчеркивая, что они являются частью церквей, епархий или благочиний, в здании которых часто и устанавливались больничные койки. При этом, совершенно не воспрещалась практика лечения как светскими врачами, так и народными лекарями, в связи с этим, и не имелась возможность закрепить ответственность врачей за неоказание медицинской помощи, либо несвоевременное или ненадлежащее ее оказание.

Впервые об ответственности лекарей было указано в Русской Правде, сборнике статей, древнейший из которых датирован ок. 1016 г., то есть, во времена княжения

Ключевые слова: государственное регулирование, дореволюционный период, медицинская наука, медицинская помощь, нормативно-правовые акты, оказание помощи, преступления врачей.

в Киеве Ярослава Мудрого. Учитывая, что Русская Правда представляет собой первый общий и систематизированный источник древнерусского законодательства, можно предположить, что именно в нем в первый раз была отмечена ответственность лекарей и целителей за свою деятельность. Стоит, при этом, подчеркнуть, что в Русской Правде практически не затронуты церковная или народная медицина, и, как следствие, отсутствует и регламентация в данных сферах [12, с. 67–77]. При этом, указывается, что светские врачи несут ответственность за свою деятельность, и обязаны возместить пациенту полную стоимость, уплаченную им за медицинские услуги, в том случае, если врач нанес вред здоровью. В то же время, в Русской Правде ничего не говорится о том, каким образом определяется, кто и когда нанес вред здоровью пациента, степень такого вреда, а также как фиксируется стоимость медицинских услуг и что в них входит. Более того, никак не регламентируются случаи, когда ошибка врача повлекла за собой смерть пациента. Учитывая, что уровень медицины в начале XI в. был на крайне примитивном уровне, можно предположить, что в таком случае применялось уголовное право, то есть, смерть пациента в результате ненадлежащего оказания помощи расценивалась как неумышленное убийство (в сваде) и каралось штрафом (виной), размер которого зависел от социального статуса пациента.

В «Судебнике» 1497 г., являющимся первым кодексом законов на Руси, появилось несколько упоминаний ответственности врачей за неправомерное и ненадлежащее оказание медицинской помощи. Преступления, которые совершил врач в процессе своей деятельности, относились к категории преступлений против личности, при этом, характер наказания зависел от степени причиненного вреда пациенту. В целом, система наказаний для врачей была достаточно развита, указывается также цель таких наказаний — «устрашение и изоляция преступника» [14, с. 128–135]. В том случае, если ущерб был причинен небольшой, то врач мог быть оштрафован или прилюдно избит кнутом на торговой площади (так назы-

ваемая, «торговая казнь»). Стоит отметить, что, как указывает Г.В. Чеботарева, несмотря на тот факт, что в самом «Судебнике» 1497 г. за убийство (в том числе, и по вине врача) не предусматривался штраф в виде наказания, тем не менее, на практике часто ограничивались именно штрафом. Исследователь также подчеркивает, что в конце XV — начале XVI вв. членовредительные наказания, такие как клеймение, отрезание языка или ушей еще не были повсеместны, и лишь начинали распространяться на Руси, чаще же применялись денежный штраф, торговая казнь, либо смертная казнь [12, с. 128–135].

Приблизительно в середине XVI — начале XVII вв. был создан Аптекарский приказ, в задачи которого входило регулирование отношений между врачами и пациентами на основе имеющегося законодательства. В «Соборном уложении» 1649 г. говорится о создании Монастырского приказа, в ведомство которых входят монастырские больницы и услуги монастырских лекарей. При этом, не уточняется, каким образом происходит разделение врачей светских от врачей монастырских, а также какую ответственность несут и те, и другие, в связи с ненадлежащим оказанием помощи. В итоге Аптекарский приказ был упразднен в 1721 г., а Монастырский — в 1725 г. [13, с. 175–179]

В «Соборном уложении» 1649 г., в ст. 20 подчеркивалось, что «такое убийство учинилось ненарочно, без умышления, и за такое убийство никого смертию не казнити, и в тюрьму не сажати потому, что такое дело учинится грешным делом без умышления» [9, с. 7–8], то есть, несмотря на то, что в данной статье прямо не выделяется, что речь идет о врачах и врачебной деятельности, тем не менее, можно предположить, что при рассмотрении дела в суде врачебной ошибки, повлекшей за собой смерть пациента, имелась возможность сослаться на данную статью, поскольку она подразумевала отсутствие состава преступления в том случае, когда смерть человека невозможно было предположить и ее избежать [7].

Приблизительно в 1700 г., уже при Петре I, был принят Боярский приговор «О наказании незнающих медицинских наук, и по невежеству в употреблении медикаментов, причиняющих смерть больным», где большое внимание уделялось не только ответственности врачей и лекарей, но и также необходимости соответствующего медицинского образования, особенно важность подготовки врачей отмечалась для армии и флота, что было связано с большим количеством военных конфликтов в данный период.

В дальнейшем уголовное законодательство в сфере медицины получило развитие в двух петровских документах — Воинском Уставе 1716 г. и Морском Уставе 1720 г.

Крайне важным документом также стоит назвать Указ Петра I от 14.08.1721 г. «Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в Губерниях, и о бытии под надзором упомянутой Коллегии госпиталям», согласно которому впервые документально обозначалась разница между лечащими врачами и аптекарями, благодаря чему и различалась ответственность за преступления. Так, врачи, осуществляющие лечение пациентов в любых условиях, выделяются в отдельную категорию медицинских работников, и ответственность они несут лишь за те действия, которые так или иначе связаны с оказанием медицинской помощи. Аптекари, в свою очередь, стали нести ответственность за то, какими медицинскими препаратами они торгуют, за их состав, а также хранение. Стоит отметить, что вплоть до первой четверти XVIII в., как лечащие врачи, так и аптекари, фактически несли ответственность за все сразу, то есть, отсутствовало понимание различий между деятельностью медицинских работников, которые осуществляли лечение и деятельностью работников аптек [4, с. 188].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к концу петровского правления, в Российской империи была окончательно сформирована законодательная база, регулирующая деятельность медицинских работников, а также их ответственность за свою деятельность. Безусловно, по-прежнему отсутствовала достаточная проработка деталей, в частности, отсутствовал Устав, регламентирующий деятельность гражданских врачей и лекарей, в связи с чем, Воинский и Морской Уставы зачастую были основными источниками права, которые регулировали всю медицинскую деятельность в России. При этом, по-прежнему никак не регулировалась народная медицина и лекари, а также не регламентировалась деятельность больниц при церковных учреждениях, и, соответственно, деятельность церковных докторов.

После смерти Петра I в 1725 г., развитие нормативно-правовой базы в сфере здравоохранения и оказания медицинской помощи продолжилось. Так, при Анне Иоанновне был принят Указ «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях, определенных при них Докторов и прочих Медицинского чина служителей, также Комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих людей» в 1735 г. Согласно данному документу, улучшались условия пребывания пациентов в госпиталях. Во-первых, все госпитали должны были обеспечить не только своевременную медицинскую поддержку и помощь, но также и должным образом оборудовать помещения: пациентам должно оказываться трехразовое питание (вне зависимости от типа госпиталя и пациентов, которые там находятся), каждого необходимо обеспечить койкой и местом для совершения туалета. Таким образом, гражданские госпитали фактически

получили современный облик — впервые в России появились отдельные палаты — чаще всего туда помещали людей более обеспеченных. Но, в то же время, госпиталями чаще пользовались привилегированные слои населения, в то время, как для большинства бедноты они были недоступны, и бедные вынуждены были лечиться в домашних условиях при помощи народной медицины или местных лекарей, либо же при церковных приходах. Но, при этом, согласно Указу, деятельность врачей не должна была зависеть от того, какое сословие представлял пациент — врачи были обязаны лечить всех, вне зависимости от любых обстоятельств.

В связи с административной реформой Екатерины II, в 1763 г. Медицинская канцелярия была преобразована в Медицинскую коллегию, в результате чего данный государственный орган расширил свои обязанности и полномочия. В частности, Медицинская коллегия должна была обеспечивать регулирование и надзор за медицинской деятельностью врачей, как в госпиталях, так и в иных условиях — то есть, Указ Екатерины II от 1763 г. охватывал, в том числе, и тех, кто занимался врачебной деятельностью без должного образования, например, лечил других людей при церковных учреждениях, либо же средствами народной медицины. Помимо этого, Медицинская коллегия несла ответственность за подготовку и переподготовку врачей и аптекарей, то есть, должна была обеспечить страну необходимым количеством врачей и аптекарей [15, 28–34].

После министерской реформы Александра I в 1802 г., были упразднены коллегии, в результате чего появились министерства, при этом, не было создано органа, ответственного за здравоохранение, поскольку деятельность бывшей Медицинской коллегии отводилось Министерству внутренних дел. Благодаря данной реформе, деятельность врачей практически не была затронута, но, в то же время, за назначение и подготовку того или иного врача, и, как следствие, за жизнь пациента, стали нести ответственность также и чиновники. Достигнуто это было при помощи утверждения Александром I Манифеста об «Общем учреждении министерств», где отмечалось, что ответственность за качество работы в своей сфере несут не только работники сферы, но также и чиновники, назначившие их на ту или иную должность.

В середине XIX столетия при Александре II был принят ключевой нормативно-правовой акт, действовавший вплоть до Февральской революции 1917 г., а также послуживший основой для построения советской нормативно-правовой базы, регламентирующей ответственность врачей — Врачебный Устав 1857 г., который вошел в XIII том Свода законов Российской империи. Врачебный Устав был создан на основе Военного и Морского Устава Петра I, а также прочих Указов и законов. При Александре II впервые появились такие формулировки, как «медицинский работник», «медицинское (или врачебное) учреждение» и др., то есть система законодательства двигалась в сторону улучшения, постепенно решая те или иные проблемы, появившиеся по мере развития системы здравоохранения и медицинской науки. Во-первых, окончательно была регламентирована деятельность людей, занимавшихся медициной без образования (вольнопрактикующих врачей) при церквях, либо в домашних условиях, которые, согласно Врачебному Уставу 1853 г., несут ответственность наряду с другими врачами. Во-вторых, была создана медицинская система, подразумевающая разделение больных, в связи со своими болезнями — разделение определялось, в первую очередь, при помощи того, какая часть тела или какой орган стал причиной поступления пациента в медицинское учреждение. При этом, согласно Уставу, каждая губерния и уезд должны быть обеспечены койками и врачами, вне зависимости от нагрузки и болезней большинства пациентов. В-третьих, большое внимание уделялось патологоанатомам и их деятельности (они также определялись в отдельную категорию медицинских работников). Благодаря деятельности патологоанатомов и функционированию моргов, стало гораздо проще определять ответственность врачей за смерть пациента — при осмотре трупа пациента, а также при вскрытии тел, имелась возможность более детально и более точно установить причину смерти.

В связи с чем, в конце XIX столетия сформирована система социальной поддержки и население получило должную медицинскую помощь. Стоит отметить, что, на основании Врачебного Устава 1853 г., врачи были обязаны своевременно и надлежащим образом оказывать населению медицинскую помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринов Е.Х. Становление, развитие и совершенствование судебной медицины в Москве: автореф. дис. ... д. мед. наук. — М, 2008. — 49 с.
2. Бобров О.Е. Медицинское право или бесправие медицины? // Лекция для КМАПО им. П.Л. Шупика. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.critical.ru/actual/etica/pravbes.htm> (дата обращения: 2.03.2021).
3. Куранов В.Г. Развитие медицинского законодательства в России в дореволюционный период // Пермский медицинский журнал. 2013. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-meditsinskogo-zakonodatelstva-v-rossii-v-dorevoljucionnyy-period> (дата обращения: 2.03.2021).

4. Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. — М.: РОССПЭН, 1996. — 400 с.
5. Огнерубов Н.А. Профессиональные преступления медицинских работников: дис. ... канд. юр. наук. — М, 2014. — 171 с.
6. Печникова О.Г. Возникновение государственной медицины в России (историко-правовой аспект). Медицинское право 2009. № 3. С. 20–24.
7. Попеску С.С. Историческое развитие отечественных норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, при оказании медицинской помощи // Молодой ученый. 2009. № 9 (9). С. 117–119. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/9/617/> (дата обращения: 13.03.2021).
8. Правовые основы медицинской деятельности: Справ.-информ. пособие В.Л. Попов, Н.П. Попова. — СПб: Деан, 1999. — 253 с.
9. Разумовский В.Н. Медицинское дело в царствование первых Государей Дома Романовых. — Саратов: Тип. Союза Печатного Дела, 1913. — 27 с.
10. Рыбакова Е.О. Организационно-правовые основы системы советского здравоохранения: автореф. дис. ... канд. юр. наук. — Саратов, 2010. — 26 с.
11. Сальников В.П. Нормативно-правовое обеспечение здравоохранения в советский период [Текст] / В.П. Сальников, С.Г. Стеценко // Журнал российского права. 2002. N1. С. 167.
12. Сальников В.П. Регламентация медицинской деятельности в России: историко-правовые вопросы (X–XVII вв. [Текст] / В.П. Сальников, С.Г. Стеценко // Журнал российского права. 2001. N4. С. 67–77.
13. Смирнова Е.М. «Аптекарского приказу люди» на государственной службе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2017. № 9. С. 175–179.
14. Чеботарева Г.В. Уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные правонарушения: историко-правовые аспекты // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени в.и. Вернадского. Юридические науки. — 2015. Т. 1(67). № 3. С. 128–135.
15. Кабанова М.А. История церковного права России (до XVIII в.). Право: вопросы истории и теории. Владимир: Изд-во Владимирского университета 1997. С. 28–34.

© Черенкова Мария Германовна (liricaaa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский гуманитарный университет

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

THEORETICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF THE INTERNATIONAL PROTECTION OF COPYRIGHTS AND RELATED RIGHTS

P. Chuvakhin

Summary. The article is devoted to the analysis of national and international legal issues related to the protection of copyrights and related rights. The essence and significance of the international legal protection of copyrights and related rights lies in the recognition of universal international acts as supranational sources that guarantee the subjects a minimum level of protection of their legal rights on the territory of foreign states. The main importance of international protection is to overcome the "territoriality" of copyright and related rights and their free exercise at the transboundary level. International legislation most fully and comprehensively covers the sphere of copyrights, and the rights of subjects of related rights are constantly in need of updated regulation and the adoption of new international legal acts.

Keywords: copyrights, related rights, WIPO, the principle of national treatment, the principle of state protection of copyrights.

Чувахин Петр Игоревич

*Преподаватель, Финансовый университет
при Правительстве РФ; старший преподаватель,
Российский государственный университет правосудия,
г. Москва
chuvakhin.petr@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу национальных и международно-правовых вопросов, связанных с охраной и защитой авторских и смежных прав. Сущность и значение международно-правовой охраны авторских и смежных прав заключается в признании универсальных международных актов в качестве наднациональных источников, которые гарантируют субъектам минимальный уровень охраны их законных прав на территории зарубежных государств. Основное значение международной охраны состоит в преодолении «территориальности» авторских и смежных прав и свободной их реализации на трансграничном уровне. Международное законодательство наиболее полно и всесторонне охватывает именно сферу авторского права, а права субъектов смежных прав постоянно нуждаются в обновленном регулировании и принятии новых международно-правовых актов.

Ключевые слова: авторские права, смежные права, ВОИС, принцип национального режима, принцип государственной охраны авторских прав.

Гражданский кодекс Российской Федерации не дает определения понятию «авторское право», однако это компенсируется широкими научными изысканиями в данной области. Так, в юридической доктрине определение авторского права принято рассматривать с объективной и субъективной точек зрения. С объективной точки зрения, авторское право представляет собой совокупность гражданско-правовых норм, закрепляющих основания возникновения и порядок осуществления прав на интеллектуальную собственность, а именно, устанавливающих правила признания произведения науки, литературы и искусства в качестве охраняемых законом объектов и порядок их возникновения, а также регулирующих пользование и распоряжение данными объектами с целью их защиты. С такой позиции авторское право представляет собой институт интеллектуального права, которое, в свою очередь, является подотраслью гражданского законодательства, кроме того данный институт можно назвать комплексным, поскольку правоотношения, входящие в предмет его регулирования, охраняются нормами конституционного, административного и уго-

ловного права. Такое определение авторского права используют в учебных и доктринальных целях, когда необходимо понять структуру права, ее составляющие, выражающиеся в конкретных нормах закона.

В контексте данного исследования целесообразно рассматривать авторское право с точки зрения его субъективной природы, поскольку словосочетание «авторское право» чаще используется для указания на определенные правомочия автора. Итак, в субъективном смысле авторское право или авторские права — это совокупность правомочий автора, возникающих у него в процессе создания произведения и признаваемые законом. Эта совокупность правомочий содержит в себе различные по своей природе субъективные права на результат интеллектуальной деятельности. Концепцию «тройственности» интеллектуальных прав обосновал В.А. Дозорцев и выделил в них три группы правомочий:

1. исключительные имущественные права на объект;
2. личные неимущественные права автора;

3. иные права автора, которые по формальным признакам невозможно включить в предыдущие две группы [1].

В соответствии со ст. 1255 Гражданского кодекса РФ «Автору произведения принадлежат следующие права: 1) исключительное право на произведение; 2) право авторства; 3) право автора на имя; 4) право на неприкосновенность произведения; 5) право на обнародование произведения». Вместе с тем закон, как уже было указано выше, относит к категории иных прав право на вознаграждение за служебное произведение, право на отзыв, право следования, право доступа к произведениям изобразительного искусства.

Исключительным авторским правом признается абсолютное право автора использовать свое произведение по собственному усмотрению и разрешать или запрещать такое использование другим лицам, кроме того, сюда входит право автора на распоряжение объектами интеллектуальной собственности. В ст. 1270 ГК РФ перечислены эти способы, в число которых входят право на воспроизведение произведения, его распространение, публичный показ и другие [2]. С теоретической точки зрения, многие исследователи ставят исключительное право в один ряд с правом собственности и иными вещными правами, но признают особенность его содержания [3]. Одним из примеров такой особенности можно назвать различия в правомочиях права собственности, где действует «триада» владения, пользования, распоряжения, и в правомочиях исключительного права, которое содержит только пользование и распоряжение.

Личные неимущественные права автора входят в общегражданские личные неимущественные права и по своему содержанию совпадают с последними. К таким правам относится, в частности, право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения и право на его обнародование, а в совокупности они являются абсолютными, неотчуждаемыми и охраняемыми бессрочно [4]. В качестве отличительных признаков личных авторских прав можно назвать сферу действия (реализуются в творческих отношениях) и момент возникновения (возникают с момента создания произведения).

Третья группа прав, входящих в содержание авторского права, — иные права авторов. Они представляют собой меру дозволенного поведения автора или иного лица, касающуюся обеспечения исключительного или личного неимущественного права. Так, например, право следования является имущественным правом (хоть и связанным с личностью автора), с его помощью автор реализует свое исключительное право на произведение в полной мере.

Рассматривая правовую характеристику авторских прав и авторских правоотношений в целом, необходимо обратить внимание на такие неотъемлемые элементы любых правоотношений, как субъекты и объекты.

Субъектами авторского права являются непосредственно авторы или иные лица, которым в соответствии с договором или порядке, установленным законом, передаются авторские права. Согласно Гражданскому кодексу «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано» (ст. 1257), к этой категории также относятся соавторы и иностранные авторы. Автор произведения, несомненно, является главным субъектом авторского права, и именно он обладает изначально всей совокупностью прав на результат интеллектуальной деятельности [5]. В легальном определении законодатель устанавливает два безоговорочных требования к субъектам, признаваемым авторами: 1) автором может являться только гражданин 2) им может выступать такой гражданин, который создал произведение своим творческим трудом.

К группе иных субъектов авторского права относятся наследники автора в части имущественных прав; работодатели в отношении служебных произведений; издатели; правопреемники юридических лиц; организации по коллективному управлению авторскими правами; правообладатели в соответствии с договором. Названные лица являются субъектами так называемого производного авторского права.

Особо стоит отметить категорию таких субъектов, как правообладатели, которые представляют собой собственников исключительного права на произведение. Ими могут быть физические и юридические лица, иностранные граждане и организации, государство и лица без гражданства, то есть круг субъектов является неограниченным в законодательстве, однако первоначальным правообладателем всегда выступает автор. Принципиальное отличие авторского статуса от статуса правообладателя заключается в том, что авторский статус не может быть утрачен, а статус правообладателя показывает лишь наличие у лица исключительного права в определенный момент времени, этим подчеркивается его передаваемость. Обладание исключительными правами может передаваться не только по договору, но и лицам, являющимися правопреемниками, следовательно все лица, отнесенные к категории иных, могут выступать в качестве правообладателей.

Переходя к объектам авторских прав, мы будем исходить из уже освоенных нами формулировок — ими являются произведения науки, литературы и искусства. Данному элементу правоотношения посвящена ст. 1259

ГК РФ, там дается перечень произведений, которые, соответственно, являются охраняемыми законом. К ним относятся произведения литературы, драматические произведения, музыкальные и аудиовизуальные произведения, живопись, скульптура, архитектурные произведения и др. Мы видим, что вместе с тем, что законодатель дает довольно обширный список объектов авторского права, он также оставляет этот список открытым. Как представляется, закон допускает появление новых объектов авторского права, поскольку общественные отношения всегда находятся в движении, достижения науки, культуры развиваются и распространяются с огромной скоростью, в том числе путем телекоммуникационной связи.

Важным моментом в характеристике объектов авторского права является тот факт, что объектами являются творческие идеи, выраженные в объективной форме — книге, фотографии, песне и т.д. Сами по себе идеи, концепции, процессы не являются охраняемыми в авторском праве, поскольку представляют собой лишь содержание произведения, а оно, согласно законодательству, не подлежит авторско-правовой охране [6]. Вторым критерием охраноспособности объектов авторских прав, помимо выражения в определенной форме, выступает их творческий характер. Определений творчества в юридической доктрине в настоящий момент существует огромное количество, ученые вырабатывают различные подходы к этому вопросу, поскольку он не урегулирован нормами закона. Тем не менее, творчество можно определить как «деятельность, нацеленную на создание чего-либо качественно нового, ранее не известного» [7]. То есть без соблюдения критерия творчества произведение не может быть признано объектом авторского права, а соответственно претендовать на охрану.

Проанализировав содержание авторского права, а также субъекты и объекты данных правоотношений, однозначно можно сказать о том, что соответствие этих элементов законодательству имеет определяющее значение при охране субъективных прав автора. Без надлежащих лиц и объектов, произведения не могут считаться охраноспособными в авторском праве, а соответственно, на них не будут распространяться нормы части IV Гражданского кодекса РФ, а также нормы международных конвенций об охране интеллектуальной собственности.

Смежные права являются производными от авторских, так как они возникают в процессе переработки или интерпретации ранее созданных произведений. Ст. 1303 Гражданского кодекса РФ гласит: «Интеллектуальные права на результаты исполнительской деятельности (исполнения), на фонограммы, на сообщение

в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещание организаций эфирного и кабельного вещания), на содержание баз данных, а также на произведения науки, литературы и искусства, впервые обнародованные после их перехода в общественное достояние, являются смежными с авторскими правами (смежными правами)».

Несмотря на то, что в Гражданском кодексе РФ закреплено определение понятия смежных прав, в научной сфере продолжают дискуссии об основной идее данного понятия. Это связано с тем, что в различных правовых системах отличается содержание смежных прав, например, согласно Закону Великобритании об авторском праве, дизайне и патентах 1988 г. к объектам авторского права отнесены как оригинальные произведения, так и типографское оформление уже опубликованных изданий и передачи организаций эфирного вещания, что не совпадает с определением российского законодателя.

В поисках унифицированного понятия, раскрывающего сущность смежных прав, представляется целесообразным следовать идее классических смежных прав, выраженных Клодом Коломбо. Он характеризовал данные права как вспомогательные в литературном и художественном творчестве по отношению к авторским, а целью признания смежных прав называл охрану тех способов и методов, с помощью которых распространяются произведения [8].

В отличие от объектов авторского права, закрепленных в гражданском законодательстве, перечень объектов смежных прав является закрытым. Так, ст. 1304 ГК РФ относит к объектам смежных прав исполнения и постановки, фонограммы, сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, базы данных в части незаконного извлечения их составляющих, произведения после их перехода в общественное достояние в части охраны прав публикаторов. Таким образом, из сущности данных объектов вытекает их главная особенность — они не являются самостоятельными результатами творческой деятельности, как в случае с объектами авторского права.

К субъектам смежных прав относятся физические и юридические лица, которые в силу закона, заключенного договора или правопреимства становятся обладателями личных неимущественных прав и (или) исключительных прав. Таковыми в соответствии с главой 71 ГК РФ являются исполнители, изготовители фонограмм, публикаторы, организации вещания и производители баз данных.

Все субъекты можно подразделить на две категории по признаку способа появления у данных лиц смежных

прав [4]. К первой категории относятся первоначальные субъекты, и в отличие от первоначальных субъектов авторского права ими могут являться не только физические, но и юридические лица. К ним мы можем отнести непосредственно создателей, то есть лиц, интеллектуальным трудом которых был создан объект смежных прав. Вторая категория субъектов по аналогии с авторским правом — производные. Это лица, к которым перешли исключительные права путем заключения договора, наследования, правопреемства при реорганизации юридического лица.

Таким образом, понятие смежных прав позволяет выявить его правовую сущность — они являются производными от авторских, а, соответственно, служат тому, чтобы авторские произведения получили свое распространение и стали общедоступными. Хотя такая деятельность не несет в себе столько же творческого труда, как деятельность в авторских правоотношениях, она все же требует от субъектов смежных прав достаточных усилий и креативного подхода для организации доведения произведений до потребителей и ценителей достижений литературы, науки и искусства. Выделение в интеллектуальном праве смежных прав является абсолютно оправданным и целесообразным в контексте правовой охраны исполнений, фонограмм, публикаций и других объектов, упомянутых выше, как на национальном, так и на международно-правовом уровне.

Прежде чем дать понятие определению «международная охрана», стоит развести две правовые категории: охрану и защиту. Часто данные термины употребляются в качестве синонимов, что является не правильным с точки зрения их правового значения.

В юридической доктрине сложилось различное понимание соотношения охраны и защиты. Согласно одному мнению ученых данные понятия можно употреблять в равном значении, то есть они не выделяют принципиальных правовых признаков каждого явления. Данной позиции придерживается Стоякин Г.С., который, в частности, считает, что охрана права и защита права представляют собой систему правового регулирования отношений, которая предотвращает потенциальные нарушения права, а также регламентирует ответственность за уже совершенные правонарушения. Шубина Т.Б. также указывает на то, что если и употреблять термин «охрана права», то только в общем смысле, поскольку, по ее мнению, он не имеет юридического значения [9].

Нам представляется, что у данной концепции есть существенные недостатки, поскольку процессы предупреждения нарушений прав и реакция на такое нарушение представляют собой два разных правовых яв-

ления. Охрана прав предоставляется лицам, имеющим субъективные права, на императивном уровне путем закрепления в нормативно-правовом акте особого положения или статуса, то есть создания благоприятных правовых условий для полной реализации субъективных прав [10]. Кроме того, охрана обеспечивается не только юридическими инструментами, но и с помощью мер политического, экономического и организационного характера, что оправдывает концепцию более широкого понимания «охраны права» нежели «защиты».

В отличие от охраны защита прав представляет собой комплекс активных мер по восстановлению нарушенных прав, то есть здесь большую роль играет уже случившийся факт нарушения. В контексте авторских и смежных прав защита предполагает ответную реакцию на посягательства в отношении авторских и смежных прав, попытки присвоить их или любыми другими способами нарушить тот объем правомочий автора или исполнителя, что был дан им в силу создания произведений. Второй концепции придерживаются ученые-правоведы Д.В. Мазаева, Н.И. Матузов, Э.П. Гаврилов, А.П. Сергеев и другие, что подтверждает приверженность более широкого круга исследователей второй позиции.

Сущность международно-правовой охраны авторских и смежных прав вытекает из уже выведенного нами общегражданского понимания охраны права и представляет собой установление определенного правового режима, направленное на наиболее благоприятное осуществление авторских прав на трансграничном уровне. Такой режим устанавливается с помощью закрепленных в законе прав автора, которые являются абсолютными, то есть им корреспондирует обязанность неопределенного числа лиц воздерживаться от ущемления этих прав.

В контексте исследования значения международной охраны авторских и смежных прав стоит обратить внимание на принципы такой охраны. Правовые принципы лежат в основе любого правового института, в том числе и в международно-правовой охране авторских и смежных прав, поскольку представляют собой основные начала, на которых основывается непосредственно сама охрана. Данные начала находят свое выражение в международных соглашениях и договорах, конвенциях, являющихся первоисточниками международной охраны интеллектуальной собственности.

Основными принципами согласно конвенциям и соглашениям, принятым в области охраны авторских и смежных прав, являются следующие:

- ◆ Принцип ассимиляции;

◆ Принцип минимального объема авторских прав.

Рассматривая принцип ассимиляции или иначе называемый принципом национального режима, стоит сказать, что он занимает важнейшую роль в ситуации, когда происходит трансграничное нарушение авторских и смежных прав. В контексте охраны интеллектуальной собственности принцип ассимиляции предоставляет иностранным физическим и юридическим лицам режим не менее благоприятный, чем предоставляется отечественным субъектам права интеллектуальной собственности, он закреплен не только международными актами, но и в национальном законодательстве большинства стран. Необходимость его диктуется, прежде всего, территориальностью авторских и смежных прав, которые возникают на территории одного государства, а защиты и охраны требуют повсеместно. Данную ситуацию исчерпывающе описывает Мэггс П.Б.: «при таком уровне охраны стимулы к развитию ограничиваются получением прибыли, которую можно извлечь лишь в пределах одной страны. Авторы произведений небольших государств возмущены, что их работы издаются во всем мире, но вознаграждение они получают только в своей стране» [11].

Из принципа национального режима вытекает второй важнейший принцип — минимального объема авторских прав, в соответствии с которым авторы и правообладатели, независимо от места их нахождения, получают равный правовой режим с национальными авторами и правообладателями, если они являются гражданами государств-участников международных конвенций в области охраны авторских и смежных прав.

Также многие исследователи, основываясь на нормах международных соглашений и конвенций, выделяют принцип гражданства автора; территориальный принцип предоставления охраны; принцип охраны вне зависимости от соблюдения формальностей; принцип осуществления охраны в пользу автора и его правопреемников.

Принцип гражданства автора в полной мере выражается в ст. 3 Бернской конвенции: «Охрана предоставляется произведениям как выпущенным, так и не выпущенным в свет, авторы которых либо являются гражданами государств — участников соответствующих конвенций, либо постоянно проживают на их территории» [12]. Таким образом, если автор является гражданином или постоянно проживающим на территории государства, которое является участником конвенции, то его произведение в любом случае будет находиться под охраной Конвенции.

Сущность территориального принципа не позволяет применять его одновременно с вышеуказанным

принципом, поскольку решающее значение здесь будет играть отсутствие у автора гражданства страны, которая является участницей международных конвенций. Охрана в таком случае осуществляется, если произведение науки, литературы, искусства было выпущено в свет на территории страны-участницы или страны-участницы и третьего государства.

Следующий принцип — принцип охраны вне зависимости от соблюдения формальностей — заключается в том, что произведение считается охраняемым с момента его создания, то есть, для приобретения статуса охраняемости объекты авторских и смежных прав не должны проходить государственную регистрацию (в ГК РФ также указано это правило), оформляться по специальным критериям и следовать любым другим формальностям. Несмотря на это, в законодательстве некоторых стран есть специальное указание на необходимость регистрации, в таком случае процедура будет считаться соблюденной при наличии знака охраны авторского права [13].

В вопросах толкования норм международных конвенций лидирующую позицию занимает принцип осуществления охраны в пользу автора и его правопреемников. Его значение состоит в том, что при неоднозначных толкованиях международных актов в сфере охраны авторских и смежных прав необходимо использовать именно то, которое наиболее выгодно автору или его наследникам. В подтверждение этой мысли П.Д. Барановский указывал: «Если в отношении положений международных конвенции, актов, договоров, возможны различные толкования, необходимо чтобы был выбран вариант, учитывающий интересы авторов и его правопреемников» [14].

Исследование данных принципов является крайне важным в вопросах понимания сущности этого института. Они продолжают выступать в качестве базовых основ как на международном уровне охраны авторского права, так и на национальном — в законодательстве участников, ратифицировавших международные конвенции.

Одной из отличительных характеристик авторских и смежных прав признается их территориальный характер, то есть при отсутствии международных соглашений их действие и охрана производятся только на территории государства, где они и возникли. Исправить такую ситуацию способно международное регулирование данных правоотношений, поскольку, заключая договоры и вступая в конвенции, государства гарантируют предоставление охраны прав на произведения и объекты смежных прав в отношении иностранных правообладателей.

Из-за общедоступности произведений, которое усматривается ввиду их перевода на различные языки, копирования в целях публичного распространения, архивирования и других действий, авторские и смежные права подвергаются различного рода угрозам со стороны третьих лиц. Они могут присвоить себе произведения, распространять их без согласия автора, лишая его, в том числе, права на вознаграждение, и иным образом посягнуть на законные права авторов. Во избежание подобных ситуаций необходима эффективная правовая база наднационального уровня, которая взяла свое начало еще в 1886 г. с созданием Бернского союза.

Важность правовой охраны авторских и смежных с ними прав обуславливается также процессами глобализации мировой экономики, расширением гражданского оборота, увеличением роли нематериальных активов в таком обороте в качестве предмета сделок, ростом массовой культуры и внедрения сети Интернет во все сферы жизнедеятельности общества.

Первоначально основу международной охраны составляли двусторонние соглашения в сфере авторского права. Примером таких соглашений могут служить соглашения между 15 государствами Западной Европы и Америки, число которых к 1886 году составило 33 [15]. Они показали свою несостоятельность ввиду следующих причин: 1) охрана предоставлялась по принципу взаимности, то есть иностранные граждане имели только такой объем правомочий, какой имели в иностранном государстве граждане этой страны; 2) произведение могло получить охрану только в одной зарубежной стране, с которой заключен соответствующий международный договор; 3) такие договоры содержали множество условий, формальностей и оговорок, что препятствовало однообразному регулированию охраны авторских и смежных прав. Также в связи со значительными различиями в национальном авторском праве государств, возникали коллизии в применении права к охране и защите авторских прав.

Постепенно двустороннее регулирование отошло на второй план, и появилась необходимость в унификации международных стандартов, которые обеспечивали бы минимальный или «базовый» уровень охраны авторских и смежных прав. Такая унификация представляла собой принятие многостороннего международного договора в целях устранения противоречий между национальными законодательствами.

Авторское право в международном аспекте следует рассматривать в двух областях: в области международного частного права и в области публичного права. Публичный характер регулирования данных правоотношений связан с тем, что международные соглашения

по охране авторских прав обязывают государства имплементировать нормы в национальное законодательство и приводить его в соответствие с основными стандартами охраны и защиты прав авторов.

Под международным соглашением в данной работе понимается такое соглашение между договаривающимися государствами, из которого явствует намерение государства-участника взять на себя международно-правовые обязательства, связанные с предметом соглашения, а именно обязательства по охране и защите авторских и смежных прав.

Российская Федерация является участником всех основных международных соглашений в сфере авторских и смежных прав. Такие соглашения можно объединить в группы по принципу предмета регулирования:

1. Соглашения по вопросам охраны авторских прав;
2. Соглашения, регламентирующие охрану смежных прав;
3. Иные международные соглашения, которые регулируют охрану и защиту как авторских, так и смежных прав, а также более широкую область охраны объектов интеллектуального права. Сюда же относятся двусторонние договоры с соответствующим предметом регулирования.

Как уже было сказано выше, Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года является фундаментальным источником по охране авторских прав и относится к первой группе международных соглашений в данной области. Несмотря на то, что конвенция вступила в силу в конце XIX столетия, она предопределяет современные механизмы охраны авторских прав большинства государств мира. На пути к своей последней актуальной редакции от 1908 года Бернская конвенция подверглась многочисленным пересмотрам, что было связано с появлением новых технических средств использования объектов авторского права. Это позволяет сделать вывод о том, что государства путем достигнутого соглашения пришли к некоему консенсусу в области охраны прав авторов, создав непоколебимую нормативную базу в регулировании соответствующих правоотношений.

В самом названии Конвенции содержатся те объекты, которые подлежат охране,— это литературные и художественные произведения. В ст. 2 Конвенции дана конкретизация этим объектам: «Книги, брошюры и другие письменные произведения; лекции, обращения, проповеди и другие подобного рода произведения; драматические и музыкально-драматические произведения; хореографические произведения и пантомимы; музыкальные сочинения с текстом или без текста;

кинематографические произведения, к которым приравниваются произведения, выраженные способом, аналогичным кинематографии; рисунки, произведения живописи, архитектуры, скульптуры, гравирования и литографии; фотографические произведения, к которым приравниваются произведения, выраженные способом, аналогичным фотографии; произведения прикладного искусства; иллюстрации, карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии, архитектуре или наукам». В этой же статье говорится о том, эти произведения могут быть закреплены в любой форме, однако государство-член по своему усмотрению вправе исключить охрану некоторых форм выражения таких произведений из списка охраняемых.

Конвенция содержит условия, при соблюдении одного из которых, автору будет предоставлена охрана его произведений за границей:

1. Автор произведения — гражданин страны-участницы Конвенции, причем постоянно проживающий автор на территории такой страны приравнивается Конвенцией к гражданину;
2. Первое опубликование произведения произошло в государстве-члене Конвенции или одновременно в таком государстве и государстве, не имеющим членства в Конвенции.

В основе Бернской Конвенции лежат следующие принципы охраны: национальный режим, независимость охраны авторских прав в стране-участнице от охраны в других государствах, автоматическая охрана. Данные принципы устанавливают такой правовой режим, который необходим для оптимальной и эффективной защиты авторских прав за границей. Так, национальный режим позволяет уравнивать авторов-иностранцев с авторами-гражданами страны Бернского союза. Особенностью принципа автоматической охраны является то, что произведению не нужна регистрация и иные формальные процедуры для того, чтобы оно стало охраняемым, поскольку авторское право возникает в момент закрепления произведения в материальной форме или первого опубликования.

Бернская Конвенция по охране художественных и литературных произведений устроена таким образом, что обеспечивает интересы не только авторов произведений, но и публичного круга лиц. Речь идет о тех положениях, которые позволяют использовать и воспроизводить некоторые объекты без согласия автора или же вовсе исключаются из перечня охраняемых. Например, п. 8 ст. 2 Конвенции устанавливает императивное правило — из сферы авторской охраны исключаются сообщения, несущие характер «простой

пресс-информации». Данная норма обеспечивает нормальное функционирование оборота общедоступной информации о произошедших событиях, иными словами новости не могут принадлежать определенному лицу. Однако данная норма не ограничивает охрану произведений, в которых выражена такая информация [15].

Касаемо политических речей; речей, произнесенных в ходе судебного процесса и публично произнесенных произведений установлен диспозитивный порядок регулирования, то есть на усмотрение государства-члена могут быть введены ограничения на охрану таких произведений (ст. 2 bis). Пункт 2 данной статьи однозначно определяет, что национальным законодательством лекции, выступления и другие публично произнесенные произведения могут быть представлены публике с информационной целью.

Такой же диспозитивный порядок регулирования на национальном уровне предоставлен официальным документам и их переводам (п. 4 ст. 2).

Конвенцией устанавливаются минимальные требования охраны, которые могут быть увеличены на усмотрение государств. Например, это касается срока продолжительности охраны. Ст. 7 данный срок устанавливается в 50 лет после смерти автора, помимо самой продолжительности его жизни, а в Гражданском кодексе Российской Федерации данный срок увеличен до 70 лет.

Важное место в Бернской конвенции выделено нормам о личных неимущественных правах авторов, которые были внесены в соглашение значительно позднее, чем были закреплены имущественные авторские права. Введение этого блока прав в Конвенцию было обусловлено тем, что автор имеет право не только на получение экономической выгоды в результате создания и публикации произведения, а также права морального характера, поскольку любое произведение создано творческим трудом автора и является выражением его внутреннего мира, взглядов и убеждений [16].

Согласно ст. 6 bis Конвенции авторам предоставляются следующие неимущественные права:

1. Право требовать признания своего авторства;
2. Право на неприкосновенность произведения, то есть не допускать любых посягательств на произведение, которые могут нанести ущерб чести и репутации его создателя.

Вместе с охраной имущественных прав автора неимущественные подлежат охране в течение такого же срока.

Следующим международным соглашением по охране авторских прав является Всемирная конвенция об авторском праве, подписанная в Женеве в 1952 году, поэтому именуемая Женевской.

Всемирная конвенция об авторском праве является не менее значимым источником в сфере охраны авторских прав. Несмотря на то, что на момент ее подписания механизм охраны и защиты был полностью урегулирован Бернской конвенцией, Женевская конвенция коснулась тех вопросов данных правоотношений, которые не могли быть урегулированы Бернской конвенцией по причине того, что многие государства по тем или иным обстоятельствам не могли соответствовать минимальным стандартам охраны, действовавшим на тот период. Так, например, Соединенные Штаты Америки до 1989 года не присоединялись к Бернской конвенции ввиду своеобразия национального законодательства в области интеллектуальной собственности, а именно в части соблюдения формальностей для закрепления за авторами его прав.

Таким образом, исторические предпосылки развития государств (независимость стран Латинской Америки, Азии, Африки) и все большее стремление государств к обеспечению правового режима в сфере авторских прав предопределили необходимость создания такого универсального соглашения, которое пошло бы не только участникам Бернской конвенции, но и государствам, не присоединившимся к ней. Таким соглашением стала Всемирная конвенция об авторском праве, которая установила менее жесткие требования охраны авторских прав.

Российская Федерация является формальным участником с 1973 года, поскольку является правопреемником СССР.

Исследователи выделяют несколько базовых принципов, на которых основана Всемирная конвенция, и которые существенно отличают ее от предшественницы [4]:

1. Принцип государственной охраны авторских прав;
2. Принцип национального режима;
3. Принцип соблюдения формальностей.

Принцип национального режима в контексте Женевской конвенции не отличается от общеправового понимания данного принципа, поэтому останавливаться на нем мы не будем.

Принцип государственной охраны четко закреплен в ст. 1 Конвенции, он возлагает на каждое присоединившееся государство обязанность по принятию всех

необходимых мер для охраны авторских прав и прав других правообладателей на территории такого государства. Главным критерием данных мер должна быть их достаточная эффективность. При этом Конвенция не конкретизирует, какие именно меры должны быть задействованы государством в регулировании охраны авторских прав, это остается на усмотрение самих государств в силу возможностей их национальных законодательств. Такими мерами могут служить гражданско-правовые методы, методы административного воздействия или меры уголовно-правового характера.

Соблюдение минимальных формальностей как принцип представляет собой возможность сохранения или установления во внутреннем законодательстве договаривающегося государства формальных требований, которые необходимо соблюдать для признания авторских прав. В частности, формальности считаются соблюденными на территории этого государства, если произведение было «выпущено в свет» за пределами ее территории и автор не является гражданином такой страны, при наличии специального знака «с указанием имени обладателя авторского права и года первого выпуска в свет» (ст. 3).

Всемирная конвенция об авторском праве, таким образом, облегчает процедуру присоединения государств к международному регулированию охраны авторских прав, позволяя участникам нести минимальные затраты на приведение национального законодательства к международным правовым стандартам [17].

Также в контексте анализа основных международных соглашений по охране авторских прав следует упомянуть Договор ВОИС по авторскому праву, принятый Дипломатической конференцией 20 декабря 1996 г., который является самым «молодым» международным соглашением из вышеуказанных.

В ст. 1 Договора ВОИС сразу же подчеркивается его соотношение с Бернской конвенцией как с рамочным актом, то есть принят он был в смысле ст. 20 Бернской конвенции, чтобы расширить ее новыми положениями и усовершенствовать тем самым охрану прав авторов в цифровую эпоху.

Неоспоримое преимущество Договора ВОИС для современного института охраны авторских прав заключается в том, что Договором впервые регулируется охрана компьютерных программ (программ для ЭВМ) наравне с литературными и художественными произведениями (ст. 4), а также баз данных как самостоятельных объектов [18]. Ранее программы для ЭВМ не подлежали международной охране.

Основные же положения Договора ВОИС содержат в себе регламентацию иных, ранее не закрепленных прав, например, право на распространение оригиналов и копий произведений путем передачи права собственности на них, право на коммерческий прокат произведений, право на сообщение для всеобщего сведения через проводную или беспроводную связь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сочетание Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений и Договора ВОИС по авторскому праву составляет наиболее эффективный механизм охраны авторских прав, включая в себя высокие стандарты охраны прав авторов и усовершенствованные положения о регулировании современных объектов интеллектуальной собственности.

Первым международным соглашением в области охраны смежных прав является Конвенция об охране интересов исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций, иначе Римская конвенция Толчком к ее появлению стало развитие фонографической промышленности и недостаточная защищенность правового положения субъектов смежных прав.

Изначально различные международные организации планировали внести дополнения в Бернскую конвенцию, которые бы касались «иных», менее творческих прав, чем авторские. Однако такая инициатива не была поддержана, и международным сообществом в 1960 г. был подготовлен Проект конвенции, рассмотренный позже на Дипломатической конференции в Риме и принятый окончательно 26 октября 1961 г.

Как особенность этого международного акта можно отметить тот факт, что большинство международных соглашений, касающиеся вопросов интеллектуальной собственности, обобщали уже существующие национальные нормы регулирования некоторых институтов, а Римская конвенция поспособствовала становлению нового института смежных прав, который на тот момент отсутствовал в национальных законодательствах или находился на стадии формирования.

В основе Конвенции лежат следующие принципы:

1. Принцип национального режима охраны;
2. Принцип минимального уровня охраны.

Корреляция двух этих начал производит весьма интересный механизм охраны, который выражается в том, что иностранные субъекты смежных прав получают такие же права в иностранном государстве-участнике Конвенции, как граждане этого государства. Однако

если национальным законодательством предусмотрен режим, не достигающий минимальных требований Конвенции, то к иностранцам будут применяться именно такие минимальные конвенционные требования охраны. Таким образом, может сложиться ситуация, при которой национальные субъекты смежных прав будут иметь меньший объем прав и уровень защиты в сравнении с иностранными субъектами, поскольку Римская конвенция не предусматривает применение ее норм к гражданам стран-участниц.

Субъекты, права которых подлежат охране, перечислены в названии самой конвенции, это исполнители, изготовители фонограмм и вещательных организаций. На настоящий момент круг данных субъектов значительно расширен, но Конвенцией не учитывалось появление новых объектов охраны и способов использования.

Права субъектов в Римской конвенции разделены соответственно на три группы: права исполнителей, права производителей фонограмм и права вещательных организаций.

В соответствии со ст. 4 Конвенции охрана прав исполнителей осуществляется только в случаях, если исполнение осуществлено в государстве-участнике Римской конвенции, а также включено в фонограмму, которая подлежит охране по правилам Конвенции, или если исполнение не записано, но было включено в передачу организации эфирного вещания, которая также должна быть охраняемой Конвенцией. Важным моментом регламентации предоставления национального режима охраны исполнителям является то, что в отношении их в документе не содержится критерия гражданства, то есть оно в данном случае не играет роли для действия норм Конвенции на исполнение.

В отличие от прав исполнителей, права производителей фонограмм ставятся в зависимость от гражданства гражданина-производителя или страны регистрации организации-производителя.

Что касается срока охраны по Римской конвенции, то он составляет 25 лет, что показывает различие статуса охраны авторских прав и прав, смежных с ними.

Несмотря на то, что Римская конвенция была первой в своем роде и носила на тот момент прогрессивный характер, она не затрагивает современных способов использования объектов смежных прав, например использование этих объектов через Интернет, не затрагивает кабельное и спутниковое вещание. Именно поэтому многие, в том числе и развитые государства

(США, Китай, Индия), не присоединились к данному международному соглашению.

Для урегулирования некоторых правовых пробелов Римской конвенции и привлечения наибольшего числа государств была принята Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм (Женевская фонограммная конвенция) от 1971 года. Новизна данного международного соглашения состоит в том, что по своей сути оно является специальным, так как регулирует только права производителей фонограмм, не затрагивая остальных субъектов, а также избавляется от пережитков Римской конвенции и других актов в этой области в части национального режима охраны. Отказ от национального режима компенсируется в Женевской фонограммной конвенции тем, что на каждое участвующее государство накладывается обязанность по охране интересов иностранных производителей фонограмм в соответствии со ст. 2 без сравнения с национальными производителями.

Исследователи, в частности Рожкова М.А., Афанасьев Д.В., называют данную Конвенцию «антипиратской», поскольку ее положения сводятся к тому, чтобы предотвратить незаконное воспроизведение фонограмм путем установления запретов на несанкционированное изготовление копий фонограмм, ввоз этих копий и, соответственно, их распространение публике [19].

Еще одним специальным соглашением является Брюссельская конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники. В ней заложен аналогичный механизм охраны, что и в Женевской фонограммной конвенции, но объектом являются несущие программы сигналы, которые передаются через спутники.

Брюссельская конвенция расширила объем охраны прав организаций эфирного вещания (в сравнении с Римской конвенцией) путем установления запрета на незаконное распространение несущих программы сигналов на территории участвующего государства, даже если они не пригодны для приема и не соответствуют понятию «передачи в эфир», как в Римской конвенции. Также Конвенцией регламентируется распространение сигнала по кабелю, что было пробелом в Римской конвенции.

Эффективность данного международного соглашения ставится под вопрос, поскольку Брюссельской конвенцией в должной мере не регламентируются конкретные меры для недопущения распространения сигналов, передаваемых через спутник, а также не опреде-

лена минимальная продолжительность вышеуказанных мер. Немаловажным упущением Конвенции является ее распространение только на сигналы, получаемые со спутника, в ущерб «вторичным» сигналам, которые распространяются уже после правомерного принятия сигнала со спутника.

Завершает список основополагающих международных соглашений в области охраны смежных прав Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам 1996 года, он был принят одновременно с Договором ВОИС по авторскому праву и близок к нему по своей структуре и формулировкам. Исследователи признают данный Договор «выдающимся» в сфере смежных прав.

Как усматривается из названия Договора, его положениями регулируются права двух субъектов: исполнителей и производителей фонограмм.

Договором ВОИС по исполнениям и фонограммам предусмотрен национальный режим охраны, ставший традиционным для международного законодательства в сфере регулирования прав на интеллектуальную собственность.

Особенностью Договора является закрепление за исполнителями личных неимущественных прав по подобию тех, что предоставляются авторам в соответствии со ст. бbis Бернской конвенции.

Минимальный срок охраны исполнений Договором увеличен до 50 лет, что, несомненно, поднимает стандарты охраны на более высокий уровень.

Стоит отметить, что актуальность Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам обусловлена тем, что нормы этого договора адаптированы к цифровым технологиям, а его целью является заполнение правовых пробелов, связанных с экономическим, социальным, культурным и техническим развитием.

Таким образом, проанализировав две группы международных соглашений, можно однозначно сказать, что международное законодательство наиболее полно и всесторонне охватывает именно сферу авторского права, а права субъектов смежных прав постоянно нуждаются в обновленном регулировании и принятии новых международно-правовых актов. Представляется, что такое различие вытекает из самой природы этих двух институтов интеллектуального права, поскольку, авторские права являются первичными и их регламентация не так затруднительна, как в ситуации со смежными правами, где круг объектов, субъектов, способов использования постоянно расширяется и требует более тщательной проработки в национальном законодательстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей. М.: Статут, 2003
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52
3. Маслова Ирина Сергеевна Сущность исключительного права на авторские произведения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2.
4. Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности. Авторское право: Учебник. том 2, Статут, 2017.
5. Алисов Алексей Сергеевич Авторы и иные субъекты первоначального авторского права // Отечественная юриспруденция. 2017. № 3 (17).
6. Постановление Пленума ВС РФ от 19.06.2006 года № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах»
7. Елена Николаевна Володькова Объект авторского права — результат творчества или ремесла // Закон и право. 2018. № 6.
8. Идея смежных прав и их разновидности А.Г. Матвеев, «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 24, июнь 2019 г., с. 54–60
9. Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук /Т.Б. Шубина; Науч. рук. В.М. Ведяхин. — Саратов, 1998. — 16 с.
10. Жорина А.В. Соотношение понятий «охрана» и «защита» авторских прав // Правовая гарантия
11. Мэггс П.Б., Сергеев А.П. Интеллектуальная собственность. — М.: Юристъ, 2000. — 400с.
12. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. // Бюллетень международных договоров.— 2003. — № 9.
13. Болдырев С.И. Принципы охраны авторских прав на международном уровне: значение, роль, особенности // Таврический научный обозреватель. 2016. № 5–1 (10).
14. Барановский П.Д. О принципах международной охраны авторских прав // Журнал российского права. —2001.— № 8.
15. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование: учебное пособие для вузов / И.А. Близнец [и др.]; под редакцией И.А. Близнеца, В.А. Зимина; ответственный редактор Г.И. Тыцкая. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 252 с. — (Высшее образование). — ISBN978–5–534–05063–9. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. с. 2
16. Драгунова Светлана Александровна, Седашкина Татьяна Ивановна Право на неприкосновенность произведения: особенности и международно-правовые истоки формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11.
17. Логинов, А.А. Основные международные договоры по охране авторских и смежных прав / А.А. Логинов // Modern Science. — 2020. — № 7–2.— С. 132–137.
18. Абагуева, Л.Б. Значение договора ВОИС по авторскому праву в обеспечении международно-правовой охраны авторских прав / Л.Б. Абагуева // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции в рамках Байкальского студенческого юридического форума-2020, Иркутск, 26 марта 2020 года / Отв. редакторы Э.И. Девицкий, С.И. Сулова. — Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. — С. 46–49.
19. Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Международные договоры в сфере интеллектуальной собственности (актуальный обзор многосторонних соглашений): учебное пособие — сборник международных договоров. — М.: Статут, 2017. — 768 с. (серия «IP & Digital Law»)

© Чувахин Петр Игоревич (chuvakhin.petr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИРОВОЙ ОПЫТ СТРАН КРЕДИТОВАНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Шайдуллина Венера Камилевна

К.ю.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
VKShajdullina@fa.ru

WORLD EXPERIENCE OF COUNTRIES LENDING TO SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

V. Shaydullina

Summary. The article is devoted to the consideration of foreign experience related to the development and support of medium and small businesses. The article analyzes the economic processes of the EAEU member states and summarizes the foreign practice of individual states. In conclusion, several of the most pressing problems in the field of lending to medium and small businesses in the EAEU member states are highlighted. The article has been prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

Keywords: subjects of medium and small business, medium and small business, indicators, EAEU member states, availability of credit resources, lending.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению иностранного опыта, связанного с развитием и поддержкой субъектов среднего и малого предпринимательства. В статье проанализированы экономические процессы стран-членов ЕАЭС и обобщена иностранная практика отдельных государств. В заключении выделено несколько наиболее актуальных проблем в области кредитования субъектов среднего и малого бизнеса в странах-членах ЕАЭС. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Ключевые слова: субъекты среднего и малого предпринимательства, средний и малый бизнес, индикаторы, страны-члены ЕАЭС, доступность кредитных ресурсов, кредитование.

Сектор среднего и малого бизнеса выступает в качестве неотъемлемого элемента и стабилизатора рыночной экономики. Именно субъекты среднего и малого бизнеса обеспечивают материальное благосостояние населения и жизнеспособность экономики в условиях финансово-экономического кризиса. В западных странах средние и малые предприятия способствуют формированию конкурентной среды и повышают рыночную конъюнктуру. Странам с развивающейся экономикой будет полезен опыт развитых государств в данной сфере.

Многие предприятия сегмента среднего и малого бизнеса сталкиваются с проблемами, связанными с финансированием хозяйственной деятельности. Отечественный и иностранный опыт показывает, что одним из важнейших источников внешнего финансирования субъектов среднего и малого предпринимательства выступает банковское кредитование. Соответственно, вопрос доступности кредитования и кредитных ресурсов для средних и малых предприятий обладает сегодня повышенной актуальностью.

Аналитики и эксперты в области финансов все чаще говорят о предстоящем мировом финансово-экономическом кризисе. Их слова подтверждаются целым

рядом факторов, в том числе постепенным снижением числа запускаемых инвестиционных проектов, падением спроса населения на товары длительного пользования, замедлением темпов роста экономики (национальной и мировой). Очень важно предпринять необходимые шаги по подготовке к предстоящим изменениям, разработав новый пакет антикризисных мер. В этот пакет обязательно необходимо включить меры по поддержке субъектов среднего и малого бизнеса.

К настоящему времени проведено немало теоретических исследований, посвященных анализу ситуации с кредитованием среднего и малого бизнеса в странах-членах ЕАЭС. В этих исследованиях затрагивается не только кредитование, но и иные актуальные вопросы (фискальная политика в странах ЕАЭС; принятие мер по улучшению бизнес-климата; нейтрализация административных барьеров; финансирование субъектов среднего и малого бизнеса из разных источников; государственная поддержка). Проанализировав отдельные публикации отечественных авторов и иностранные первоисточники, можно в общих чертах понять специфику кредитования средних и малых предприятий. Часто в литературе описываются и основные этапы кредитования.

Обобщив иностранную практику стран-членов ЕАЭС (России, Республики Беларусь, Республики Армения, Кыргызстана и Республики Казахстан) в сфере кредитования среднего и малого бизнеса в кризисных условиях, можем сделать некоторые выводы. Так, в 2015–2016 гг. средние и малые предприятия, функционирующие в странах ЕАЭС, сталкивались с разными, но похожими по характеру проблемами (неадекватно завышенная стоимость кредитных ресурсов; спад внутреннего спроса; отсутствие государственной поддержки на достаточном уровне и др.). Такая ситуация была обусловлена депрессивностью национальных экономик стран-членов ЕАЭС, а также целым рядом субъективных и объективных причин. Но уже в 2017 г. на макроэкономическом уровне произошли определенные изменения, следствием чего стало улучшение бизнес-среды и внешнеторговой конъюнктуры. Также с 2017 года началось снижение процентных ставок по кредитам в национальной валюте. В 2018 году тенденция снижения процентных ставок распространилась и на валютные кредиты.

Проведенный анализ показал наличие относительно развитой системы государственной поддержки во всех странах-членах ЕАЭС. Существующей системой предусмотрено льготное финансирование и кредитование государственного сектора. Несмотря на это, в период с 2014 по 2016 гг. наблюдалось значительное сокращение численности занятых на предприятиях государственного сектора. Такая ситуация в разной степени имела место во всех странах ЕАЭС. По словам экспертов, рабочая сила, массово высвобождаемая из государственного сектора в связи с кризисом в экономике, могла бы найти применение в частном сегменте. Но для этого нужны более благоприятные условия в части обеспечения доступности кредитных ресурсов. Без создания надлежащих условий для финансирования и развития сегмента среднего и малого бизнеса рассчитывать на эффективное задействование рабочей силы явно не приходится.

В контексте настоящего исследования целесообразно рассмотреть базовые индикаторы развития и обеспечения доступности кредитных ресурсов для средних и малых предприятий. При анализе базовых индикаторов необходимо учитывать, что условия, влияющие на роль и место субъектов среднего и малого бизнеса в национальной экономике, варьируются не только в зависимости от государства. Эти условия могут различаться и по финансовым организациям одной юрисдикции. Приблизительно треть иностранных государств четко придерживается рекомендаций ОЭСР, сформулированных в рамках конференции 2004 г., прошедшей в Турции. В соответствии с этими рекомендациями, к числу средних, малых и микропредприятий относятся бизнес-субъекты, в которых менее 250 наемных работников.

Обязательное условие — предприятие должно быть зарегистрировано в соответствии с действующим законодательством. Указанный критерий признается во всех европейских странах. В Соединенных Штатах для того, чтобы быть причисленной к сегменту среднего и малого бизнеса, компания должна проходить по двум условиям:

1. Во-первых, размер выручки в год должен быть не более 250 миллионов долларов.
2. Во-вторых, максимальное количество работников в компании должно составлять 500 чел. [1].

В некоторых странах достаточно соответствия всего одному условию (численность персонала, объем выручки или сумма инвестиций в предприятие). Так, в Индии к указанному сегменту относятся предприятия, размер инвестиций в которые не превышает 0,8 млн. долларов (сфера услуг) или 1,61 млн. долларов (производство). А в Китае крупным считается предприятие, на котором работает от 1501 чел. Соответственно, если численность работников меньше, то компания входит в число субъектов среднего и малого бизнеса [3].

Международная организация труда, активно занимающаяся развитием социального диалога и занятости, а также продвижением национальных программ достойного труда, в одном из своих официальных докладов обратила внимание на то, что на долю среднего и малого бизнеса приходится более 2/3 занятых. Эти цифры свидетельствуют о том, что именно данный сектор обеспечивает значительную часть производства мирового ВВП в странах с развивающейся и развитой экономикой. Аналогичные выводы представлены в документах Европейского Центрального Банка (The European Central Bank — ECB), Европейской комиссии (European Commission — EC) и Всемирного банка (The World Bank) [4].

Исследование глобального масштаба, проведенное МОТ в 2005 году, показало, что доля субъектов среднего и малого бизнеса составляет 90%. Соответственно, на крупные предприятия приходится только 10%. Это показатели по всему миру. По данным этого же исследования, в развитых и развивающихся странах на средние и малые предприятия приходилось 63% и 34% трудоустроенных соответственно. Причем, если учитывать теневой сектор, то реальные цифры могут быть и больше.

Средние и малые предприятия в 2013 году обеспечивали рабочими местами более 2/3 трудоспособной части населения в странах ЕС. При этом из 100% официально зарегистрированных предприятий около 99% относились к рассматриваемому сегменту [1].

По мнению некоторых аналитиков, число субъектов среднего и малого бизнеса в стране зависит от уровня

развития национальной экономики, а остальные факторы играют второстепенную роль [2]. В исследовании R. Ramalho, M.L. Mirmulstein и K. Kushnir, проведенном в 2010 г., рассмотрены данные по плотности средних и малых предприятий во всем мире за 2007 год. Россия вошла в число стран, в которых на тысячу чел. населения приходится от одного до десяти субъектов среднего и малого бизнеса. В эту же группу вошли такие страны, как Республика Беларусь, Грузия, Индия, КНР, Украина, Филиппины.

Положительная динамика развития субъектов среднего и малого бизнеса в странах с развивающейся и развитой экономикой обеспечивается благодаря доступности финансирования. Многие предприятия рассматриваемого сектора сталкиваются с трудностями в части эмиссии облигаций и вывода акционерного капитала напрямую на рынок. Во многом такие трудности обусловлены небольшими объемами производства и реализации продукции. Поэтому очень часто для средних и малых предприятий единственными источниками финансирования являются банковские кредиты и венчурное финансирование. Если применяются инструменты венчурного финансирования, то инвесторами оцениваются перспективы экономического роста бизнес-субъекта, уровень его предполагаемых доходов, а также доходность активов. В таком случае при анализе предприятия в дополнение к методам оценки, применяемым при долговом или акционерном финансировании, используются и иные методы.

В последние годы система кредитования субъектов среднего и малого бизнеса выступает одной из самых острых и актуальных тем. Ее исследованием занимаются не только международные организации (МОТ, ОЭСР, European Commission, The European Central Bank, МВФ, The World Bank), но и некоторые правительства. Результаты исследований затем закладываются в основу разработки мер поддержки субъектов среднего и малого бизнеса.

Начиная с 2008 г., European Commission и The European Central Bank на регулярной основе проводят исследования по вопросам определения степени доступности кредитов для субъектов среднего и малого бизнеса. Исследования проводятся более чем в 35 государствах, в т.ч. в 28 странах ЕС.

ОЭСР на ежегодной основе проводит анализ доступности кредитных ресурсов для средних и малых предприятий. В основу анализа заложено 13 ключевых показателей. К ним относятся:

1. Общее число банкротств с цифрами, отражающими динамику по бизнес-субъектам.
2. Общий объем коммерческого кредитования субъектов среднего и малого предпринимательства.

3. Объем краткосрочных кредитов (со сроком менее 12 месяцев) в общем объеме кредитов, выданных субъектам среднего и малого бизнеса.
4. Общий объем залоговых кредитов.
5. Объемы венчурного финансирования и объемы портфельных инвестиций.
6. Отсрочка по платежам с цифрами, отражающими динамику отсрочки в днях.
7. Общий объем кредитов, выданных с участием государственных гарантий.
8. Объем государственных гарантий, в т.ч. в денежном эквиваленте по кредитам, выданным средним и малым предприятиям.
9. Объем прямого кредитования из бюджета государства.
10. Показатель, отражающий разницу между ставками, установленными по кредитам для субъектов среднего и малого бизнеса, а также по кредитам для крупных предприятий.
11. Размер средневзвешенной ставки по кредитам для бизнес-субъектов рассматриваемого сегмента.
12. Соотношение между количеством поданных кредитных заявок и количеством удовлетворенных.
13. Соотношение объема просроченной задолженности по кредитам к общему объему выданных кредитов.

Вышеуказанные показатели и индикаторы отражаются в табличном виде и публикуются в виде статистики в разрезе стран, что позволяет отследить изменения в динамике.

С помощью этих индикаторов можно оценить фактор выживаемости рассматриваемого сегмента в кризисные периоды и периоды восстановления экономики; увидеть изменения в распределении объема кредитования по государствам, а также реальную структуру кредитов в части оборотного капитала, финансирования, инвестиций в основные фонды; сформировать представление о перспективах развития предприятия на долгосрочный период и о действующих условиях кредитования; оценить дополнительные источники финансирования для бизнес-стартапов; проследить финансовые потоки и проблемы, осложняющие процесс финансирования; определить уровень государственной поддержки средних и малых предприятий; оценить объемы государственной поддержки для финансирования рассматриваемого сегмента, а также увидеть реальные объемы прямого государственного финансирования для средних и малых предприятий; увидеть, как коррелируют ставки в зависимости от размера предприятия; увидеть взаимную связь между условиями по кредитам и премиальной платой за риск, взимаемой банками с предприятий рассматриваемого сегмента;

Таблица 1. Объемы кредитования субъектов среднего и малого бизнеса в отдельных странах в 2010 г.*

№	Государство	Объем кредитования
1.	Эстония	7
2.	Казахстан	9
3.	Польша	41
4.	Индия	53
5.	Турция	59
6.	Бразилия	61
7.	Таиланд	80
8.	Российская Федерация	84
9.	Тайвань	97
10.	Бельгия	107
11.	Австралия	156
12.	Франция	303
13.	Нидерланды	463
14.	США	700
15.	КНР	2110

*Составлено автором

оценить готовностью финансовых учреждений кредитовать предприятия рассматриваемого сектора и увидеть связь между условиями по кредитам; оценить уровень финансовой дисциплины и определить степень кредитоспособности бизнес-субъектов [11].

Исследования, в основу которых заложены вышеперечисленные индикаторы, позволяют сформировать общее представление о политике государства в отношении сегмента среднего и малого бизнеса; оценить масштаб финансового кризиса; исследовать существующие в стране меры поддержки, предусмотренные для таких предприятий, а также увидеть, насколько они результативны. В настоящее время подобные исследования проводятся по 18 государствам. Особенность и ценность таких исследований в том, что они проводятся до кризиса, непосредственно в период кризиса и после его завершения, когда экономика вступает в фазу восстановления.

Оценка системы кредитования бизнес-субъектов рассматриваемого сегмента показывает наличие серьезных диспропорций в объеме между государствами с развитой и развивающейся экономикой. В соответствии с данными, опубликованными Всемирным Банком, в 2008–2011 гг. ежегодный объем кредитования рассматриваемого сегмента находится в пределах 10 трлн. долларов, что является довольно внушительной цифрой.

Если смотреть на показатель соотношения объема кредитования к ВВП, то он варьируется в диапазоне от 3% (развивающиеся государства) до 13% (страны с развитой экономикой).

В табл. 1 представлены объемы кредитования (в млрд. долларов США) предприятий рассматриваемого сегмента за 2010 год.

В рамках настоящей статьи необходимо рассмотреть пакет дополнительных мер по государственной поддержке кредитования и повышению доступности кредитов для субъектов среднего и малого бизнеса в странах ОЭСР в условиях рецессии. С этой целью взяты результаты расширенного сравнительного анализа. Это позволило определить уровень развития кредитования бизнес-субъектов интересующего сегмента, а также выявить страны, в которых наилучшие показатели в данной сфере. К числу таких стран относятся: Венгрия, Швеция, Италия, Словакия, Южная Корея и Португалия. Также была рассмотрена практика иностранных государств в части повышения доступности коммерческих кредитов для субъектов среднего и малого предпринимательства и доказано, что этот момент способствует снижению уровня безработицы в стране и положительно влияет на развитие национальной экономики.

В условиях финансово-экономического кризиса кредитная поддержка субъектов среднего и малого предпринимательства предоставляется по нескольким направлениям. Так, например, вследствие ужесточения условий кредитования субъектов среднего и малого бизнеса количество одобренных заявок на кредит в проанализированных странах значительно уменьшилось. Исследование, проведенное ЕК совместно с The European Central Bank, показывает, что в 2009 г. уровень неодобренных заявок по кредитам в странах

ЕС достиг отметки в 18% (ранее было зафиксировано значение в 12%). Буквально через год этот показатель упал до 11%. Правительства некоторых стран начали расширять программы поддержки и использовать дополнительные инструменты (прямое финансирование, расширение гарантийных обязательств и др.), что позволило компенсировать усложнение доступа к кредитам. К слову, в некоторых странах удалось добиться практически стопроцентного уровня обеспечения государственных гарантий по кредитам.

Помимо прочего, пакеты мер поддержки рассматриваемого сегмента включали: предоставление государственных гарантий при выдаче новых кредитов; бесплатное консультирование предприятий перед подачей заявки на кредит; введение новых кредитных продуктов (краткосрочные и контр циклические кредиты); более продолжительная отсрочка по платежам, если кредиты выданы в рамках реализации программ венчурного финансирования; снижение стоимости гарантийных схем [5].

В Дании гарантийные схемы наиболее активно использовались именно при кредитовании сегмента среднего и малого бизнеса, а также предприятий-экспортеров. Кредитные ресурсы необходимы предприятиям для пополнения оборотного капитала и в качестве инвестиционных инструментов. Экспортно-кредитное агентство Дании (Eksport Kredit Fonden) в 2010 г. могло предоставить гарантий на общую сумму 355,1 млн. долларов, что равнялось примерно 6% от общей массы кредитов, выданных субъектам среднего и малого предпринимательства. В 2007 г. объем предоставленных государственных гарантий составлял 25,8 млн. долларов США, а в 2010 г. — 91,5 млн. долларов США.

В Италии разработкой мер по повышению доступности кредитных ресурсов для средних и малых предприятий занимается Центральный гарантийный фонд. В 2010 г. Фонд получил от государства более 5,2 млрд. евро, из которых на кредитование рассматриваемого сегмента было направлено почти 3,6 млрд. евро. В Венгрии в этом же году государственные гарантии покрывали примерно 12,6% выданных ссуд.

Южнокорейское правительство увеличило поддержку рассматриваемого сегмента при первых же проявлениях глобального кризиса. В соответствии с программой государственного гарантирования, в 2007 г. размер государственных гарантий достиг отметки в 42,1 млрд. долларов. Через три года данный показатель составил 49,6 млрд. долларов.

В Швеции реализацией программы государственных гарантий занимались специализированные га-

рантийные фонды, однако с 2010 г. программа была свернута. Гарантии предприятиям-экспортерам предоставляет кредитное экспортное агентство Швеции, а право обеспечивать сегмент среднего и малого бизнеса государственными гарантиями перешло к Шведскому банку развития (Swedbank).

В Словакии в 2007–2010 годах субъекты предпринимательства один раз в год получали доступ к кредитам в общей сумме около 70–80 млн. евро.

В Португалии субъектам среднего и малого бизнеса предоставлялась достаточно серьезная государственная поддержка в течение всего кризисного периода. В 2007 г. по государственным гарантиям было выдано кредитов на общую сумму 0,7 млрд. евро. Через три года данный показатель достиг отметки в 6,8 млрд. евро, т.е. налицо резкий рост. Экспортно-кредитное страхование, благодаря которому удалось обеспечить отгрузку продукции с отсрочкой платежей и снизить риски от внешнеэкономической деятельности, также сыграло немаловажную роль.

Отдельно стоит сказать о средних и малых предприятиях, подпадающих под критерии государственной поддержки. Такие бизнес-субъекты могут рассчитывать на расширение доступа к кредитным ресурсам. В разных странах к кредитованию таких бизнес-субъектов привлекаются и государственные банки, и коммерческие. В течение рассматриваемого периода (2007–2010 гг.) прямое кредитование бизнес-субъектов государственными банками практиковалось в следующих странах: Венгрия (объемы кредитования в 2010 году составили 1,1 млрд. долларов), Португалия, Южная Корея, Швеция (448,7 млн. долларов в 2009 году), Словакия (147 млн. евро в 2010 г.) и Италия.

Помимо прямого кредитования в рассматриваемых странах применялись и другие меры. Например, в Южной Корее и Италии широкое распространение получили программы государственных гарантий и пролонгация кредитов. В Португалии на время кризиса были введены кредитные линии сроком до семи лет. Также правительство разработало несколько пакетов по долгосрочному финансированию бизнес-субъектов. В общей сложности стоимость проекта составила около 9,7 млрд. евро. В некоторых странах были введены налоговые вычеты и предусмотрены налоговые льготы. Предприятия рассматриваемого сегмента получали финансирование за счет средств пенсионного фонда. При этом правительствами отдельных стран поиск дополнительных источников финансирования не прекращался в течение всего кризисного периода. Также менялись методы и подходы к определению того, что следует считать просроченной задолженностью. Ком-

плексный подход позволил большинству субъектов среднего и малого бизнеса пережить кризисный период. Кроме того, были нивелированы неблагоприятные последствия, с которыми экономические агенты столкнулись в результате сокращения и ужесточения условий кредитования.

В контексте задач, поставленных правительствами стран-членов ЕАЭС и властями Российской Федерации, касающихся развития сегмента среднего и малого бизнеса, особым значением обладает анализ подходов к кредитованию механизмов, используемых иностранными государствами и международными организациями для обеспечения поддержки указанного сегмента в кризисных условиях. В странах ЕС удельный вес средних и малых предприятий достигает 70%, в США и Японии — около 50–60%, в Республике Беларусь — 30%, в Азербайджане и Российской Федерации — 40–45%.

После мирового финансового кризиса 2008 г. правительства всех стран ЕАЭС разработали пакет мер по поддержке бизнеса, в т.ч. малого. Эти меры периодически пересматриваются и корректируются в зависимости от потребностей. Несмотря на активную работу в направлении поддержки сегмента среднего и малого бизнеса, до сих пор существует немало факторов, сдерживающих развитие данного сегмента. К числу таких факторов можно отнести:

- ◆ отсутствие доступа к коммерческим кредитам;
- ◆ недостаточность инструментов и механизмов, сопровождающих коммерческое кредитование как один из источников финансирования хозяйственной деятельности средних и малых предприятий;
- ◆ не разработанность программы государственных гарантий и поддержки субъектов среднего и малого бизнеса при кредитовании;
- ◆ отсутствие или недостаточность льготной кредитной и финансовой поддержки экспортной деятельности.

В России, Беларуси и других странах-членах ЕАЭС льготное кредитование в период 2014–2016 гг. предоставлялось по отдельным направлениям, т.е. было дифференцированным. При этом по процентным ставкам имела место повышательная динамика [6].

Российская Федерация, Армения, Казахстан, Беларусь и Кыргызстан имеют экономику транзитивного типа. Объемы кредитования в этих странах относительно низкие. Во многом это связано с тем, что в период глобального финансового кризиса процентные ставки по кредитам были слишком высокими. Особенность стран с транзитивной экономикой — активное проявление в периоды финансового кризиса девальвационных

и инфляционных процессов. В результате повышаются риски по кредитам и растут процентные ставки. Страны с развитой экономикой в разгар кризиса сталкиваются с замедлением роста цен и дефляцией. Закономерным результатом этого становится снижение процентных ставок по кредитам.

В иностранных государствах кредитование средних и малых предприятий в периоды финансового кризиса реализуется с участием не только государственных банков развития, но и коммерческих финансовых структур, участвующих в программах, разработанных на правительственном уровне. По поводу стран-членов ЕАЭС отметим, что в каждой из них существует своя национальная программа по поддержке кредитования рассматриваемого бизнес-сегмента [12].

В Беларуси к кредитованию рассматриваемого сегмента правительство привлекает лизинговые компании и партнерские банки. Это предусмотрено и в национальной программе поддержки кредитования. Механизм кредитования в стране реализуется на двух уровнях. Национальный Банк развития (первый уровень) обеспечивает финансовыми ресурсами банки партнеры (второй уровень), которые работают непосредственно с заемщиками (принимают заявления на кредит, рассматривают заявки, отсеивают заемщиков, принимают окончательное решение о выдаче кредитов).

Проанализировав иностранный опыт кредитования субъектов среднего и малого бизнеса, видим, что именно в периоды рецессии и кризисов правительства наиболее активно используют разного рода гарантийные схемы и увеличивают объемы кредитования. Также именно в кризисные периоды в практику внедряются новые механизмы и инструменты, применение которых позволяет значительно уменьшить стоимость гарантийных схем, обеспечить применение венчурного финансирования и государственных гарантий по ссудам, выдаваемым на срок менее 12 месяцев.

В нашей стране обеспечением государственных гарантий при кредитовании рассматриваемого сегмента и повышением доступности кредитных ресурсов занимается АО «Корпорация МСП». В настоящее время для решения указанных задач реализуется Программа стимулирования субъектов среднего и малого бизнеса [10]. Целью этой Программы выступает создание эффективного механизма поддержки субъектов среднего и малого бизнеса за счет предоставления им оборотных кредитов (на пополнение оборотного капитала); льготных кредитов для приобретения и создания основных средств. К слову, льготные кредиты доступны также экспортно-кредитным предприятиям, товарная продукция которых выпускается на территории РФ. По-

мимо указанного института развития, в сегменте среднего и малого бизнеса с целью координации оказания средним и малым предприятиям государственной поддержки в регионах функционирует 80 гарантийных фондов. Обеспечение государственными гарантиями в разных регионах страны находилось в кризисный период на уровне 50–70% [9].

Из всех стран ЕАЭС наиболее ограниченными государственными гарантиями являлись в Республике Беларусь. Только работая по приоритетным направлениям, предприятие могло рассчитывать на участие в соответствующих программах поддержки. Они могут рассчитывать на получение кредитов по ставке 5%.

Российская Федерация, Армения, Казахстан, Беларусь и Кыргызстан могут перенять положительный опыт развития государственного экспортно-кредитного гарантирования и страхования, сложившийся в таких странах, как Португалия, Швеция, Дания и Южная Корея. Тогда средние и малые предприятия стран ЕАЭС смогут не только участвовать в программах по льготно-

му экспортному кредитованию, но и получают гарантии возврата денег от экспортно-кредитного агентства [7].

Исследование показало, что наиболее проблемными аспектами в сфере развития сегмента среднего и малого бизнеса выступают: отсутствие должной финансовой поддержки предприятий-экспортеров; неразвитость гарантийного кредитования; ограниченный доступ субъектов среднего и малого бизнеса к кредитным ресурсам [8].

В условиях рыночной экономики сегмент среднего и малого бизнеса играет важную роль в развитии национальной экономики. Сказанное в полной мере применимо и к России. Нужно активизировать работу в направлении создания и внедрения в практику мер упреждающего характера по улучшению существующего климата для развития субъектов среднего и малого бизнеса. Если соответствующие шаги так и не будут предприняты, то могут возникнуть негативные последствия (вплоть до оттока бизнес-субъектов за рубеж, где созданы более благоприятные условия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджиева А.Ю., Губенко Д.С. Роль кредитования в развитии малого и среднего предпринимательства // Эпомен. 2020. № 48. С. 21–29.
2. Анненков К.П., Васильева О.Н., Венгеровский Е.Л., Кравчук Е.Д., Исмаилов И.Ш., Ручкина Г.Ф., Шамсуваров А.Т. Банковское кредитование. Учебное пособие / Под ред. Г.Ф. Ручкиной. Москва, 2020.
3. Бабич С.Г. Современные тенденции в сфере кредитования малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // В сборнике: Вестник кафедры статистики Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Статистические исследования социально-экономического развития России и перспективы устойчивого роста. Москва, 2019. С. 15–19.
4. Басков Д.В. Анализ и оценка кредитного риска в процессе банковского кредитования малого и среднего предпринимательства в цифровой экономике // В книге: Влияние цифровой экономики на финансовые рынки и банки. Под ред. В.Е. Косарева. Москва, 2020. С. 96–101.
5. Дахненко С.С., Венгеровский Е.Л. Некоторые вопросы совершенствования действующего законодательства в сфере финансовой поддержки и кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1 (143). С. 111–116.
6. Ерохина Е.А., Рыжова О.А. Анализ и оценка состояния кредитования малого и среднего предпринимательства // В сборнике: Наука. Образование. Инновации. сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции. 2019. С. 16–24.
7. Жирнель Е.В. Особенности российского рынка кредитования малого и среднего предпринимательства на современном этапе // Управленческое консультирование. 2020. № 11 (143). С. 77–92.
8. Панкова А.С. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства в Центральном федеральном округе // В сборнике: В мире научных открытий. Материалы III Международной студенческой научной конференции. 2019. С. 143–146.
9. Сазонов А.И. О перспективах развития института кредитования в России: социальный инвестиционный кредит как инструмент поддержки малого и среднего предпринимательства // В книге: Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России. Коллективная монография. В 4-х томах. Отв. редактор С.Д. Могилевский [и др.]. Москва, 2020. С. 430–437.
10. Татарников А.А., Щекочихина С.В. Механизм беспроцентного кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства как фактор инновационного и структурного развития экономики России // Самоуправление. 2020. № 5 (122). С. 452–455.
11. Шершнева Ю.А. Государственная политика поддержки малого и среднего предпринимательства // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2019. № 22 (27). С. 81–83.
12. Шеина Е.Г., Серебрякова А.Ю. Проблемы кредитования сектора малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Российское предпринимательство. 2019. Т. 20. № 1. С. 39–58.

© Шайдуллина Венера Камилевна (VKShajdullina@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАРАНЕЕ ВЫРАЖЕННОЕ СОГЛАСИЕ НА ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ

CONSENT IN ADVANCE TO FULFILL AN OBLIGATION IN ELECTRONIC COMMERCE

V. Shaydullina

Summary. The article discusses the features of the legal regulation of the fulfillment of obligations without the participation of the obligated party in an automated mode; the mechanism of such performance and the consequences arising from improper performance or non-performance by the debtor of his obligations are described; the legal essence of such an execution is comprehended, and the legal means that can be applied to such relations are considered.

The above questions are of high relevance at the present stage of development of the science of civil law. In the course of the study, it was established that the giving of the previously expressed consent is carried out by the debtor using electronic means. In this case, the previously expressed consent may be canceled or changed by the debtor. It is concluded that it is necessary to use the concept of “pre-expressed consent” when describing the fulfillment of obligations in electronic commerce in an automated mode.

The article has been prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

Keywords: smart contract, obligations, debtor, obligated party, consent, pre-expressed consent, automated performance of obligations, performance of an obligation, electronic agent, electronic means, blockchain.

Шайдуллина Венера Камилевна

*К.ю.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
VKShajdullina@fa.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности правового регулирования исполнения обязательств без участия обязанной стороны в автоматизированном режиме; описан механизм такого исполнения и последствия, возникающие при ненадлежащем исполнении или неисполнении должником своих обязательств; осмыслена юридическая сущность подобного исполнения, а также рассмотрены правовые средства, которые могут быть применены к таким отношениям. Вышеуказанные вопросы обладают высокой актуальностью на современном этапе развития науки цивилистики. В ходе исследования установлено, что дача заранее выраженного согласия осуществляется должником с помощью электронных средств. При этом заранее выраженное согласие может быть отменено либо изменено должником. Сделан вывод о необходимости использования понятия «заранее выраженное согласие» при описании исполнения обязательств в электронной торговле в автоматизированном режиме.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Ключевые слова: смарт-контракт, обязательства, должник, обязанная сторона, согласие, заранее выраженное согласие, автоматизированное исполнение обязательств, исполнение обязательства, электронный агент, электронные средства, блокчейн.

В современном отечественном гражданском праве понятие «согласие» является одним из основных. Дискуссионным остается только вопрос относительно правовой сущности согласия. В научной литературе под согласием подразумевается утвердительное волеизъявление субъекта — юридический акт (в терминологии отдельных авторов — юридический поступок), в результате которого для субъекта, давшего согласие, наступают определенные юридические последствия. В отдельных случаях такие последствия затрагивают заинтересованное лицо (группу лиц) либо субъекта, действия которого одобряются [3].

Согласие вполне обоснованно рассматривается в качестве юридического акта, поскольку им предполагается наличие у совершающего его лица цели и стремления к порождению определенных юридических последствий. Юридический же поступок подобной цели не подразумевает. Поэтому корректнее рассматривать согласие именно в качестве юридического акта, обусловливаемого совершением конкретного действия. При этом факт действия обладает решающим значением, так как бездействие или молчание не будет считаться одобрением сделки или согласием на нее [1]. В соответствии с общим правилом, согласие в частных

правоотношениях также будет выступать сделкой. При этом согласие органа государственной власти или органа юридического лица не признается сделкой ни в отечественном, ни в иностранном праве [5].

Отечественное договорное право рассматривает согласие как волевой акт. Согласие предполагает, что лицо, дающее его, соглашается принять на себя новые обязанности и приобрести новые права [4]. В иностранной доктрине согласие выявляется из заявлений и действий сторон сделки. При этом выделяется два вида согласия — достаточное и недостаточное. В качестве факторов, определяющих вид согласия в каждом конкретном случае, выступают:

- ◆ принуждение к даче согласия;
- ◆ наличие доступной и разумной альтернативы;
- ◆ степень осведомленности сторон.

Смысл согласия в гражданском праве состоит не только в том, что стороны принимают на себя определенные обязанности. Давая согласие, сторона соглашается с тем, что исполнение договорных обязательств отменить будет невозможно. По своей правовой природе согласие определяется в качестве выражения субъектом желания связать себя определенными юридическими последствиями. В отечественном гражданском праве юридическим значением обладает не внешнее выражение воли, а факт трансляции этого согласия стороне сделки либо третьим лицам.

Сторона обязательственных отношений, согласно статье 9 ГК РФ, имеет право выразить свою волю на возникновение договорных обязательств заранее. То же самое относится к выражению воли на прекращение и изменение обязательств. Сказанное соответствует гражданско-правовому принципу реализации гражданских прав по усмотрению сторон сделки. Отечественная судебная практика знает немало случаев выражения предварительного согласия поручителя на изменение основного обязательства или заключение сублицензионного договора. В обозначенном случае речь идет о заранее выраженном согласии [8]. Судебной практикой выделено несколько признаков, присущих заранее выраженному согласию:

1. Во-первых, заранее выраженное согласие должно быть выражено явно и неоднозначно.
2. Во-вторых, заранее выраженным согласием должны предусматриваться конкретные рамки изменения основного обязательства (если предполагается изменение условий обязательства в будущем) [9].

В научной литературе отмечается, что дача стороной заранее выраженного согласия осуществляется через конклюдентные действия, т.е. действия, которые

выражают волю участников гражданско-правовых отношений относительно установления, прекращения либо изменения соответствующих правоотношений [6]. Анализ содержания конклюдентных действий позволяет установить волю субъекта на связывание себя определенными обязательствами. Воля субъекта в равной степени выражается и конклюдентными действиями, и словами.

Заранее выраженное согласие стороны гражданско-правовых отношений на исполнение того или иного обязательства может выражаться посредством конклюдентных действий, совершаемых ею с использованием любых электронных средств, в результате чего о наличии согласия узнает другая сторона сделки [2]. Использование понятия «заранее выраженное согласие» применительно к исполнению гражданско-правовых обязательств позволяет говорить о том, что исполнение, осуществляемое с использованием специализированных электронных средств, является исполнением, осуществляемым непосредственно обязанным лицом (должником) [10].

Действующее законодательство допускает выражение согласия на принятие либо исполнение обязательства не только проставлением собственноручной подписи, но также использованием электронных средств. Например, путем нажатия курсором на кнопку «Я согласен» («I agree»). Тем самым, лицо соглашается с условиями обязательства, присоединяясь к оферте. В данном случае имеют место конклюдентные действия (проставление курсора, нажатие клавиши, щелчок мышью) [11]. Совершая такие действия, лицо соглашается со сформированными договорными условиями и присоединяется к договору, принимая на себя соответствующее обязательство (обязательства). Итак, заранее выраженное согласие лица на исполнение обязательства — это согласие, которое выражается обязанной стороной посредством совершения определенных конклюдентных действий с использованием электронных средств. Такими действиями лицо выражает свое намерение к порождению последствий, обладающих юридической значимостью, выраженных в виде совершения определенных деяний по исполнению обязательств.

Но не во всех случаях речь идет об исполнении обязательств самим должником. В подобных случаях имеет место исполнение, реализуемое с использованием любого электронного средства, но обязательно при наличии согласия обязанной стороны, выраженного заранее. В иностранных правовых порядках употребляется термин «электронный агент», являющийся синонимом понятия «электронные средства». Электронный агент — это специализированная компьютерная программа, способная в автоматизированном режиме со-

вершать различные действия без непосредственного участия стороны. В отечественной научной литературе «электронный агент» рассматривается как программно-аппаратный комплекс или компьютерная программа, используемая в автономном режиме (без участия человека), позволяющая инициировать ответ на сообщение, конкретное действие, электронную операцию. Электронный агент может исполнять обязательства стороны полностью либо частично. Соответственно, электронный агент может быть задействован в исполнении обязательства, заменив собой обязанную сторону (должника) [1].

Электронные агенты рассматриваются некоторыми авторами в качестве выразителей собственной воли обязанных лиц, а другими — как электронные лица. Вместе с тем, более корректно было бы использовать объективный подход. В рамках такого подхода под электронным агентом подразумевается не самостоятельный субъект, а проводник (выразитель) воли субъектов договорного права. Обязательным условием выступает выражение воли обеими либо одной обязанной стороной на исполнение соответствующего обязательства [22, с. 204, 219, 221–222, 232; 23, с. 111].

Категория «электронный агент» используется не только в науке, но также в актах типового законодательства и «мягкого» права. Так, в тексте ст. 2 Типового закона ЮН-СИТРАЛ предусмотрено, что в качестве отправителя сообщения на электронной платформе или в электронной системе будет выступать субъект, отправивший сообщение, а также субъект, от чьего имени было отправлено такое сообщение. В ст. 13(2)(b) вышеуказанного Закона содержится норма, относящая действия электронных агентов к отправителям электронных сообщений, даже если такое сообщение электронный агент отправил от имени отправителя в автоматизированном режиме [25]. Исследуемые положения в полной мере относятся к согласию на заключение сделки. При этом в связи с возникновением автоматизированного исполнения обязательства можно провести некоторые аналогии. Согласие обязанной стороны на исполнение обязательства при условии автоматизированного исполнения договорного обязательства с использованием электронного агента (электронных средств) выражается заранее при отправке сообщения о вступлении в договорное обязательство с участием электронного агента.

По поводу исполнения договорных обязательств, возникших из смарт-контракта, отметим, что в таком случае с использованием выраженного заранее согласия осуществляется автоматизированное исполнение договорных обязательств, являющее собою принципиально новый вид исполнения договорных обязательств. Обязанная сторона может только дать за-

ранее выраженное согласие в системе блокчейн. Отменить исполнение обязательства или изменить согласие сторона уже не сможет. Сказанное соответствует принципу эстоппеля, который относительно недавно получил закрепление в российском гражданском праве, но уже активно используется на практике [7]. Субъект, дав с использованием электронного средства (блокчейн) заранее выраженное согласие на исполнение договорного обязательства, не сможет никоим образом повлиять на ход исполнения. Исполнение договорных обязательств, вытекающих из заключенного смарт-контракта, осуществляется вне зависимости от того, как относится к этому должник. Должнику же не нужно совершать никаких дополнительных действий.

Исполнение договорных обязательств, возникающих из смарт-контрактов, осуществляется без участия обязанной стороны. Конклюдентные действия при этом совершаются с использованием блокчейна в автоматизированном режиме. Примером подобного исполнения обязательства выступает случай, когда субъекты договариваются о том, что в момент поступления от продавца товара в определенное место покупатель обязан будет его оплатить (то есть передача товара покупателю и поступление средств на счет продавца происходит в один момент). После появления в системе блокчейн сведений о том, что товар прибыл в пункт назначения, оплата в автоматическом режиме переводится со счета одной стороны (покупателя) на счет другой стороны (продавца). Никаких дополнительных подтверждений или авторизации сделки не нужно, так как все условия обязательства задаются сторонами еще до заключения договора. Исполнение договорных обязательств гарантируется автоматизированным исполнением. В научной доктрине не утихают разговоры о том, каким образом обязательство может быть исполнено не обязанным лицом, а с использованием электронных средств, в т.ч. блокчейн. Вместо исполнения с использованием блокчейна имеет место самоограничение, взятое на себя сторонами сделки, реализуемое посредством технических средств. Но с таким мнением вряд ли можно согласиться [13].

В любом обязательстве, которое возникло из смарт-контракта, исполняемом с применением системы блокчейн, выступающей в качестве вида электронных средств, будет присутствовать заранее выраженное согласие обязанной стороны на исполнение договорного обязательства. Сторона, заключающая смарт-контракт, выражает свою волю совершить в будущем определенные действия, направленные на исполнение обязательства с использованием блокчейн-системы. Тем самым действия обретают волевой характер. Воля, получившая выражение в смарт-контракте, заключенном с использованием блокчейна, представляет собой волю стороны на исполнение

обязательства в автоматизированном режиме. Действие по исполнению договорного обязательства с использованием блокчейна заменяет собой исполнение обязанной стороны, если не будет доказано что-либо иное. Смарт-контракт может быть признан недействительным, но только если будет доказан факт несанкционированного доступа к информационной системе. Но до этого момента смарт-контракт будет признаваться действительным и содержащим истинное волеизъявление обязанной стороны.

Употребление понятия «заранее выраженное согласие на исполнение обязательства» позволяет разрешить такую актуальную проблему, как надлежащее исполнение договорных обязательств [13]. Несмотря на законодательное закрепление принципа надлежащего исполнения договорных обязательств (ст. 309 ГК РФ), на практике надлежащее исполнение договорных обязательств имеет место не в каждом случае [12]. С помощью смарт-контракта обеспечивается надлежащее и добросовестное исполнение договорных обязательств вне зависимости от волеизъявления обязанной стороны. Обратим внимание, что принцип надлежащего исполнения распространяет свое действие в том числе на ситуации исполнения договорных обязательств, возникших из смарт-контракта, поскольку приостановка либо отмена исполнения гражданско-правовых обязательств невозможна (например, для того, чтобы внести изменения в условия договора поставки, отменить поставку товарной продукции или перевод денег, стороны должны внести предварительно соответствующие изменения в систему блокчейн).

Итак, заранее выраженное согласие стороны на исполнение гражданско-правового обязательства — это

согласие, выраженное обязанной стороной посредством таких конклюдентных действий, как проставление курсора и нажатие клавиши. Эти действия отражают желание стороны к возникновению последствий, обладающих юридической значимостью, в виде совершения конкретных деяний, направленных на исполнение обязательства. Должник, используя электронные средства, дает заранее выраженное согласие исполнить обязательство по сделке. В данном случае имеет место аналог существующего в иностранном правопорядке электронного агента.

Таким образом, проведенный обзор позволяет сделать вывод, что понятие «заранее выраженное согласие обязанной стороны на исполнение гражданско-правовых обязательств» может использоваться при описании исполнения договорных обязательств, возникающих из смарт-контрактов в автоматизированном режиме. Данное понятие необходимо включить в ГК РФ. Предлагается изложить ч. 2 ст. 309 ГК РФ в такой редакции:

Условия договора могут предусматривать исполнение обязательств, которые из него возникают, без участия обеих сторон, но на основе заранее выраженного согласия в автоматизированном режиме в децентрализованной распределенной информационной системе.

Если в гражданском праве будет предусмотрена возможность заранее выраженного согласия обязанной стороны на исполнение договорного обязательства в автоматизированном режиме, то это поспособствует устранению риска недобросовестности вследствие невозможности ненадлежащего исполнения обязательства, а также приводит к укреплению доверия между участниками сделки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батрова Т.А. Правовое регулирование электронной торговли: зарубежный опыт // *Коммерческое право. Научно-практический журнал*. 2019. № 4 (35). С. 4–10.
2. Гусейнова Л.В., Халиков Ш.Г. Правовое регулирование электронных платежей в сфере розничной торговли // *Юридический вестник ДГУ*. 2019. Т. 29. № 1. С. 82–84.
3. Журавская К.С. Регулирование электронной торговли в рамках Всемирной торговой организации: проблемы и перспективы // В сборнике: 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Материалы конференции. В 3-х частях. Редколлегия: В.Г. Сафонов [и др.]. 2019. С. 525–528.
4. Лебедев А.С. Особенности регулирования международной электронной торговли в таможенном законодательстве ЕАЭС // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. № 4 (30). С. 76–81.
5. Невская А.А., Кондеев А.В. Регулирование электронной торговли на евразийском пространстве // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. № 2. С. 59–71.
6. Нигметова В.Д., Семин А.М., Гаврилов В.Н. Гражданско-правовое регулирование электронной торговли // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2019. № 4–3 (29). С. 18–20.
7. Пирбудагова З.Ш. Гражданско-правовое регулирование электронной торговли // *Закон и право*. 2019. № 3. С. 42–43.
8. Питинова А.С. Проблемы правового регулирования электронной торговли в России // *Современные научные исследования и разработки*. 2019. № 1 (30). С. 863–865.

9. Плужникова А.А. Перспективы правового регулирования смарт-контрактов в условиях развития электронной торговли // Интернаука. 2019. № 34 (116). С. 34–35.
10. Сеидова М.Р. К вопросу о базисных подходах регулирования трансграничной электронной торговли в Российской Федерации // Экономические науки. 2019. № 171. С. 43–49.
11. Сизякин В.С. Электронная торговля: общие характеристики и гражданско-правовое регулирование // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–3 (45). С. 166–170.
12. Слепченко Е.А. Правовое регулирование электронной торговли в России // Advances in Law Studies. 2019. Т. 7. № 2. С. 36–40.
13. Слепченко Е.А. Состояние и перспективы развития правового регулирования электронной торговли в России // Вестник Евразийской академии административных наук. 2019. № 4 (49). С. 35–37.

© Шайдуллина Венера Камилевна (VKShajdullina@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С РАССМОТРЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ МЕЖДУНАРОДНЫМ КОММЕРЧЕСКИМ СУДОМ ПРИ ВЕРХОВНОМ НАРОДНОМ СУДЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ямбаев Алексей Анатольевич

Аспирант, Байкальский государственный
университет, г. Иркутск
iambaev.al@mail.ru

ON SOME ISSUES, RELATED TO THE ECONOMIC DISPUTES CONSIDERING BY THE CHINA INTERNATIONAL COMMERCIAL COURT

A. Iambaev

Summary. The article is devoted to the consideration of organizational and procedural features of China International Commercial Court as a specialized judicial body for proceedings in economic disputes under the China's Belt and Road Initiative. The author raises the question of the importance of special tools for proceedings within interstate integration associations; gives an experience of creating such a body in the People's Republic of China in the form of the International Commercial Court, represented by the two courts in the cities of Xi'an and Shenzhen. The article discusses the goals of the court under discussion and the features of its jurisdiction; shows the court's procedural regulations provisions; describes the technological aspects of the administration of justice by the courts. The author also emphasizes the unification within the court structure judicial and alternative dispute settlement procedures, describing the practical issues of procedures' implementation; refers to the details of a court-based ad hoc committee functioning as an advisory and mediating body; describes how the court chooses the correct applicable law. The author comes to the conclusion that there are both controversial and positive aspects in the peculiarities of the court's operation, focusing on the justification and value of such a mechanism for resolving economic disputes in the context of the Belt and Road Initiative.

Keywords: arbitration, Supreme People's Court of the PRC, Second International Commercial Court in Xi'an, integration, mediation, international economic disputes, Belt and Road Initiative, First International Commercial Court in Shenzhen, «one-stop» application principle, judicial procedures, online court sessions.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению организационных и процессуальных особенностей деятельности Международного коммерческого суда при Верховном народном суде Китайской Народной Республики как специализированного судебного органа по рассмотрению экономических споров в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь». Автором поднимается вопрос важности наличия специальных инструментов для рассмотрения споров внутри межгосударственных интеграционных объединений, приводится опыт создания такой структуры в Китайской Народной Республике в формате Международного коммерческого суда, представленного двумя судами в городах Сиань и Шэньчжэнь. В статье рассматриваются цели судебного органа, особенности распространения его юрисдикции; приводятся положения процедурных регламентов работы суда; описываются технологические аспекты осуществления судами правосудия. Автор также подчеркивает объединение в структуре суда судебной и альтернативной процедур урегулирования споров, давая описание практическим вопросам их реализации; обращается к подробностям действующего на базе суда специального комитета, функционирующего в качестве консультативного и посреднического органа; описывает способы выбора судом корректного применимого права. В результате автор приходит к выводу о наличии как спорных, так и положительных моментов в особенностях работы рассматриваемого суда, акцентируя внимание на оправданности и ценности существования подобного механизма разрешения экономических споров в контексте инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: арбитраж, Верховный народный суд КНР, Второй международный коммерческий суд в г. Сиане, интеграция, медиация, международные экономические споры, «Один пояс, Один путь», Первый международный коммерческий суд в г. Шэньчжэнь, принцип «единого окна», судебный процесс, онлайн-заседания.

Необходимость проработки существующих механизмов разрешения международных экономических споров, равно как и создание их новых, отвечающих современным реалиям форм, наиболее очевидна в условиях продолжающейся пандемии

коронавирусной инфекции [11], обстоятельства распространения и последствий которой по причинам, объективно существующим на рынке товаров, работ и услуг, неизбежно приводят к росту трансграничных споров и связанных с ними юридических проблем

(банкротство, нарушения договорных обязательств и другие).

Особенно остро потребность в усовершенствовании процесса урегулирования разногласий в экономической сфере стоит перед странами, являющимися участниками международных интеграционных процессов, характеризующихся наиболее тесными межгосударственными связями, при которых происходит масштабное развитие торгово-инвестиционного взаимодействия и усиление бизнес-партнерства в различных областях деятельности. При этом опыт интеграционных объединений доказывает важность создания в системе межгосударственных структур специализированных органов по разрешению таких споров.

Примером данных структур являются Суд Евразийского экономического союза [5], образованный в Минске в 2014 году для разрешения споров, связанных с правоотношениями государств, входящих в данный союз — Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Армения, а также Экономический суд Содружества Независимых Государств [6], созданный в 1992 году и разрешающий, в соответствии со своими полномочиями, споры, возникающие в рамках исполнения членами Содружества экономических обязательств.

Акцентируя внимание в настоящей статье на процессе интеграции, характерной, по мнению многих исследователей, для современного периода мировой экономики и используемой в качестве актуального формата межгосударственного экономического взаимодействия, представляется целесообразным рассмотреть относительно недавно предложенный Китайской Народной Республикой механизм по урегулированию экономических споров в рамках реализации актуального интеграционного мегапроекта — инициативы «Один пояс, один путь», автором которой и является названная страна.

Так, Китаем в январе 2018 года были опубликованы «Рекомендации по созданию механизма урегулирования коммерческих споров в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь», в которых предлагалось создание качественно новой платформы для решения возникающих споров по принципу «единого окна» — нескольких центров, состоящих одновременно из коммерческих судов, коммерческого арбитража и органов медиации, способных коррелировать между собой в зависимости от усмотрения обратившихся сторон. Уже спустя полгода — 29 июня 2018 года, Верховным народным судом Китая объявлено об официальном открытии двух таких государственных центров — Первого международного коммерческого суда в городе Шэньчжэне,

провинция Гуандун, и Второго Международного коммерческого суда в городе Сиане, провинция Шэньси [2].

Целями создания данных судов является своевременное и справедливое рассмотрение международных коммерческих дел, обеспечение равной защиты законных прав и интересов китайских и иностранных участников внешнеэкономической деятельности, создание условий для развития стабильной, справедливой, прозрачной и основанной на верховенстве закона бизнес-среды [1]. Рассматривая указанные цели в контексте интеграционного проекта «Один пояс, один путь», видится, что учреждение международных коммерческих судов, с учетом определенных им к рассмотрению категорий споров, должно стать важным шагом на пути к укреплению международного сотрудничества стран-участников китайской инициативы.

В то же время, несмотря на установку Верховным народным судом Китая особого акцента в деятельности новообразованных судов на рассмотрении споров, возникающих в связи с экономическими правоотношениями государств в рамках «Пояса и пути», это не задавало жестких рамок специализации данных органов и не обеспечило им особый статус. При образовании двух коммерческих судов было определено, что они являются постоянно действующими судебными органами Верховного народного суда, и непосредственное руководство их деятельностью будет осуществлять его Четвертая судебная палата (коллегия) по гражданским делам.

Проводя аналогию с судебной системой Российской Федерации, Суд по интеллектуальным правам, находясь в системе арбитражных судов и являясь в ней специализированным судом, образованным для рассмотрения определенных категорий споров, тем не менее принимает судебные акты в качестве суда первой инстанции, с возможностью их дальнейшего обжалования в Верховный Суд Российской Федерации, и не ограничен рамками рассмотрения судебных дел, связанных с деятельностью конкретных субъектов права, но подразумевает осуществление правосудия в охвате целого круга правоотношений. Однако, возвращаясь к тематике «Одного пояса, одного пути» в вопросе рассмотрения связанных с инициативой споров международными коммерческими судами Китая, нужно заметить, что сам формат разделения такого органа на два «представительства» обоснован высшим судом страны, в соответствии с идеями председателя КНР, особенностями стратегии «Пояса и пути».

Такие особенности заключаются в двунаправленном развитии инициативы — по сухопутному («Экономический пояс Шелкового пути») и морскому («Морской

Шелковый путь XXI века») экономическим маршрутам, идеи которых, в соответствии с названиями, вдохновлены направлениями древних караванных дорог Великого шелкового пути.

Таким образом, к рассмотрению Первым международным коммерческим судом Китая, с местом постоянного пребывания в городе Шэньчжэне — крупном прибрежном промышленном и транспортном центре страны, были символически отнесены дела по рассмотрению споров в рамках «Морского Шелкового пути XXI века», а Второй международный коммерческий суд, расположенный в Сиане, древней столице Китая и конечном пункте караванных маршрутов Великого шелкового пути, ориентирован на судебное рассмотрение заявлений в реалиях «Экономического пояса Шелкового пути» [10].

Концентрируясь на практических, процедурных вопросах деятельности рассматриваемых коммерческих судов Китая, следует в первую очередь обратить внимание на юрисдикционные особенности принятия дел к рассмотрению [4].

В соответствии с Постановлением Верховного народного суда Китайской Народной Республики от 27 июня 2018 года, касающегося некоторых вопросов учреждения международных коммерческих судов, коммерческие суды принимают к рассмотрению дела:

- ◆ при выборе сторонами юрисдикции Верховного народного суда КНР и сумме требований не менее 300 млн. юаней;
- ◆ подлежащие рассмотрению высшим народным судом (третья из четырех судебных инстанций судебной системы КНР), но переданные для рассмотрения Верховному народному суду с его разрешения;
- ◆ имеющие важное государственное значение;
- ◆ связанные с ходатайствами о «защите собственности» по результатам рассмотрения дела в международном коммерческом арбитраже, об отмене или приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража;
- ◆ которые признаны Верховным народным судом целесообразными для рассмотрения Международным коммерческим судом [9].

Кроме того, разъясняя субъектный состав сторон по делам, рассматриваемым международными коммерческими судами Китая, Верховный народный суд указывает четыре фактора, позволяющих признать судебное дело именно международным коммерческим делом.

Так, дело принимается судами к рассмотрению, если одна или обе стороны являются иностранцами, лицами

без гражданства, иностранными предприятиями или иными организациями; одна или обе стороны проживают за пределами территории Китая; объект спора находится за пределами Китая; если юридические факты, которые создают, изменяют или прекращают коммерческие отношения, имели место за пределами Китая.

Также важно отметить коллегиальный состав судей, рассматривающих дела, который состоит из трех или более судей. К примеру, при рассмотрении первого дела Международным коммерческим судом при Верховном народном суде КНР, слушания по которому проходили во Втором международном коммерческом суде Китая в Сиане, где ответчиком выступила небезызвестная компания Red Bull Vitamin Drink Co., Ltd., коллегиальный состав рассматривающих дело судей состоял из пяти человек [14]. При этом коллегия в своей деятельности руководствуется правилом большинства.

Изучаемое постановление, посвященное процессуальным вопросам деятельности рассматриваемых судов, состоит из 19 статей, в которых, кроме перечисленных, раскрываются положения, практическое применение которых может значительно упростить процессы расследования, сбора и приобщения доказательств в суде.

Например, допускается возможность озвучивания в зале судебных заседаний доказательственных материалов, возникших за пределами территории Китая, вне зависимости от того, были ли они нотариально удостоверены, а при расследовании и сборе доказательств могут применяться технологии аудиовизуальной передачи информации и другие информационные сетевые методы.

Стоит признать, что указанные процессуальные действия, а именно: расследование, сбор и приобщение доказательств, часто становятся проблемными вопросами при разрешении межгосударственных споров, в том числе — при применении внесудебных способов урегулирования, что влияет на качество отправления правосудия и, соответственно, на уровень доверия органам со стороны субъектов правоотношений. Поэтому так важно организовать беспрепятственное совершение данных действий, что и реализовано в международных коммерческих судах.

Отдельным пунктом нужно выделить обеспечение коммерческими судами удобства ведения судебных разбирательств при помощи специализированных платформ, позволяющих сторонам не только подавать документы и работать с делами в электронном виде, но и участвовать в заседаниях в режиме онлайн, используя доступные устройства. Более того, такой спо-

соб судопроизводства является в судах общим правилом, а не дополнительной возможностью.

В непростых условиях пандемии подобное внедрение социально значимых технологии является не просто крайне актуальным и удобным инструментом сокращения временных и финансовых затрат, но тем ключом, которым, как предполагается, и должны служить суды, предоставляя возможность гражданам и организациям реализовать, несмотря на внешние условия, свое право на судебную защиту [13].

В этой связи актуально заметить, что Китай не является единственной страной, применившей такого рода новшества в государственных судах. В российской судебной системе в 2020 году также была реализована технология онлайн-заседаний в судах, которая в дальнейшем может нормативно закрепиться в соответствующих актах.

Тем не менее, с учетом приведенного, давая оценку деятельности Китая в этом вопросе, все же можно утверждать о подчеркнута значимой пользе онлайн-заседаний, применяемых именно в международных коммерческих судах страны. Говоря об этом и выходя за рамки только обсуждения очевидной ценности технологий в стесненных условиях, нужно принять во внимание трансграничный характер рассмотрения судебных дел в коммерческих судах, в связи с чем принятие мер по установлению доступа для сторон возможности участвовать в заседаниях, не покидая своей страны, способно вывести международный судебный процесс на новый уровень, несомненно, кратно повысив уровень доверия к международным судам и значительно разгрузив суды, что немаловажно для китайской демографической действительности.

Использование таких технологий в Международном коммерческом суде КНР также предусмотрено Правилами судопроизводства в Международном коммерческом суде при Верховном народном суде Китайской Народной Республики от 21 ноября 2018 года [8].

В указанных Правилах разъяснено, что стороны подают свои документы через судебную платформу на официальном сайте суда в сети Интернет [7], и только в случае практической невозможности такой подачи, стороны подают документы при помощи электронной почты, почтового отправления, нарочно или иными средствами, предусмотренными судом.

Также в документе указано, что в целях обеспечения удобства участников судебного процесса судами поддерживаются электронные методы его ведения, используемые, в частности, при принятии дела к про-

изводству, оплате госпошлины, уведомлении сторон, ознакомлении с материалами дела, приобщении документов, непосредственном ведении судебного процесса, а, кроме того, и при осуществлении примирительных процедур (статья 4).

Остановившись на процедурной части осуществления международными коммерческими судами своих полномочий, стоит обратиться к примечательной особенности данных судебных органов, упомянутой ранее — возможности выбора сторонами в рамках одного органа иных способов урегулирования споров, помимо судебной защиты прав — путем использования коммерческого арбитража или обращения к процедуре медиации.

В первом случае стороны могут договориться о выборе арбитражного учреждения, а также, при необходимости, воспользоваться вышеотмеченными механизмами — обратиться в Международный коммерческий суд Китая с заявлением о принятии мер по «защите собственности» или, в случае несогласия с арбитражным решением — об отмене или приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража.

В случае выбора медиативного инструмента урегулирования разногласий Международный коммерческий суд поручает проведение процедур посредничества членам Международного коммерческого экспертного комитета, учрежденного при Верховном народном суде КНР и состоящего из ученых и экспертов Китая и иных государств, обладающих обширными знаниями в смежных областях (коммерция, международное право и т.д.). Кроме того, стороны вправе совместно выбрать и иную организацию, занимающуюся осуществлением процедуры медиации, включенную в перечень, утвержденный Верховным народным судом.

Если в процессе процедуры медиации стороны заключают мировое соглашение, а, в соответствии с мнением экспертов, практика обращения к такому институту ежегодно только расширяется в Китае, что в том числе обосновано многовековым опытом применения медиации в государстве [3], Международный коммерческий суд запрашивает соответствующие материалы и на основании них выносит решение о заключении мирового соглашения.

Говоря о Международном коммерческом экспертном комитете Международного коммерческого суда Китая, следует отметить, что его работа строго регламентирована. Верховным народным судом сформулированы конкретные правила, касающиеся условий отбора экспертов и рабочих процедур комитета.

В обязанности комитета, помимо услуг посредничества, которые оказываются не более чем тремя медиаторами одновременно, входит предоставление соответствующих экспертных заключений, например, в отношении применения закона, особенностей международного права и его содержания, а также заключений по толкованию иностранных правовых актов.

Как отметил в декабре 2020 года в своем выступлении судья Апелляционного суда Сингапура Стивен Чонг (庄泓翔), являющийся членом Международного коммерческого экспертного комитета при Международном коммерческом суде Китая, для создания Комитета выбрано самое подходящее время, мировая экономика и культура связаны более тесно, чем когда-либо прежде; ожидается, что инициатива «Один пояс, один путь» обеспечит крупномасштабную торговлю и рост во многих странах Азии, Европы и Африки, а с ростом такой торговли будет соответственно увеличиваться и количество трансграничных коммерческих споров [11].

С учетом членства в Международном коммерческом экспертном комитете представителей различных государств, а следственно, и различных правовых систем, имеющих свои законодательные подходы, например, к выбору применимого права в процессе экономических судебных разбирательств, может встать вопрос о некоторой пристрастности экспертов, которые в деятельности по консультированию судей коммерческого суда могут продвигать интересы своего государства через выбор определенного права, подлежащего применению к экономическим отношениям сторон.

Данный момент был также учтен при образовании судов. В вопросе выбора права, по информации представителей Международного коммерческого суда Китая, суды строго руководствуются «Общими положениями гражданского права Китайской Народной Республики» (приняты на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 6-го созыва 12 апреля 1986 года) [16], а также Законом Китайской Народной Республики от 28 октября 2010 года «О праве, применимом к гражданским правоотношениям с иностранным элементом» [17]. Стороны выбирают применимое к отношениям право, руководствуясь перечисленными нормативными актами, поэтому применение судами действующих иностранных законов не исключено; суды уважают и соблюдают принцип автономии воли сторон судебного процесса, пока их выбор обоснован законодательными положениями Китайской Народной Республики [10]; к тому же, при выборе сторонами применимого иностранного права суды тщательно проверяют заявленные требования на их соответствие законодательству выбранного государства, для этого суды могут обратиться к государственным органам стран,

имеющих подписанные с Китайской Народной Республикой договоры об оказании правовой помощи [2].

Обобщая особенности Международного коммерческого суда КНР, связанные с универсальностью органа как места проведения различных процедур, нужно сказать, что применение коммерческим судом принципа «единого окна» позволяет избежать распыления в некотором смысле действий участников споров в необходимости удовлетворения своих правовых запросов в разных государственных и частных структурах. Это, безусловно, создает уверенность у сторон, что их попытки мирного урегулирования коммерческих споров, которые, как было отмечено, предполагают наличие крупных финансовых требований, не будут прерваны на каком-либо этапе в связи со сложностью бюрократических процедур.

Для придания данным процессам еще большего удобства Международный коммерческий суд Китая позволяет третейским и посредническим организациям создавать свои офисы в зданиях самих судов, что может усилить позитивный эффект вышесказанного.

Резюмируя обобщенные выше некоторые особенности, связанные с работой образованного в 2018 году судебного органа Китайской Народной Республики, призванного стать новым прогрессивным и универсальным инструментом в не самой простой и прозрачной системе международного права [15], а, кроме этого, со спецификой на рассмотрении дел в рамках интеграционной стратегии «Один пояс, один путь» хочется отметить следующее.

Крупные интеграционные процессы, множась на просторах мировой политико-экономической среды, становятся одним из определяющих факторов развития национальных экономик. В этом контексте инициатива «Один пояс, один путь», с ее сухопутным и морским торговыми маршрутами, не будучи именно международной организацией в привычном понимании, тем не менее по существу своей деятельности является интеграцией и, действуя на передовой в обеспечении благоприятных условий международной торговли и ее расширении, как и любая другая интеграционная стратегия, должна, исходя из самого понятия интеграции, соответствовать определенным критериям.

Одним из таких критериев является создание единых юридических норм, которые должны регулировать определенную часть деятельности членов интеграционного объединения. Видится, что практика создания международных коммерческих судов, при учете всех вызовов, с которыми сегодня сталкиваются судебные системы, и несовершенств уже существующих органов,

как раз может стать инструментом приближения «Пояса и пути» к соответствию такому критерию.

Конечно, участие в инициативе большинства мировых государств не предполагает установления полноценного единства юридических норм. Кроме этого, существует и ряд других вопросов к китайской идее построения института урегулирования споров «Одного пояса, одного пути», связанных с недоверием участников к самой концепции замены международного института посредничества одним органом, утвердившим определенный список посреднических организаций, а также недоверием к возможности гарантировать беспристрастность и справедливость

по отношению ко всем присоединившимся к инициативе странам [12].

В то же время, рассматривая данный вопрос в плоскости, заданной настоящей статьей, необходимо заключить, что четко регламентированная и настроенная на выгоду заявителей система судебной, арбитражной и посреднической процедур, при использовании высокотехнологичных инструментов, способна, как минимум, привести сложные процессы международных тяжб к большей упорядоченности, а также способствовать популяризации уже существующих в подобном формате других иностранных государственных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международный коммерческий суд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chinaperevod.com/info/mezhdunarodnyy-kommercheskiy-sud> (дата обращения: 19.03.2021).
2. Международные коммерческие суды в КНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cnlegal.ru/china_dispute_resolution/international_commercial_courts_2018 (дата обращения: 20.03.2021).
3. Рақымулы Айтолды. Медиация в Китайской Народной Республике // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2020. – № 1 (59). – С. 377.
4. Специальный регламент для международных коммерческих судов в КНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cnlegal.ru/china_dispute_resolution/international_commercial_tribunal_procedure_2018 (дата обращения: 19.03.2021).
5. Суд Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/> (дата обращения: 20.03.2021).
6. Экономический суд Содружества Независимых государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudsng.org/> (дата обращения: 20.03.2021).
7. China International Commercial Court. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/index.html> (дата обращения: 19.03.2021).
8. 最高人民法院办公厅关于印发《最高人民法院国际商事法庭程序规则（试行）》的通知. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/218/19/278/1122.html> (дата обращения: 19.03.2021).
9. 最高人民法院关于设立国际商事法庭若干问题的规定. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/218/19/278/810.html> (дата обращения: 19.03.2021).
10. 常见问题. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/218/19/154/index.html> (дата обращения: 19.03.2021).
11. 莊泓翔：国际商事法庭的崛起、作用和重要性. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/218/62/164/1973.html> (дата обращения: 19.03.2021).
12. 威廉·布莱尔爵士：国际商事争议解决的当前热点问题. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/218/62/164/1904.html> (дата обращения: 19.03.2021).
13. 伊曼纽尔·盖拉德：仲裁程序中新技术的运用. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/218/149/192/1987.html> (дата обращения: 19.03.2021).
14. 最高人民法院国际商事法庭敲响“第一槌”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/218/149/192/1235.html> (дата обращения: 19.03.2021).
15. 最高人民法院第一第二国际商事法庭开始正式办公. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1604612351142042567&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 19.03.2021).
16. 中华人民共和国民法通. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4470.htm (дата обращения: 21.03.2021).
17. 中华人民共和国主席令. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/flfg/2010-10/28/content_1732970.htm (дата обращения: 21.03.2021).

© Ямбаев Алексей Анатольевич (iambaev.al@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Агапов П. — Doctor of Law, Professor, Russian University of Transport (MIIT)

Alexandrov M. — Ph.D. in Economics, Associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «I.N. Ulianov Chuvash State University», Cheboksary
amv-ekf@yandex.ru

Alfimova A. — Kutafin Moscow State Law University (MSAL); practicing lawyer, senior lawyer in the restructuring and insolvency practice of Parallel Legal (LegalParallel LLC), Moscow
alf.aleksandra@yandex.ru

Barinov A. — PhD (Law), Associate Professor, Vladimir Branch of the RANEPА; Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
barinov-vlad@inbox.ru

Bokova N. — Head of the Department of Psychological Support of the Federal State Institution «Criminal Executive Inspection» of the Federal Penitentiary Service of Russia in Moscow
pacmich@yandex.ru

Cherenkova M. — Post-graduate student, Moscow University for the Humanities
liricaaa@mail.ru

Chuvakhin P. — Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation; Senior Lecturer, Russian State University of Justice, Moscow
chuvakhin.petr@yandex.ru

Dobrovol'skaya Yu. — Post-graduate student, Russian University of Transport (MIIT)
yul1556911@yandex.ru

Doguchaeva S. — Candidate of physico-mathematical Sciences, associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
sv-doguchaeva@yandex.ru

Dubrovsky A. — PhD in Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
dav-rgsu@yandex.ru

Dyatlova A. — All-Russian State University of Justice RPA of the Ministry of Justice of Russia, Moscow
89161328324@mail.ru

Gasanov T. — Postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University
2ralkubinka@mail.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Iambaev A. — Postgraduate, Baikal State University, Irkutsk
iambaev.al@mail.ru

Karyagina E. — Postgraduate student, FGAOU VO «Kazan (Volga Region) Federal University», Kazan

Khashukaev S. — Gubkin Russian University of Oil and Gas
khashukaev@mail.ru

Kirilin A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, S. Yu. Witte Moscow State University, Moscow

Kolyshchev A. — Candidate of Economic Sciences, Senior lecturer, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg
ASKolyishev@bk.ru

Konotopova E. — S. Yu. Witte Moscow State University, Moscow
konotopova@gmail.com

Kozlovsky M. — National research university "Higher School of Economics", Moscow
mkozlovsky56@gmail.com

Krasilschikov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
krasilschikov@inbox.ru

Kudryavtsev I. — Candidate of Law, Associate Professor, Tashkent State Law University
igor.kudryavtsev58@gmail.com

Kuliyev Rauf Alim oglu — Lecturer of the Institute of Business Career (Moscow)
kr_gabi@mail.ru

Kuznetsova N. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuz1503@yandex.ru

Kuznetsova N. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuznezova-1963@mail.ru

Lebedev N. — Doctor of Economics, Professor, leading researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
ieras@inecon.org

Lineitsev E. — Postgraduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Baikal State University», Irkutsk
e.lineitsev@mail.ru

Luchinin I. — MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations), Moscow
luchininvanya98@gmail.com

Mashin A. — Graduate student of the Saratov State Law Academy
mashin.a.a.64rus@gmail.com

Matveeva T. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
matveeva33@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Romanova L. — Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
romanovska.luda@mail.ru

Ryabova I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Finance university under the Government of Russian Federation» (Moscow)
Holandy@mail.ru

Ryabova O. — Teacher, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
frau.lelya2012@yandex.ru

Scherbakov V. — Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Leading Researcher, IE RAS
sherbakovvn@yandex.ru

Shaydullina V. — PhD in Law, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
VKShajdullina@fa.ru

Sokolova E. — PhD, Economics, docent, leading researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
eys@mail.ru

Sokolov D. — Ph.D. in Economics, Associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «I.N. Ulianov Chuvash State University», Cheboksary
sokolov77@inbox.ru

Vnukovsky N. — Doctor of Economics, Professor, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg
vnukovsk@ya.ru

Volk-Leonovich S. — Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
ejjwolf2006@rambler.ru

Voronov A. — Doctor of Law, Professor, Chief Research Officer, FSKU «All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia»
alex_voronoff@mail.ru

Vysokov D. — Post-graduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
denisvysokov@mail.ru

Zolotovskiy V. — Volgograd State University
zolotovskiy.azi@volsu.ru

Zubkova S. — C.E.S. associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
Svzubkova@fa.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

